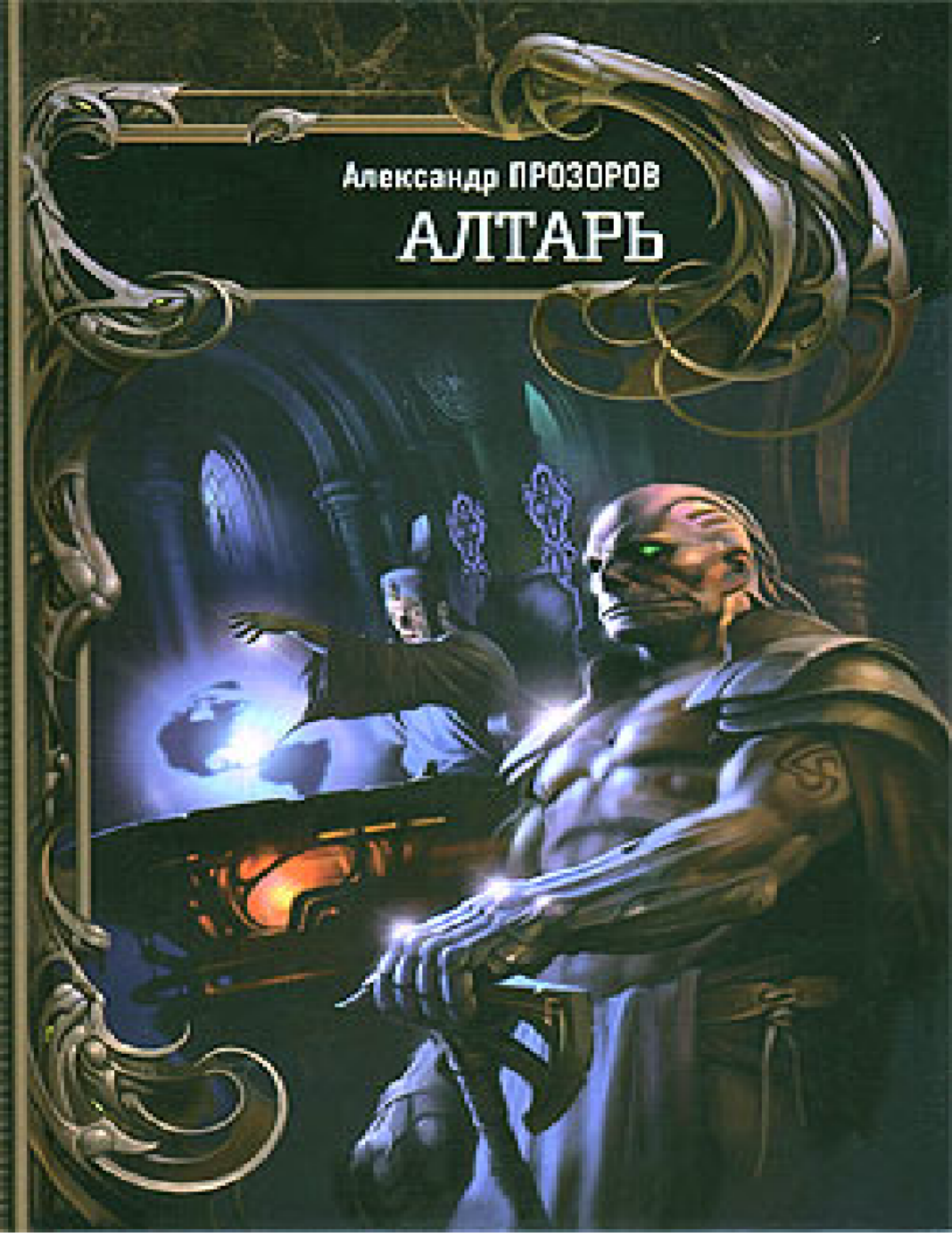
Александр ПРОЗОРОВ

АЛТАРЬ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чтобы встретить свою любовь, Алексей Дикулин прошел через врата смерти, выдержал испытание мечом и искушение властью. Он заслужил право быть счастливым, заслужил право любить хранительницу из Клана Нефелима. Не знает он единственного условия, поставленного перед хранительницей номарией Клана: в ближайшие дни, получив все желаемое, Алексей обязан умереть.

- Александр Прозоров
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

Александр Прозоров
Алтарь

Пролог

Санкт-Петербург, улица Большая Морская, фитнес-клуб «Сильфиджа».

17 ноября 1995 года. 10:15

Лена положила на плетеный столик меч, в котором черный обсидиановый стержень был зажат между двумя остро отточенными стальными полосами.

– Что это? – спросил Алексей, в животе у которого вдруг похолодело от неприятного предчувствия.

– Ритуальный меч. – Хозяйка антикварного магазина отвела в сторону карие глаза. – Обсидиан – это священный камень, не позволяющий использовать магию во время поединка. Бой будет честным.

– Что?

– Ты знаешь нашу тайну, Алексей, – вздохнула девушка, – ты знаешь о клане. Но когда я вытаскивала тебя из иного мира, у нас уже был эмир. Теперь вас двое. А место в клане есть только на одного. Сейчас он поднимется сюда. С той стороны мансарды есть еще одна дверь.

– Понятно, – шумно втянул воздух Дикулин, глядя на меч. – Ты знаешь, Аленушка, у вас тут не обитель, а мясокомбинат какой-то. Ни дня без трупа. Это начинает надоедать.

– Тринадцать дней.

– Что?

– Тринадцать дней, Леша… – Лена подошла ближе, взяла его лицо в ладони и повернула к себе, ловя взгляд. – До моего дня рождения осталось тринадцать дней. Через тринадцать дней я получу свободу от обета и стану женщиной. Леша, я хочу, чтобы это был ты. Именно ты, а не…

Она оборвала фразу на полуслове, еще немного подержала теплыми ладошками его щеки, потом отступила, быстро ушла к двери и закрыла за собой светлую створку из розоватой от морилки сосны. Алексей остался один.

На чердаке старинного особняка, несмотря на позднюю осень, было жарко, пахло лавандой, сельдереем и черемшой. Ничего удивительного: он полностью был превращен в зимний сад. Под льющимся из широких мансардных окон светом жизнерадостно зеленели папоротники, фикусы и монстеры, проходы между

кадушками желтели от мелкого речного песка. Краем глаза Алексей заметил в одном из окон купол Исаакиевского собора с воздетым к самым облакам крестом, подошел ближе, прижался лбом к холодному стеклу. Перед ним открылась череда железных крыш – крашеных и сверкающих оцинковкой, совсем новых и покрытых ржавыми пятнами. Чуть дальше, за гостиницей «Англетер», торчали черные ветки деревьев.

Центр города! Самое сердце северной столицы – одного из средоточий мировой цивилизации, науки, культуры. Город сотен институтов, современных заводов, музеев, морские ворота России. Неужели вся та чертовщина, в которую он вляпался, может твориться именно здесь? Не в лесных непролазных чащобах, не в таинственных Шамбалах Тибета или зловещих трансильванских замках – а здесь, возле Законодательного собрания и института Вавилова, возле Невского проспекта, Адмиралтейства, Зимнего дворца и Александрийского столпа!

Хлопнувшая дверь заставила Дикулина отступить от окна к столику, поближе к оружию. Послышался шорох песка, и в дальнем конце чердака из-за пушистой зеленой туи возник мужчина в черной майке и плотно обтягивающих ноги тренировочных штанах. На вид ему было лет тридцать – тридцать пять. Голубые глаза, правильные черты лица, коротко стриженные светлые волосы. Пожалуй, он был бы копией красавчика Алена Делона, если бы не широкие плечи, рельефные мышцы на груди и руках, толстые пальцы рук. Меч с обсидиановой вставкой – точно такой же, как лежал на столике перед Алексеем – смотрелся на фоне майки и треников нелепо, как золотая серьга в ухе старой бродяжки.

Эмир клана оглядел претендента на свое место с не меньшим интересом, усмехнулся, тряхнув головой:

– Моих девиц потянуло на маленьких мальчиков? Что же, придется их снова разочаровать. Зря ты сюда пришел, парень. Зря.

Алексей промолчал. В душе его зародилось что-то вроде разочарования: он был почему-то уверен, что увидит кого-то из своих знакомых. Капитана Нефедова, например. Или кого-то из топорников. А так – просто красавчик. Хотя с другой стороны – а кого еще могли выбрать женщины клана для продолжения рода? Не Эйнштейна же, в конце концов!

– Бабы сволочи, правда? – словно подслушав мысли, рассмеялся эмир. – Им развлекуха, а мужики друг другу кишки должны наружу выпускать.

– Зачем же ты это делаешь? – поинтересовался Дикулин.

– А ты, что, импотент? – Мужчина взмахнул мечом и

неторопливо пошел вперед. – Не знаешь, зачем девки нужны? Их тут больше трех сотен, и все мои. Все до единой. По штуке на каждый день в году. Есть ради чего рискнуть, правда?

– Разве из-за этого стоит убивать?

– Такова жизнь, парень, – пожал плечами эмир. – Так устроена природа. У всех на свете, от жуков до тигров, самцы дерутся, а бабы ждут, кому достанутся. Победитель получает все.

– А если мне не нужны триста шестьдесят пять женщин?

– Тогда тебе не повезло, – опять расхохотался красавчик. – Как же они тогда тебя сюда заманили? Меня, что ли, встряхнуть захотели? Чтобы форму не терял? Одно слово, бабы. Все бабы сволочи. Я должен открыть тебе одну маленькую тайну, парень. С этой мансарды никогда не выходят двое. Остаться должен только один. Ты не видел этого кинишки? «Останется только один»!

Эмир приостановился и со свистом рассек клинком воздух. Алексей невольно покосился на меч на столе. Но рука не лежала к оружию. Совсем не лежала.

– Я не имею против тебя никакой обиды, – тихо произнес он.

– Я тоже, парень, – кивнул мужчина. – Никакой обиды, ничего личного. Просто так надо. Просто тебе не повезло.

– А тебе?

– Мне проще. Я здесь давно. А ты… Тебе когда-нибудь приходилось убивать человека? Не в компьютерной игрушке, не понарошку, а лицом к лицу? Бить клинком в живот, резать горло, протыкать грудь? Ты даже не представляешь, что это такое. Это не так-то просто сделать. Не так-то просто решиться…

Да, это было совсем не просто… Дикулин вспомнил схватку у озера: как несколько свихнувшихся пенсионеров отчаянно и целенаправленно пытались его убить – а он никак не решался им ответить. Отбрыкивался, пинал, бил ногами и кулаками, но убивать – не решался. И, наверное, скорее бы умер, нежели убил. Но там нужно было думать и о Лене, о ее спасении. И только из-за нее он решился нанести первый удар топором не по ноге, а в горло.

– Ты даже не представляешь, что это такое, парень, – продолжал разглагольствовать красавчик. – Поэтому дам тебе совет. Закрой глаза. Закрой глаза, и все кончится быстро и безболезненно. Избавишься от лишних мучений.

– Закрыть глаза? – В руке появился легкий зуд. – Просто сдаться? Легко и просто, да? Интересно, какой я уже у тебя, красавчик?

– Седьмой, – вскинул подбородок эмир.

– И многие закрывали глаза?

– Ты не понимаешь, что тебя ждет, парень, – покачал головой

эмир. – Если ты захочешь помахать этой штукой, то ты умрешь не сразу. Я буду тебя колоть в ноги, плечи, руки, в лицо. Резать там, куда дотянусь. И только когда ты свихнешься от боли и ослабеешь от потери крови, я выберу момент и добью. Но ты к этому времени уже сам будешь мечтать о смерти как о милости. А сам ты ударить меня не решишься, даже когда у тебя появится шанс. Потому что я живой. Я дышу, разговариваю, у меня бьется сердце. У меня из ран льется кровь. Лучше просто закрой глаза – и тогда все кончится быстро и небольно.

– Я тоже живой, красавчик.

– Мы все живые, парень. Но сегодня тебе не повезло. Не добавляй себе мучений. Закрой глаза.

– А ты меня не убьешь?

– Просто закрой глаза и ни о чем не думай.

– Ладно, попробую…

Алексей сделал глубокий вдох и опустил веки. В тот же миг он услышал быстрые шаги по песку, всем своим существом ощутил холод направленного в сердце клинка. Рука стремительно скользнула к рукояти близкого меча – Дикулин качнулся в сторону и стремительным движением отмахнулся клинком.

– Ах ты сволочь! – Эмир, отскочив на пару шагов, ощупывал лицо, по которому тянулась длинная царапина.

– Ну вот, ты уже и не красавчик, – пробормотал Дикулин, передергивая плечами.

– Ты же обещал закрыть глаза! – возмущенно закричал мужчина.

– Я передумал, – дружелюбно улыбнулся Алексей.

– Ах ты гад!

Эмир вскинул меч над головой, ринулся вперед и, резко хукнув, опустил оружие – Леша торопливо нырнул ему под руку, утягивая оружие за собой. Клинок почти невесомо скользнул противнику по животу, рассекая ткань майки и смуглую кожу. Стол, жалобно хрустнув, развалился на две половинки, эмир споткнулся, упал на колено, но тут же поднялся и повернулся. Рана на его животе тянулась от левого бедра до нижних ребер справа, ткань майки и штанов стремительно намокала.

– А-а-а! – Красавчик кинулся вперед, торопясь обрушить на Дикулина как можно больше ударов, но действовал медленно, слишком медленно – раз в десять тяжелее, нежели колдун, с которым Леше довелось столкнуться в Леночкином магазине. Примерно со скоростью зомби – а потому Алексей не столько испугался стремительной атаки, сколько испытал облегчение. Он ожидал, что придется намного хуже. Поначалу он просто пятился, подставляя клинок под удары, перед каждым из которых эмир

замахивался из-за головы – а потому рана на животе расширялась, выплескивая все новые и новые порции крови. А когда пятка уперлась в какое-то препятствие – не парировал очередной удар, а отбил его вверх, одновременно с поворотом проскочив мимо противника и рубанув его по шее.

Дикулин промахнулся: клинок опустился эмиру на затылок. Но тот все равно упал, пару секунд полежал на животе, потом подтянул ноги, приподнялся на коленях и повернулся к Алексею, направив на него меч. На большее сил не хватило. Красавчик опрокинулся на спину, отпустил меч, отер ладонью лицо, с некоторым удивлением посмотрел на окровавленную ладонь.

– А еще говорят, семь – счастливое число… – прохрипел он.

– Потерпи, – присел рядом Дикулин. – Я сейчас, позову кого-нибудь. Только рану на животе зажми. Кровью истечешь.

– Не зови, – тихо ответил эмир, – не придут. Никогда не приходят. Все бабы сволочи.

Леша закрутил головой, ища, чем можно сделать перевязку или хотя бы просто закрыть бедолаге рану на животе. Но на чердаке ничего подходящего не имелось. Даже растения, хоть и симпатичные, для лечения ран были совершенно непригодны.

– Пока кто-то душу не отдаст, они не придут… – одними губами сообщил эмир. – Обряд у них такой. Я сейчас… Отдохну, и продолжим. Ты ведь меня не добьешь? Спать очень хочется… Еще никогда я так не хотел спать… Не добивай меня… Пожалуйста…

Мужчина закрыл глаза, пару раз вдохнул, после чего голова его безвольно качнулась влево. Из легких медленно, словно из опадающей надувной лодки, вышел воздух. Алексей прижал пальцы к его горлу – и ничего не почувствовал. Эмир клана был мертв.

– Извини, мужик, – пробормотал Дикулин, понимая всю непоправимость случившегося. Азарт схватки ушел в прошлое, и на руках у него остался лишь незнакомый человек, которому он без особого повода вспорол живот. Не оглушил, не обезоружил, не отвел глаза – а убил. Лишил жизни. Навсегда. – Извини, мужик. Я не хотел.

Захлопали двери, и многочисленные женщины в юбках и белых платках, словно хвастающиеся обнаженными грудями, наполнили мансарду. Женщины всех возрастов, разного роста, сложения, цвета кожи. Когда свободного места почти не осталось, все они одновременно склонились, опустившись на колено:

– Слава нашему эмиру! Прими наше почтение, эмир! Мы твои, эмир! Мы принадлежим тебе, эмир! – Многоголосое восхваление сливалось в единый равномерный шум, но, к своему удивлению, Дикулин понимал каждое слово. Его превозносили,

им восхищались, ему покорялись и отдавались – если не душой, то, по крайней мере, телом. Его признавали властелином.

– Лучше бы вы меня не оживляли! – Алексей кинул меч рядом с телом и, не без грубости расталкивая хранительниц, добрался до двери. Оглянулся, а затем быстрым шагом побежал по ступенькам вниз.

– Кажется, на нового эмира наши приветствия не оказали обычного воздействия… – поднялась одна из женщин, в желтой парчовой юбке и небольшой накидочке из того же материала на плечах, с морщинистой кожей и болтающимися грудями, похожими на пустые тряпочные мешочки. – Даже не знаю, радоваться ли нам или горевать. Он не возгордился своей властью и положением, и это хорошо. Но такими смертными трудно управлять, и это плохо. Где ты, моя девочка? Твой избранник действительно интересен. Но вот куда он побежал?

– Простите его, номария, он только что пролил кровь невинного человека. – Хозяйка антикварного магазина оказалась у самого выхода и теперь торопливо протискивалась к главе клана. – Он пошел в мою келью. Он не так глуп, номария, чтобы рассчитывать легко и просто выйти из дома.

– Я понимаю тебя, девочка. – Старуха протянула руку, словно намереваясь положить ее Лене на плечо. – Ты сделала хороший выбор. Однако помнишь ли ты о решении совета?

– Я помню, номария. – Девушка склонила колено перед главой клана. – Но я прошу вас о милости, сестры. До окончания моего обета осталось всего тринадцать дней. Я бы хотела завершить обет и познать долю женщины в объятиях того смертного, которого избрала. Всего лишь тринадцать дней… Разве они смогут хоть что-то изменить в судьбах мира после шести тысяч лет сна?

– Когда мы воскресили его? – задумчиво переспросила старуха. – Всего пару дней назад? И с тех пор он успел с честью пройти сразу два испытания. Я считаю, твоему избраннику нужны силы, и дарю ему двадцать дней на то, чтобы стать живым и сильным.

– Благодарю, номария, – склонилась девушка.

– Однако помнишь ли ты, девственница, что Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, нуждается не в воине, а в боге войны?

– Да, номария, я помню и чту волю совета превыше всего, – снова склонила голову Лена. – Если Нефелиму нужен бог войны вместо моего избранника, я признаю это решение и всей душой присоединяюсь к нему.

– Я верю тебе, моя девочка, – положила номария руку на

голову девушке. – Я дарую тебе и твоему мальчику двадцать дней. Я желаю, чтобы окончание обета стало еще одной радостью в твоей жизни, а твой избранник зачал для нас в твоем лоне новую хранительницу. Красивую, мудрую и преданную, как ты. Пусть эти дни станут для вас высшей радостью. Но помни, девственница! Еще до окончания обета твой избранник обязан принести Великому клятву верности. А через двадцать дней – обязан умереть!

Глава первая

Берег Верхнего Нила, селение Эл-Хамар.

3815 год до н. э.

Следом за полусотней копейщиков по пыльной дороге меж полей медленно, словно в полудреме, тащились воловьи упряжки. На двухколесных арбах огромными грудами возвышались толстые кожи, деревянная и костяная посуда, кубки и чаши из оникса, резные стулья, столы, шкафы, бронзовые и оловянные кувшины. Последние Саатхеб специально указал привязывать на самый верх, чтобы их могли увидеть все встречные пахари. Золота и электрума[1] в добыче редко когда оказывалось достаточно, чтобы люди могли его разглядеть издалека – вот и приходилось хвастаться тем, что есть.

За повозками по три в ряд тащились пленницы. Локти их были стянуты за спиной и прочно связаны, отчего грудь выпячивалась вперед и представлялась вдвое соблазнительнее, нежели была на самом деле. Следом за сестрами, женами и дочерьми тянулись рабы: полностью обнаженные, пыльные, усталые, униженные, с серыми лицами. Замыкали походную колонну еще две сотни воинов в белых платках и льняных юбках, с высокими плетеными щитами и длинными копьями на плечах. Мечей простым солдатам не полагалось, а потому, помимо короткого бронзового наконечника, им приходилось рассчитывать только на топорик, повешенный через плечо на веревочную петлю, и деревянный нож с обсидиановым лезвием.

Пленников оказалось больше ста, а потому Саатхеб с гордостью вел отряд обратно в Неб, стараясь проходить города и крупные селения днем. Пусть видит народ Кемета богатую добычу, пусть знает, что Великий не дремлет и продолжает простирать свою руку, защищая покой и порядок на ближних и дальних землях; что племена шасу, посмевшие противостоять воле Нефелима и грабившие путников и купцов на путях в Симмеси и Симуру, более не существуют. Служители Хаоса повержены, покой и порядок вернулся на берега Зеленого моря[2]. Пусть пахари и писцы, номархи и жрецы видят: Сошедший с Небес силен и решителен. И может быть, они заметят и молодого военачальника, который сумел, имея под рукой всего три сотни копейщиков, уничтожить втрое большие толпы врагов и взять с

грабителей огромную добычу.

«Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, наверняка позволит мне взять часть добычи, дабы вознаградить за победу, – подумалось Саатхебу. – Тогда я смогу купить себе дом на окраине Неба, новую одежду и женюсь на прекрасной Ин-Мари, дочери сандальщика из Намры, что уже не раз выказывала мне знаки своего расположения. Нефелим редко оставляет себе военную добычу. Его интересуют только пленники. Пленники…»

Молодой военачальник стремительно повернулся к закату. Ослепительный Ра уже касался краем горизонта. Это означало, что знойный день вот-вот сменится холодной, как застывшая вода, ночью.

– Тель-Ну-Намра! – окликнул он полусотника, шедшего с передовым отрядом. – Прикажи воинам ослабить путы пленникам. Здесь их никто не увидит. Не хочу, чтобы у рабов отсохли руки.

– Слушаю, номарий, – склонился в почтительном поклоне крупноносый и темнокожий, как нубиец, копейщик.

– Подожди, – остановил полусотника Саатхеб. – Видишь дорогу вдоль полей? Поворачивай отряд туда.

– Но эта дорога уводит в пустыню, номарий, – неуверенно указал Тель-Ну-Намра.

– Я знаю, – кивнул Саатхеб. – Мы не успеем попасть к крепости Намра до темноты. Не хочу, чтобы рабы замерзли. Пока светло, отгоним их за поля и соберем в кучу. Так теплее. Копейщикам я разрешаю брать шкуры и стелить на песок.

– Слушаю, номарий.

Поняв смысл приказа, полусотник повеселел, принялся грозно покрикивать на подчиненных. Впрочем, те и сами оживились, поняв, что скоро смогут спокойно отдохнуть. Даже волы ускорили шаг, втягиваясь на узкую дорожку между оросительной канавой и ровными прямоугольниками еще зеленых хлебных полей. Они ждали водопоя и кипы зеленой травы, положенной им в конце каждого дня.

Пахнущая тиной, черная и сальная от речного ила, плодородная земля отступала от берега всего на пять стадий – дальше разливы Нила не достигали, а потому ячейки полей сменились сухой и жесткой глиной, чуть присыпанной еще горячим песком. Пока горячим…

– Здесь становитесь! – указал на неглубокую выемку Саатхеб.

Сюда, под небольшую дюну, увенчанную горкой камней, ветер задуть не сможет. Все меньше пленники замерзнут. Хорошо бы их еще напоить горячей водой – но где взять дрова для костра?

Кемет – это не дикие земли, населенные не знающими порядка племенами. Здесь не бывает ничейного дерева, ничейной земли, ничейной воды… Послать сотника к местному старосте? Но для обогрева почти четырех сотен людей костров понадобится немало. Найдется ли столько дров в маленьком селении? И сколько золота попросят за это местные пахари? Они сами, наверное, привозят топливо из-за Второго порога, а то и вовсе жгут сушеный навоз…

Между тем беззаботные воины сгоняли в общую толпу пленников, заталкивая мужчин в середину, а пленниц помоложе оставляя с краю – дабы легче вытащить, когда ночью захочется женской ласки. Они предвкушали сушеную рыбу с хлебной лепешкой, хмельное финиковое пиво, сладкое лоно покорных рабынь – и тяжелые мысли военачальника обходили их стороной.

За копейщиков Саатхеб не тревожился. Эти и поедят сытно, и в шкуры завернутся, и согреться сумеют, коли озябнут. А вот пленники… Голые, связанные, полуголодные, усталые, мечтающие о смерти. Но не поить же их пивом?! Не кормить же рыбой и мясом, как честных служителей Нефелима?! И развязывать на ночь тоже нельзя. Как бы не разбежались в темноте. Что же придумать? Ведь замерзнут к утру, заболеет половина, часть и вовсе передохнет. И будет ему тогда наградой вместо славы победителя насмешки стражников и снисхождение советников. И не получит он ни домика в три этажа, ни зеленоглазой дочери сандальщика…

– Согласись, номарий, в этом нет справедливости.

Саатхеб вздрогнул от неожиданности и отступил в сторону от подошедшего к нему жреца Небесного храма. Тощий и бледный, как обтянутый пергаментом гепард, обладающий такой же бесшумной походкой и кошачьей вкрадчивостью, служитель богини мертвых[3] вдобавок носил длинный балахон из богопротивной верблюжьей шерсти[4], а потому не вызывал у честных подданных Великого ничего, кроме отвращения.

– Великий принес на Землю порядок и закон, номарий, – усмехнулся жрец, заметив реакцию Саатхеба, – но так и не подарил смертным справедливости. Разве это правильно, если никчемным дикарям, взятым на копье в грязных пещерах, будет позволено лицезреть номархов и советников Сошедшего с Небес, касаться кожи, волос, одежды тех, кого честный египтянин видит лишь издалека и только по большим праздникам? Разве справедливо, когда рабы, всю жизнь служившие Хаосу, селятся во дворцах, которые честные египтяне видят лишь издалека, из-за высоких оград, из-за широких проток? Каждый день лицезреть мозаики, росписи, украшения, предназначенные услаждать взгляд

Великого и его советников? Ты ведешь к ногам Нефелима презренных пленников – но не возвысятся ли они после этого выше любого из честных служителей Великого.

– Не смущай мою душу, Изекиль, – скрипнул зубами Саатхеб. – В любом поступке Сошедшего с Небес больше мудрости, нежели во всех ваших храмах! Неужели ты собираешься позволить презренным чужестранцам касаться нашей священной земли? Вспарывать ее плоть мотыгами, черпать воду великой реки, срезать выросший на наших полях хлеб? Этой чести достойны только уроженцы нашего прекрасного Кемета! Удел рабов – мыть полы во дворцах, умащать тела номархов маслом, услаждать их своим телом либо жертвовать собой во имя их покоя. Или ты думаешь, что свободный египтянин станет менять сальные факелы в ночных коридорах, застирывать чужие туники или работать в дни священных праздников? Дикари ленивы, злобны и кровожадны, они не умеют ни работать, ни беречь содеянное чужими руками. А коли так, то почему не отправить их в далекие южные или северные пределы, чтобы они за кусок лепешки отдавали по воле Великого свои никчемные жизни в схватках с еще более дикими племенами? Ужели ты хочешь посылать туда уроженцев Кемета? Поливать их кровью неведомые тропки в краях, еще не признавших руки и воли Сошедшего с Небес?

– Ты хорошо помнишь уроки Мудрого Хентиаменти, – скривился жрец. – Но, как я вижу, сам ты родился здесь, на берегах Нила. И копейщики твои – не нубийцы и не шарданы. Зачем же ты жертвуешь их священными жизнями?

– Тебе не удастся обмануть меня, Изекиль, – покачал головой Саатхеб. – Мы находимся на святых землях Кемета, во владениях Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью. Неужели ты думаешь, что дикарю и чужеземцу будет позволено обнажать здесь оружие и проливать чью-то кровь? Те, кто недавно посмел это сделать, ныне бегут в моем обозе, моля своих богов о милости Великого. Удел дикарей – сражаться ради нашей славы в диких землях, а не здесь, среди святилищ.

– Тогда почему здесь, на святой земле, покой Великого и его номархов охраняют не дети Кемета, а смуглолицые уроженцы Элама и чернокожие вивиты?

Номарий вздохнул. Он никак не мог понять, почему жрец Небесного храма выбрал именно сегодняшний вечер – последний вечер победоносного похода, – чтобы попытаться кинуть червоточину сомнений в его душу. Разве Великий не выстроил мир наиболее прекрасным и справедливым образом? Разве он не

раздвигает границы порядка в самые дальние пределы? Зачем же сомневаться в правильности закона? Зачем искать мелкие огрехи в подвалах огромного прекрасного храма? Мелкие сомнения приводят к большим изменам. Потому что измена никогда не бывает маленькой.

– Я удивляюсь, что Великий напитал мудростью не только храмы Ра, Таурты, Птаха и Маат, но и темные Небесные храмы, прославляющие смерть и мучения.

– Мудрость – это всегда мудрость, номарий, – скривил свои бледные губы жрец. – Нет знаний плохих и хороших. Есть только просто мудрость. Смертным важно знать не только то, когда поднимется на небесный свод ослепительный Ра либо когда разольется Нил. Им нужно знать и то, куда они направят стопы, замкнув круг жизни, как им сохранить живыми свои души, как спросить совета у умерших или спасти от исчезновения еще не родившихся детей. И кстати, что-то я не замечал, чтобы в воинские походы ходили слуги Ра, Нехбеты или хотя бы Птаха. Советники Нефелима почему-то посылают нести волю Великого именно нас, жрецов смерти.

Это было правдой. Неизменными спутниками каждого воинского подразделения были писец Нефелима и служитель великой черной Аментет, хозяйки мира мертвых, женщины с человеческой головой. Среди сотников даже бытовала присказка, что самый маленький военный отряд не может иметь копейщиков, поскольку в него войдут только писец и жрец Небесного храма. Хранители всех прочих знаний предпочитали держаться подальше от смерти, крови и страданий.

– А почему ты выбрал служение именно богине смерти, Изекиль? – примирительно спросил Саатхеб. – Может быть, тебе больше хочется ходить в походы, а не приносить жертвы? Тогда приходи к нам в Намру, врата крепости открыты для всех.

– Для всех ли, номарий? – криво усмехнулся жрец. – Прежде чем принять твое приглашение, отважный Саатхеб, хочу сказать, что я родился в шестой день сезона ахет[5].

– А, вот оно в чем дело… – пробормотал воин. Дата рождения Изекиля меняла все дело. Саатхеб отлично помнил, что, согласно старинным приметам, всем мальчикам, родившимся в четвертый, пятый и шестой дни ахета, предрекалась смерть от лихорадки или пьянства. Принять такого на службу означало накликать мор на весь гарнизон крепости либо на весь отряд, в котором ему предстояло воевать. – Значит, в других храмах тебе отказали в учении?

– Смерть не обходит стороной и хижины смертных, и дворцы номархов, и храмы богов, – пожал плечами жрец. – Ее боятся

везде, кроме Небесного храма. Ведь Небесный храм остается ее домом.

– Весь поход меня мучает один вопрос, Изекиль… – Номарий приподнялся на носки сандалий, наблюдая, как воины разбивают лагерь. Пленников, как и было приказано, согнали в плотную кучу и связали спина к спине. Так им и теплее, и убежать труднее. Кормить и поить не стали – чтобы не гадили под себя и чтобы больше об утренней еде думали, а не о бегстве. Вокруг рабов замерли с копьями, но без щитов десять караульных. Остальные копейщики, побросав на землю взятые в разоренном разбойничьем селении кожи, уже расселись десятками, пуская по кругу большие бурдюки с пивом и деля рыбу. Еще несколько караульных Тель-Ну-Намра поставил снаружи, за пределами лагеря. Молодец, догадался. Конечно, отряд находился в родных землях – но меры предосторожности должно принимать всегда, даже ощущая себя в полной безопасности. Хороший номарий вырастет из полусотника.

– О чем ты хотел меня спросить, Саатхеб? – напомнил о себе жрец.

– Прости, – спохватился воин. – Я хотел тебя спросить, к какому народу ты принадлежишь? Я никогда не видел людей с таким цветом кожи. Коли ты чужестранец – как смог стать учеником Мудрого?

– Сколько тебе лет, номарий? – ответил вопросом на вопрос Изекиль.

– Я видел уже двадцать восемь разливов, жрец.

– Я тоже, номарий. – Служитель Аментет зябко завернулся в свой серый балахон. – Двадцать восемь разливов. Но ты уже командуешь отрядом, водишь его в походы, отчитываясь лишь перед всевидящей Маат и Сошедшим с Небес, а я так и остаюсь мелким служкой при Мудром Себеке. Никто и ничто, затерявшийся в сумраке Небесного храма.

– Я хожу в походы уже десять лет! – резко оборвал его Саатхеб. – Я вышел в Мертвый поход на шиллуков простым копейщиком, а вернулся полусотником, оставшись единственным выжившим из своего десятка. Я плавал с Мудрым Саккатом за Зеленое море в Великий Северный поход и заслужил его похвалы за отвагу и решительность. Трижды я проливал кровь во славу Великого, дважды меня вымолили из Небесного храма лишь милостью Маат! Сам Мудрый Хентиаменти принял меня после похода за Зеленое море и повелел заказать пророчество о моей судьбе. После излечения от раны я получил титул советника при номархе Намры, а затем меня представили самому Великому Правителю, Сошедшему с Небес и Напитавшему Смертные

Народы Своей Мудростью! Он назвал меня великим воителем и самолично направил в поход на грабителей шасу! Как ты смеешь намекать, что я слишком молод для своего звания?!

– Напротив, номарий! – возразил жрец. – Я говорю, что ты достоин своего звания, несмотря на возраст. Нефелим послал тебя в битву, дав впятеро меньше сил, нежели это необходимо, однако ты все равно принес ему победу. Но поверь мне, я достоин возвышения не менее тебя. Я зубрю мудрость Великого, подаренную им Небесному храму, днем и ночью, отказывая себе во сне. Я не отказываюсь ни от каких обрядов и молений, я хожу во все походы, которые назначаются храму. Но ты в свои двадцать восемь лет уже номарий, а я – всего лишь один из учеников Мудрого Себека.

– Может быть, Мудрый Себек лучше понимает, какого звания ты достоин? – усомнился Саатхеб. – Или ты не смог обратить на себя его внимания?

– Смог, – усмехнулся жрец. – Два года назад я попытался провести обряд обретения бессмертия. У меня ничего не получилось, только кожа стала белой, как утреннее облачко. Мудрый долго меня рассматривал, после чего сделал более близким учеником. Но ничего не сказал. Ни похвалил, ни упрекнул.

– Зачем тебе бессмертие, Изекиль? – удивился воин. – Ты же не бог. У тебя все равно нет их силы. Ты всего лишь застрянешь в этом жарком, голодном мире. Неужели тебе не хочется получить свою десятину на полях Блаженства?

– Ты опять забываешь, что я родился в шестой день ахет, номарий, – вздохнул жрец. – После того как меня сожрет мор или отравит пиво, сколько станет весить мое сердце, отважный Саатхеб? Что станет с ним, когда Анубис в присутствии Тота и сорока двух демонов положит его на весы? Я скажу тебе: его выбросят к уродливой Амамат, пожирательнице Дуата. Поэтому для меня нет и никогда не будет полей Блаженства. И этот мир, каким бы ни был он несовершенным, останется для меня лучшим из миров. Особенно если я научу Амамат не пожирать мое сердце, а служить ему, если я приведу человеческие племена к покорности всесильной Аментет, если возвеличу ее имя превыше всего и заслужу ее расположение.

– Как бы ты ни возвеличивал имя богини смерти, Изекиль, Сошедший с Небес всегда останется выше, – покачал головой номарий. – И только он станет вершить порядок в этом мире.

– Я помню об этом, Саатхеб, – слащаво-вкрадчивым тоном ответил жрец. – Но и ты не забывай, что мудрости вхождения в мир мертвых, словам верности всесильной Аментет нас научил

Великий. Небесный храм – часть его мудрости, частица знаний, переданных Нефелимом смертным. Возвеличивая свою богиню, я служу его воле…

Между тем ослепительный лик Ра скрылся в бескрайних песках на западе, по ту сторону великой реки. Сразу потянуло прохладой. Пока еще это был влажный воздух с Нила, но Саатхеб знал, что скоро пустыня остынет, и после полуночи с нее подует студеный воздух, заставляющий людей трястись от холода и кутаться во все одежды, какие только есть.

– Приходит время ночных богов, Изекиль, – передернул плечами номарий. – Если не хочешь простыть – иди, поешь хлеба, запей пивом, постели себе что-нибудь на песок.

– Благодарю за совет, отважный Саатхеб, – резко отвернулся жрец, – но я не прикасаюсь к хмельным напиткам.

– Прости, Изекиль, – спохватился воин, – я совсем забыл… Скажи, а твоя кожа теперь останется такой белой на всю жизнь?

– Нет, – все так же глядя в сторону, ответил служитель Аментет. – За двести-триста лет она должна немного потемнеть.

– Двести лет? – Номарий рассмеялся. – Разве смертный способен переждать такой срок?

– Разве я не говорил, что не намерен покидать этого мира? – спокойно ответил жрец. – За эти годы я нашел свою ошибку, отважный Саатхеб.

– Я рад за тебя, – кивнул номарий. – Надеюсь, ты не обидишься, если я покину тебя. Мне хочется поесть, и я мерзну.

– Ты не боишься лишиться своей славы, отважный Саатхеб? Что скажет Мудрый Хентиаменти, если половина пленников прибредут в Неб больными, а треть вообще околеет на последнем ночлеге?

Слова жреца настолько точно повторяли мысли молодого военачальника, что тот чуть не споткнулся.

– Здесь нет деревьев, чтобы развести костры, как на берегу Зеленого моря, – спокойно продолжил Изекиль. – Здесь нет храмов Сехмет, помогающей воинам. Твои пленники слабы и унылы. Треть из них не дотянет до утра, а остальные застынут до костей, если ты не найдешь способ согреть всех.

– Я положусь на милость Птаха. Он сохранит…

– Не-ет, номарий. Нечего просить богов о милости, чтобы они загладили твой и только твой грех. Пленников не первый раз гонят в Неб по этой дороге. Ты задержался в Тель-Амарне, чтобы пройти город не на рассвете, а днем. Ты хотел, чтобы жители Кемета увидели твою добычу, оценили твою победу. Ты хотел услышать их приветствия, увидеть их восхищение. И только поэтому обоз не успел в столицу до темноты. Сошедший с Небес

милостив. Он умеет прощать смертным слабости. Но только тогда, когда это не вредит воле и делу его. Ты погубишь пленников и вместо почета найдешь кару.

– Это неправда!

– Ты пояснишь это Мудрому Хентиаменти, Черному Псу Нефелима. Ведь это он решился показать тебя Великому? Значит, он отвечает за тебя перед Нефелимом. И будет строго следить за тем, чтобы ты его не опозорил.

– Это неправда, – сжал кулаки Саатхеб.

– Иди и расскажи это Джед-Птах-Иуф-Анху, писцу Нефелима. Ты думаешь, он так глуп, что не понял того же, что понял я?

Номарий почувствовал, как по телу его прокатилась горячая волна – словно ночной мрак сменился полуденным зноем. Его победа, его мастерство, его судьба – все катилось в гниющую выгребную яму. И всего лишь из-за одного мелкого проступка. Десять лет честной службы, внимание двух советников, благоволение самого Великого… Такое не всякому выпадает даже один раз в жизни. Неужели все рухнет, все окажется зря?

– Зачем ты рассказываешь мне это сейчас, Изекиль, служитель храма смерти? – тихо, одними губами пробормотал Саатхеб. – Почему не поторопил в стенах Тель-Амарна?

– Потому что мне нужна жертва, – так же тихо ответил жрец. – Отдай мне пятерых сильных пленников, и я сохраню тебе остальных.

– Как?

– Какая тебе разница, номарий? Разве тайное знание Небесного храма стало для тебя интересным? Ты все равно не успеешь постичь даже малой толики за то время, что отвели тебе боги. Даже мне придется потратить еще очень много лет, чтобы достичь звания советника. Мудрый Изекиль… Иногда мне кажется, что у меня не хватит на это терпения…

– Ты просишь у меня пять пленников, за каждого из которых я отвечаю перед Великим. Джед-Птах-Иуф-Анху вписал на страницы своего папируса каждого, и за каждого мне придется отвечать по счету.

– Рабов никогда не удается довести всех, отважный Саатхеб. Среди них оказываются раненые, больные, слабые, упрямые… Потерей пятерых пленников из ста тебя не посмеет попрекнуть никто. Но если ты приведешь только половину…

– Я никогда не изучал тайное знание советников Великого, Изекиль, – повысил тон номарий, – но мне много лет приходится командовать людьми. И я хорошо чувствую, когда меня пытаются обмануть. Скажи, как ты собираешься сохранить рабов, – или убирайся в лагерь. Я не подарю тебе пленников просто так.

– Хорошо, – согласился жрец, – я скажу. Силу двух пленников я возьму, чтобы выстроить вокруг лагеря шатер на все время тьмы. Силу еще троих рабов я заберу себе. Я понял, в чем ошибся, когда проводил обряд два года назад. И теперь хочу попробовать еще раз. Но мне нужны три жизни.

– Нет, – решительно вскинул бритый подбородок Саатхеб. – Эти жизни принадлежат Великому, и я не стану раздаривать их на прихоти служителей смерти.

– Они все равно сгинут, номарий, – укоризненно сказал Изекиль. – Они сгинут в холоде ночи, и силу, что копилась в телах десятками лет, ветер бесполезно развеет среди песков. Отдай мне пятерых, воин. Взамен я сохраню полусотню. Нет, я сохраню всех. Но если ты не решишься пожертвовать частью – потеряешь половину.

– Ты специально промолчал утром, чтобы вечером выдавить из меня жертву, – понял Саатхеб. – Вот вы каковы, искатели мудрости из храма Неба. Вероломство – имя отца вашего, и ложь – мать ваша! Ты ничего не получишь с меня, Изекиль. Ничего! Жизни пленников, взятых мною по воле и именем Сошедшего с Небес, принадлежат Нефелиму, и пусть судьбу мою решит воля богов. Богов, а не твоя, презренный недоучка!

Воин далеко обогнул жреца, чтобы случайно не коснуться шерстяного плаща, и быстрым шагом пошел к веселящемуся лагерю.

Копейщики, словно и не было долгого тяжелого перехода, смеялись, рассказывая друг другу побасенки и запивая их пивом; на дальнем краю под аккомпанемент двух систров пели песни, размахивая недоеденными лепешками, чуть дальше, в сумраке, слышались прерывистые женские стоны. Номарий останавливать воинов не стал. Он знал, что пива из Тель-Амарна было взято не так много, чтобы люди потеряли разум и не смогли собраться в строй при первых признаках опасности. Знал и то, что завтра они вернутся в крепость, охраняющую подходы к столице, и потянется скучная, однообразная гарнизонная жизнь. Воины Нефелима имеют право не только на службу, но и на веселье – особенно после удачного похода. Немного пограбить, немного поразвлечься с покорными пленницами, немного попить пива с друзьями и попеть песни – иначе ни у кого не появится желания уходить на битву за много сотен стадий от родных стен. Военачальник, не способный понять таких простых вещей, никогда не получит среди копейщиков ни любви, ни верности. Строгость в походе, снисходительность на отдыхе, умение жертвовать малым ради достижения главной цели. Казалось бы – совсем простой рецепт удачливого номария. Но почему-то так редко удается удержаться

на тонкой грани, в которую сходятся все эти правила…

– Отважный Саатхеб! – Джед-Птах-Иуф-Анху, сидевший, поджав ноги, на соломенной циновке, чуть приподнялся с маленькой подушечки, взмахнул рукой. – Сделай мне честь, номарий, раздели со мной последнюю трапезу в этом походе. Думаю, завтра задолго до полудня мы войдем в высокие врата Неба, и пути наши разойдутся к разным храмам. Я смиренно побегу к ногам справедливой Маат сдавать свои папирусы, а ты преклонишь свои колена пред Мудрым Хентиаменти в ожидании справедливой награды…

Глядя на рыхлое тело писца, было трудно поверить, что тот способен куда-то бежать. Пухлые ноги с тонкими перетяжками возле колен, такие же руки, одутловатое лицо. На протяжении всего похода он либо опирался на край арбы с припасами, либо вообще ехал на ней, прижимая к мягкому животу две чернильницы, деревянный чехольчик с писчими тростниковыми палочками и толстый свиток папируса. Может быть, поэтому долгое путешествие не помешало ему сохранить в первозданной чистоте заглаженную в мелкую складочку[6] тунику из тонко выделанного льна, отвислые щеки и набитые благовониями ароматические трубочки, вплетенные в длинные золотистые кудри. Кушал чиновник Нефелима тоже не лепешку с рыбой, а вареного цыпленка, выложенного на тарелку из голубоватого фаянса, и запивал его чем-то из небольшой глиняной фляги, слепленной в виде спящей антилопы. Номарий сразу вспомнил слова покойного отца: «Будь писцом! Это избавит тебя от грязной работы, защитит от непосильного труда. Не будут стоять над тобой многочисленные хозяева и бесчисленные надсмотрщики. Писец сам не делает ничего, а лишь надзирает над всеми работами на священной земле Кемета…».

Увы, отдать в учение седьмого сына, равно как и выделить ему наследство, отец не смог. И пришлось юному Саатхебу войти во врата крепости Нарма в надежде на милость Сехмет, покровительницы воинов, и собственную отвагу, которые только и могли поднять его из нищеты к славе и богатству.

– Сиут, поставь тарелку номарию, – подозвал писец мальчишку-ученика, – положи ему курицу, что я купил в Эль-Хамаре, достань чашку из слоновой кости, которую мне подарила просительница из Ниблоса…

Еще никогда в жизни молодому воину не приходилось есть с драгоценного фаянса, однако он не подал виду и, кинув перед циновкой чей-то щит, опустился напротив чиновника, поджав под себя ноги.

– Вот, попробуй… – Джед-Птах-Иуф-Анху откупорил флягу и

наполнил чашку пахнущим розами напитком темно-красного цвета. – Это вино. Его привозят шарданцы из страны Апи. Тамошние дикари не умеют делать ничего, кроме вонючего сыра, золотистого ягодного масла и вот этого напитка. Если бы не милость Великого, их бы уже давно истребили северные скасты, но Нефелим, похоже, тоже умеет ценить маленькие радости и запрещает всем вторгаться в эти земли.

– Благодарю за честь, досточтимый Джед-Птах-Иуф-Анху. – Воин осторожно взял легкую чашу из тонкой слоновой кости своими пальцами, привыкшими с силой сжимать древко копья и рукоять тяжелого щита, поднес к губам, сделал маленький глоток. На вкус незнакомый напиток оказался вяжущим, чуть кисловатым и… И каким-то необычно теплым.

– Не торопись, – посоветовал писец. – Но пока не трогай курицы. Вино нужно пить на пустой желудок, только так можно в полной мере ощутить его вкус и воздействие.

– Благодарю за честь, – еще раз кивнул номарий. – Никогда не пробовал ничего подобного.

– Честь для меня, отважный Саатхеб… – Джед-Птах-Иуф-Анху оторвал от своего цыпленка ножку и принялся ее неторопливо обгладывать. – И не нужно меня благодарить, я делаю все это из самой обычной корысти.

– Угощаешь меня дорогим вином и курицей из корысти? – вскинул голову воин. – Наверное, я плохо тебя расслышал.

– Нет, ты услышал правильно. – Обсосав кость, чиновник небрежно зашвырнул ее в пески. – Через пару лет, когда ты будешь возвышенным, богатым и приближенным к Великому номархом, пьющим апское вино каждый день, утром и вечером, тебе понадобится умелый писец, чтобы пересчитать добро, переписать кладовые, чтобы следить за работниками и давать им указания. Может быть, тогда ты вспомнишь толстого ленивого смертного, который впервые угостил тебя вином. И если не захочешь позвать меня самого, то хотя бы спросишь совета, где найти честного и хорошо обученного служителя.

– Почему ты думаешь, что через два разлива я стану номархом? – Саатхеб ощутил в горле холодок от столь близкого величия и нервно опрокинул в рот чашку с вином.

– Потому что уже очень, очень давно и хорошо выполняю свою работу. – Джед-Птах-Иуф-Анху вцепился толстыми пальцами в грудку цыпленка и, вырвав ее целиком, начал обгладывать прямо из пятерни. – Не так много номариев в твоем возрасте командуют армиями. Пусть маленькими, но своими. Не многие из них способны истребить полтысячи служителей Хаоса, потеряв всего пять десятков копейщиков. И далеко не многие номарии

способны привести к ногам Нефелима по одному рабу на каждых двух своих воинов. Кто-то поверил в тебя, отважный Саатхеб. Поверил настолько, что рискнул тремя сотнями копейщиков и одним толстым писцом, дабы проверить твои способности. Кто это был, номарий? Жрецы храма Сехмет? Кто-то из Мудрых? А может, на тебя соизволил взглянуть сам Сошедший с Небес?

– Да, – признал Саатхеб, – Великий видел меня. Мудрый Хентиаменти призвал меня к нему во дворец.

– Ты видел Великого?! – вскинулся писец. – Ты его видел своими глазами? Каков он, номарий? Скажи мне, как он выглядит, что говорит?

– Он огромен, – полуопустив веки, ответил воин. – Он так велик, что даже лежа превышал меня почти вдвое. А рост его таков, что, выпрямись он, окажется выше самой древней пальмы. У него прекрасная кожа цвета юного хлебного ростка. Она полупрозрачна и напитана светом. Он вообще не говорит, но разум его столь могуч, что даже я, смертный и необразованный копейщик, ощутил его мудрость и понял его волю, хотя и не услышал ни звука.

– Ты видел Сошедшего с Небес, – не столько с завистью, сколько с восхищением вздохнул Джед-Птах-Иуф-Анху, немного подумал, а потом откупорил флягу с драгоценным вином, разлил его в две чашки, кивнул, приглашая воина взять свою. – Вот видишь, отважный Саатхеб, сам Нефелим поверил в тебя. Он правит миром уже двадцать веков, а потому не может ошибиться в смертном. Если в тебя поверил даже Великий, то как могу я усомниться в этом? Ты будешь величайшим из воинов Кемета, и я прославлюсь лишь тем, что смогу называть твое имя среди своих знакомых. Когда ты приведешь обоз в Неб, когда Великий узнает о твоей победе и увидит, сколько пленников ты привел, тебе будет доверено вдесятеро больше копейщиков и ты получишь во много раз более важный приказ. И награда твоя окажется такой, что я готов подписаться тебе на службу хоть сейчас, номарий. Всего один переход – и ты сам не догадываешься, что ждет тебя впереди.

Толстяк неторопливо, меленькими глоточками выпил вино, отклонился в сторону, черпнув песка и вытерев им руки, после чего закрутил головой:

– Сиут! Где ты шляешься, бездельник?! Забирай курицу. Можешь ее доесть, я больше не хочу. Но сначала принеси мне накидку, здесь становится холодно.

У чиновника изо рта шел пар – а значит, ночь уже вступила в свои права, выстужая безжизненные просторы. Стало быть, к полуночи станет еще холоднее, а к утру…

Номарий отогнал нехорошие мысли, взял с тарелки и разорвал курицу, с удовольствием поглощая вкусное белое мясо. Мальчишка, ученик писаря, крутился неподалеку, видимо, рассчитывая на объедки и от Саатхеба, но воин по впитавшейся в кровь привычке обсосал все до последнего хрящика – ведь еды никогда не бывает слишком много.

Лагерь потихоньку утихал. Копейщики начинали похрапывать: кто – завернувшись в толстую циновку и прикрывшись накидкой, кто – сбившись по несколько человек под одной шкурой. По коже побежали мурашки. Номарий, вытерев руки о песок, поднялся, подошел к караульным, следящим за пленниками. Те, согреваясь, прогуливались из стороны в сторону, крутили руками. Рабы, связанные спина к спине, сидели недвижимо, лишь с губ срывались облачка легкого пара.

– Посмотри на ту женщину, – прозвучал шепот в самом ухе. – Она вся трясется от холода. А рядом с ней маленькая девочка. Она сидит спокойно. Но не потому, что ей тепло. У нее не осталось сил даже на то, чтобы озябнуть. Она засыпает, чтобы отдать свое сердце на весы Анубиса, а тело оставить в этих песках. Они обе не доживут до утра. А сколько еще таких окажется среди твоих пленников? А сколько из них утром начнут кашлять, покроются крупными каплями пота, не смогут сами переставлять ноги…

– Уйди, Изекиль, – тряхнул плечом номарий. – Это ты, ты промолчал нынче утром.

– Я промолчал, – согласился жрец. – Но это ты задержал выход. А за свои ошибки нужно платить, отважный Саатхеб. Платить всегда. Вот только сколько? Можно отдать пять пленников мне, а можно половину – моей всесильной госпоже Аментет. Я все равно останусь тебе благодарен. Но будет обидно, номарий, если великая добыча превратится из гордости в позор победителя шасу.

На этот раз Саатхеб промолчал, глядя на сидящих на песке обнаженных людей. Сидящих на холодном песке.

– Я бы попросил у тебя меньше, номарий, – так же тихо продолжил Изекиль, – но меньше никак не получается. Когда еще у меня появится новая возможность получить человеческую жертву? Для обретения бессмертия мне нужны трое людей. Еще двое – чтобы защитить всех прочих от холода. Ну же, номарий. Ведь жрецы Небесного храма идут с войском как раз для того, чтобы поддерживать его своей мудростью. Отдай мне приказ спасти пленников от холода – и я исполню его, отважный Саатхеб. Ты же воин, номарий. Так пожертвуй малым, дабы спасти все.

Девочка, привязанная к женщине – наверное, к матери, – уже

спала. Родительница тоже перестала дрожать и закрыла глаза. Дыхание ее было слабым, почти неощутимым. Значит, утром не встанут обе. И еще многие.

«А ведь второй возможности не выпадет, – с внезапной ясностью понял Саатхеб. – Не так много времени у Великого, чтобы дважды награждать вниманием одного и того же полусотника».

Значит, вместо новых походов, вместо слуг, богатого дома и любимой жены он получит крохотную хижину сотника в какой-нибудь далекой забытой крепостице или заставе на торговой тропе. Придется доживать свой век там, одному, вспоминая миг величия, который прошел мимо и который он упустил из-за мелкой оплошности. И еще из-за того, что ему до мозга костей ненавистен жрец в шерстяном балахоне, считающий за честь служить богине смерти. Почему он должен жалеть пятерых рабов, если рискует потерять половину?

– Защити лагерь от холода, – все еще с неуверенностью пробормотал номарий.

– Что? – не поверил внезапному согласию жрец.

– Защити мой лагерь от холода, Изекиль, – на этот раз четко и решительно произнес Саатхеб. – Приказываю тебе защитить на ночь от холода всех моих пленников и воинов, жрец Небесного храма. Я хочу, чтобы к утру никто из них не попытался сказаться хворым и слабым. Ты меня понял, Изекиль?

Служитель всесильной Аментет встретил холодный и твердый взгляд номария и почтительно склонился:

– Слушаю и повинуюсь, господин.

Жрец отступил на шаг, выпрямился и решительно направился к пленникам. Он толкал их ногами, дергал за волосы, заставляя поднимать головы, вглядывался в глаза.

– Ты и ты, вставайте… – пнул он пару широкоплечих мужчин, повернулся, ткнул пальцем еще в пару: – Вы тоже вставайте. Еще мне нужна женщина… Вот ты, вставай. Выходите к караульным.

Первым делом он привязал молодую женщину спиной к широкоплечим мужчинам, отвел чуть в сторону и приказал сесть. Потом вернулся к паре, выбранной второй, обошел вокруг, удовлетворенно сказал:

– Ваших сил хватит…

В руках жреца блеснул короткий серебряный нож, годный разве на то, чтобы резать печеное мясо. Изекиль, примериваясь, еще раз обошел рабов, после чего, заунывно напевая на непонятном наречии, стал быстрыми движениями вырезать прямо у них на коже крупные иероглифы. Пленники тихо постанывали, но кричать считали ниже своего достоинства. Караульные и

номарий с интересом наблюдали за странным обрядом.

Внезапно душераздирающий крик одного из мужчин заставил поднять головы весь лагерь – а жрец торопливо побежал вокруг лагеря, вычерчивая на песке широкую окружность. Причем делал он это пальцем руки – отрезанной и еще подергивающейся человеческой руки!

Закончив полукруг, Изекиль оставил руку на земле, быстро пересек лагерь, деловито отрезал руку у второго пленника, не обращая внимания на его вопли. Двигаясь в противоположном направлении, нарисовал второй полукруг и, уложив вторую руку рядом с первой, вернулся. Накинул на шеи жертв веревку и принялся ее закручивать, бормоча заклинания. Пленники захрипели, выпучивая глаза – а когда стало казаться, что они уже задохнулись, жрец внезапно отпустил петлю. Оба шасу сделали глубокий вдох – в тот же миг серебряное лезвие вскрыло обоим горло. Кровь потекла на песок – очерченная отрубленными руками линия начала темнеть, над ней закачалась странная пелена, похожая на туман. Номарий ощутил влажную духоту – но одновременно и то, что холод попятился, остался по ту сторону заговоренной черты.

– Никто не должен переступать круга до самого восхода, – громко сообщил снаружи Изекиль. – Иначе заклятие потеряет силу и его придется творить заново. Пусть ваша ночь будет спокойной, смертные…

Он кивнул Саатхебу, направился к трем последним жертвам, с ужасом ожидающим своей участи. Что делал служитель богини смерти, какие заклятия творил – через туманную пелену было не разобрать. Но внезапно между связанными спина к спине рабами вспыхнуло высокое алое пламя. Несчастные задергались, вопя от боли – но вырваться из лап мучителя не могли.

Изекиль громко и радостно запел, воздев руки и вскинув лицо к небу, словно жрецы бога Ра, приветствующие восхождение светила, – только молитва служителя Аментет не сулила радости никому.

– Великий и мудрый, – судорожно сглотнув, пробормотал Саатхеб, – зачем ты дал нам эти знания? Разве нужны они смертным? Разве мы способны с ними совладать? Не делай нас равными богам, о Великий. Мы не в силах поднять такой ноши…

Воин со всей искренностью возблагодарил судьбу за то, что она одарила смертных великим и могучим правителем, обитающим на острове перед первым порогом и способным своей мудростью, силой и волей остановить любую беду, покарать и удержать в стенах отведенного ему храма любого мудреца. Саатхеб еще не знал, что Великий Правитель, Сошедший с Небес

и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, устал. Что он погрузился в глубочайший из снов, который продлится сорок веков. И что он, молодой номарий, вернувшись в Неб, в качестве награды получит право сопроводить Нефелима в последний путь, в усыпальницу, которую еще только надлежит выстроить в далеких и холодных, но спокойных землях неведомой Гипербореи.

Москва, подземелье Боровицкого холма.

20 сентября 1995 года, незадолго до полудня

Сумрачный алтарный зал, облицованный грубым красным кирпичом, не мог похвастаться хорошим освещением. Здесь не было ни ламп, ни держателей для факелов или подсвечников, никто и никогда не приносил сюда фонарей. Лишь крупный камень, служащий основанием для круглого стола из цельного дубового спила, излучал слабое белесое свечение, словно закрывал собою окно к ослепительно-чистому небу.

Впрочем, для тех, кто ступал в это не очень большое помещение, сумрак, похоже, не доставлял особого неудобства. Гости входили через семь узких пещер – часть помещений были выложены кирпичами или известняком, некоторые походили на наспех сделанные в глине подкопы. Люди, собирающиеся в пещеру, тоже мало походили друг на друга. Разве только тем, что моложе тридцати здесь не встречалось никого. Люди в джинсах и деловых костюмах, худощавые и упитанные, священники и бритоголовые в желтых сари, высокие и карлики – они иногда кивали друг другу, обозначая знакомство, изредка обнимались, а порой сторонились друг друга, неприязненно отворачиваясь.

Впрочем, посетителей подземелья объединяло еще одно. Никто из них – хотя среди людей оказалось несколько женщин и пара глубоких с виду стариков – не посмел сесть ни на одно из трех кресел, что стояли возле стола. Когда в зале собралось немногим более семи десятков гостей, человеческий поток иссяк. На пару минут повисла тяжелая тишина. Гости выжидающе переглядывались, но вслух пока ничего не говорили, стараясь держаться ближе к стенам.

Наконец из восточного входа показались трое коренастых, совершенно обнаженных, плечистых человекообразных существ с желтыми глазами, в которых темнело по два зрачка. Один из них нес тяжелую алюминиевую двадцатилитровую канистру, которая своей обыденностью резко контрастировала с неправдоподобно

бледным телом, не имеющим сосков и гениталий, однако никому и в голову не пришло улыбнуться столь странному зрелищу. Вслед за желтоглазыми, устало переставляя ноги, вошел их хозяин – в длинной мантии из тяжелой парчи, перехваченной наборным поясом из чуть желтоватой кости. Голову его полностью скрывал большой капюшон, передний край которого свисал чуть не до уровня носа.

Стражники обошли алтарь, их властелин приблизился к столу, опустился на ближнее из кресел, облокотился на столешницу, придвинул ноги к светящемуся камню, прижавшись к нему голенями и коленями. И опять в зале надолго повисла тишина.

– Алтарь начал слабеть. – Тяжелый вздох человека в мантии наконец прервал молчание. – Сколь себя помню, никогда не был он столь слаб и холоден. Ни в Смуту Великую, ни при нашествии бесовском, ни при войнах кровавых. Слабеет алтарь, слабнут его нити, землю русскую сшивающие.

Человек откинул капюшон, открыв голову. Коротко стриженные седые волосы, усталые глаза, глубокие морщины на гладко выбритом лице выдавали в нем глубокого старика – куда более глубокого, нежели любой из присутствующих здесь старцев.

– В неурочный час собрал я вас здесь, дети мои, – тихим голосом произнес старик. – Не первый век каждый месяц, в ночь, когда Луна из небытия начинает новый рост, собираетесь вы сюда, чтобы получить живительную энергию от нашего алтаря. Энергию любви смертных к своей Родине, к своей столице, что стекается сюда незримыми потоками. Я верю в то, что каждый из вас в меру сил своих отвечает на этот дар деяниями, направленными на усиление этой любви и благо земли нашей. Все вы были учениками либо моими, либо учениками учеников моих. Либо учениками друга моего Ахтара, коим я верю, как ему самому. Никто из вас не родился в этом веке, а потому знаете вы, какова была жизнь ранее на землях наших и каковые беды на нее за последний век обрушились.

– И по чьей вине это случилось, Великий Славутич? – внезапно вопросил кто-то из гостей.

– Я от вины своей не отрекаюсь, – возвысил голос старик. – Ошибку свою признаю. Устал я, други, а потому токмо совесть моя меня здесь держит. Исправить глупость свою желаю. А как уйдет беда, то и я с ней уйду, место свое оставлю. Но ныне не обо мне речь, о земле нашей…

Славутич поднялся, чуть отступил от стола, склонился, уткнул палец в землю и начал пятиться, рисуя линию. Повернулся, потом еще и еще, пока линия не замкнулась в почти

правильный прямоугольник. Старик с облегчением разогнулся, отошел в сторону, кивнул своим странным слугам. Янтарноглазое существо открыло канистру, перевернуло, выливая содержимое в очерченный прямоугольник. Вода, упершись в линию, как в прозрачную стену, не растеклась, а стала подниматься, заполняя отведенный объем.

Наконец слуга отступил. Славутич простер над колышущейся поверхностью руку. Алтарный камень под столом налился светом, и в тот же миг над водой появился туман, который, нарастая, становился все гуще и гуще и наконец собрался в плотный шар. Вскоре на сфере проступили четкие очертания земных континентов, морей, островов. Потом стали проявляться тучи. Почти незаметные там, где не успели обжиться люди – над пустынями, джунглями, у полюсов, над центральной Австралией, – они образовали плотный слой над прибрежными районами, Евразией, Америкой, Африкой. Серые, черные, коричневые, красные облака клубились, сверкали золотыми искрами. Временами то тут, то там проплывали золотые и серебряные звезды, мелькали метеоры.

– Сюда смотрите, други, – указал старик на место, где должна была располагаться Россия. Не было там видно ни рек, ни озер, ни городов, поскольку заполняла это пространство черная и липкая, как расплавленный деготь, чернота. – Видите, други? Пришла сюда к нам погибель. Раскрылись пред Родиной нашей врата Дуата, торжествуют в ней черные духи и демоны, колдуны чужие, слуги богини смерти и ужаса. Казалось мне, истребили мы их всех без малого шестьдесят лет назад – ан нет, лезут снова со всех щелей, кровь русскую проливают невозбранно, души крадут, в рабство братьев наших гонят. Землю отцовскую топчут твари двуногие без роду и племени, с островов али из-за морей приплывшие, власть свою насаждают, честь и совесть в народе истребляя. Не осталось ныне у нас ни силы, ни друзей, ни союзников. Силу нашу обманами заморочили, голодом высосали. Люд обнищал несказанно, ни о чем, окромя хлеба насущного, помыслить не способен. Друзья наши в дикую стаю перекинулись, смерти нашей ждут, дабы первыми кусок жирный от плоти нашей оторвать. Союзников сами мы по глупости нашей растеряли. Не осталось у Руси Великой ни одной опоры более, кроме вас, ведуны да знахари. Вас она силой своею вскормила, вам веками энергию свою отдавала, вам великую мудрость от предков наших передала. К вам обращаюсь, дети мои. Дни считанные Родине предков наших жить осталось. Некому более мор страшный остановить, кроме вас. Могилами отцов и прадедов ваших призываю: отдайте! Отдайте земле русской то, что она вам

отдавала. Сложите силы свои, сложите энергию свою, сложите жизни свои. Ударьте светом по темноте смертной, сотрите жизнью ужас полуночный…

– Чьим именем ты призываешь нас, Великий Славутич? – выступил вперед мужчина лет сорока, наголо бритый, но с короткой бородкой, в потрепанных джинсах и кожаной куртке-косухе. – Каждый из нас клятву Кругу приносил. Ты здесь один. А что скажет триумвират?

– Триумвират будет против, – покачал головой старик. – Потому как я один, а вина моя велика. И знаю я, что ждет вас, други мои, коли услышите вы обвинение в клятвопреступлении. Но разве нужна вам жизнь, в которой не станет более Руси нашей? Кем вы сделаетесь тогда? Кому служить будете, от кого силу получать? Может, ако ироды заморские, жертвы приносить начнете и кровь живую пить? Агнцев невинных над жаровнями вертеть и глазами выпученными любоваться? Куда ты пойдешь, Всадник, коли Русь, тебя вскормившая, от корней отринется и блудливой девкой от хозяина к хозяину метаться начнет?

– Ты, козел старый, во всем виноват! – повысил голос бритый. – Ты Изекиля Черного в Круг впустил, ты нас всех повиноваться ему заставил! Ты из каждого клятву клещами вытягивал. Чего ради, Великий Славутич? Теперь плату за это с нас же взять пытаешься?

– Вы, дети мои, мною обманутые, плоть от плоти Руси нашей, душа и сила ее. Дни судьбу Отчизны нашей решают, а может, и часы последние. Может быть, ошибся я, принял грех тяжкий на душу свою, за коий мир весь ныне расплачивается. Но не хочу я жить без земли своей… – Славутич обошел прямоугольник, встал к бритому спиной, глядя на вращающийся почти у самого лица шар. – Убей меня, Всадник. Под общей защитой мы живем, а потому спасти меня от твоего удара не сможет никто. Убей и похорони Отчизну общую нашу. Убей. Убей – или встань рядом! И отдай все, что только сможешь.

– Убью, – пообещал Всадник. – Убью при первой возможности. Но кровь твоя не в грязь никчемную пролиться должна – на землю русскую. От крови предателей она только крепче становится. Умрешь, когда грех искупишь…

Колдун запахнул куртку, подошел к Славутичу, презрительно сплюнул ему под ноги и взял за руку. Следом от стены отделилась худощавая барышня лет двадцати, поправила на носу очки в тонкой металлической оправе, подошла к Всаднику:

– Извините, пожалуйста… – и взяла его за руку.

– Всякий иногда ошибается, – кашлянул дородный священник в монашеском клобуке. – За ошибки каяться надобно, искупать.

Но и исправлять тоже.

Он подошел к шару и встал слева от Славутича.

– Влипли мы все, – в тон ему добавил пожилой мужчина со шрамом через лицо. – Но исправлять, кроме нас, некому.

– Надеюсь, Круг завтра же не переломает то, что мы сегодня делаем, – добавил другой, в длинном драповом пальто.

Посвященные один за другим отделялись от стен и сходились к шару. Ближний круг сомкнулся меньше чем через минуту, и каждый следующий чародей клал руку на плечо впереди стоящего. Вскоре вокруг низкой емкости с водой образовалось нечто, похожее на солнце с пятнадцатью расходящимися лучами.

– Именем Сварога, прародителя нашего, – зашептал Славутич, – именем Исуса[7], бога нашего, именем Словена, основателя нашего. Прими, земля, силу живую, прими свет ясный, растопи холод нутряной, разгони погань черную, смой грязь смертную. На море-океане, на острове Буяне живут три брата, три ветра: один северный, другой восточный, третий западный. Унеси, ветер северный, сухоту и ломоту, усталость и леность. Унеси, ветер восточный, горе-печаль, слезы тяжкие, думы долгие. Унеси, ветер западный, дурной глаз, дурное слово, дурное дело. Унеси, откуда принес, положи, где взял. Проснись, земля русская, встань под небом синим, очистись солнцем жарким, пробудись воздухом сладким…

Славутич поднял голову и сделал глубокий вдох, потом другой, третий, стремясь пропустить воздух до самой дальней клеточки, разбудить всю свою силу до последней искорки. Собравшиеся в пещере колдуны стремились попасть с ним в такт – и скоро все «солнце» дышало одним ритмом, одной силой, словно единое, цельное существо.

«Двадцать три, – мысленно отсчитывал Славутич, – двадцать четыре, двадцать… Пора!!!»

Он, подавая пример, вскинул руки, упершись в колышущийся совсем рядом шар – а следом в сферу уткнулись еще четырнадцать кулаков. И огромная фигура из полных сил, опытных, умелых чародеев в едином порыве ударила всей имеющейся у них энергией в сгустившийся над Россией мрак, выплеснув ее в едином дружном призыве:

– Вста-ань!!!

Гиперборея, Ледяной край (будущие Соловецкие острова).

3815 год до н. э.

Ветер дул с моря, неся с собой холодные, как ночной песок, капли, насквозь пробивающие ткань и растекающиеся по телу. Озноб стал обычным состоянием для почти полутора сотен гребцов, строителей и воинов, отправившихся сюда по воле Мудрого Хентиаменти для сооружения самого северного из лабиринтов Ра, что должны напитывать силой земли вокруг усыпальницы Нефелима. И хотя на берегу неподалеку от вытащенных на берег кораблей непрерывно полыхали огромные костры, что сожрали за двадцать дней половину леса, ухитрившегося вырасти на безжизненных скалах, согреть людей не могло ничто.

Изекиль зябко передернул плечами, плотнее запахнул шерстяной плащ. Хотя и влажная, шерсть уберегала его худое тело от холода. Однако прочие путники, по дикости своей считавшие одежду жрецов Небесного храма нечистой, тряслись в тонких льняных накидочках без всякой надежды на облегчение. И все они, все до единого были обречены. Силы, накопленные смертными за годы детства, юности, зрелости, тратились с невероятной стремительностью, и восстановить их не могли ни горячие напитки, ни обильная пища, ни обряды, что каждый день проводил учитель, Мудрый Себек. Отворачивая их от врат Дуата и весов Анубиса, главный служитель Аментет мог только отсрочить неизбежное – но никак не отвратить его.

Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения. Лабиринт был готов. Узкие высокие валы, застеленные золотой фольгой; освященные полуденными знаками камни, выложенные поверху; извилистые ходы, призванные втянуть в себя и направить в глубь земли свет и тепло, что льются с небес, даруя жизнь. Один из многих, он будет стоять многие века, превращая просторы вокруг усыпальницы Великого в один огромный алтарь света и жизни. Для того, чтобы в Сошедшем с Небес сохранилась жизнь. Чтобы он проснулся не в мертвой пустыне, а среди лесов и садов.

Изекиль отвернулся от сверкающего, подобно золотой ладье Амон-Ра, сооружения, обогнул торчащие выше его роста бурые скалы, по вытоптанной за два десятка дней дорожке дошел до лагеря, остановился перед костром, протянул к нему свои белые руки. Жаркое пламя обожгло кожу, но жрец не шелохнулся, и уже через пару мгновений над плащом заклубились клубы вонючего пара. Буквально на глазах ткань высохла, служитель богини смерти развернулся, подставляя огню спину – и наткнулся взглядом на взгляд отважного Саатхеба, обнаженные руки которого посинели от холода.

– Иди сюда ближе, номарий, – предложил Изекиль. – Если ты

не позаботишься о своих конечностях, они почернеют и отвалятся. Как тогда станешь служить Великому?

– Великому более не нужна моя служба, – угрюмо ответил воин, однако сделал пару шагов к костру. – Великий ушел. Его больше нет. Зачем теперь руки? Зачем теперь нужен я?

– Ничто не вечно, отважный Саатхеб, – возразил жрец. – Не могло быть вечным его правление, не станет вечной и его смерть. Он проснется, номарий, можешь мне поверить.

– Когда?

– Не скоро, номарий, – покачал головой Изекиль. – И не один раз за это время сердце твое успеет лечь на весы справедливости, еще не раз Анубис будет возносить над ним руку, выбирая для него путь. Может – на поля блаженства. Может – в пасть непобедимой Амамат. А может – обратно сюда, в этот мир. Чтобы ты смог заслужить право на вечность. Хочешь, я избавлю тебя от этих испытаний? Всего один обряд – и я назову твое имя самой Аментет. Ты шепнешь ей свое желание, и она проведет тебя тайными тропами туда, куда пожелаешь. Правда, сначала тебе придется умереть.

– И чего ты хочешь за свою мудрость, жрец Небесного храма?

– Неужели ты сам не понимаешь, что нужно моей богине? – усмехнулся Изекиль. – Ты отдашь мне две жизни, я открою для тебя тайные врата. Разве это не справедливо?

– Я не боюсь весов Анубиса, – холодно ответил воин. – И приму его волю, как свою.

– Воля Анубиса, – кивнул жрец и многозначительно добавил: – Но вот мир… Мир мертвых принадлежит Аментет. И нет в нем исключений ни для раба, ни для великого Ра, дарующего жизнь.

– Изекиль, мальчик мой, иди сюда…

Услышав голос учителя, жрец моментально сник: сдвинул вперед плечи, опустил голову и быстрым шагом заспешил к кораблям. Ему навстречу в высоком цилиндре из пробкового дерева, в плотной пурпурной накидке с длинными просторными рукавами, двигался по широким сходням верховный жрец Небесного храма; старик с бесформенным лицом, кожа с которого свисала крупными складками, опирался на посох из покрытой лаком и украшенной яшмой вишни. Запястье служителя Аментет украшали массивные золотые браслеты, украшенные символами смерти, иероглифами «З» самого разного размера и начертания, переплетающиеся между собой. С шеи свисало изображение Амамат, пожирательницы Дуата – с крокодильей пастью, львиной гривой, кошачьими когтями и ногами носорога.

– Слушаю, Мудрый Себек, – приблизившись к учителю, низко склонил голову жрец.

– Возьми… – Старик отдал посох ученику и дальше пошел, опираясь на его плечо.

Изекиль знал, куда они направляются – к широкому бурому гранитному валуну, лежащему меж скал. Верховный жрец проводил тут много времени, особенно перед закатом. Он даже повелел строителям высечь на обеих скалах по знаку богини – после чего смертные начали сторониться этого места.

Путь в три сотни шагов занял немного времени. Верховный жрец тяжело опустился на камень, прикрыл глаза и глубоко вздохнул:

– Как я устал, мой мальчик, как я устал.

– Прости меня, Мудрый Себек, – облизнув губы, склонил голову Изекиль. – Но мне кажется, что ты тратишь слишком много своих сил на поддержание смертных. Ты сам учил меня обрядам извлечения сил смерти. Почему бы не пожертвовать парой гребцов или строителей? Их сила смогла бы поддержать тепло в границах лагеря и дать возможность отдохнуть остальным. Ты спасаешь всех, Мудрый, но и ослабевают тоже все.

– Жаль, жаль, судьба не дает мне возможности закончить твое обучение, – сморщился старик. – Я возлагал на тебя большие надежды. Когда я узнал, что ты попытался получить бессмертие, я понял, что ты способен мыслить по-своему, мыслить не как все. И подумал, что, может быть, ты станешь наилучшим продолжателем нашего дела, займешь мое место. Жаль. Если бы ты прошел весь путь мудрости до конца, то не задавал бы таких вопросов. Но я могу попытаться ответить тебе кратко. Дело в том, что сила копится в человеке годами, а тратится в один миг. Используя эту силу, мы станем истреблять смертных быстрее, нежели они успеют родиться и вырасти. И мир превратится в пустыню, в которой никому не понадобятся знания и тепло, полученные таким образом. Мы не должны использовать такое знание всуе. Наоборот, наш долг применять мудрость во имя того, чтобы силы мертвого мира помогали живым.

– Но если делать это хотя бы изредка, когда условия становятся и вовсе невыносимыми?

– Нет, мой мальчик, – отвечал старик. – Достаточно переступить черту только один раз, и после этого уже не остановишься. Впрочем, я позвал тебя не для пустых споров. Я хочу сказать тебе, служитель Изекиль, что в нашей судьбе настает великий момент. Мы наконец сможем лицезреть всесильную Аментет, припасть к ногам ее и произнести слова восхищения.

Жрец вскинул голову, внимательно вслушиваясь в слова учителя.

– Да, Изекиль, для нас пробил великий час. Я говорил

сегодня с Черным Псом, который закончил алтарь Амон-Ра над усыпальницей Великого. Дабы придать лабиринтам силы, завтра, с первыми лучами утра, мы инициируем алтари. Все, одновременно. Ты знаешь, как это делается. Но ради освящения, ради покоя Сошедшего с Небес пролить кровь и взять силы жизни не станет большим грехом. И еще. Дабы не погрузить в Хаос землю без присмотра Великого, Мудрый Хентиаменти решил, а все мы одобрили… Мы заберем у смертных знание, которое принес нам Нефелим. Оно слишком велико, чтобы оставлять его без присмотра Великого. Завтра с первыми лучами все алтари здешних земель инициируют Мудрые. Мы все одновременно уйдем к весам Анубиса и спасем покой мира, оставив его слишком слабым, чтобы уничтожить самого себя.

– Не делай этого, Мудрый Себек, – упал перед стариком на колени Изекиль и с мольбой схватил его за руку. – Не делай этого! Ты вместо отца мне был все эти годы. Моя мудрость – твоя мудрость, моя жизнь – твоя жизнь. Не уходи к госпоже нашей. Подумай, Мудрый Себек, если все верховные служители уйдут к весам Анубиса, то кто сможет сравниться знанием с нами, служителями всесильной Аментет?! С нами останется все знание мира, вся его сила и могущество! Только от нас смертные будут получать блага этой жизни, только Аментет будут они молиться, только ей воздвигать храмы и приносить жертвы! Такой возможности не появится у нас никогда более во все века! Молю тебя, Мудрый Себек, согласись со мной! Сделай это!

– Мой мальчик… – Верховный жрец отнял у Изекиля свою руку и погладил его по голове. – Мой мальчик, я не ошибся в тебе. Если бы ты занял мое место, ты поднял бы значение Небесного храма на высоту, недоступную прочим Мудрым. Ты обеспечил бы всесильной Аментет величие, несравнимое даже с почитанием сияющего Ра или Амона Сокровенного. Но судьба… Судьба против такой удачи. Завтра на рассвете ты совершишь обряд инициации алтаря, окропив его камень моей кровью и произнеся заклинание укрощения силы. Ты и только ты – ибо ты самый способный и любимый из моих учеников. А затем ты окропишь эту землю своей кровью, ибо знание твое очень велико. Хотя ты еще не получил посвящение и не сравнялся знанием с Мудрыми, но тебе все равно слишком опасно оставаться среди смертных. Капли твоего знания будут подхватываться ими тут и там и становиться оружием и властью. Ты должен уйти к госпоже нашей, всесильной Аментет и укрыть свою мудрость у ног ее.

– Но почему, почему?! – вскочил Изекиль. – Почему ты не хочешь вознести славу нашего храма, нашей богини, раз у нас появляется такая возможность, Мудрый Себек?!

– Остановись, мой мальчик и послушай своего учителя, – приподнял палец правой руки старик. – Ты чтишь нашу богиню и готов ради нее на все, и это хорошо. Но ты забываешь, что главное в нашем мире – это не храмы, а порядок. Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, создал этот мир и простер над нами руку, чтобы люди не проливали ничьей крови, а строили города и засевали поля, чтобы рыли шахты и возвеличивали храмы. Мудрость всесильной Аментет – лишь часть общей мудрости, и в ней нет смысла, если рухнут прочие храмы и исчезнет рука Великого. Мы должны сделать этот мир прекрасным, чтобы в тот час, когда братья и сестры Великого спустятся с небес, их сердца бы преисполнились радостью. Чтобы в смертных они нашли честных слуг и почитателей, а не злобных убийц, готовых вцепиться в ближнего своего. Во имя величия Небесного храма и по воле Нефелима принесли мы порядок на берега Жемчужного и Зеленого морей, на острова великих океанов, в дальние земли к истокам Нила. Наше служение всесильной Аментет – лишь часть общего служения, мой мальчик. В нем нет смысла, если Великий спит, а прочие Мудрые скрыли до его пробуждения свое знание. Мы обязаны поступить точно так же, дабы не допустить перекоса силы и мудрости, дабы не допустить Хаоса… Жаль, жаль, я не смог отдать тебе всего, что успел познать за свою жизнь. Ты бы понял сам. Но теперь мне не сделать этого уже никогда. Нам с тобой остался всего один рассвет, мой мальчик. Последний рассвет.

Утро выдалось тихим и безоблачным, словно дикие земли затаились в ожидании таинственного обряда. Море замерло глянцевой гладью, подобно полированному граниту, листва деревьев безжизненно обвисла, бабочки и мухи затаились в их коре и расщелинах скал, и даже кузнечики, что постоянно стрекотали со всех сторон, ныне замолкли, словно их никогда здесь и не бывало.

– Пора, – разорвал тишину Мудрый Себек и поднялся с камня. Изекиль тоже выпрямился, взял посох верховного жреца, но тот покачал головой: – Не нужно, мой мальчик. Мне он больше не понадобится.

Старик оперся на плечо ученика и медленно побрел вслед за ним. Они вместе ступили в лабиринт, не торопясь прошли всеми его позолоченными изгибами и к тому моменту, когда небо начало светлеть, остановились возле выпуклого алтарного сердца. Мудрый Себек снял с шеи амулет с пожирательницей Дуата – символ своей власти в Небесном храме, – протянул его ученику.

Затем вынул из-за пазухи плоский нож из прочной розовой вишни, с острейшими обсидиановыми вставками по краям лезвия, поцеловал:

– Друг мой верный. Много раз служил ты мне в жизни и обрядах всесильной Аментет. Не подведи меня и сегодня.

Старик протянул ритуальный нож ученику, подобрал полы накидки, опустился на колени, поднял глаза к безбрежной выси. Небо продолжало медленно, очень медленно светлеть – не то что в родном Кемете, где рассвет наступает почти мгновенно. Мудрый Себек терпеливо ждал, но Амон-Ра никак не желал подниматься над горизонтом, и верховный жрец не выдержал:

– Я устал, мой мальчик, – тихо произнес он, закрывая глаза. – Сделай это. Пора.

Изекиль положил левую ладонь ему на лицо, закрывая рот и нос, дабы души не выскользнули из тела раньше времени, и быстрым движением резанул учителя по горлу. Тот вздрогнул, вскинул было руки, но справился с собой и вскоре безвольно обмяк. Жрец наклонил тело вперед, окропляя кровью алтарное сердце, а когда парной поток иссяк, положил старика на камень лицом вниз, разведя ему руки и ноги в стороны, придав телу звездообразную форму. Послышался низкий хрип – это души покидали мертвую плоть, наполняя лабиринт Ра божественной силой.

Служитель богини смерти, выложившись во время обряда до последней капли, сел рядом прямо на землю, уронил нож и закрыл лицо ладонями. Только что из его жизни ушел учитель, передавший ему бесценные знания. До этого он лишился Великого, что многие века направлял волю земных народов, указывал пути строительства Кемета, учил смертных жить и трудиться. Да и сама родина осталась где-то далеко на юге, в неведомой дали. Еще никогда, никогда в жизни Изекиль не ощущал внутри себя столь огромную, безнадежную пустоту. Рука опустилась вниз и нащупала ритуальный нож. Зачем теперь жить? Ради чего?

В этот миг грудь его ощутила легкий удар. Изекиль скосил глаза вниз и увидел золотую Амамат, пожирательницу Дуата, что свисала с левого запястья. Символ власти верховного жреца Небесного храма. Служитель богини смерти внезапно сообразил, что отныне он стал самым обученным и высшим по званию жрецом храма. Более того, если несколько мгновений назад все Мудрые истратили свою кровь и силу на освящение десятков алтарей на разных островах вокруг усыпальницы – то он, верный слуга всесильной Аментет, становится самым мудрым и образованным смертным на земле!

– То есть я могу сделать культ богини Небесного храма высшим и единственным для людей! – Изекиль поднес амулет верховного жреца к глазам, полюбовался им, а затем повесил на шею. Отныне этот символ принадлежал ему по праву. Жрец поднял нож и направился к выходу из лабиринта. – Спасибо тебе, великая! Ты подарила мне этот мир, и я брошу его к твоим ногам. Пройдет десяток лет, и никто не вспомнит имен иных богов, кроме тебя.

Однако, выйдя на поросшую низкой травой полянку перед алтарем, служитель богини смерти увидел два десятка копейщиков во главе с отважным Саатхебом. Здесь же стоял и номарх Ипувер – начальник маленькой флотилии, ушедшей от усыпальницы Нефелима к самым северным островам.

– Почему ты вышел, жрец? – хмуро спросил номарий. – Мудрый Себек упредил нас, что никто из жрецов Кемета не переживет этого утра.

– У меня есть важные дела, смертный, – положил Изекиль руку себе на грудь, на символ власти.

– Ты не исполнил своего долга перед Великим, – холодно ответил номарий.

– Какой еще долг, Саатхеб? – поморщился служитель Небесного храма. – Ты что, не понял? Отныне я, Мудрый Изекиль, являюсь верховным жрецом. А теперь собирай людей и садитесь на корабли. Мы отплываем.

– В тебе нет ни совести, ни чести, – прищурился номарий, – и ты недостоин носить звание жреца какого бы то ни было храма. Кроме того, Мудрый Себек указал, что ни один из служителей богов не должен пережить этого утра.

Воин отвел руку в сторону, и один из копейщиков с готовностью вложил в нее свою пику.

– Что ты задумал, отважный Саатхеб? – мгновенно осипшим голосом спросил Изекиль, но номарий не собирался произносить более ни слова. Он подошел ближе, резко выбросил вперед бронзовый наконечник.

Жрец увернулся, ловко отклонившись, но в тот же миг прочное древко ударило его с другой стороны в висок. Изекиль опрокинулся на спину, и в это мгновение тяжелая пика ударила его в грудь. Номарий выждал немного, после чего выдернул оружие, развернулся и зашагал к своим воинам.

Изекиль простонал от острой, обжигающей боли, сомкнул веки, готовясь увидеть свою всесильную, любимую богиню, снова открыл глаза, глядя в сухое, бледно-синее небо. Ничего не происходило. Боль оставалась, сердце перестало биться – но дыхание сохранялось, воздух, перемешанный с кровью, срывался

со скривившихся от боли губ.

«Получилось, – с огромным удивлением понял Изекиль. – У меня получилось! Значит, я не зря сжег тех трех пленников, забирая их силу. Я больше не могу умереть!»

И он, застонав, начал подниматься на ноги. Копейщики загомонили, указывая на жреца руками. Номарий обернулся, покачал головой, вновь приблизился к Изекилю и, когда тот выпрямился, вонзил пику ему в живот.

– Умри же ты наконец! – пробормотал он.

– Вот тебе! – Нанизанный на древко служитель богини смерти взмахнул рукой и вогнал ритуальный нож номарию в шею сбоку. – Я никогда не умру! Понял? Никогда.

Саатхеб застонал, стремительно теряя силы.

– Ты хотел убить меня, Мудрого Изекиля? – прошептал жрец, глядя ему в глаза. – Не будет такого. Никогда. Я проклинаю тебя, воин. Не будет тебе покоя, пока я живу в этом мире. Ты будешь рождаться здесь снова и снова, и снова будешь биться со мной. Но никогда, никогда твоя хваленая честь и доблесть не смогут победить моего знания и обрядов Небесного храма. Ты будешь умирать раз за разом. И да будет так вечно!

Служитель всесильной Аментет выдернул из шеи воина нож – и тот рухнул на землю. Затем жрец вытянул копье, отбросил его и, кривясь от боли, хрипло захохотал. Несколько копейщиков, в ужасе бросив оружие, кинулись бежать.

– Куда?! – схватился за боевой топорик номарх. – Куда бежите?! Вперед, убейте эту тварь! Уничтожьте порождение Дуата!

Из двадцати копейщиков лишь семеро решились двинуться вперед, выставив щиты и опустив пики. Изекиль, продолжая смеяться и покачиваясь, раскинул руки, воздев лицо к небесам:

– Тебе посвящаю, всесильная Аментет!

Его ударили в живот – он шагнул навстречу, нанизываясь на копье. Рванул щит за край и вонзил нож воину в глаз. Тут же еще она пика вошла под мышку, вылезя с другой стороны – Изекиль схватил копейщика за руку, дернул к себе, полоснул ножом по шее. Увернулся от третьего копья, ударил…

Поняв, что убить жреца невозможно, остальные враги бросились в стороны.

– Куда? Куда бежите?! – орал Ипувер, не в силах загнать трусов в бой.

Большая часть воинов убежали в лес или к стоянке, еще несколько упали на колени и молились. Тогда номарх быстро подошел к жрецу, вытягивающему из себя копья, с размаху рубанул в основание шеи. Изекиль и не подумал уворачиваться,

вонзив в ответ нож противнику в живот. Потом выдрал топор и бросил на землю.

Он оставался жив! Он действительно стал бессмертным! Правда, все тело разрывалось от боли, из многочисленных ран текла кровь. Жрец сделал несколько шагов – и вдруг ноги его подкосились, он упал, больно ударившись скулой о торчащий камень.

«Я слабею… – понял Изекиль. – Я бессмертен, но силы мои не бесконечны. Я рискую ослабеть настолько, что не смогу шевелиться. И останусь лежать здесь… Навечно…»

Однако воля жреца оказалась сильнее плоти, он заставил себя подняться, а ноги – дойти до ближнего молящегося воина.

– Отдай… – прохрипел он, опрокидывая голову смертного, и впился в его рот губами, одновременно нанося удар ножом в грудь. Глубокий вдох позволил вытянуть из смертного, впитать все его силы. Жрец почувствовал себя лучше, двинулся дальше.

– Нет, нет… Не надо! – Второй копейщик откинулся на спину, попытался уползти, отталкиваясь от камней трясущимися руками. Изекиль упал на него сверху и впился в губы, колотя жертву ножом в бок.

Третий воин не посмел ни убегать, ни сопротивляться. Стоя на коленях, он только закрыл глаза, смирившись с неизбежным. Изекиль наклонился, сделал глубокий вдох – и мертвое тело осело на землю. Жрец на миг удивился – ведь он не успел нанести жертвенного удара. Но тут же сообразил: он, служитель Небесного храма, сильнее. А потому он смог вытянуть из смертного и силы, и души. А разве может плоть существовать без того или другого?

Теперь служитель всесильной Аментет чувствовал себя достаточно уверенно – хотя тело продолжала пронизывать непереносимая боль.

– Надо придумать обряд, который сделает тело неуязвимым, а не просто сохранит его существование, – пробормотал жрец, направляясь к стоянке кораблей. – Не то я могу остаться живым, но с отрубленной головой или ногами.

Здесь строители и гребцы то ли почувствовали что-то неладное, то ли до них успели добежать копейщики – но лагерь был пуст. Огромный костер догорал, превратившись в высокую, по пояс, груду дышащих жаром углей, пустые палатки полоскали на ветру парусиновыми пологами. Тут и там валялись забытые второпях глиняные тарелки, кувшины. Корабли стояли тихие и неподвижные, с убранными сходнями. Но жрец Небесного храма знал, чувствовал – на бортах прятались люди. Распластавшись на палубах, укрывшись за бортами или в кладовых, они

рассчитывали остаться незамеченными, нетронутыми.

– Смертные! – громко и требовательно произнес служитель Небесного храма. – Я, Мудрый Изекиль, верховный жрец всесильной Аментет, повелеваю вам спустить сходни, принять меня на борт и приготовиться к отплытию.

На судах не произошло ни малейшего шевеления, словно никто и не услышал слов нового повелителя. Жрец криво усмехнулся и, заметно понизив голос, сказал:

– Немедленно спустите сходни, смертные, или я обрушу на вас гнев всесильной богини смерти.

Люди все еще надеялись остаться незамеченными – никто не шелохнулся. Изекиль сложил ладони, потер их одну о другую, готовясь выполнить заклинание огня, взмахнул руками в сторону ближнего корабля. Пламя вспыхнуло сразу на половине корпуса, с треском взметнувшись едва не до уровня мачты. Тут же на палубе заметались заживо испекаемые люди. Кто-то молил богов о пощаде, кто-то прыгал за борт, в воду, обжигающую холодом не менее страшно, чем карающий огонь. Изекиль, уже успевший сегодня испить немало человеческой силы, всем телом ощущал, как из превращающихся в угли тел вытекает живительная, исцеляющая раны сила, как она, накопленная за долгие, долгие годы, выплескивается в единый миг – и с наслаждением впитывал ее, наращивая свое могущество, чувствуя, как ослабевает и отступает боль, а тело становится все более крепким и послушным.

Вскоре поток силы иссяк, пламя опало, разбившись на десятки отдельных огоньков, и жрец перешел к следующему судну.

– После того, как всесильная Аментет покарала самых отъявленных отступников, я, Мудрый Изекиль, снова вопрошаю вас: готовы ли вы, смертные, исполнить волю мою? Немедленно спустите сходни, примите меня на корабль и приготовьтесь к отплытию!

На борту послышалось шевеление. Появились взлохмаченные головы двух гребцов, а затем на влажный гравий упали широкие сходни с набитыми поперек тонкими рейками. Жрец презрительно усмехнулся, поднялся наверх, окинул взглядом палубу. Два десятка гребцов прятались под своими скамьями, затравленно глядя на него из-под сосновых досок; на корме еще несколько человек пытались скрыться за пологом навеса, который под лучами поднявшегося солнца просвечивал насквозь. Смертные, прах земной. Сосуды с силой, которые можно использовать на усмотрение всесильной Аментет или ее жрецов; инструменты, способные понимать приказы и действовать по воле

хозяина без его постоянного присмотра.

Изекиль повернулся к острову, на котором оставался освященный алтарь Амон-Ра, десяток трупов и несколько десятков ослушников, посмевших противиться его воли, перевел взгляд на третий корабль, потер руки, взмахнул. Взметнувшееся пламя вновь вызвало дикие крики боли и волну живительной силы, испускаемую погибающими людьми. Жрец Небесного храма, закрыв от удовольствия глаза, уже привычно впитал исцеляющие волны, полностью избавившись от боли и усталости, затем взмахнул рукой:

– Отплывайте от берега! Мы возвращаемся в Кемет.

Судьба прочих человечков, оставшихся среди безжизненных ледяных скал, жреца не интересовала. Раз они ослушались его – пусть сгинут, как позабытый в пустыне мусор. У Мудрого Изекиля впереди было слишком много важных дел, чтобы отвлекаться на подобные мелочи.

Между тем гребцы, выбираясь из-под скамей, побежали на корму. Та просела в воду, нос поднялся над гравием, и судно начало медленно дрейфовать назад. Но слишком медленно – и потому один из смертных, с опаской пробравшись мимо жреца, поднял со скамей весло, оттолкнулся от берега. Корабль двинулся веселее, и, когда он отошел на десяток шагов, гребцы начали расходиться на свои места, рассаживаться, выкладывать в прорези борта весла. Послышалась команда кормчего – смертные дружно налегли на рукояти, и за бортом зажурчала вода.

– Куда нам держать курс, Мудрый? – громко поинтересовался кормчий – широкоплечий нубиец с многочисленными шрамами на плече и неестественно вывернутой ступней.

– Назад, в Кемет.

– Но как туда доплыть, Мудрый? Курс нашим кораблям всегда указывал номарх Ипувер, да окажется его сердце легче перышка.

– Разве ты ее не запомнил, смертный? – грозно поинтересовался Изекиль.

– Прости, о Мудрый, – навалился на рулевое весло нубиец, – но я лишь прах у ног твоего раба. Я слишком глуп, чтобы помнить все, и потому не смог подняться выше кормчего. К тому же мы правили по очереди с Сабом Рыжим и потому давно запутались, в каком направлении идем. Он не раз поворачивал, пока я спал, и я поворачивал, пока…

– Умолкни, несчастный! – оборвал излишне болтливого моряка Изекиль.

В отличие от простых гребцов, он имел некоторое представление о том, где они находились и в каком направлении

оставалась родина. Если верить карте, выложенной из драгоценных камней на стене дворца Нефелима в Небе, эти места напоминали собаку, что лежит на боку, вытянув лапы. Северный алтарь строился где-то у собаки под хвостом. Путей домой имелось два. Короткий – через многочисленные извилистые реки этого холодного края. Другой – вокруг «собаки» и всей земли за Зеленым морем к проливу в это самое море, а по нему – к Великому Нилу. Без подробных знаний, унесенных номархом в черный Дуат, разобраться в лабиринтах рек, озер, проливов и проток было совершенно невозможно. Другое дело – открытое море, в котором не существует тупиков, водопадов и порогов. Даже если он промахнется на сотню-другую стадий, то всегда можно высадиться и разобраться, куда они попали.

– Плыви туда, – указал жрец на север. – Вскоре мы уткнемся в землю, пройдем вдоль нее несколько дней, а когда она отвернет резко влево, двинемся по прямой. Там мы снова увидим землю и вдоль нее дойдем до самого Зеленого моря.

– Слушаюсь, господин, – склонил голову нубиец, послюнил палец, поднял его, с сожалением покачал головой и яростно закричал: – Весла на воду! Где тампарщик? Грести, грести!

Из-под навеса выбежал мальчишка с широким барабаном, обтянутым тщательно выскобленной кожей, сел в начале прохода спиной вперед и, преданно глядя на кормчего, принялся мерно бить в барабан большой колотушкой. Гребцы подладились под ритм, начали наклоняться вперед и взмахивать веслами одновременно, и судно ощутимо прибавило ход. Изекиль пересек судно и остановился рядом с кормчим, глядя назад – на берег, где навеки остался его учитель. А также – Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью.

Изекиля разбудили крики радости. Зевнув, он поднялся с травяного матраса, откинул полог навеса. Впереди, на самом горизонте, виднелось густое темное облако.

– Земля, о Мудрый, – сообщил чернокожий кормщик. – Ночью дул попутный ветер, мы прошли не меньше ста стадий.

– Это не просто земля, это мыс, – сообщил жрец. – Чтобы вернуться в Кемет, мы должны обогнуть его и плыть влево, на закат солнца. А сейчас поворачивай вправо.

– Слушаю, Мудрый, – кивнул кормчий. – Разреши покормить гребцов, пока мы можем идти под парусом. Кормить их во время работы вредно, после еды они работают намного хуже.

– Меня зовут Мудрый Изекиль, – напомнил служитель богини смерти.

– Слушаю, Мудрый Изекиль, – моментально согласился нубиец.

Мальчишка, что половину вчерашнего дня бил в барабан, полез в люк носовой надстройки, вернулся с большой корзиной и побрел по проходу, раздавая гребцам по пригоршне фиников и кусочку сочащихся медом пчелиных сот. Пить моряки ходили сами – к поставленным на носу же пузатым кувшинам. Жрецу тампарщик тоже предложил общую порцию – но Изекиль не испытывал голода и отказался от угощения. Он попытался прикинуть, сколько времени должно уйти у него на дорогу домой. Расстояние от залива, в котором они строили алтарь, до «хвоста» было раза в три меньше длины «хвоста». «Спина собаки» – раза в три длиннее «хвоста». Если они добрались до земли на день и ночь, значит… Путь вдоль самой «псины» составит двенадцать дней. Потом еще примерно столько же – до пролива в Зеленое море.

– У нас хватит пищи на двадцать дней плавания? – повернул он голову к нубийцу.

– На двадцать, может, и хватит. – Кормчий выплюнул за борт финиковую косточку и пожал плечами. – Но больше вряд ли. И вода так долго не выстоит. Стухнет.

– Вдоль земли плыть будем, воду при случае наберем, – пообещал жрец. – Но вот еда… Хотя, коли Великий покорял земли за морем, стало быть, там обитают всякие народы. Чего-нибудь купим. Или займемся охотой.

– У нас нет ни единого воина, а народы за Зеленым морем дики и злобны, – предупредил нубиец. – Ежели копейщиков не увидят, то силой золото отнять захотят, торговать не станут.

– У вас есть я! – напомнил жрец. – Не захотят торговать – принесут даром.

– Прости, Мудрый Изекиль. Я глуп, – почтительно склонил голову кормчий, хорошенько зажал древко рулевого весла под мышкой и отодвинулся на несколько шагов, поворачивая судно вправо, вдоль совсем уже близкого берега, который порос черным непролазным лесом.

Ветер крепчал, поднимая волны, но корабль, умело связанный из священного нильского тростника, легко скользил по ним, с зловещим шипением срезая белые гребни и оставляя за кормой прямой, как стрела, пенный след. Как и предсказывал служитель Небесного храма, со следующего дня берег начал медленно отворачивать влево. Гребцы, уверившись, что Мудрый Изекиль действительно знает, куда их ведет, несколько успокоились. В их глазах рассеялся ужас, и они, пользуясь отдыхом, даже стали играть в карты и петь песни, подыгрывая

себе на примитивных дудочках.

Кормчий в первый же вечер спросил разрешения на ночь отводить корабль к берегу и вставать на якорь, но жрец запретил это, понимая, что так дорога растянется почти вдвое. Поэтому в вечерних сумерках судно отворачивало мористее, дабы в темноте не налететь на скалы, а на рассвете снова приближалось к берегу, держась за него, как за путеводную нить.

Утром пятого дня Изекиль разрешил сделать остановку и пополнить запасы воды. Спустив паруса, судно на веслах вошло в длинное извилистое ущелье между каменными отвесными скалами, населенными только крикастыми белыми чайками. Почти на десять стадий вглубь земли понадобилось пройти морякам, прежде чем отыскалось удобное для причаливания место. И здесь боги смилостивились над смертными, расположив ручеек со сладкой водой всего в нескольких шагах от камня, на который высунул свой нос корабль. Напившись вволю и залив кувшины по самое горлышко, гребцы, восхваляя мудрость и всезнание нового начальника, вернулись на скамьи и вскоре опять выбрались в серое колышущееся море. Здесь их встретили неведомые чудища – каждое размером с дворец; жуткие порождения холода то ныряли вглубь, то выскакивали на поверхность, выстреливая ввысь фонтаны воды. Но и здесь могущество служителя богини смерти уберегло путников – ни одно чудище не рискнуло приблизиться к судну и сожрать легкую беззащитную добычу.

Утром двенадцатого дня корабль, привычно отвернув к югу, чтобы найти берег, на протяжении многих часов скользил по пустынным волнам, но никаких признаков суши вокруг так и не нашел.

– Все в порядке, смертный, – успокоил кормчего Изекиль. – Земля, мимо которой мы шли, это тоже мыс, только очень большой. Сейчас он повернул назад, рисуя «морду собаки». А впереди, примерно в четырех днях пути, лежат Дикие острова, до которых еще не дотянулся Порядок Нефелима, и земли за Зеленым морем. Поворачивай вправо и постарайся не потерять направления. Через четыре дня мы наверняка уткнемся хоть в какие-то берега.

Нубиец выполнил команду жреца без малейшего колебания, и могучий папирусный корабль двинулся на северо-северо-запад, борясь с неизвестным еще людям теплым океанским течением. Никто – ни кормчий, ни Мудрый Изекиль, ни уж тем более гребцы и подумать не могли, что под сильным попутным ветром они уходят в море отнюдь не от морды «собаки», названной впоследствии Скандинавским полуостровом, а всего лишь от

плотно скученных и вытянутых в западном направлении Лофотенских островов, отстоящих от материка всего лишь на девяносто километров.

Уже утром море заставило смертных познать, что такое настоящий холод. Небо затянулось низкими черными тучами, почти совершенно не пропускающими света; пенные шапки волн, сдергиваемые порывами ветра, залетали на палубу и больно хлестали гребцов по дрожащим телам, без труда пробивая тонкие льняные туники. Чтобы хоть как-то согреть людей, кормчий несколько раз приказывал им спустить весла на воду и грести, разгоняя корабль до скорости стремительного жаворонка; но стоило прекратить работу хоть ненадолго, как холод опять вступал в свои права, забираясь под мокрую ткань и покрывая посиневшую кожу крупными мурашками.

К вечеру хлещущие по палубе капли начали застывать на мачте и бортах тонкой прозрачной коркой. Вырастала она и на канатах, на парусине, но при сильных порывах трескалась и опадала вниз.

– Дай смертным двойную порцию еды, – приказал кормчему Изекиль, наблюдая за этим кошмаром. – У тебя есть запасной парус? Пусть они соберутся все вместе и накроются парусиной. Так будет теплее. Пусть потерпят. Всего четыре дня, и мы попадем в теплые населенные земли.

Но пока вместо солнечных лучей с неба медленно повалились белые рыхлые хлопья, похожие на невесомые семена камышей – только, падая на кожу, они превращались в крохотные капельки воды. Очень скоро корабль оказался выкрашен в идеальный белый цвет, словно его натерли мелом из Алги-Храсской каменоломни. Кормчему мальчик принес грубую накидку, сплетенную из соломы, а потому похожую на циновку.

Сгустившийся сумрак заставил жреца уйти под навес, пологи которого защищали от ветра и странного белого пуха, но совершенно не давали тепла. Изекиль развязал пояс, распуская плащ, лег на матрац, подтянул ноги, пряча их под тонкую шерстяную ткань, сжал в кулаке символ своей верховной власти и закрыл глаза…

– Земля-я!

Услышав этот радостный вопль, жрец сорвался с постели и выскочил на палубу. Гребцы, прятавшиеся всю ночь под старым парусом, тоже выбрались наружу, напряженно вглядываясь вдаль. На невероятно чистом и ослепительно-голубом, словно над Нилом, небе сверкал желтым светом щедрый Амон-Ра. Волны еле колыхались, а ветер едва заставлял шевелиться обвисший парус. Кормщик-нубиец выбрался из-под низкой кормовой надстройки и

выпрямился во весь рост, прикрывая глаза от света.

– Где? – непонимающе переспросил бледнокожий гребец, которого кормчий оставил вместо себя на время отдыха.

– Что-то есть… – опустил руку нубиец, и жрец увидел, как с его губ сорвалось белое облачко. – А ну, пусти меня на место… – Кормчий взялся за руль, громко рыкнул: – Хватит спать, бездельники. Свернуть парусину, по скамьям разойтись! Весла на воду! Тампарщик, почему биты под палубой?

Вскоре над морской гладью зазвучали гулкие ритмические удары, и длинные кипарисовые весла вспенили воду. Корабль рванулся вперед, еще, еще – и вскоре жрец тоже увидел впереди, на горизонте, белую полоску, никак не похожую ни на пену, ни на волны.

– Навались! – подгонял гребцов нубиец. – Тампарщик, не спи! Ритм, ритм давай!

Судно неслось вперед, точно пущенная стрела – и с каждой оставшейся позади стадией служитель смерти все больше и больше настораживался от странного вида близкого берега. Идеально ровная, совершенно белая равнина – ни единого пятнышка, ни одного деревца или хотя бы малого кустика, ни даже выпирающего наружу камня. И больше всего это напоминало… Вчерашнюю палубу, усыпанную непонятными мокрыми семенами.

– Не торопись… – положил он руку на плечо кормчего. – Боги подсказывают мне, что нам нечего делать на этом берегу. Поворачивай влево, населенные земли должны быть там. И не выматывай гребцов. Путь предстоит неблизкий.

– Слушаю, Мудрый Изекиль. Тампарщик, спокойно… – Нубиец навалился на руль, заставляя нос корабля покатиться влево, потом выровнял судно, покосился вправо, на бесконечное, до самого горизонта, белое поле. – Однако здесь странные земли, господин. Когда я вернусь в Тка-Хмет-Абу и расскажу о них, мне не поверит никто. – Он выдохнул, чуть приподняв голову, и проводил взглядом разлетающееся облачко: – И воздух здесь странный. Не настоящий. Колется, как шипами, белеет от дыхания.

Он был прав. Здешний воздух обжигал грудь при каждом вдохе, кусал, словно мелкая мошка, открытые руки и ноги, щеки, лоб, нос. Живительный Ра хотя и слепил, как никогда, но совершенно не грел, словно светил не с неба, а с росписей старинных храмов. И все это вселяло щемящую тревогу в душу служителя всесильной Аментет.

Весла поднимались над бортами и снова падали в воду, вяло колыхался парус, пытаясь хоть как-то помочь движению. Стадия

за стадией, час за часом проплывал по правую руку ровный белый берег. Ни единого пятна, ни единой возвышенности – словно и не плыли они, а стояли на месте. Ничего не изменилось и к вечеру. Ни ветра, ни волн. Никаких новых примет на берегу.

– Весла на борт! – решительно выдохнул нубиец. – Тампарщик, за ужином!

Кормчий повернулся к жрецу:

– Прости, о Мудрый, но смертные не могут грести непрерывно. Им нужна еда и сон.

Изекиль степенно кивнул, разрешая остановку, и нубиец облегченно скомандовал:

– Якоря за борт! Здесь ночуем, лентяи!

Спереди послышался громкий всплеск, стало видно, как стремительно разматывается с бухты шершавый, сплетенный из конопли, канат – пока не выбрался весь и не натянулся тетивой, заставив содрогнуться усталое судно.

– Дна нет… – изумленно выпрямился на носу гребец. – Мы не достали дна, почтенный Тут-Иси-То.

– Такого быть не может! – Нубиец широкими шагами промчался по центральному проходу, схватился за канат, насколько раз его дернул и отпустил, словно пытался избавиться от зацепа, и уже менее уверенно произнес: – Берег же рядом… Вот он, берег.

Изекиль отвернулся и ушел под навес.

В этот раз холод был настолько силен, что жрецу не удалось даже сомкнуть глаз. Он с завистью думал о смертных, сбившихся под парусиной и греющих друг друга общим дыханием, – но присоединиться к ним посчитал ниже своего достоинства. Однако сон не шел, и Мудрый Изекиль, устав ворочаться с боку на бок, поднялся и выбрался на палубу. И тут он увидел такое, отчего ноги безвольно подогнулись, и жрец упал на колени, восхваляя всесильную Аментет, могучего Анубиса и Великого, Сошедшего с Небес, что семнадцать столетий назад создал этот мир: в черном ночном небе, затмевая звезды и отбрасывая на сверкающий берег призрачные блики, плясали огромные, неправдоподобно яркие, разноцветные сполохи.

Из-под палубы на стук высунулся кормчий – и тоже замер, изумленно отвесив челюсть.

– Дядь, дядь… – забормотал мальчишка, вылезший следом за нубийцем. – Дядь, глянь…

Тампарщик смотрел не на небо, и жрец перевел взгляд туда, куда показывал мальчик. Там, по тихому морю, очень медленно, словно таясь, к судну подкрадывался берег. Скалистый, с торчащими на высоту двух-трех человеческих ростов белыми

отрогами.

– Великий Анубис, что же это? – в ужасе сглотнул кормчий. – Что это, Мудрый Изекиль?

Служитель богини смерти промолчал, глядя вперед – туда, где на удалении в половину стадии берега уже столкнулись. Там трещали и рушились отроги, вздымалась складками равнина, летели в воздух белые осколки и бесцветная облачная пыль. Пролив, на гладкой поверхности которого замер в ночи корабль, неумолимо сужался, и точка сокрушительного соприкосновения быстро приближалась к спящему судну.

– Я все понял жрец, – неожиданно горячо зашептал нубиец. – Ты ведь слуга Небесного храма? Ты служишь Аментет? Я все понял! Ты привел нас в Дуат, ты притащил нас к своей богине. Плавающие острова, светящееся небо, обжигающий воздух… Мы плывем по реке смерти, да? Мы все умерли, мы попали в Дуат?!

Мудрый Изекиль молча положил руку ему на затылок, привлек к себе, впился губами в губы, сделал глубокий вдох, всасывая в себя немалые силы, накопленные кормчим за его долгую жизнь, и его слабенькие глупые душонки. Нубиец обмяк и мертвой тушей обрушился на доски. Мальчик испуганно вскрикнул, но жрец предупреждающе прижал палец к губам и покачал головой:

– Молчи. Я хочу побыть в тишине. Ступай вниз.

И перепуганный тампарщик торопливо спрятался в логово кормчего под задней надстройкой.

Изекиль выпрямился, развернув плечи, втянул жгучий воздух странного мира, поднял лицо к полыхающим в вышине сполохам. Это было прекрасно. Это было воистину прекрасно. И если таким образом всесильная Аментет показывала ему, сколь красив и таинственен ее мир, мир Дуата, – она почти соблазнила его.

– Сладость Твоя в чистом небе,
добротой Твоей исторгаются души.
Любовью Твоею слабеют руки.
От красоты Твоей немеют персты.
При Тебе замирают сердца…[8] —

невольно прошептал он молитву своей богине.

Подкравшийся слева берег легонько подтолкнул корабль в бок, начал двигать к равнине, раскинувшейся по правую руку. Нарастал треск быстро приближающегося столкновения.

– Но если я уйду к тебе, всесильная, кто возвысит имя твое в этом мире?

Шум, мелкие толчки заставили гребцов под парусом

заворочаться, две головы даже выглянули наружу – и замерли, глядя в небеса.

Корабль резко ударило о правый берег. Жреца качнуло. Он сжал в руке изображение Амамат, шагнул через борт, спрыгнул на землю, немного отошел по похрустывающей крупяной почве, оглянулся. Белые скалы наваливались на судно сверху – папирус сминался с легким шуршанием, словно солома в пасти усталого вола. Послышался громкий щелчок, мачта подпрыгнула вверх, одновременно из воды показалось черное днище, поросшее длинными водорослями, похожими на львиные волосы. И только в этот миг послышался громкий человеческий вопль. Край ровного берега сломался, задираясь, и скрыл от служителя Небесного храма корабль. Потом земля сломалась ближе к нему. Скала приподнялась, приблизилась на несколько шагов, опустилась. И остановилась, словно добилась всего, чего хотела.

Изекиль отпустил амулет верховного жреца, повесил его себе на шею, подошел к белой скале, коснулся ее ладонью. Она была холодна, точно камни ночной пустыни. А земля под ногами – прочна как камень, будто и не сминалась всего миг назад, словно лист пергамента. От громадного морского корабля, способного нести на себе полсотни людей и порядочное количество груза, остались всего несколько папирусных стеблей, лежащих у основания белого утеса.

Москва, подземелье Боровицкого холма.

24 сентября 1995 года. 20:00

Изекиль, завернутый в тяжелую парчовую мантию, вошел в алтарный зал и с удивлением остановился, обнаружив, что находится здесь один. Потом усмехнулся:

– Надо же. Кажется, наш неизменный Славутич нашел себе дело куда более интересное, нежели обнимать свой любимый алтарь…

Член Круга еще раз огляделся, потом быстрым шагом подошел к столу и впечатал раскрытую пятерню в его центр. На лице его появился злорадный оскал, рука начала багроветь, но колдун прижимал и прижимал руку к источнику силы, пока тот наконец не притух, истратив всю возможную энергию.

– Вот так! – решительно выдохнул маг. – И только так! Эти несчастные надеялись, что алтарь выживет меня из Круга. Что я инородец, и алтарь не примет меня, что пребывание здесь станет для меня нестерпимой мукой. Славяне просто не знают, что есть

настоящая мука. Хотел бы я посмотреть на Ахтара или Славутича, если бы их заперли на сотни лет в нестерпимом холоде, или еще столько же кидало на волнах, как дохлую крысу! Они бы быстренько решили, что устали, и сбежали бы в блаженное небытие.

Он посмотрел на свою руку, похожую на раскаленную докрасна железную перчатку, потом снова положил ладонь на стол:

– Здесь будет та и только та власть, какую я пожелаю, и никакой иной! И меня не остановит ничто и никогда!

Эхо принесло в алтарный зал звук шагов из какого-то коридора. Маг тут же отдернул руку, спрятал ее под полу мантии и опустился на свое кресло. Спустя минуту из узкого кирпичного прохода показался еще один колдун в ритуальной мантии. Правда, он не прятал лица под капюшоном, и Изекиль с облегчением кивнул:

– А, это ты, Унслан.

– Рад видеть тебя, учитель.

Второй маг – лет тридцати, с короткой бородкой, аккуратно подбритой на шее и щеках, и волосами, перехваченными на лбу мягким сыромятным ремешком, – поклонился и тоже сел в кресло.

– Что-то не видно совсем нашего друга, Великого Славутича, – покачал головой Изекиль. – Странно.

– Старик заметно ослаб в последние дни, – проговорил Великий Унслан. – Алтарь тоже почти не дает энергии. А ведь Славутич не один, ему нужно делиться силами с целой прорвой русских «белых магов».

– Он совсем устал, – многозначительно согласился Изекиль, и оба мага понимающе улыбнулись. – Великий Славутич очень устал и уже ничего не способен изменить, – продолжил Великий Изекиль. – Похоже, святой Ипатий сильно промахнулся, пророча гибель Руси в две тысячи четвертом году. Не будет к тому времени ни белого витязя, ни северной столицы, ни самой Руси. В следующем году уже не будет. За последние два года, как Славутич ни дергался, я скормил в Чечне черным магам, служителям смерти, сто сорок тысяч русских. Они пили из них энергию как хотели: жгли, пытали, резали, топили, стреляли. Думаю, ныне там наберется не меньше тысячи колдунов, не считая их учеников, неофитов и просто рабов. И все они сыты, полны сил и преданы мне, как самой Аментет. Пора двигать их сюда, к славянскому сердцу. И уже к концу года мир забудет о такой стране, как Россия. Нам надо торопиться. Годы проносятся как ветер. Если спящий проснется до того, как весь мир примет

руку всесильной богини, он разнесет все наши старания в пух и прах.

– Кого-кого ты собираешься двигать? – появился в алтарном зале третий член триумвирата. Медленными шажками Славутич добрел до кресла, буквально упал в него, прижал к камню ноги, а дрожащие ладони уронил на столешницу. – Это даже интересно.

– А ты, что, намерен мне помешать? – Ради откровенного разговора Изекиль даже скинул капюшон, показав свое выцветшее от времени лицо. – Интересно, как? Решение Круга определяется большинством – двумя нашими, с Великим Унсланом, голосами. Поэтому все белые маги получат запрет противиться моим слугам под страхом отлучения от алтаря. А другого способа получить энергию жизни они не знают. Русские воинские части получат приказ не открывать огня, дабы избежать кровопролития и не провоцировать протесты международного общественного мнения. И они этот приказ выполнят, как не раз подчинялись в Чечне, когда я запрещал добивать своих слуг, что попадались им в руки, и сопротивляться, когда мои слуги брали их «в клещи». И уже к первому снегу мои слуги появятся на московских улицах.

– Если ты имеешь в виду бандитов, насильников, воров и прочих висельников, Великий Изекиль, – Славутич снимать капюшона не стал, – то ответь, кто поведет эту толпу?

– Ты думаешь, у меня мало опытных, сильных магов?

– Было много опытных магов, – мягко поправил собеседника Великий Славутич. – Наверное, ты мало интересовался последними новостями. В Чечне прекратились скоординированные действия банд. Там осталось только тупое уголовное быдло. А всякие эмиры, кумиры, инструктора и заплечных дел мастера, сползшиеся на Кавказ со всей Европы, сгинули в момент, словно их никогда и не было. Пропали и проповедники сатанизма, что проповедовали ваххабизм в Поволжье, Уфе, Татарстане. Не стало их со вчерашнего дня – и все тут. То ли умерли все враз, то ли затаились. Авиация Соединенных Штатов прекратила бомбежки в Боснии и Герцеговине, а их Средиземноморский флот отошел от побережья Югославии. Хорваты и мусульмане прекратили давить на сербов и запросили мира. Во Франции оборвалась череда взрывов в метро и магазинах. Неужели ты совсем не смотришь новости, мой дорогой Изекиль?

– Этого не может быть… – чуть не впервые за все время членства в триумвирате в голосе Великого прозвучала растерянность.

Он перевел взгляд на Унслана, и тот потупил взгляд:

– Простите, учитель, я не успел сказать. Три дня назад

случилось знамение. Явление Спасителя в облаках.

– Какой Спаситель, какое знамение?! – с яростью прошипел колдун.

– Я подумал, Великий, что тебе будет интересно, и прихватил пару снимков, скопированных внешней разведкой… – Славутич сунул ладонь в рукав, вытащил оттуда две большие глянцевые фотографии и кинул на стол. – Это явление было зафиксировано не нами, а орбитальным американским телескопом «Хаббл» три дня назад[9]. Созвездие Змеи, туманность Орла. На таком расстоянии с Земли фокусы не организуешь. К тому же Исус Христос, шествующий по облакам в нашем направлении, имеет рост в одну пятую светового года. Он удивительно молод, правда?

– «Тогда явится знамение Сына Человека, и узрят Сына Человека, грядущего в облаках небесных с силою и славою»[10], – тихо пробормотал третий член Круга.

– Что ты несешь, Унслан?! – вскипел Великий Изекиль. – Какое знамение? Ты хоть знаешь, кто вписывал в Новый Завет эти слова?!

– Какая разница, кто и зачем вписывал вещие слова? – пожал плечами Славутич. – Главное, что в них уверовали. Ты совсем забыл, Великий, что мало кто из магов близок тебе по возрасту. Никто из них не помнит, как рождалась Церковь и ради чего произносились слова пророков. Но многие из них ощутили на себе дыхание Святой Инквизиции, каждый из них так или иначе столкнулся с силой, за сотни лет намоленной на святые кресты многими миллионами людей. И каждый знает, что Церковь – очень опасный противник. Во всех концах света три дня назад начали мироточить десятки икон. В храмах индуистских стало уходить жертвенное молоко, в Европе, Канаде, Азии и даже в США люди видели висящие в воздухе светящиеся кресты. Во многие города входили проповедники, провозглашавшие: «Спаситель идет!», после чего исчезали неведомо куда. Слишком много знамений сразу, чтобы в них усомниться. Христианский Мессия заявил о своем рождении. Это значит, что он придет к христианам, на христианские земли, сметая зло и ненависть. Твои слуги решили не рисковать, Великий Изекиль, и смылись отовсюду, где только распространено православие.

– Проклятые идиоты! – Колдун взялся за края капюшона и накинул его обратно себе на голову. – Но ведь мы с тобой знаем, Славутич, что все это – пустые фокусы. Мессии не будет. Ни сегодня, ни завтра, ни через год, ни через два. Мои ученики успокоятся и через пару лет вернутся назад. Что такое для нас несколько лет, Славутич? Единый миг! Что он изменит?

– Иногда даже миг способен решить судьбы Вселенной,

Великий Изекиль, – ответил его собеседник. – И если я могу подарить своей земле хоть краткий миг покоя, я никогда не откажусь от такого шанса.

– Значит, это все-таки ты… – каркающе рассмеялся колдун. – Ладно, будь по-твоему. Я дарю тебе эти два года, раз уж тебе так хочется. Я ждал слишком долго, пара лет не изменят для меня ничего. Чего еще ты хочешь мне сказать, Великий?

– Хочу сказать, что только что рассыпалась партия «Яблоко». Ее организаторы разбежались в разные стороны. На Урале остановлены два залоговых аукциона, на Сахалине оказалось некому подписывать договор о концесии на тамошние нефтяные месторождения… Должен сказать, Изекиль, ты напрасно так сильно рассчитываешь на своих воспитанников. У поклонников твоей черной мудрости никогда не было ни родины, ни совести, ни чести. Они не служат никакой стране и никакой идее. Все они похожи на того бессмертного горца, про которого Голливуд недавно снял модное кино. Единственное, о чем они думают, – так это о том, как снести чужую голову и спасти свою. Они не способны ни на жертвы, ни на лишения и всегда смываются при первой серьезной опасности. Через пару лет – может, даже через год – они, конечно, успокоятся. Но когда ты снова начнешь созывать их под свои знамена, очень многие предпочтут не рисковать.

– Однако ты умеешь поднять настроение, Славутич, – наклонился вперед Изекиль. – Очень прошу тебя, побереги свои силы, не покидай нас. Я хочу, чтобы ты увидел, чем кончится наш спор. Очень скоро кончится.

– Ты не знаешь, Великий Изекиль, – склонился навстречу белый маг, – почему уроженцы земель русских в беде просят спасти их жизни или души, а уроженцы твоих владений всегда просят спасти только их задницы? Может быть, для твоих учеников самое главное – все-таки не голова?

– Посмотрим, что придется спасать русским в новом веке, Великий Славутич! – Колдун резко встал. – Что-то холодно здесь сегодня. Пойду погреюсь. Великий Унслан, может, ты тоже хочешь сказать мне что-нибудь ласковое?

– Да, учитель, – чуть склонился молодой колдун. – Ты приказал мне найти молодого знахаря, который сдал Пустынника полиции.

– И что?

– Я нашел его, учитель. Он мертв.

– Хоть одно приятное известие за день, – скривился Изекиль. – И как он умер?

– Сегодня в полдень его выследил Пустынник и зарубил в

поединке на мечах.

– Пустынник! – вскинулся Великий. – Я совсем забыл про этого чистюлю! Насколько я его помню, после нескольких дней в подвале инквизиции он стал относиться к Церкви с необычайным трепетом. Палит души только на войне, никогда не участвует в жертвоприношениях и даже дань со смертных не собирает. Пустынник вряд ли испугается Мессии, он почти не замаран перед христианской верой. Где он, Унслан?

– Он в Петербурге.

– Это хорошо… – Колдун повернулся к Славутичу: – Ты слышишь это, друг мой? Не все черные маги одинаковы. Как, кстати, и белые. Кое-кто и не думает бежать от каждого чиха. Хочу напомнить тебе, Великий, что, принимая меня в Московский Круг, ты взял с меня обещание уничтожить Круг Северный. Мы связаны клятвой, Великий Славутич, и ты никак не сможешь помешать мне вычистить Петербург еще раз. Ведь я всего лишь выполняю твою волю. За что большое тебе спасибо и от святого Ипатия, и от белого витязя, пришествие которого он совершенно напрасно предрекал. Я прополю этот городишко так, что там не то что магов, там домовых не останется! А теперь прошу прощения, мне нужно идти. Дела…

Глава вторая

Санкт-Петербург, лесопарк «Сосновка».

24 сентября 1995 года. 20:05

Над дрожащим мелкими волнами прудом поднимались оранжевые клены, бело-желтые от чахнущей листвы березки, темные, почти черные ели, желтовато-зеленые сосны. Каркала на вершине серебристой плакучей ивы ворона, пара уток что-то выискивала в воде под самым берегом. Если бы не доносящееся со стороны проспекта Тореза позвякивание трамваев, гул проносящихся на полной скорости машин – можно было бы подумать, что они находятся где-то в глубине дикого леса, а не в центре одного из крупнейших городов Европы.

– Как хорошо, – выдохнула Таня. – Согласись, Толя, когда сидишь вот так, на берегу, начинаешь понимать, что ты все-таки часть природы. Ничем не отличаешься от тех же птиц, зверей. Ты так же дышишь, тебе так же хочется есть, у тебя такая же красная кровь. Понимаешь, что вся наша цивилизация – это наносное, это что-то вроде камеры, в которой мы оказались по собственной воле. Хочется уехать далеко в лес, остаться там один на один с деревьями, травой, животными. Собирать грибы и ягоды, ловить зайцев и кабанов. Есть настоящую, естественную пищу, дышать настоящим, чистым воздухом. Да, Толя?

Скуластый беловолосый мужчина лет сорока, который сидел рядом с ней на брошенной на землю куртке, криво усмехнулся. Четыреста пятьдесят лет назад ему довелось прожить наедине с природой чуть больше двадцати годов в землях племени гуронов, и он не испытывал особой ностальгии по тем, отнюдь не романтическим временам. Однако вслух Пустынник сказал совсем другое:

– Так в чем же дело, Танечка? – удивился он. – Машина в двух шагах, бак полный. Поехали.

– Как у тебя все легко получается, – покачала головой женщина. – Сели и поехали…

Она прижалась к Пустыннику, положила ему голову на плечо:

– Толенька, милый мой… Иногда мне кажется, что мы не пару дней, а уже много лет рядом. Не верится, что ты у меня есть…

– Э-э, Марк, ты глянь, голубки какие! Прямо как собачки

лижутся!

– Да какие голубки? Вороны недощипанные!

Пустынник повернул голову. Парней было шестеро. Лет по восемнадцать-двадцать. Двое бритых наголо, половина в пухлых куртках, половина в свитерах. И все – в джинсах и тяжелых, с высокой шнуровкой, ботинках. Энергия агрессивности и превосходства, которую они излучали, не оставляла никаких сомнений в том, чем окончится встреча с ними вдали от свидетелей. Мужчина вздохнул, наклонился к торчащему из земли ивовому прутику в палец толщиной, сломал его у основания, резким движением оборвал кору.

– Вот ведь уроды, все настроение испортили… – Он поднялся, отряхнул брюки.

– Эй, ты на кого вякаешь, старпер?! – моментально отреагировали парни. – Кого ты уродом назвал?

Они стали быстрым шагом спускаться по склону.

– Мальчики, не надо! – вскочила женщина.

– А бабенка-то ничего, – усмехнулся один из бритых. – Есть чего пощупать.

– Мальчики…

Бритый, а следом и еще один парень стали заходить справа, отрезая Тане путь к отступлению, на их губах появились глумливые улыбки; пальцы рук шевелились, словно предвкушая, как будут бегать по горячему женскому телу. И только Пустынник совершенно точно знал, чем завершится эта стычка. Настолько точно, что даже не видел необходимости заговаривать свой прутик никакими заклинаниями.

– Надо извиниться, старпер, – посоветовал парень в красной куртке. – А то электорат обижается.

Он собрался заржать своей шутке, но не успел: Пустынник с размаху, словно пасуя футбольный мяч, ударил его ногой в пах. Парень, захрипев, согнулся.

– Ах ты гад! – ринулся вперед второй бритоголовый.

Мужчина чуть заметно улыбнулся, отклонился от летящего ему в лицо кулака, поймал рукав свитера, хорошенько дернул. Потерявший равновесие противник пролетел мимо и, поскользнувшись на влажной траве, с громким плеском ухнулся в воду.

– Ну ты козел! – Против Пустынника остались двое, один в сине-оранжевой куртке, второй – в темно-коричневой «водолазке», связанной из грубой шерсти, больше похожей на паклю. – Ну ты за это ответишь!

Тот, что в куртке, сунул руку за спину и вытащил охотничий нож. Второй достал из кармана тонкую «финку». Мужчина

покосился: первый бритоголовый и его приятель удерживали Таню за руки, но пока ничего не делали, наблюдая за схваткой. Второй бритоголовый все еще барахтался в воде, не в силах выбраться на скользкий глинистый берег. Парень, получивший привет между ног, с воем катался по земле.

– Ну и что вы теперь сделаете, дети ехидны? – Пустынник со свистом рассек прутом воздух. – Зарежете меня, да?

– Ты козел! – Подросток годиков восемнадцати, полусогнувшись, грозно размахивал охотничьим ножом, словно держал в руках настоящее оружие. – Ну ты теперь получишь! Ты у меня получишь!

– Ну и? – развел руки в стороны мужчина. – Когда?

– Иди сюда, козел! – Продолжая подпрыгивать, паренек перекинул охотничий нож из руки в руку, потом обратно. – Иди сюда, ты получишь по полной!

– Ладно, иду! – кивнул Пустынник и все так же, с широко разведенными руками, начал медленно подступать. – Так хорошо?

– Ну ты сейчас получишь!

Теперь их разделяло не больше полутора метров – мужчина, резко взмахнув правой рукой, сделал шаг вперед. Парень, по глазам которого хлестнул гибкий ивовый прут, вякнул от неожиданности и боли, вскинул руки к лицу, а Пустынник обратным движением вогнал основание прута ему в горло. Крик сменился хрипом, руки неудачника сместились с лица на шею, между пальцами проступила кровь. Шаг в сторону – кончик прута стремительно мелькнул в сыром воздухе и уперся кончиком в нос обладателю «водолазки». Тот, не долго думая, кинул нож и бросился наутек.

– Мы с тобой иначе поговорим… – Первый бритоголовый отпустил женщину и вытащил из-под куртки арматурный прут в локоть длиной. – Посмотрим, как ты теперь запоешь…

– Бараны безмозглые… – Пустынник подобрал с земли куртку, на которой сидели они с Таней, сунул левую руку в рукав, быстро обернул полы вокруг предплечья. – Я в ваши годы две войны прошел, на поединках рубился без счета. А вам, уроды, даже упряжь застегивать не доверю.

– Сейчас узнаем… – Бритый подскочил, из-за плеча замахнулся арматурой.

Однако тот, кто когда-то носил имя дона Альфонса де Тахо, сына идальго Эбро Тахо из Толедо, принял удар на толстый слой ткани, отмахнул в сторону, правым кулаком ткнул врага в глаз – не сильно, но точно, – крутанулся вокруг оси и отработанным ударом рубанул его по основанию затылка. Прут, жалобно

свистнув, оставил на коже узкий багровый рубец.

– Ох, нечистая сила, забылся совсем! – Пустынник откинул прут, кивнул женщине. – Танечка, очень тебя прошу, иди к машине. Я сейчас тебя нагоню.

Последний из парней куда-то бесследно сгинул, и женщину больше никто не удерживал.

– Ты за это поплатишься, гнида… – Бритый, ощупав глаз, начал подступать.

– Таня, уходи, очень тебя прошу, – попятился мужчина. – Я из-за тебя нервничаю. Иди, не смотри на все это. Я быстро…

– Что быстро?! – Парень опять взмахнул железным прутом, но на этот раз, отбивая его левой рукой в сторону, Пустынник шагнул вперед, выкинул вперед локоть, кроша им противнику зубы и одновременно слегка поворачиваясь. Его пальцы прочно сомкнулись у врага на запястье, и маг, отступая назад, резко развернулся в обратную сторону. Бритый взвыл, падая на колени, а мужчина без всякого труда вынул из вывернутой руки прут, прижал его парню к горлу, резко чиркнул. Тот жалобно всхлипнул, затаил дыхание.

– Н-н-да… – недовольно поморщился урожденный идальго. – До чего люди докатились, глотку нечем перерезать.

Он вынул арматурину из-под горла, коротко щелкнул ею врага по затылку. Бритый упал носом в траву.

– Ах ты, тварь долбаная… – Первый из пострадавших наконец справился с болью, выпрямился, хотя и не до конца, и зачем-то достал выкидной нож.

Пустынник, проходя мимо, ударом арматурины по кулаку выбил у него оружие, обратным движением рубанул по виску. У парня мгновенно подкосились ноги – он упал и затих. Мужчина же побежал за бедолагой в куртке, который, зажимая горло, мелкой трусцой торопился к кустам, и без всякой жалости огрел его прутом меж лопаток:

– А ты куда? Ну-ка, пошел обратно!

– Дяденька, не надо… Дяденька.

– Топай, не отвлекайся, – одарил его пинком победитель, дошел до берега, протянул руку бритому, все еще барахтающемуся в грязи: – Давай, вылезти помогу.

– Да пошел ты знаешь куда?! – отступил подальше в воду тот. – Хрен ты моржовый, дупель старый! Тебя, что, трогали?! Мурло африканское.

Бритоголовый сплюнул и побрел вдоль берега по пояс в воде.

– Эй, чуня, – окликнул его Пустынник. – А почему «африканское»?

– Иди ты в жопу, – даже не обернулся тот. – С остальным,

значит, не споришь? Хрен… Дупель…

– Ладно… – Мужчина обернулся к единственному стоящему на ногах противнику, и тот испуганно вскинул руку, заслоняя лицо:

– Не надо меня бить, дяденька. У меня горло перерезано. Я уже крови потерял… – Он всхлипнул. – Мне «скорую» нужно, я умираю.

– Зовут тебя как? – Маг бросил прут, размотал с левой руки куртку, накинул ее на плечи.

– Се-ерге-е-ем.

– Нож дай.

Паренек протянул охотничий нож, который все еще сжимал в руках – Пустынник принял оружие, решительным движением отрезал полу от его куртки, запустил руку в волосы, отпорол прядь, положил на ткань, дернул свою жертву за руку, смочил обрезок кровью, скрутил, спрятал в карман. Отрезал от куртки еще лоскут:

– Как того зовут? – указал он на свою первую жертву.

– Д-дима.

Мужчина отхватил прядь его волос, резанул кожу на загривке, смочил ткань в крови, свернул, спрятал в карман. Вернулся к Сергею за третьим лоскутом:

– Как того, бритого, зовут?

– Ж-жора… Георгий. А зачем вам все это, дяденька?

– Не знаю, – пожал плечами Пустынник. – Но почему бы не запастись рабами, если есть такая возможность? Авось пригодитесь.

Он приподнял голову третьего парня, подсунул ткань под разбитый рот, задумчиво оглядел бритую голову и отхватил мочку уха:

– Любишь уши – чуб на беду нужно оставлять. – Пустынник скрутил последний лоскут, обернулся к хныкающему пареньку: – Хватит выть. Шкура у тебя там разодрана, и ничего больше. А в парк вы сегодня пришли зря. Очень зря.

Колдун откинул нож в пруд и быстрым шагом направился в сторону Тихорецкого проспекта.

– Толя, ты цел? Они тебя не ранили? – кинулась навстречу Таня, которая не дошла-таки до машины и дожидалась неподалеку. – Господи, как я испугалась…

Женщина обняла колдуна, начала покрывать его лицо поцелуями, потом внезапно отпрянула и принялась ощупывать:

– Тебя точно не ранили? Надо милицию вызвать!

– А, шпана, – небрежно отмахнулся Пустынник. – Было бы на что внимание обращать.

– Так тебя точно не задели?

Колдун перехватил ее руки около запястий, положил себе на плечи, потом привлек Таню к себе и крепко поцеловал:

– Не беспокойся. Не такие они герои, чтобы с нормальным человеком справиться. Пойдем…

Пустынник обнял ее за плечи и повел к машине.

Спустя пятнадцать минут они уже входили в ее однокомнатную квартиру на проспекте Культуры.

– Так тебя точно не зацепили? – уже в который раз переспросила Таня. – У меня есть медицинский клей.

– Точно не зацепили, – повторил колдун, ставя сумку с продуктами под вешалкой и снимая ботинки. – Не беспокойся.

– Вот ведь сволочи какие! Я сейчас, руки помою и на ужин чего-нибудь сделаю. – Женщина свернула в ванную, а Пустынник подхватил сумку, прошел на кухню, воровато оглянулся, вынул из кармана тряпочные лоскутки и запихнул их за тумбу, в щель между задней стенкой и обоями. Чуть отступил: вроде незаметно. Он расстегнул куртку и, стаскивая ее, направился обратно в коридор.

– Тебе кофе сделать? – поинтересовалась Таня, вытирая руки.

– Нет, спасибо, – мотнул головой мужчина. – Мне после всего этого душ принять хочется.

Он вошел в ванную, скинул одежду, повесив ее на горячую батарею, включил воду, шагнул под обжигающие струи, которые прогревали тело, разгоняя по нему густую черную кровь, смывали пыль и усталость. А когда, накинув на плечи новую рубашку, он вышел наружу, то обнаружил, что в квартире стоит мертвая неестественная тишина.

Таня сидела в комнате, на краю дивана, поджав под себя ноги и поставив подбородок на колени, и смотрела в черный экран выключенного телевизора. На щеках поблескивали влажные дорожки.

– Ты чего, хорошая моя? – осторожно присел он рядом.

– Ничего… – дернула она головой.

– Танечка, единственная моя… – Он протянул руку и осторожно погладил ее волосы. – Что случилось?

– Ничего… – Она сглотнула, из уголков глаз опять выкатились слезинки. – Господи, как я испугалась… Я думала, что это все… Только в жизни хоть что-то хорошее произошло – и все сразу рвут, уничтожают, отнимают. Почему?

– Не бойся, милая… – Пустынник обхватил женщину, сжал своими сильными руками. – Не бойся ничего и никогда. Пока я с тобой, ничего не случится. Не дам, не позволю…

Он нашел губами ее соленые губы, поцеловал. Таня

заплакала сильнее, но при этом пылко отвечала на его ласки. Пустынник продолжил целовать ее глаза, щеки, губы, острый носик, подбородок, а затем, удивляясь столь странному переплетению эмоций страсти, жалости и страха, начал расстегивать пуговицы на ее блузке…

Маг проснулся от очень странного ощущения, и далеко не сразу понял, что слышит звук будильника. Он приподнял голову, пытаясь сообразить, где находится, покрутил головой. Низкий потолок, покрытый побелкой, комнатушка метров двадцати, потрепанный шкаф. На виллу в Небраске не похоже…

Рядом зашевелилась женщина, поднялась, толкнула пластиковую панельку часов, обрывая занудливый писк, поправила волосы.

– Таня… – узнал ее маг, и лишь после этого грубо выдернутый из небытия разум включился, начал работать: Россия, Санкт-Петербург. Заказ от Московского Круга и… И месть. – Танечка…

– Отвернись, – не сильно, но требовательно ткнула его носом в подушку женщина. – Не хочу, чтобы ты видел меня такую. Сонную, мятую и растрепанную.

– Ты куда? – послушно закрыл глаза маг.

– На работу, – зевнула она, и диван, расправляя пружины, облегченно скрипнул.

– Ты ведь раньше не ходила.

– Ты чего, Толя, – рассмеялась женщина. – Мы ведь с тобой только в пятницу вечером познакомились. Забыл?

– Не ходи, – предложил Пустынник. – Честное слово, Танечка, бросай ты эту ерунду. Оставайся со мной. У меня есть некоторые доходы, нам с тобой хватит. Правда. Я не такой нищий, как кажусь на первый взгляд.

– Так сразу и бросай?

– А почему нет? – Он открыл глаза. – Таня, ты самая прекрасная из женщин, которых я только встречал в своей жизни. Я совершенно не представляю теперь, как можно существовать без тебя. Я хочу, чтобы ты находилась со мной рядом каждый день и час, каждую минуту. Я люблю тебя, Таня. И прошу: не уходи.

Женщина, запахнув халат, замерла. Потом опустилась на край постели, протянула руку, коснувшись его лица теплыми подушечками пальцев.

– Ты знаешь, – тихо ответила она. – Мне кажется, я без тебя тоже теперь не смогу.

– Так оставайся!

– Нет, – возразила Татьяна. – Не хочу становиться

содержанкой.

– При чем тут это? – приподнялся на локте маг. – Просто мы будем вместе!

– Мы и так будем вместе, – кивнула она. – Но не потому, что ты богаче и можешь себе это позволить. А потому, что мне хочется этого так же, как и тебе. Я готова отдать тебе свою свободу. Но не по необходимости. А потому… Потому, что тоже тебя люблю. А теперь извини, мне нужно торопиться.

Она вышла из комнаты, и вскоре послышался шелест водяных струй из ванной.

– Однако, – приподнял брови Пустынник. – Дама желает сохранить самостоятельность.

Он встал с постели, сладко потянулся, подошел к окну, раздвинул занавески и тут же, выругавшись, задернул. Он совсем забыл, что находится не на своей вилле, где окна спальни выходят в густой сад, а в чужом городе с домами, чуть не соприкасающимися стенами друг с другом.

– Что случилось? – заглянувшая в комнату Таня уже застегивала блузку.

– Склероз, – усмехнулся колдун. – Тебя подвезти?

– Нет. Мне нужно время, чтобы прийти немного в себя, прежде чем я смогу заняться обычными делами. Ты не обиделся, Толя? Я действительно…

– Нет, – перебил ее Пустынник, – не обиделся. Ты права: когда женщина находится рядом не по необходимости, а потому, что сама этого хочет, это намного приятнее. Я сделаю все, чтобы у тебя никогда не появилось желания остаться одной. Пусть даже и имея для этого все возможности.

Таня оправила блузку, застегнула сбоку юбку, потом неожиданно опустилась на колени и поцеловала мужчину в живот. Тут же поднялась и почти побежала к дверям.

– Все, я опаздываю. До вечера!

Ее касание неожиданно вызвало в теле колдуна горячую волну, и он чуть ли не впервые за несколько веков пожалел, что не способен к обычной, плотской связи. Пожалел – и выкинул из головы ненужную мысль. Повернулся к окну, чуть приоткрыл занавеску. Снаружи с серого неба на серые улицы вяло падал серый дождь, больше похожий на водяную пыль. Потерявшие листву серые деревья молитвенно вскидывали к низким серым облакам корявые ветки, по серым газонам выгуливали серых собак серые горожане, прячущиеся под серыми зонтиками.

Пустынник передернул плечами, отошел к дивану, скатал постель, кинул в ящик, сложил странное порождение малометражных квартир так, чтобы на нем было удобно сидеть,

включил телевизор и начал одеваться.

Собственно, что еще задерживает его в этом северном городе? Он отомстил Московскому Кругу за потерянное Око, истребив нескольких его магов; он отомстил молодому колдуну за то, что тот сдал его полиции. В принципе можно ехать домой, под жаркое солнце графства Лоуп, в свою виллу на берегу полноводной Северной Лоупы. Правда, «коровку» жалко бросать, до конца не выдоив. У себя дома, дабы внимания зря не привлекать, Пустынник от охоты воздерживался.

– Впрочем, от нескольких дней все равно ничего не изменится, – вздохнул он.

По собственному опыту колдун знал, что женщина не способна оставаться счастливой больше недели. Рекорд, установленный одной кривоглазой мексиканкой, – десять дней. И все. После этого каждая смертная перестает воспринимать любовника как дар и считает его своей законной собственностью, подарки – его обязанностью. Ласки воспринимает уже не как радость, а как свой подарок мужчине – дарует через снисхождение… Она перестает испытывать радость и вместо благодарности начинает требовать. Говоря проще – превращается в вампира. А Пустынник был не настолько живуч, чтобы прикармливать у себя на груди кровососов.

– Ладно, – решил он. – После нашей встречи прошло три дня. Осталось еще четыре-пять. Подкормлюсь, похожу по музеям, по театрам, полюбуюсь архитектурой. Все-таки это серое селение красивейшим городом Европы считается. Погуляю. Чем еще можно заниматься в этих холодных землях? А через пять дней рвану домой.

В этот миг он ощутил, что за ним кто-то наблюдает. Холодок меж лопаток, непонятный зуд сзади на шее, легкое головокружение. Даже не головокружение, а так – легкая слабость и пустота в мыслях. Пустынник сплюнул, торопливо застегнул молнию брюк, выскочил на кухню и обвел ее взглядом. Ну, разумеется, хрустального шара нигде не было. Вечно эти женщины с патологическим стремлением к порядку…

– Ты в Петербурге, мой юный друг?

Голос прозвучал из ничего, из пустоты вокруг, словно зарождался в самом мозгу. Однако Пустынник отлично знал, что в голове, среди нейронов, нечувствительных ни к боли, ни к заклятиям, никогда и никаких воздействий не бывает. Все, что человек ощущает – всегда происходит вокруг.

– Хороший город… – Колдун взял себя в руки, отошел к окну и присел на подоконник. – Когда здесь нет дождей, то тут почти красиво.

– Разве ты ищешь в здешних землях красоту? Я думал, что совсем другое…

Пустынник узнал этот голос. Голос старого, полумертвого, но очень, очень сильного и умного чародея.

– Другого мне получить не удалось, Великий, – ответил он, глядя на капающий кран. – Меня кинул один бесчестный маг. Имя ему – Изекиль, если ты знаешь такого, мой неведомый собеседник.

– Хватит валять дурака, Пустынник, – ответили ему из пустоты. – Ты отлично знаешь, что это я.

– То есть, – скорчил презрительную рожу колдун, – ты и есть тот самый Великий, что пообещал мне черепа трех арийцев, а вместо этого отнял у меня Око, а самого сдал полиции?

– Я тот, кто дал тебе работу, которую ты не выполнил, но все равно выдернул тебя из лап смертных, – решительно отрезал Изекиль.

– Я потерял Око, – повторил Пустынник. – Потерял, работая на тебя. Что может компенсировать такую потерю?

– А чего ты хочешь?

Пустынник промолчал, довольно улыбнувшись. Похоже, один из членов московского триумвирата нуждался в нем настолько, что предлагал назначить любую цену.

– У тебя, Великий Изекиль, все равно нет ничего, что могло бы сравниться с Оком.

– В Эрмитаже, в Русском музее, в Кунсткамере и Этнографическом музее есть очень, очень много артефактов, часть которых пылится на витринах, а часть гниет в запасниках, – ответил член Московского Круга. – У меня вполне хватит власти, чтобы отдать тебе то, что ты пожелаешь получить взамен. Такая компенсация тебя устроит, мой юный друг?

– Все, что я захочу? На мой выбор? – ощутил Пустынник холодок восторга. – Вообще все?

– Не все, а что-то одно, – поправил его Изекиль. – Но зато – на твой выбор.

– Хорошо, – согласился колдун. – В таком виде извинения принимаются.

– В таком виде извинения пока не даются, – в голосе Великого прозвучала усмешка. – Ты получишь свою компенсацию, если отправишь в Дуат всех тех, кто может состоять в местном Круге, Круге Северном.

– Это кого? – посерьезнел Пустынник.

– Всех, – зловещим шепотом откликнулся Изекиль. – Вообще всех, кто хоть как-то связан с магией. Я хочу, чтобы Петербург в магическом плане стал так же чист, как Северный полюс.

– Слишком обтекаемое поручение, – повел плечами колдун. – Заключать на такое договор – все равно что рисовать его на сигаретном дыме.

– Хорошо, я скажу точнее. Я посчитаю условие выполненным, если ты уничтожишь Анатолия Прокопенко, генерального директора и хозяина Северного Морского пароходства. Он получил свои акции с помощью колдовства, отвел взгляд сперва операторам реестра акционеров, а потом судьям Арбитражного суда. Если ты уничтожишь Николая Ретнева по кличке Зёва, что держит под собой перевозки и авторемонт в Московском районе. Убирая конкурентов, он нередко напускал на них порчу, мор и вообще не раз пользовался магией. Если ты отправишь к предкам Юлию Галкину, ясновидящую с Фонтанки. Она дает клиентам слишком точные советы. Еще у меня на подозрении Анатолий Рукавицын, что сидит консультантом в ДЛТ, и Виктория Перекатова с Финской улицы. За них всех вместе взятых я отдаю любой артефакт на твой выбор, Пустынник. Это все те маги, коих нам удалось засветить до того, как в Петербург поехал ты. А еще я прошу зачистить всех тех знахарей, колдунов и ясновидящих, кого тебе удастся встретить за время работы. За них, за каждого, получишь отдельную плату. Я хочу сделать Святой Петербург чистым от колдовства и не постою за расходами, ты меня понял?

– Вполне, – усмехнулся колдун.

– Ты согласен?

– Хочу аванс. Хорошую кучу денег.

– У тебя, что, проблемы с фантиками для смертных? – явно удивился Великий.

– Будет много хлопот, я застряну тут надолго. Не хочу, чтобы в окрестных «обменниках» и магазинах у смертных сложилось впечатление, будто после каждого моего посещения у них случаются недостачи. Здесь нигде нет достаточной суммы, чтобы подвести кассиров под ошибку один раз, а потом несколько месяцев изображать обычного человека.

– Ладно, – согласился Великий. – Я сделаю тебе почтовый перевод на главпочтамт. На имя. Скажем… Робинзона Крузо. Надеюсь, ты сможешь его получить?

– Легко, – кивнул Пустынник. – Сколько?

– Миллионов восемьдесят тебя устроят?

– Великий, – покачал головой колдун, – я ничего не понимаю в такой цифири. Сколько это по-человечески?

– Что-то около двадцати тысяч долларов.

– Тогда ладно, – согласился Пустынник. – На первое время хватит.

– А сроку тебе – месяц, – жестко сообщил Изекиль и исчез.

– Месяц так месяц, – поднялся с подоконника колдун. – Я-то справлюсь. Посмотрим, как ты держишь свои обещания. Хотел бы я только знать, чем тебе здешние знахари так не угодили, что ты готов их под корень, как черную оспу, извести?

Побережье Северного моря.

Весна 2405 года до н. э.

Волна с тяжелым гулом вынеслась на галечный пляж, отхлынула, снова набежала и опять ушла, оставив после себя темный продолговатый предмет, покрытый илом и поросший тиной. Новая волна с силой пихнула морской мусор, и он откатился от среза воды на несколько шагов.

С недовольным криком рядом приземлилась чайка, склонила набок голову, пару раз клюнула зеленую тину, но быстро пришла к выводу, что ничего вкусного на этой находке нет, и снова взмыла в воздух. Спустя немного времени к пахнущему гнилью тюку подбежала поджарая лисица. Принюхалась, вцепилась в край зубами, дернула к себе. Тюк повернулся еще на пол-оборота, в воздухе промелькнула белая пятипалая кисть и звучно стукнулась о камни. Лиса подпрыгнула вверх вдвое выше своего роста, моментально вздыбив шерсть, отскочила на несколько шагов, оскалилась. Больше ничего опасного не происходило, однако хищница решила не рисковать и потрусила прочь, повесив хвост едва ли не до самой земли.

Между тем жаркое весеннее солнце нагрело выброшенный морем предмет, оказавшийся человеческим телом, над ним закружился легкий прозрачный парок. Тонкая ткань, покрывавшая тело, местами высохла и посветлела. Волны больше не доставали до своей недавней игрушки, а та влага, что стекла, – бесследно ушла между камнями.

Вскоре после полудня на берегу показался новый гость – босая девочка лет десяти, закутанная в кусок волчьей шкуры мехом вовнутрь, зашитой на боку тонким кожаным ремешком, с бледно-рыжими волосами, сбившимися на голове в несколько колтунов. В руке девочка несла сплетенную из ивовых прутьев корзину без ручки, в которую собирала ракушки мидий. Мертвое человеческое тело не вызвало у нее особого испуга. Похоже, мертвецов ей уже доводилось видеть, и не раз, и она знала, что причинить вреда они никому не способны. Однако блеснувшая на шее утопленника желтая цепочка заставила ее остановиться. Девочка подошла ближе, осторожно потянула цепочку, вытянув

из-под ткани блестящую, словно новую, амулетку с изображением странного зверя: длинные зубастые челюсти, копна волос на голове, невероятно толстые лапы. Покрутив находку в руках, малышка наклонилась, чтобы снять цепочку с облепленной тиной головы, – и в этот миг утопленник открыл глаза.

– А-а-а!!! – кинулась прочь маленькая собирательница, вопя так, что крик ее мог бы поднять и мертвого.

Однако Изекиль предпочел не шевелиться. Он ждал этого часа слишком долго, слишком долго берег силы, чтобы потратить остатки их без явной пользы. Он ждал. Он привык ждать. Ждать, пока белое поле величаво плывет в бесконечной ночи, под яркими небесными сполохами; ждать, пока волны крошат его в куски, превращая в месиво плавучих камней; ждать, пока море кидает безвольное тело, унося непонятно куда. Он устал считать дни и ночи, он сбился с числа лет, он забыл, как шевелить руками и ногами. Он ждал воли всесильной Аментет – и богиня наконец решила вернуть его в мир.

Зашуршали по гальке новые шаги, послышался торопливый девичий говор. Жрец Небесного храма не понимал слов, но чувствовал, что речь идет о странном, непостижимом происшествии, которое наблюдала малышка. Ее собеседница, зрелая женщина, не верила своей дочери и шла к телу, явно рассчитывая доказать свою правоту. И это было хорошо…

– Видишь, Тиуки, он никуда не ушел. Он мертвый. Мертвые не умеют открывать и закрывать глаза… Смотри, какой камушек! – Женщина наклонилась над телом, протянула руку к амулету.

В тот же миг рука утопленника взметнулась вверх, схватив ее за локоть, рванула к себе. Несчастная потеряла равновесие, упала. Жрец лишь чуть подправил ее движение – так, чтобы губы жертвы попали ему на рот, и с наслаждением сделал глубокий вдох.

– А-а-а-а!!! – Девочка, позабыв про корзинку, мчалась к недалекому лесу. Изекиль был уверен, что отныне она никогда в жизни не забудет увиденного ею на берегу, никогда больше не выйдет к морю, а мертвецов станет обходить за сотню шагов. Но понимал он и то, что девочка наверняка расскажет о случившемся в своем селении. И хотя ей никто не поверит – кто-нибудь наверняка придет сюда за женщиной. А он был еще слишком слаб, чтобы доказывать смертным свое право на власть.

Служитель всесильной Аментет сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, попытался сесть, но тело отказалось повиноваться. Правда, приложенное усилие заставило содрогнуться грудную клетку. Потом еще и еще. Изекиль с

интересом прислушался к происходящему. Он совсем забыл, каково это – когда бьется сердце. Тело начало наполняться теплом – словно меленькие колючки шиповника росли от костей, пробираясь через мясо и плоть наружу, пока не вылезли из кожного покрова – и боль отпустила. Изекиль попытался сесть снова – и на этот раз тело послушно сложилось пополам, подтянуло ноги, оперлось на руки. Жрец немного передохнул, а затем встал во весь рост.

Ветхая шерстяная накидка, и так пережившая куда больше, нежели это возможно, расползлась под собственным весом и упала вниз, на лицо мертвой дикарки. В белое тело ударил свежий морской ветер, его обожгли солнечные лучи, окатило прохладой – странные, забытые, непривычные ощущения. Изекиль поначалу даже не мог понять, какие чувства что означают. Холодно ему или жарко? На плечи дует ветер или печет солнце?

Жрец покачнулся, но устоял. Опустил голову, осматривая гальку, сосредоточился, медленно наклонился, поднял храмовый ритуальный нож, выпрямился, зажав его в кулаке, и, покачиваясь и спотыкаясь через шаг, побрел к лесу, спеша укрыться среди зарослей, пока дикари не прибежали за своей соплеменницей.

Тело, отвыкшее от движений, подчинялось с трудом. За долгий, невероятно долгий срок служитель богини смерти разучился держать равновесие, а потому, дважды упав на пляже, к лесу дополз на четвереньках и только там снова выпрямился, удерживаясь за шершавые стволы. Медленно, никуда не торопясь, он брел от дерева к дереву, от куста к кусту, постепенно вспоминая прошлые навыки. К счастью, слух его работал так же четко, как и раньше – поэтому Изекиль услышал человеческие голоса задолго до того, как дикари появились в пределах видимости.

– Прости, всесильная, – пробормотал он, срезая гибкий ивовый прут, и принялся торопливо хлестать себя по бокам и ногам, бормоча молитву на отведение взгляда: – Кто увидит меня, тому глаза прутом выстегает, кто услышит – тому уши выхлестает, кто учует – тому нос отобьет, кто узнает – тому ветвь увидится зеленая, шипы колючие, птицы быстрые. Птицы улетели, весь вид унесли…

Он наклонился, положил ветки в хвою и прикопал ее серыми прошлогодними иголками. Потом прижался спиной к стволу. Дикари прошли шагах в сорока: пятеро мужчин в грубо выделанных и сшитых мехом внутрь шкурах торопились к пляжу, на несколько шагов обогнав плачущую девочку. В руках они сжимали короткие копья – кривые древки, каменные наконечники. На поясах висели кожаные мешочки, пучки ниток и

деревянные колышки. Лохматые, небритые, вонючие.

Изекиль с грустью покачал головой: вот он, мир без Сошедшего с Небес! Где бронзовые и золотые инструменты? Где тонко выделанная льняная ткань? Где красивые тела – гладко выбритые, чистые, умасленные благовониями? Куда сгинули Мудрость и Порядок? Нефелим уснул – и Вселенная тут же рухнула обратно в Хаос, из которого Великий вытаскивал ее столько веков!

Жрец вздохнул и двинулся туда, откуда пришли люди. Судя по тому, как быстро они появились, селение находилось где-то совсем рядом.

Найти деревню дикарей не составило труда. Уже через час пути Изекиль почувствовал запах дыма, прогорклого жира, тухлятины. А еще через полчаса жрец вышел к берегу широкой реки, на холме у которой и осели здешние смертные. И опять служитель всесильной Аментет с тоскою вспомнил города и поселки Кемета: каменные дворцы номархов, расписанные яркими красками храмы и статуи богов, советников Великого и его самого, окруженные прочными заборами жилища писцов и номариев. Да что там номарии, если даже обычные пахари обитали в двухэтажных домиках с узкими окнами, внутри которых они прятались от полуденного зноя, а на плоских крышах встречали закаты, попивая хмельное пиво, заедая его медовым инжиром и вознося молитвы милостивым богам ночи!

В дома, которые выстроили себе дикари, в Кемете никто не загнал бы даже клятвопреступников. Впрочем, и назвать это домами было нельзя – длинные ямы в земле, накрытые двускатными крышами, пологи из шкур вместо дверей, общие выгребные ямы внизу холма. Судя по тому, что костры горели снаружи, на улице, в дикарских жилищах не имелось даже очагов. Лодкам, что лежали на берегу, тоже было далеко до величественных кораблей Зеленого моря – узкие, выдолбленные из цельного бревна, они вряд ли могли не переворачиваться на воде без помощи чародейства.

Пользуясь тем, что его все равно никто не замечает, жрец подошел к ближнему костру, сел на белесый валун и протянул к огню руки. Рядом крутилась девушка лет пятнадцати. Она могла бы считаться красивой – если бы не накинутая на плечи грубая шкура, свисающая ниже колен. Голова была просунута в дырку, прорезанную посередине цельного куска, а толстая веревка, опоясывающая бедра, не позволяла примитивному одеянию сползать с тела. Спереди и сзади болтались оставленные на своем месте лапы неизвестного зверя. Наверное, они считались украшением.

Впрочем, имелось у девушки еще одно украшение: на нитке, свисающей с шеи, помимо двух крупных клыков, поблескивали синие и желтые стеклянные бусины. Изекиль уже в который раз горестно втянул носом воздух: похоже, это было все, что осталось от могучего Кемета, страны-избранницы Нефелима, недавней столицы земли.

С дальней от реки стороны холма послышались горестные выкрики, истошный вой. Дикарка встрепенулась, подняла голову, отерла ладони об одежду, побежала туда. Изекиль не шелохнулся. Он знал, что случилось – в поселок принесли от моря покойницу. А потому жрец лишь ближе придвинулся к пламени, пропитываясь блаженным теплом.

Великий Амон-Ра не спеша уводил свою золотую ладью к горизонту, на мир опускались сумерки. Вскоре появились хозяева землянки: мужчина и женщина в возрасте, девушка, безусый юноша немногим старше ее и еще двое мальчишек, примерно семи и десяти лет. Все вместе они скрылись за пологом, но уже через мгновение дикарка выскочила наружу, выкатила из угасающего костра в глиняную плошку несколько угольков, опять ушла. Вокруг полога возник прямоугольник дрожащего красноватого света.

Служитель всесильной Аментет ждал – теперь он умел это лучше всего. Он подождал, пока погаснет свет. Потом подождал, пока утихнут шорохи. Затем подождал еще пару часов – на всякий случай. И лишь когда белый диск полной луны забрался в самый зенит, колдун поднялся, вознес богине молитву о «черном глазе» и вошел под полог.

«Черный глаз» не позволял жрецу различать цвета, но в остальном Изекиль видел все как днем. Изнутри землянка показалась куда более просторной, нежели снаружи. Здесь помещались сразу две широкие постели, на одной из которых отдыхали мужчина и женщина, а на другой дикарка прижималась к безмятежно посапывающему юноше. В торцевой стене были проделаны две укрепленные жердями полки, на которых, завернувшись в шкуры, спали мальчишки. Очаг внутри, как оказалось, имелся – тоже выкопанный в глине, рядом с узким столом. Под потолком, на тонких жилах, покачивалась пахнущая дымком крупная рыба.

Сперва жрец наклонился к мужчине – сделал глубокий вдох, чуть выждал, растворяя в себе полученную силу и душу. Затем поцеловал женщину. Молодые супруги отдали ему себя следующими, а в заключение жрец использовал мальчишек. Смертные ничего и не заметили, перенесясь из мира снов сразу в поля блаженства, а Изекиль осмотрелся в их жилище еще раз, но

уже более внимательно. Особого выбора тут не имелось – шкуры, кожи, меха. После короткого колебания служитель Небесного храма накинул на плечи меховое одеяние мужчины, просунув голову в дыру, украшенную двумя лисьими хвостами, на ноги натянул мягкие меховые сапоги, опоясался ремнем без пряжки, но с несколькими свисающими мешочками. Изекиль распустил узлы, заглянул внутрь и выкинул на стол ненужные ему огниво, костяные крючки и иглы, нити, похожие на льняные, и короткие деревянные колышки. Вместо этого мусора опустил в один из мешочков священный храмовый нож и крепко-накрепко затянул узел.

Силы семи людей, влившиеся в бессмертное тело, заставили сердце биться ритмично и упруго, легкие – до краев наполняться сладким воздухом, мышцы – бугриться от избытка могущества. Ах трепетала от необычайной легкости, а Ка работала с изумительной ясностью[11]. Теперь Изекиль ощущал в себе достаточно мощи, чтобы выполнить свой обет перед всесильной Аментет, вернувшей его в мир, и основать в ее честь новые храмы, вернуть смертным ее культ. Вот только… Селение в несколько землянок было слишком уж жалкой основой для подобного начинания.

К счастью, поглощенные жрецом души дали служителю Небесного храма не только силу. Вместе с силой Изекиль смог поглотить и жизненный опыт смертных, их основные навыки, знание, память. Теперь он мог понимать их речь, знать имена, представлять местность вокруг деревни. Ведал он теперь и то, что в трех днях пути на закат, в месте слияния двух рек, имеется селение уже не из десятка, а из нескольких десятков землянок.

Изекиль вышел под ночное небо, подумал, потом свернул к соседней землянке и с легкостью, с какой усталый каменщик осушает за ужином кувшин хмельного пива, выпил души еще пяти смертных. В дороге лишние силы пригодятся.

Дикарская одежда, хоть и уродливая с виду, оказалась на удивление теплой и удобной. Мягкий мех гладил кожу нежно, словно губы рабыни, не позволяя ветру добраться до тела, а небольшого моросящего дождика, закапавшего на второе утро, жрец и вовсе не почувствовал. Тучи к полудню развеялись, сыромятная кожа обсохла – и все. Обувка тоже мягко обнимала ступню, делая ходьбу легкой и необременительной – словно босиком по теплому песку. Пожалуй, такие сапоги были даже удобнее изящных сандалий, что носили в благословенном Кемете все от мала до велика.

В отличие от могучего Нила, здешняя река петляла, как змея

в барханах, да еще и постоянно меняла направление. Поэтому Изекиль, полагаясь на память кого-то из дикарей, двигался по прямой – по еле заметной тропинке, бегущей через сосновые боры от холма к холму. Шел он быстро, решительно, не скрываясь – и, возможно, поэтому осторожное лесное зверье предпочло не показываться у него на пути.

Река открылась неожиданно. Только что он забирался на холм в сумеречном ельнике – как вдруг меж тяжелыми ветвями проглянул свет, и впереди обнаружилась водная гладь. Изекиль спустился по крутому скалистому берегу, присел, ополоснул руки и лицо, выпрямился, заслонив ладонью глаза от солнца.

Родовой поселок здешнего племени находился на противоположном берегу, на мысу, образованном двумя быстрыми реками, каждая не меньше полусотни шагов шириной. Хороший выбор – если иногда доводится держать оборону от разбойников. Однако в таком случае жителям не мешало бы выстроить и стену, а таковой видно не было. Лишь множество землянок, крытых в несколько слоев белой берестой, два смотрящих на реки столба с грубо намеченными чертами лица, большое кострище – слишком большое для обычного очага – на самой вершине и торчащие прямо из земли ветвистые рога.

В деревне, несмотря на дневное время, оказалось немало людей. Правда, они не загорали на солнышке, а занимались делами: кто обстругивал будущее древко странным инструментом, похожим на раковину, кто деловито разделывал огромную лосиную тушу, кто рубил дрова, превращая длинные жердины в небольшие палочки. Несколько женщин, окружив растянутую на колышках медвежью шкуру, старательно отскребали ее от мездры. Ниже, на берегу, двое рыбаков, почему-то совершенно голых, выбрасывали в траву блестящую живым серебром рыбу. Еще несколько лодок, дожидаясь своей очереди, полувытащенные, лежали на берегу.

Чужая память подсказывала, что нужно окликнуть соплеменников, попросить перевезти, но жрец решил не отвлекать смертных от труда; тем более, у него с собой имелся священный нож. Изекиль наскреб со склона и ближайших камней горсть пыли, достал ритуальное оружие, пересыпал пыль через его лезвие, призывая внимание милостивого Себбека – бога не самого важного, а потому вынужденного прислушиваться к воле Аментет. Затем спрятал нож, собрал заговоренную пыль в кулаки и, осторожно просыпая ее перед собой на воду, пошел вперед. Тут следовало быть очень внимательным: если пыли не хватит до противоположного берега, ухнешься в волны и пискнуть не успеешь, если останется лишняя – руки неделю болеть будут. А

коли намочить – так и вовсе гореть.

Сея перед собой наговоренный порошок, жрец быстро переставлял ноги. Мягкие сапоги ступали на радужную пленку, что образовывалась на поверхности – та прогибалась, уходя вглубь почти по щиколотку, но вес человека выдерживала. Шаг, еще шаг – до сочной прибрежной осоки осталось всего ничего. Служитель Небесного храма разжал кулаки, развеивая остатки храмового средства, – и выпрыгнул на траву. И поразился странной тишине, повисшей над холмом. Никто из дикарей больше не работал. Смертные стояли на тех местах, где их застало появление Изекиля, и таращились на него так, словно увидели танцующего бегемота.

– Я принес вам слово истины, – мгновенно сориентировался жрец, решив использовать замешательство людей в своих целях. – Я принес вам милость величайшей из богинь и ее волю!

Изекиль направился к людям – но те испуганно попятились, стараясь оставаться не ближе чем в пяти шагах от пришельца.

– Я принес вам мудрость и волю всесильной Аментет! – еще раз провозгласил служитель богини смерти.

Ему никто не ответил – так что жрец даже засомневался, понимают ли его дикари. Может, полученный через мертвые души язык для здешнего племени непонятен так же, как и язык благословенного Кемета?

Бу-ум… Где-то совсем рядом ударил барабан. Бу-ум… Бу-ум-м-м…

Люди расступились, и навстречу Изекилю, слегка пританцовывая и подвывая что-то себе под нос, вышел скрюченный дикарь, увешанный множеством самых разных звериных хвостов. К его щиколоткам были привязаны небольшие, смотрящие назад, оленьи рожки, а более крупные рога украшали высокий горб на спине. Вместо волос с головы свисали жгуты сена, в которые были вплетены кленовые, дубовые и березовые листья. Руки смертного сжимали внушительный бубен, в который тот и колотил здоровенной, засаленной кабаньей масталыгой.

Мерно ударяя в бубен, пританцовывая и время от времени прокручиваясь вокруг своей оси, дикарь медленно обошел гостя, затем жалобно-мяукающе взвыл и уронил инструмент на землю. В руках его оказалась длинная меховая кисточка. Смертный трижды сплюнул на кисть, а потом взмахнул ею справа и слева от жреца – причем с кисти сорвались обильные брызги, а служитель Небесного храма ощутил крайне неприятное покалывание во всем теле. Дикарь подхватил бубен, снова отчаянно завыл, торопливо работая костью. Слова различались плохо, но общий смысл Изекиль понял: местный шаман просил духов забрать лесного

человека обратно в мир мертвых и больше не выпускать к людям. Боль в теле нарастала с пугающей стремительностью, и жрец понял, что пора защищаться.

– Умолкни, слуга мертвых демонов! – громко приказал он, быстро потирая ладонями. – Сюда пришли новые боги!

Изекиль вскинул руки – и шаман сгинул в ярком огненном факеле. Камлание оборвалось, а вместе с ним из служителя Аментет ушли все неприятные ощущения. Изекиль протянул вперед руку и прикрыл глаза, ощущая накат энергии, истекающей из жертвы, потом поднял ладонь, указывая на чистое небо, принялся вращать кистью, закручивая небесный вихрь. В небе сгустилось облако, потемнело, и вниз, точно на догорающего дикаря, обрушился плотный ливень. С шипением умерли остатки пламени, с обугленного тела потекли черные струйки. Слуга Небесного храма обвел взглядом замерших в ужасе людей, потом требовательно ткнул большим пальцем в землю. И смертные, выполняя его волю, один за другим опустились на колени.

– Здесь, – негромко сказал жрец, – здесь вырастет первый храм всесильной Аментет, отсюда возродится мудрость, власть и порядок. Отсюда разойдется воля величайшей богини – пока вся земля, до последнего человека, до последнего зверя и до последней травинки, не склонится к ее ногам! И будет так!

Санкт-Петербург, набережная Лейтенанта Шмидта.

25 сентября 1995 года. 16:25

Пустынник стоял, опершись локтями на гранитный парапет, и любовался широким разливом Большой Невы – через плотно сомкнутые веки. Ничего не поделаешь, человеческий мозг устроен так, что отсекает ненужную, по его мнению, информацию, чтобы не загромождать разум. Потому-то так и получается, что глаз ауру видит, а до сознания эта информация не доходит. Сетчатка биополе воспринимает, а к сознанию передается картинка пустой черной земли. И действительно, зачем разуму воспринимать мельтешение десятков червей, тысяч мошек и инфузорий, призрачный свет зарождающейся плесени? Получил данные про отсутствие опасности – и вперед. Потому-то любой экстрасенс, знахарь и даже опытный маг вынужден сделать над собой усилие, чтобы погрузиться в мир тонких энергий, вырвать из подсознания то, что оно блокирует по непонятной прихоти.

– Везде цензура… – пробормотал колдун, провожая «взглядом» легкий прогулочный катер.

Для себя Пустынник разработал очень простую схему тренировки: закрыть глаза, после чего напрячь все силы, чтобы попытаться различить происходящее снаружи. Хоть и не сразу, но подсознание сдается всегда. Когда глаз не может воспользоваться обычным светом, ему приходится переключаться на то, для чего освещение ни к чему и что не закрыть ни веками, ни даже повязкой: красные силуэты теплокровных живых существ, бледно-серые – существ холоднокровных, голубоватые, синие, зеленые, желтые ауры существ разумных. Но далеко не всегда живых.

Правда, на катере нежити не завелось. Пустынник различил пять разных образов – два синих и оранжевый наверху, голубые заметно ниже. Либо в каюте, либо в моторном отсеке. Ничего пошлого – сплетения тел не наблюдалось. Немного левее подсвеченный спокойной зеленью организм вот уже полчаса стоял на одном месте – наверное, рыбак. Изредка мимо проскакивали студенты. Пустынник узнавал их по беспокойной яркой синеве.

Позади послышались шаги. Колдун повернулся, повел носом. Приятные духи. Покойный зеленый цвет, стройное тело с белым пятном внизу, странное ощущение молочности и грусти. Похоже, будущая мама. Беременная женщина, лет двадцати – двадцати пяти. Пожалуй, все-таки – двадцати пяти. Нет в ней страха и неуверенности перед будущим, которыми страдают все современные дети. Не замужем, из обеспеченной семьи.

Пустынник приоткрыл глаза и довольно улыбнулся – он не угадал только очков на носу, короткой стрижки и раскрытой книжки в руках.

Послышался шелест шин. Маг опустил веки и чуть повернул голову, глядя в сторону Двадцать первой линии. Гул моторов нарастал, отражаясь от стен домов узкого проулка. Коротко вякнула сирена, и в розовом сумраке появилась полусфера, похожая на радужный мыльный пузырь, подхваченный ураганным порывом ветра. Пузырь чуть замедлил скорость, с визгом шин повернул влево.

Пустынник открыл глаза – откровенная и прочная магическая оболочка совместилась с черным джипом с тонированными стеклами, уносящимся по широкой набережной со скоростью не меньше пятидесяти миль. Впереди и сзади, держась метрах в двадцати, стелились над асфальтом темно-синие «БМВ».

– Вот это да… – пробормотал колдун.

– Да это гендиректор с пароходства, – охотно прокомментировала будущая мама. – Носятся вечно, как сумасшедшие.

– Снайперов боятся, – ответил Пустынник. – Вы не

подскажете, где здесь ближайший цветочный магазин?

– На Большом проспекте. Как раз по этой улице будет.

– Спасибо огромное, – кивнул маг, прикидывая, что до пяти вечера как раз успеет доехать до Смольного. – И не читайте детективов, очень советую. Ребеночку вредно.

– Да какой это детектив, – отмахнулась девушка. – Сериал про бизнес-леди. Полный отстой.

– А-а, ну тогда ладно, – согласился Пустынник и заторопился к машине.

Ровно в пять вишневая «восьмерка» затормозила у левого двухэтажного домика из тех, что стоят перед величественным Смольным собором. Пустынник содрал газеты с пышного букета из семи бордовых роз, вышел и присел на капот, наблюдая за дверью возле таблички «Санкт-Петербургский Союз потребителей». Спустя пятнадцать минут двери распахнулись, и на улицу плотной группой вышли семь женщин.

– Танечка! – шагнул навстречу колдун.

– Это ты? – взметнулись длинные ресницы. Женщина зарумянилась от смущения, но по душе ее все равно прокатилась волна удовольствия. – Ну что ты, Толя… Спасибо… Что ты при всех-то?

– А разве у вас в Питере распространение цветов запрещено законом? – удивленно вскинул брови Пустынник. – Прости, не знал. Больше не буду.

– Будешь-будешь, – улыбнулась Таня. – Кстати, а откуда ты знаешь, где я работаю?

– Так ты мне сама говорила!

– Не было такого.

– Значит, я ошибся, – без тени смущения пожал плечами колдун. – Ты не проголодалась? Давай в какой-нибудь ресторан заскочим, а потом в Русский музей сходим? А то я ведь не питерский, не видел тут у вас ничего. А хочется.

– Ладно, девочки, до завтра, – помахала женщина рукой сослуживицам. – До свидания. Или может… – неуверенно оглянулась она на кавалера. – Может, подвезти?

– Нет, не надо, Танечка, – возразили женщины. – Поезжай. Мы до метро дойдем. В булочную еще хотели по дороге заглянуть. Поезжай.

Пустынник помог Тане сесть в машину, захлопнул за ней дверцу, обошел машину и нырнул за руль.

– Ну что, бизнес-леди, как поработалось? – поинтересовался он, выкатываясь на Шпалерную улицу.

– Ты даже не представляешь! – моментально вскинулась

Таня. – У нас результаты по рижским холодильникам пришли. Это просто мрак! Это просто оружие массового поражения!

– Так уж и оружие… – усмехнулся маг.

– Не то слово. Понимаешь, продукты, которые хранятся в них без герметичной упаковки, есть нельзя! Категорически. Они туда ударопрочный полистирол поставили, а там сложный пластик – он постепенно разрушается и выделяет целый букет ядовитых примесей. У нас ведь раньше все холодильники делали внутри железными, с эмалированной поверхностью. Она практически стерильна. А на Западе начали те же самые поверхности прессовать из пластика, из полистирола. Вот и наши решили попробовать за модой погнаться. В Минске просто производство сборочное начали, комплектующие импортные покупают. Ну а тут решили все сами сделать. Посмотрели, что в спецификации ударопрочный полистирол указан – ну и взяли пластик аналогичный. А что у него гигиенического сертификата нет, что у него специальные стабилизирующие присадки отсутствуют…

Пустынник вел машину, краем уха слушая женщину, а сам думал над списком, переданным ему Великим из Московского Круга. Уголовника он прощупать успел и никаких магических способностей за ним не почувствовал. Скорее Зёва просто нанимал толкового колдуна, чтобы насылать порчу на конкурентов, накладывать крест на противников, отводить глаза полиции. Ну да это не его дело. Заказали убрать уголовника – значит пусть будет уголовник. Подозрительные экстрасенсы сильной опасности тоже не представляли. Оставались только ясновидящая с Фонтанки и хозяин пароходства. Со всеми прочими можно управиться за пару дней, но вот гендиректор… Хороший маг, крепкий противник – нахрапом не возьмешь. Пожалуй, на этого придется потратить не одну неделю.

Маг покосился на Таню.

– …у нас, между прочим, ГОСТы самые жесткие, их не всякая импортная фирма выдержит. Правда, многие все-таки проходят, так что при покупке желательно посмотреть – а соответствует холодильник нашим нормативам или нет?

– Хорошо. Давай купим холодильник.

Таня запнулась, потом рассмеялась:

– Да нет, у меня хороший. А куда мы едем?

– Ресторан на Фонтанке, потом Русский музей, – повторил Пустынник. – Посмотрим, что там есть интересного. Может, и себе чего выберем.

Таня улыбнулась шутке и зарылась носом в розы. А колдун подумал о том, что раз уж придется задержаться, то не мешало бы осуществить более массовую зачистку чародеев – за каждого

лишнего причитаются премиальные. Коли Изекиль желает произвести полную стерилизацию – значит он ее получит.

Остров в дельте реки Нево.

2409 год до н. э., начало лета

Широкая долбленка, обогнув упавшую в воду березу, приткнулась в пологий глинистый берег. Сидящая на носу женщина в накидке из лисьих шкур выпрыгнула наружу, расплескав воду, и вцепилась в борт, подтягивая лодку повыше. Мужчина в безрукавке из рыси положил весло с длинной лопастью и короткой рукоятью на дно, перебрался вперед, передал своей спутнице большой кувшин, прикрытую лопухами корзинку и выбрался следом.

– Здесь сиди, – грозно указал он женщине. – Смотри у меня!

Прихватив корзинку и кувшин, он поднялся выше и по петляющей меж плакучих ив тропинке вышел к стоящему полукругом частоколу. Здесь гость остановился, опустился на колени и долго тыкался лбом в землю, прежде чем решился подняться и войти в ворота.

За частоколом находилась лишь утоптанная поляна, по краям поросшая одуванчиками. Посередине вяло дымили угли почти погасшего костра. За поляной начиналось чавкающее трясиной болото – то и дело из глубины непролазной топи поднимались и лопались с громкими хлопками вонючие пузыри, зудели тучи комаров, там и сям проносились крупные стрекозы, гоняясь за занудными слепнями.

Гость поставил свою ношу на землю, неуверенно переступил с ноги на ногу, глядя по сторонам. В какой-то миг ему показалось, что в глубине болот началось некое шевеление. Он пригляделся, но, увидев взлетевшую утку, разочарованно махнул рукой.

– Ты ли это, рыбак Шамат?

Мужчина от неожиданности подпрыгнул. Тут же поспешно упал на колени, ткнулся лбом в землю. Между тем наголо бритая девушка в длинном белом одеянии из тонко выделанной кожи, подошла к кострищу, укоризненно покачала головой, провела над углями рукой – и в тот же миг над черным пятном с ревом взметнулось пламя в половину человеческого роста. Гость опять ткнулся лбом в землю, что-то бормоча себе под нос.

– Поднимись, Шамат, я ничего не слышу, – сказала девушка.

– Я принес вам тюлений жир, священная, – пробормотал рыбак, поднимаясь на ноги. – Жир для светильников. Чистый

совсем, отборный. Хорошо горит. В темноте им землянку освещать удобно. Видно все как днем.

– Я знаю, зачем нужен жир, – кивнула девушка.

– И вот тут еще… – Он подтянул корзинку. – Там утки. Пять уток. И половина оленя. В петлю олень попался. Сегодня попал. Я так сразу отрубил половину – и сюда. В корзинку.

– Это ты правильно подумал, – приветливо улыбнулась ему девушка. – А теперь признайся: чего тебе хочется? В твои верши не идет рыба? Твои ловушки оскудели без зверя? На твоей делянке не поднялся хлеб с капустой? Говори, во мне нет гнева.

– Не растет, священная, – опять упал на колени рыбак. – Как ростки проглянули – слизни полезли. Одни стебли с земли торчат, ни листочка не осталось. Коли не поможешь, священная, нечего будет осенью сбирать. Пухнуть придется с голода, зубы повыпадают, детишек в лес гнать…

Мужчина запнулся, внезапно поняв, что остался один. Служительница пустого святилища сгинула непонятно куда, словно причудилась.

– Шамана просил, – неуверенно пробормотал рыбак. – Жира дал, кувшин дал, мяса отрезал. А слизни все жрут. Не иначе, он же и наслал.

– На новолунье этим посевы посыпь… – Оказавшись слева, всего в двух шагах, девушка протянула ему небольшой березовый туесок. – Да смотри, наутро дождь пройти должен. Коли не будет – сам пройди с бадейкой, побрызгай. А до новолуния в эту дудку каждый вечер дуть станешь, – выдала она просителю короткую палочку со сквозной дырой. – Жабий манок сие. Жабы к тебе с округи соберутся, всех слизней пожрут. Понял? Манок опосля отдашь. И капусты по осени привези – попробуем, что выросло.

– Сделаю, священная, – опять низко поклонился гость. – Еще беда пришла на мою стоянку. Сын жену привел зырянскую. Почитай год прошел, а нет у нас приплода, не несет невеста.

– Сюда привози обоих, тогда волю божию и скажу…

Внезапно раздался детский плач. Шамат от неожиданности попятился, поднял голову, глядя на светлокожую служительницу святилища – а у той в руках шевелился меховой сверток.

– Милость тебе от Великого, рыбак, – сообщила девушка. – Посылает он тебе сына, твоего рода продолжателя. Сила его велика будет, почет и славу принесет он на твою стоянку.

– Благодарю, священная… – От нежданной радости у рыбака даже затряслись руки, на которые он принял младенца.

– Не меня, Великого благодари…

– Я… Я принесу такие дары, что… Я принесу…

Улыбаясь лепечущему дитяте, рыбак вышел за ворота,

осторожно ступая по скользкой влажной земле. Девушка проводила его взглядом, подхватила кувшин и корзинку и направилась прямо в болото. Однако, когда нога ее ступила в пузырящуюся топь, служительница святилища никуда не провалилась. Наоборот – болото пошло волнами, и перед ней открылась широкая просека, по которой в три ряда тянулись невысокие каменные дома. На двух улицах было немало девушек и женщин, одетых в большинстве в вывернутые шкуры, но некоторые красовались и в белых одеяниях. Кто-то из поселянок носил корзины с рыбой, кто-то старательно строгал баклуши, в самом дальнем конце одной из улиц женщина колола дрова. Кого не было в этом странном селении – так это мужчин. Ни мальчиков, ни стариков, ни юношей.

Служительница вошла в крайний дом, где на высокой дубовой колоде чистила рыбу похожая на нее девушка – тоже обритая наголо и в такой же одежде, – поставила к стенке кувшин и корзину, взялась за крынку, накрытую лоскутом кожи, принялась жадно пить. Потом отставила обратно к стене и устало присела на скамью, застеленную изрядно подвытертым мехом.

– Надо отнести все это в храм, к номарии, – кивком указала она на подношения. – Хоть немного мяса поесть. А то все рыба и рыба.

– Ее ловить проще, – пожала плечами подруга, выдирая из брюха крупного леща кровавые потроха. – Раз в день провел молебен на стаю – и утром можно идти, бадьями из верши черпать. Зато у нас за несколько веков ни единого голода не случилось. Может, забыла, как чухонцы окрестные то и дело с бескормицы пухнут да старших детей младшими питают? Проруби замерзли, зверь отошел, охоты нет – и все. Припасы за пару недель съедаются. Или в непогоду, когда распутица? По тонкому льду ни рыбалки, ни охоты нет.

– Когда голода нет, это хорошо, Милана, – потянулась служительница. – Однако разнообразия все едино хочется. Почему мы хотя бы небольшие поля не засеваем?

– А копать ты станешь? – вскинулась подруга. – Наше дело – знание беречь, мудрость древнюю. И благодарить Великого, что пищей насущной одаривает.

– А я, кстати, мальчика Ипатии только что отдала. Рыбаку с верхней реки, Шамату. Руки у него вроде хорошие. Вот только не везет постоянно. То старшие в лодке перевернутся, утонут, то дочку змея кусит. Сейчас, вон, жену его отпрыск привел. Жалуется: не несет никак, нет детей. Так что ему сын от бога в радость будет. И к месту.

– Шамат, Шамат… – с усмешкой пропела подруга. – Что-то

часто стала ты его поминать, Вилия. Никак, прикипела? Смотри, тебе двадцать пять нынешним летом исполнится, можешь и повеселиться маленько…

– С шаматами здешними? – презрительно скривилась служительница. – Да как можно себя мужику доверить, если он постоянно ноги тебе норовит целовать, на коленях ползает да смотрит, точно зайчонок на волка? Тьфу! Я так мыслю, даже если бы закон нам каждой по мужу обещал, мы бы их тут за всю жизнь не нашли. Одного эмира кое-как еще выцедить можно, но если двоих-троих попытаться выбрать… Дикари вонючие, трусливые. Ты вспомни, что нам номария про Черного Пса рассказывала да про Саатхеба, Инпута, Да-Ануби-Кха-Лака. Вот это были мужчины, воины, путники. Вот кто должен род продлевать, а не эти болотные люди. И почему мы здесь сидим, а не на Ниле?

– Потому что мы хранительницы, – не без холодка ответила Милана. – Наш удел – хранить покой Сошедшего с Небес, а не бегать по миру в поисках самцов.

– Если мы не подумаем о роде хранительниц, – тихо возразила Вилия, – веков через десять он выродится так, что Нефелиму и просыпаться не захочется.

– Не богохульствуй!

– Я богохульствую? – поднялась со скамьи служительница. – Сорок девственниц должны будут давать пищу проснувшемуся. Хватит ли их сил, коли они станут походить на немощных букашек?

– Ты это не мне, ты номарии скажи.

– И скажу!

– И скажи! – Милана дочистила рыбу, кинула ее в корзину, сверху заложила крапивой и накрыла плетеной крышкой. – Ты мне лучше ответь, когда зыряне соль привезут? Совсем в городе ни у кого не осталось.

– Коли так надо, можно на них тучи навести. С месяц под дождем помокнут – быстро приплывут. С Холодной Собаки тоже с ледохода никого не видно, как бы у них мора не случилось. А то номария три лодки у них сказывала вытребовать. Помочь им чем али припугнуть.

– И чего ты ей ответишь?

– Отвечу, что третьего дня кадку меда с озера самааты привезли. Будем вместо соленого сладкое кушать.

Милана рассмеялась, вытирая руки травой, взялась за корзину:

– Ладно, пошли в храм. Узнаем, каково настроение ныне у номарии. А там решим, что ей говорить стоит, а что нет.

В болотистой местности вокруг реки Нево гранита, базальта

или иного прочного камня почти не водилось, поэтому храм Сошедшего с Небес пришлось не поднимать ввысь, а вкапывать в землю, благо выбранный первыми хранительницами остров полностью состоял из плотной голубой глины. Постепенно подземелье выкладывалось покатыми валунами и галькой, что молодые хранительницы потихоньку возили в рыбацких лодках с озера Нево[12]. Пол отделали камнем почти везде, а в молельных залах, в старых коридорах, в прохладных комнатах старейшин им же закрепили сужающиеся к потолку стены. Теперь только новые кельи и ведущие к ним ходы выдавали истинный материал – основу величественного, но невидимого снаружи храма.

В обширном молельном зале, потолок которого поддерживали десятки толстых неохватных колонн, царила прохлада и мягкий полумрак. Здесь, на глубине пяти человеческих ростов, в мире вечного покоя, летом всегда было прохладно, а зимой – на удивление тепло. Сестры Клана даже не стали устанавливать здесь никаких печей, занимаясь приготовлением пищи и связанными с огнем обрядами только на поверхности. Десяток масляных лампадок, что испускали дрожащие огненные язычки у трех врат молельного зала и по его углам, носили скорее ритуальный характер, нежели имели практический смысл. Настоящий свет давало Знание. Древнее знание, оставленное клану хранительниц Мудрым Хентиаменти. Благодаря молитвенным заклинаниям, под потолком подземелий всегда висел белесый туман – не слепящий, но позволяющий разглядеть двери, повороты или ступеньки.

Впрочем, здесь, в сердце храма, имелся еще один источник света: на высокой, в три человеческих роста, стене лучился изумрудной чистотой Великий, выложенный из полированного малахита. Могучее тело лежало на мраморном пьедестале, опираясь на четырехпалые лапы. Длинный, в десять шагов, хвост, весь в мелких зубчиках, похожих на кошачьи клыки, покоился, свернутый, рядом с телом. Голова была обращена к людям, сине-черные глаза смотрели словно в самую душу; беззубая пасть, в которую мог целиком поместиться крупный буйвол, оставалась чуть приоткрытой. Нефелим как бы собирался сказать нечто важное смертным, созданным им из податливой глины три тысячи лет назад и расселенным по всей Земле, но замер на полуслове, задумавшись о чем-то еще более важном.

Перед Великим стояла на коленях, опершись ногами на мохнатый валик, безволосая женщина в юбке из белоснежного песца и такой же накидке на плечах. Судя по тонким рукам и свисающей с них дряблой складчатой коже, молящаяся была в почтенном возрасте, однако голос ее звучал молодо и чисто.

Девушки подошли ближе, но, различив слова гимна Сошедшему с Небес, замерли, боясь потревожить номарию.

Ты – единственный, сотворивший все, что есть,
сокрытый, единый, создавший все сущее.
Из очей Твоих произошли люди,
а устами Твоими вошли в бытие боги.
Создал Ты траву на пользу скоту и плод древесный
для человека.
Соделал Ты так, что имеет рыба жизнь в реке,
А птица – паря в поднебесье.
Ты даешь дыхание тому, кто в яйце, жизнь – сыну улитки.
Комар живет благодаря Тебе.
Червь и муха – по образу, который Ты дал им.
Снабжаешь Ты всем потребным мышей в норах,
Даешь жизнь летучим существам на каждом древне.
Слава Тебе, сотворившему все это,
Сокрытому, единому, со множеством рук,
Бодрствующему ночью, когда все люди спят,
Взыскующему доброго для творений Своих.
Сокрытый, пребывающий во всем.
Полнота и высота небосклона.
Ничтожны все молитвы, когда глаголют —
слава Тебе, истощившему Себя нас ради.
Привет Тебе, сотворившему нас.
Хвала Тебе за все творение твое.
Хвала Тебе за все чужеземные страны,
от высоты небесной до преисподних земли,
До бездн Зеленого моря.[13]

Женщина неожиданно замолкла, чуть повернула голову:

– Я искала тебя, Вилия. Неужели ты не слышала моего призыва?

– Прости, номария, – преклонила колени девушка. – Я была в святилище. Туда приходил с дарами смертный, и мне пришлось провести для него обряд семи трав.

– Да, Вилия, – кивнула женщина, снова повернувшись к изображению Сошедшего с Небес, – тебе хорошо удается общаться с дикарями. Мне кажется, они молятся тебе больше, нежели Великому. Это не очень правильно – но что взять со смертных? К тому же они слушаются тебя. И это очень удобно, когда у нас возникает нужда в земных продуктах.

– Я знаю, номария, нам нужна соль, – поторопилась

оправдаться девушка, – и еще новые лодки. Но дикари…

– Мы можем обойтись без соли, – вскинула руку номария. – Мы можем обойтись без лодок. Но мы не можем обойтись без покоя. Даш долг: сохранить в целостности усыпальницу Сошедшего с Небес, не дать потревожить здешние земли кому бы то ни было. Однако я чувствую изменения. Здешние земли просыпаются, готовясь к потрясением. Что-то меняется. Меняется сильно и необратимо. Клан должен знать, что именно. Я чувствую, чувствую яму в будущем большого озера, что лежит на юг от нас, за дальними алтарями.

– Там будет катастрофа? – осторожно поинтересовалась девушка. – Мор? Пожар, наводнение?

– Великому не страшны пожары и болезни, Вилия, – покачала головой женщина. – Они не могут лишить силы алтари Амон-Ра, не могут лишить силы землю, воду, воздух. Но вот смертные подпортить землю и воду способны.

– А что может произойти со смертными? Они рождаются и умирают, они ловят рыбу и охотятся.

– Вот это ты и должна рассказать Клану, Вилия, – поднялась с валика номария. – Возьми лодку, поднимись вверх по реке Нево в озеро. В него из южного озера впадает река. Ты нравишься смертным, Вилия. Они тебе верят. Сплавай на юг, узнай, что там происходит, и к первому снегу возвращайся в храм.

Стойбище в ста километрах от берега Северного моря.

2409 год до н. э., начало лета

Прочный сосновый частокол ровным кольцом окружал вершину холма на берегу реки. За воротами, с которых, покачиваясь на толстых лосиных жилах, свисали восемь человеческих черепов, торчали еще шесть столбов, увенчанных оленьими, бычьими, лосиными рогами. Под самыми столбами находился стол, связанный из тонких березовых стволов, а за ним – три землянки, крытые звериными шкурами.

– Спаси меня, шаман. – Тощий, как жираф, дикарь с реденькой бороденкой, у которого меховая туника на плечах болталась, словно треснутый кувшин на колышке, протянул Изекилю тяжелый куль, сплетенный из старой соломы. – Второй месяц корни одни жуем. Жена, брюхатая, лежит, не встает ужо. Мать ее еще по снегу в лес погнал. А дети плачут, дать им нечего. Спаси, шаман. Отвернулись от меня духи, лес не признает. Зверь нейдет в ловушки, будто заговоренный. Ни следов, ни криков не

слыхать…

Из-за спины Изекиля появился мальчишка лет четырнадцати, в одной рогожке, брошенной на плечи, подхватил куль, торопливо унес в одну из землянок.

– Где стоят твои ловушки, смертный? – поинтересовался жрец, глядя просителю чуть выше левого плеча.

– За Гнилой падью, шаман, – поспешно начал объяснять проситель. – Там, где три ручья с Лысого холма к реке стекают. Там мне старейшины угодье отвели. Как отвели, так ни зимы в сытости не прошло…

– Молчи… – Изекиль протянул руку, положив ее на лоб охотника, закрыл глаза, всей своей сущностью вытягиваясь на восток. Он прожил здесь достаточно долго, чтобы понимать, о каком месте говорит смертный. И теперь обозревал это пространство с высоты птичьего полета. Видел он, конечно, не зеленые леса, голубые реки и мохнатые звериные спины, а серую пелену, расчерченную черными извилистыми протоками и множеством алых пятнышек. Смертный не лгал – за Гнилой падью красных пятен почти не имелось. И Изекиль даже догадывался почему: плотная россыпь в десятке стадий от пади почти наверняка принадлежала волчьей стае. Рядом с логовом эти хищники, конечно, не охотились. Но вот окрестные угодья опустошить могли запросто.

– Ты поможешь мне, шаман? – заискивающе спросил дикарь. – Я стану кормить тебя отборным мясом, я принесу тебе все шкуры, которые добуду за год. Только дай нам хоть пару зим прожить спокойно, в веселье и сытости. Пусть старшие сил наберутся, на лыжню встанут. С помощниками не пропаду, не страшно.

– Боги Дуата умеют быть милостивы, смертный, – ответил жрец. – Но до их сердец нужно достучаться. Они не услышат тебя просто так. Им нужна жертва.

– Да, шаман, – сглотнув, кивнул охотник. – Я знаю…

Он посторонился, вывел из-за спины мальчика лет пяти и тихонько подтолкнул его вперед. Малыш закрутил головой, сверкая по сторонам пронзительными голубыми глазками. Изекиль наклонился, подхватил его на руки.

– Тятя! – испуганно вскрикнул тот.

– Не бойся, – ответил охотник. – Не бойся, все будет хорошо.

– Жертва мала и слаба, – недовольно мотнул головой жрец. – Хотя и просьба невелика. Ладно, я потревожу богов. Надеюсь, они не обидятся, что их зовут из-за такой малости.

Изекиль опрокинул мальчишку на стол, привычными движениями накинул ему на руки и ноги ременные петли,

затянул.

– Папа! – опять закричал ребенок, не способный шевельнуть ни рукой, ни ногой.

– Потерпи немного, мой хороший, – попросил его смертный. – Так нужно. Так для мамы твоей нужно, для сестрички, для б-братьев.

– Внимание богов трудно привлечь, – сообщил Изекиль, поднимая с земли тяжелый валун. – Очень трудно. Для этого нужно приложить много сил…

Он размахнулся из-за головы и обрушил камень ребенку на голень. Кости смялись с мягким шлепком, словно удар пришелся в глину – и воздух разорвало истошным воплем боли.

– Нужно приложить много сил, – повторил служитель богини смерти и сильным ударом раздробил колено на другой ноге. Потом перешел к рукам. Вскоре малыш уже не мог шевелиться, а только мотать головой, воя на одной ноте. Его отец, зажмурившись, отвернулся, а Изекиль, напротив, наклонился к самым губам жертвы.

Именно сейчас, на самом пике страдания смертные напрягают все силы, чтобы хоть как-то спастись, чтобы избавиться от страданий. Именно сейчас удобнее всего добывать из тел накопленные за жизнь припасы. Жрец зажмурился, впитывая чужую жизнь, вскинул руку, мысленно выбросил петлю на леса вокруг Гнилой пади и начал стягивать ее в убогой обители охотника. Волна боли и ужаса, что выплескивалась из мальчугана, покатилась по зарослям за десятки стадий от святилища – и все живое, подчиняясь безотчетному ужасу, стало срываться с мест и бежать, бежать, бежать…

– Ступай, – взмахом руки отпустил смертного Изекиль. – Сейчас возле твоей норы скопилось столько дичи, что тебе останется только выбирать ту, какая тебе больше нравится. Когда обожрешься, сходи на восток от своей землянки, найди волчье логово и разори. Это их стая распугивает зверье с твоих угодий.

– Благодарю тебя, великий шаман, – попятился дикарь и, стараясь не смотреть в сторону стола, быстрым шагом устремился за частокол.

– Тилбур! – позвал своего молодого помощника жрец. – Очисти стол и присыпь песком святилище.

– Он принес нам рысью шкуру, учитель, – выбрался из землянки мальчик. – Она не свежая, но еще хорошая, выделана и высушена…

– Ну так надень ее! – повысил голос Изекиль. – Сделай дырку и носи, как все дикари! Мне надоело видеть твой голый зад. Если ты думаешь, что духи земли, воды и воздуха являются только тем,

кто замерз, как утонувшая сандалия, то ты слишком туп, чтобы принять знание.

– Но старый шаман говорил…

– Нет старого шамана! Есть я. И если ты опять будешь жрать мухоморы и плясать над ямой печеного глупца, клянусь Амамат, я прогоню тебя прочь! Будешь бегать с копьем по лесам и жрать вороньи перья.

– Но я видел духов, учитель. Ты мудр, но я видел…

– Сожрав мухомор, ты мог увидеть даже самого Анубиса! Но это еще не значит, что он бы увидел и услышал тебя. И вообще. Пора бы тебе, раз ты постигаешь мудрость Небесного храма, обходиться без всего того мусора, что ты норовишь запихать в свою пасть.

– Но как же, учитель? – принялся распутывать узлы на руках жертвы мальчик. – Ведь это так вкусно. И потом, есть-то хочется!

– Ты непроходимо глуп, Тилбур. Пожирая еду, ты выгрызаешь себе будущую могилу. В каждом кусочке, который попадает в твое ненасытное брюхо, всегда есть хоть немного какой-нибудь отравы или какой-нибудь болезни. Что-то выходит, что-то остается. День за днем, год за годом мусор накапливается в тебе, захламляет тело. Оно начинает портиться, слабеть, покрываться морщинами, пока наконец не падает совсем, отпуская души на поиски новой обители. Хочешь жить долго – не ешь сам. Пусть это делают другие. Пусть они травятся и умирают. А ты только пей из них уже чистую, совершенно безопасную силу.

– Но как это возможно, учитель? – перекинул легкое тельце через плечо Тилбур. – Разве силу можно увидеть? С какого места нужно ее пить?

– Ты это почувствуешь, если захочешь, мой мальчик, – улыбнулся жрец. – Только нужно узнать момент смерти, подготовиться к нему. Тело смертного угасает, и над ним появляется облачко… Облачко ясности… Облачко чистоты, прозрачности. Ты наклоняешься к нему, тянешь в себя, вдыхаешь его… И сила пронизывает твои мышцы, тебя словно тянет ввысь, ты… Ты становишься всесилен… Достаточно принять чужую силу один раз – и ты уже сам начинаешь к этому стремиться. И с каждым разом все получается проще и проще.

– Ты опять ворожишь над кровью, шаман? – В ворота святилища ступил низкий, широкоплечий дикарь, сжимающий в руке толстое копье с тяжелым каменным наконечником. С шеи вошедшего свисало длинное ожерелье, плотно набитое медвежьими и волчьими клыками. Из-за спины местного вождя выглядывали еще двое лохматых охотников.

– Приветствую тебя в храме всесильной Аментет, номарх, –

поклонился Изекиль, после чего махнул рукой на ученика. – Иди, выброси его и искупайся в реке, пока кровь не засохла.

– Пришло время сельди, шаман, – заявил вождь. – Нам пора идти в море на лов. Ты должен пообещать нам спокойную воду, без штормов и враждебного ветра.

– Это нетрудно испросить у богов Дуата, номарх, – пожал плечами Изекиль. – Но сперва нужно сделать так, чтобы они услышали меня. Мне нужна жертва.

– Зачем мне сельдь, шаман, если ею некого будет кормить?! – повысил голос дикарь. – Ты все время требуешь жертвы и жертвы! Люди не успевают вырасти и получить обещанные тобою милости, как ты норовишь уложить их на свой стол! Духи прежнего шамана были не так исполнительны, но и не так кровожадны!

– Я не прошу именно твоих людей, номарх. Ты можешь напасть на соседей, захватить пленников и привести их мне.

– Как я могу на кого-то напасть, если ты иссушаешь наш корень, шаман? – скрипнул зубами. – Наш род с твоим приходом более не растет. Ты исполняешь любые просьбы, шаман, но берешь такую плату, что желания теряют смысл! Почему ты не хочешь принять от нас волов, оленей, шкуры? Хочешь, я приведу тебе лося?! Возьми его, возьми всего себе. Но пообещай нам спокойное море и не отнимай у нашего рода сильных охотников!

– Лосиная жертва призовет лосиных богов, – спокойно возразил Изекиль. – А они не услышат твоих просьб. Коли тебе жаль охотников, то отдай богам кого-нибудь из стариков. Всесильная только порадуется такой жертве…

Неожиданно откуда-то издалека прозвучал протяжный звук рога. Спустя некоторое время – еще и еще раз. Вождь, прислушиваясь, покачал головой.

– Я еще приду к тебе, шаман, – сказал он. – Я уже не верю, что нашему племени нужны твои боги.

– Смертным не дано выбирать, номарх. Смертным надлежит смиряться с волей всемогущих.

– Посмотрим, – перекинул копье в другую руку дикарь и решительно развернулся.

– Посмотрим, – согласился с ним Изекиль.

Служитель Небесного храма тоже давно сомневался, нужно ли ему это крохотное племя. Всего пара сотен семей, меньше полутысячи смертных. Изекиль так и не смог построить настоящий храм в честь всесильной Аментет: дикари не умели возводить здания, а сам жрец не проходил такого учения. Как, впрочем, он не умел и выделывать лен, ковать ножи и топоры, вырезать статуи и еще многое другое, что делали в Небесном

храме бесчисленные мастеровые. Он так и не смог возвысить культ богини: дикари мало общались с соседями, и слава о всемогущем шамане за несколько лет так и не разошлась дальше, нежели на два перехода вверх по реке. Он не смог накопить силу: смертные слишком редко приносили жертвы. Иногда у жреца появлялось ощущение, что за минувшие после пробуждения годы он потерял больше силы, нежели приобрел.

На холм поднялся мокрый, трясущийся от холода Тилбур.

– Ну что, приходили к тебе духи реки, мой мальчик? – не скрывая ехидства, поинтересовался Изекиль.

– Н-нет, учитель… – замотал головой мальчишка. – Т-т-только мальки к-крутились.

– Это хорошо, – кивнул жрец. – А ты не знаешь, что может означать протяжный рев, словно олени зовут друг друга на бой? Сейчас вроде не время для гона.

– Наверное, меняльщики из мира духов приплыли, – предположил ученик. – Давно не появлялись. Они привозят бусины цветные, иглы тонкие, но камня крепче, нити длинные, крюки. На поляне перед излучиной складывают. Мы забираем, а им мед несем, камушки желтые прозрачные, что море выносит, мясо копченое. Они опосля забирают и назад плывут.

– Бусины, говоришь, привозят? – заинтересовался Изекиль. – Вот, значит, они тут откуда… А где поляна с излучиной, ты знаешь? Покажи, хочу на духов этих посмотреть. Может, знакомого кого разгляжу…

Служитель всесильной Аментет появился на длинной песчаной косе, когда дикари уже уносили предложенные торговцами товары, выставляя взамен выжженные раскаленными камнями из цельного ствола дубовые колоды с медом, туески с каким-то более мелким товаром, пахнущие дымком корзины, застеленные крапивой. Нельзя сказать, чтобы появление шамана сильно ободрило вождя – но когда смертный понял, что тот не претендует ни на какую долю, глава племени сразу успокоился. Решение же ненавистного поклонника кровавых духов остаться с товарами даже обрадовало дикаря.

– Ты скажи, предков мы чтим, шаман, – попросил напоследок вождь. – По обычаю, с приплода осеннего пиво варим, с приплода весеннего мясо печем, да всех по именам вспоминаем.

– Передам, номарх, – пообещал Изекиль, поджал ноги и уселся рядом с колодами прямо на песок. Шаги дикарей постепенно затихли в кустарнике, а примерно через час жрец услышал плеск весел.

Вопреки его надеждам, на стремнине показался не корабль, связанный из папирусных лент, а всего лишь небольшая лодка.

Однако это была не дикарская долбленка, а плоскодонка, с надставленными на высоту локтя дощатыми бортами. Гребцы обходились без уключин, гребя обычными лопатообразными веслами – но каждый из них имел тунику из парусины, перехваченную на поясе ремнем с медной пряжкой; волосы были чисты, расчесаны и укреплены расшитыми цветной нитью тряпочными лентами. Из оружия Изекиль увидел легкие боевые топорики на длинных ручках и плетеные щиты. И это уже точно доказывало, что он имеет дело не с дикарями, а с кем-то из торговцев с Зеленого моря.

– Глянь, братва, – приподнялся со скамьи один из гребцов. – Никак, вонючки немронские невольника нам за бисер отдать хотят? Кормить, что ли, нечем?

– Какая разница? – хмуро ответил другой. – На весла посадим. До Аджакии не сдохнет, и ладно.

Плоскодонка с разгону выскочила на песок, гребцы начали выпрыгивать на берег, оставляя деревянными сандалиями глубокие следы. Изекиль поднялся, двинулся навстречу.

– У тебя руки-ноги нормальные? – требовательно поинтересовался первый из гребцов. – Ты понимаешь мою речь?

– Где ваш хозяин? – спросил в ответ жрец.

– Согни локоть… – Гребец пощупал его мышцы, потом полез в рот осматривать зубы. Этого Изекиль вынести не смог, перехватил его за ладонь и быстро повел мизинцем правой руки от запястья к плечу. Потом обошел смертного и остановился перед следующим:

– Где ваш хозяин?

– Ты понимаешь нашу речь, дикарь? – удивился голубоглазый торговец со шрамом на виске.

– А-а-а! – зашелся в крике первый из гребцов, поняв наконец, что рука перестала ему подчиняться: не опускается, не сгибается в локте, и только пальцы продолжают слабо шевелиться. Прочие торговцы моментально схватились за топоры, пока еще не очень понимая, с кем нужно сражаться.

– Нет-нет… – Изекиль поднял палец и покачал им из стороны в сторону. – Никаких битв. Или вы везете меня к хозяину, или я превращу вас в жаб, а потом подожду, когда он приплывет узнать, что случилось.

– Это колдун, колдун! У меня рука окаменела! Рубите его, братва, это колдун!

Крики несчастного возымели прямо противоположное действие – гребцы попятились, косясь на свою лодку.

– Давай так, – предложил тот, что со шрамом. – Мы заберем твои товары, а там к хозяину и поплывем. Лады?

– Да будет так. – Изекиль повернулся к первому гребцу и

опять быстро провел по руке мизинцем – но теперь от запястья к плечу: – Хватит орать. Иди, работай…

И забрался в лодку, выбрав себе место на второй от кормы скамье.

Выменянные товары торговцы загрузили в середину плоскодонки, где между скамейками имелось свободное место, после чего столкнули глубоко просевшую лодку на воду и, взявшись за весла, стали выгребать против течения. Стараясь держаться русла, гребцы прошли одну излучину, вторую, третью, пересекли мелководный плес. Там, над омутом за еще одной отмелью, мирно покачивалась громадина мореходного корабля – не меньше чем полусотни локтей в длину и двадцати в ширину. Пузатое судно, сшитое из положенных внахлест досок, было не нильским, однако Изекилю уже доводилось видеть такие, и не раз.

– Шарданы, – тихо пробормотал он. – Морской народ, проклятый Великим.

Лодка, постепенно замедляя ход, ткнулась во влажный борт. Сверху упали веревки, к которым были привязаны широкие лосиные шкуры, и гребцы начали перекладывать товар на них.

– Лука! – крикнул сверху розовощекий толстяк. – Как обмен? Чего дикари ныне дали?

– Меду три колоды, хозяин, – отозвался гребец со шрамом, – мяса на пару дней да янтаря на три таланта.

– Это хорошо, – обрадовался толстяк. – А это кто? В пути, что ли, поймали?

– Шаман это здешний, – опасливо покосился на Изекиля гребец. – Тебя увидеть хотел, хозяин.

– Я служитель Небесного храма, верный слуга всесильной Аментет, повелительницы Дуата! – громко заявил жрец.

– Да? – хмыкнул торговец. – Тедор, кинь-ка вниз конец, хочу посмотреть на этого хвастуна.

С борта корабля упала веревочная лестница с короткими деревянными перекладинами. Изекиль без особого труда забрался по ней наверх и перевалился через борт. Выпрямился во весь рост перед торговцем, гордо развернув плечи.

– Жрец Небесного храма? – Толстяк в голубой накидке, прикрепленной к плечам двумя золотыми фибулами с рубиновыми вставками, с серебряным обручем, скрепляющим длинные кудри, в отделанных перламутровыми вставками сандалиях окинул взглядом белокожего лохматого дикаря в потрепанной, засаленной и местами вытертой медвежьей шкуре, с сыромятным ремнем, завязанным на животе двойным узлом, и обмотками на ногах, запрокинул голову и заливисто

расхохотался. Смех подхватили и его спутники. – Жрец Небесного храма!

Изекиль обвел их тяжелым взглядом, остановил его на торговце, отер пальцами рук виски, а потом выбросил свою ненависть вперед.

– А-а-а! – У падающего в пропасть толстяка смех мгновенно сменился криком ужаса. Корабль исчез. Вокруг царила мрачная, непроницаемая чернота, в которую и падал, падал, падал самодовольный шарданец. – Нееет!!!

– Так чем тебе не нравится Небесный храм?

– Отпусти меня! – взмолился толстяк, поняв, что шаман из диких северных земель находится где-то рядом. – Спаси меня, колдун! Пощади!!!

Изекиль хмыкнул, хлопнул в ладоши – купец ощутил под ногами твердую палубу, но удержать равновесие не смог и, отступив на несколько шагов, рухнул на бухту каната.

– Так чем тебе не нравится Небесный храм, несчастный? – повторил свой вопрос жрец.

– Ничего себе… – Толстяк дышал так, словно только что в одиночку разгрузил весь корабль. – Ты… Ты сильный колдун. Какой Небесный храм? Был я в Кемете. Все, что могут тамошние жрецы, так это орать в ухо, поливать водой из тайных труб и воровать серебро из поясов. А ты… Ты…

– Ты был в Кемете?! – вскинулся Изекиль. – Каков он ныне? Кто там правит, каких богов почитают смертные? Как далеко он простирает границы?

– Там ныне правит фараон Аменемхат[14], который превыше прочих ценит Амона бараноголового и воинственного Монту. А земли за ним признаются от Жемчужного моря и на запад, в пустыню, кто сколько отмерить пожелает. Токмо вдоль моря селения стоят и на реке.

– Чтут ли там смертные всесильную Аментет, повелительницу Дуата?

– Ну, – пожал плечами толстяк, – жертвы приносят. И храмы, я так мыслю, стоят. Коли ты хочешь пойти служить в один из них, шаман, то тамошние настоятели с радостью дадут тебе долю в подношениях. Такого колдовства, что ты творишь, мне в жизни видеть не доводилось…

– Служить? – зашипел Изекиль. – Ты предлагаешь мне, верховному жрецу храма, принявшему свою власть от самого Мудрого Себека, стать зазывалой на ступенях святилища?!

– Ты только не обижайся, колдун, – испуганно сглотнул купец. – Ты можешь считать себя кем угодно, да только кто тебе так легко титул верховного жреца отдаст? Это же кормушка из

чистого золота! Там за такое место десятками лет грызутся, трупов не считая. Ты не сердись, но если тебя кто-то шепотом сочтет достойным такого титула, тебя в тот же вечер отравят, отрежут голову и утопят в выгребной яме. Ты даже не представляешь, какие силы и какие деньги крутятся в тамошних храмах. Там одиночке, без связей и родства, не выжить. Это такое дело – враз шею свернут, никакое колдовство не поможет. Ты лучше со мной плыви… Будешь в городах разных, селениях приморских умение свое показывать. Золота куда как больше получишь, а риска никакого. Я бы за половину дохода и возил тебя с места на место, и с вождями, царями, номархами и ханами договаривался. Я с малых лет на палубе живу, везде всех знаю… Ну не хочешь, не надо! – спохватился толстяк, увидев, как гневно сверкнули глаза Изекиля. – Воля твоя, я только спросил. Ты же сам в Небесный храм просился. Так там ведь славы много, а золота мало. Настоятели до нитки оберут, да еще и благодарить заставят. Это я всего половину прошу… А хочешь – за треть соглашусь? Какая тебе разница, где колдовать? Тебе в храме, кроме мешка каменного да хлеба с молоком, ничего не дадут. А я тебе каюту коврами выстелю, яства давать стану отборные, девок, каких захочешь… Все из своей доли… Чего молчишь, шаман?

Изекиль думал. Он думал о том, что мир, конечно, разрушился и погрузился в дикость – но не до такой степени, как он ожидал. Где-то там, за лесами и морем, продолжал существовать Та-Кемет, Возлюбленная Земля. Из его жизни исчез Нефелим, поддерживавший порядок среди смертных; из его жизни исчезли Мудрые, знание которых делало жизнь смертных легкой и счастливой, а славу храмов – высокой и непорочной. Но жизнь продолжалась. Кто-то вполз на трон Великого, кто-то проповедовал в храмах, выжимая золото из их прошедшей славы…

Торговец был прав: смертные, присосавшиеся к доходному титулу, места своего так просто не отдадут. Станут обманывать, хитрить, гадить исподтишка. Убивать. Чтобы справиться с ними, нужно сила. Очень большая сила. А взять ее в цивилизованных землях негде – там никто не позволит убивать людей сотнями, пусть даже во славу одного из храмов. Разве только попасть на войну – туда, где жизни не считают. Да вот где ее найти, войну? А чтобы начать войну самому – нужны титул, слава, сила… Сила! Замкнутый круг какой-то получается…

Впрочем, чтобы стать верховным жрецом, одной славы мало. Ведь недаром Великий никогда не посылал служителей Небесного храма в походы одних. Волею и молитвой всесильной Аментет спалить город, флот, истребить армию способен любой Мудрый.

Но вот удержать власть в городе или стране, собрать пленных, довести в целости добычу – в одиночку невозможно. Нужны помощники, много помощников. Те, что будут следить за порядком там, куда не дотягивается рука хозяина. Те, что станут охранять его покой, когда он спит. Те, что будут стоять стражей у дверей дворцов и кладовых, собирать дань и вершить суд над смертными именем правителя.

Нужны сила и помощники – иначе ему никогда не удастся выполнить свой обет и возвеличить славу Аментет превыше всех богов. Взять все это в цивилизованных местах практически невозможно – там все поделено давным-давно. Все, до последнего алтаря и новорожденного младенца. Земли дикарей безлюдны, на них тоже особо не возвысишься. Тогда…

– Знаю! – внезапно сжал кулаки Изекиль. – Знаю такое место!

Он же сам помогал строить алтарь! Один из тех алтарей, что должны вбирать силу Вселенной и животворного Ра и пропитывать этим землю вокруг усыпальницы! Там и только там можно насытиться бесконечной силой, не спаливая жизни смертных. А самих смертных подчинить своей воле, как здешних дикарей, заставить плодиться и размножаться, а затем привести с собой в Кемет как личных телохранителей.

– Смотри сюда, купец… – Жрец быстро начертал на пыльной палубе продолговатый овал: – Пусть это будет Зеленое море. Вот здесь, внизу справа, должен находиться Кемет. Вот тут, слева, – выход во Внешнее море. А где сейчас находимся мы?

– Ну, – присел рядом толстяк. – Вот здесь длинный мыс Апи. Мы входили в реку слева от основания мыса, шли вверх, сделали один переволок… Получается, мы сейчас стоим где-то здесь.

Купец ткнул пальцем в точку, примерно на ладонь выше полуострова, который через три тысячелетия получит наименование Аппенинского.

– Угу… – прикусил губу Изекиль. Если торговец не ошибся, то для того, чтобы попасть к усыпальнице Нефелима, спрятанной на каком-то из островов на реке меж двух морей, достаточно просто идти на восток. Никаких морей или иных серьезных препятствий на этом пути встретиться не может. – Да, купец. Мне надоело ходить в шкурах. У тебя найдется льняная туника и шерстяная накидка?

– Лука, принеси, – кивнул толстяк. – Так что скажешь, колдун? Поплывешь с нами?

– Я не для того прошел холод, воду и века, купец, дабы потешать бездельников на торговых площадях. Я служу всесильной Аментет и все деяния свои творю ее именем.

– Служи, – моментально согласился купец. – Где еще ты

сможешь проповедовать свое учение, как не на площадях, пред толпами всякого люда? Да мы за един год все страны обойдем!

Из трюма показался гребец со шрамом, держа в руках аккуратно сложенную одежду. Жрец принял ее, туго свернул, сунул за пазуху. Широким жестом смел пыль вместе с рисунком в кучку, достал из мешочка на поясе деревянный нож с тонкой черной режущей кромкой из обсидиана, просыпал пыль через него, собрал снова, отступил к борту и перемахнул через него. Люди кинулись следом, перегнулись через деревянный поручень – и увидели дикаря, торопливо шагающего к берегу прямо по воде. Спустя несколько мгновений шаман вышел на отмель и повернул к рябиновым зарослям, направляясь вниз по течению.

К святилищу Изекиль вышел только в темноте. В щелях между кольями поблескивал огонь, пахло жареным мясом. Жрец покачал головой, шагнул в ворота:

– Опять набиваешь брюхо, Тилбур? Забыл, о чем я говорил тебе перед уходом?

– А я паршу белую с Налии Рыжей свел, что у моря живет, – похвастался в ответ мальчишка, который послушался-таки учителя и теперь сидел в рысьей шкуре. – Мне за то лань целую оставили, корзину рыбы принесли и крючков рыбных десять штук. А еще я порчу из землянки дальней свел, у них там стена мокла постоянно, и ячмень Миурию Земляному с глаза сплюнул. Так отчего не порадовать себя, учитель? Пиво мне свежее принесли, меду. Миурий скребок новый отдал, что для жены делал…

Тилбур продемонстрировал овальный каменный скребок, похожий на раковину речного моллюска.

– Ну-ка, дай, – подошел ближе жрец, взял дикарский инструмент, потрогал пальцем острейший скол режущей кромки. – Возьми бадью, принеси воды.

Мальчик, получив вместо ожидаемой похвалы тяжелое поручение, набычился, но сбитое из узких досок ведро взял, пошел к реке. Изекиль проводил взглядом ученика, затем развязал свой сыромятный пояс, скинул медвежью шкуру и уронил ее на угли рядом с ланью, обтекающей жиром на воткнутом глубоко в землю колышке. В воздухе запахло жженой шерстью и паленым мясом. Почти сразу послышался быстрый топот – Тилбур с разбега влетел в святилище, остановился возле костра и облегченно перевел дух:

– Я уж думал, лань в пламя свалилась.

Изекиль взял у него бадейку, поставил в освещенный круг, решительно макнул голову в воду, немного подождал, придерживая рукой свесившуюся золотую амулетку. Потом сел

рядом с деревянным ведром.

– Так отпробуй мясца, учитель, – предложил мальчишка. – Я тушку всю осмотрел, отчистил, в реке отмыл. Нет в ней отравы, точно говорю! Опять же, потроха можно вовсе не трогать, токмо холку, что…

Жрец промолчал, дожидаясь, пока вода устоится, потом провел ладонью над поверхностью, произнося мольбу о безвременье, опрокинул бадью набок, поднял с земли скребок и начал неторопливо соскабливать с головы волосы, глядя на свое отражение в застывшей жидкости. Тилбур запнулся на полуслове, наблюдая за его действиями, а Изекиль старательно содрал под корень все волосы, отер скребок о запястье, убрал в мешочек. Поднялся на ноги.

– К-к-как ты это сделал, учитель?! – наконец выдохнул мальчишка.

– Да так, – развел ладони жрец, и в тот же миг вода выплеснулась из деревянного ведра, залив костер.

– Ой-ёй! – подпрыгнул Тилбур и заметался возле черного пятна, выискивая хоть один уцелевший уголек.

Изекиль спустился к реке, не спеша вошел в воду, погрузившись в нее с головой, и остановился, позволяя воде смыть с себя грязь, усталость, черный глаз, дурное слово. Смыть плохие мысли и глупые ошибки. Смыть прошлое, дабы очиститься перед будущим. Он стоял так долго, очень долго – до тех пор, когда даже его вечное, нетленное тело начало ощущать холод. Наконец жрец развернулся и выбрался на берег.

В святилище уже опять полыхал костер. Мальчишка, отодвинувшись подальше от обжигающего пламени, старательно объедал честно заработанную плату.

– Я научил тебя не очень многому, Тилбур, – криво усмехнулся Изекиль и начал одеваться. – Не очень многому – но часть древней мудрости Великого ты все-таки получил. Не забывай, что вся сила явлена тебе милостью всесильной Аментет. Помни ее имя и прославляй перед смертными.

– Хорошо, учитель, – прожевав, отозвался мальчик и откусил от оленьего окорока еще кусок.

– Служи честно богам Дуата, мой мальчик, и они не обойдут тебя своей милостью. Почаще смотри на умирающих, Тилбур. Может быть, тебе наконец-то надоест быть одним из смертных, и ты вспомнишь мои уроки.

– Угу, – кивнул ученик, опять набив полный рот.

Изекиль завязал пояс, проверил содержимое мешочков, после чего набросил мягкую и теплую шерстяную накидку поверх туники.

– Ты куда, учитель? – наконец заподозрил неладное Тилбур.

– Туда, – махнул рукой Изекиль. – Для меня настала пора выполнять свои обеты, мой мальчик. Очень скоро со стороны восходов дойдут вести о больших событиях. Уже совсем скоро.

Озеро в двухстах километрах южнее реки Нево.

2409 год до н. э., начало лета[15]

С сухим треском проломившись через заросли тростника, мокрый по брюхо секач остановился, медленно перемалывая челюстями нечто белое и похрустывающее. Проглотив добычу, кабан мелкой трусцой двинулся через зеленую поляну к зарослям орешника. Однако, когда до тонких зеленых ветвей оставалось не больше двух шагов, из коричневого, покрытого жесткой щетиной, бока вдруг выросла тонкая деревянная палочка с двумя белыми полосками из птичьего пера. Вепрь подпрыгнул, резко крутанувшись вокруг своей оси, – и тут же из другого бока появилось древко. Кабан скакнул вперед, словно надеясь на целительные способности ореховых кустов – но в этот миг силы окончательно покинули зверя, и он рухнул на землю.

На поляну вышли двое бородатых мужчин в выпущенных поверх коричневых шаровар светлых рубахах из груботкаиого полотна. От нежданных опасностей их защищали короткие куртки из толстой, в два пальца, воловьей кожи. С широких ремней, украшенных костяными накладками, свисали по два ножа – короткий, с половину ладони, и длинный, не меньше локтя длиной. Впрочем, длинный нож в полной мере можно было назвать и коротким мечом. Еще с их поясов свисало по несколько небольших мешочков, часть которых были из кожи, а часть – матерчатые, расшитые цветными нитями. Помимо прочего, за спиной у каждого, под обтянутым кожей колчаном, за ремень был заткнут бронзовый топорик на короткой рукояти.

– Сломал стрелу, окорок проклятый, – недовольно буркнул один из охотников. – Хотя нет! Вон, торчит. Оперение с прокусом. Младший побаловался на привале.

– Значит, мою сломал, – недовольно сплюнул второй.

Они подошли к добыче. Первый выдернул стрелу, второй, достав медный нож с костяной рукоятью, прорезал в шкуре четыре полосы, поддел край кожи клинком, двигая его вниз. Шкура поддалась – у кабана на боку получились две широкие лямки.

– Я возьму, – предложил первый, снимая колчан и протягивая

его товарищу. Тот кивнул, помог закинуть еще совсем недавно хрюкавший груз за спину.

Кустарник опять разошелся, выпустив на поляну еще пять человек – все в коже, в высоких мягких сапогах, с мечами и топориками. У некоторых волосы были перетянуты ремешками, у двоих на шее поблескивали золотые гривны. Правда, луков ни у кого из пятерых не имелось.

– Скилур, Атей! – окликнул охотников один из мужчин. – Чего застряли?

– Да вот мясца на ужин припасли, – отозвался первый охотник, поводя плечами. – Сейчас, идем.

Мужчины двинулись вдоль камыша дальше. На поляне воцарилась тишина – но ненадолго. Очень скоро через кустарник проломился ширококостный вол. Не спеша переставляя ноги, он наклонился, прихватил губами пук травы и двинулся дальше, невозмутимо таща привязанную на холку волокушу: две длинные слеги, меж которыми, скрученные углами, лежали несколько узлов. За волом бежал, помахивая тонким прутиком, босоногий мальчишка в рубахе ниже колен. Следом брели еще два вола с волокушами, с десяток коров, несколько женщин в длинных сарафанах, с заплетенными в косы волосами. Одна несла на руках жалобно хныкающего грудничка. Потом опять тащились волы, бежали недовольно блеющие козы, топали недавно остриженные овцы, шли мужчины – кто налегке, а кто и с тяжелым топором на плече.

Кустарник, равно как и поляна, давно остались позади, сменившись широкой, вытоптанной до глины, серой лентой, а люди все шли и шли, гоня с собой скотину, катя повозки, понукая волов с волокушами, успокаивая детей.

Из похожих друг на друга путников выделялись двое: оба лет тридцати, голубоглазые, с небольшими бородками и русыми, коротко стриженными волосами; оба в куртках, украшенных спереди бронзовыми пластинами; у обоих подолы рубах и сапоги ярко-красного цвета. Они шли налегке – без топоров и луков, без котомок за плечами, – однако с тревогой поглядывали на прочих людей.

– Смотри, брат, – указал один на возвышающийся из камышей камень. – Ну-ка, пойдем.

Путники свернули с дороги, продрались через заросли, чавкая сапогами в тине и ломая хрупкие желтоватые стебли, забрались на валун, поднявшись над кистями камышей на высоту человеческого роста. Впереди открылся бескрайний водный простор, покрытый мелкими гребешками волн.

– Да это же море! – ахнул один. – Гляди, брат. Мы с тобой,

похоже, на край земли пришли. Ну что теперь делать станешь?

– Еще посмотреть надобно, – пожал тот плечами. – Болота тут кругом. Земля – либо песок, либо тина. Хлеба не посеять, летом гнус заест. Да еще, поди, по весне море это так разольется, что все деревни посмывает.

– Слушай, Рус, на тебя не угодить! – возмутился первый. – Ты оглянись вокруг! Леса какие богатые, рек и озер не считано. Людей нет никого. За день коли землянку встретишь – и то не всегда повезет. Племена здешние незлобные, ни единого раза не показались.

– Мы же не на день, не на год садиться собираемся, Словен, – покачал головой второй. – А помысли, каково будет, коли откроется, что далее земли лежат еще более ладные и богатые, а мы тут в болоте застряли?

– Люди устали скитаться, Рус, – глядя на тонкую линию горизонта, ответил ему брат. – Пора решать. Пора…

Он развернулся, спрыгнул в грязь, брезгливо стряхнул попавшие на доспех кусочки тины и побрел обратно к берегу.

К сумеркам огромный обоз втянулся на стоянку, заранее подготовленную ушедшими вперед мужчинами. Издалека сотни костров делали берег озера похожим на богатый торговый город, стоящий на оживленном караванном пути. Женщины и дети, уже привыкшие ночевать каждый раз на новом месте, расходились по племенам и родам, снимали с волокуш и развязывали узлы, стелили шкуры и войлочные подстилки, накидывали на плечи теплые плащи, подходя к очагам, на которых уже запекались на толстых бронзовых вертелах целые бараньи и козьи туши, подсаживались к мужьям или братьям, доверчиво прижимаясь к сильным плечам.

Здесь не было различия на своих и чужих – проголодавшийся путник мог подойти к любому огню, срезать себе пару ломтей горячего мяса, приложиться к кувшину с прохладной озерной водой. Кто-то оставался у новых знакомых, кто-то отправлялся дальше искать своих. Хотя в этом огромном лагере, скрепленные единой целью, своими были все.

Князья сидели наравне со всеми – у общего огня, на обычной подстилке, срезая мясо с кабаньей туши и запивая угощение чуть подслащенной медом водой.

– Сеяться этим летом уже поздно, – задумчиво отметил Словен. – Придется до следующего года хлеб поберечь, без лепешек и блинов людей до весны оставить. На озере рыбы запасти нетрудно, да токмо тоже время надобно. Солить ее, коптить. Погреба для припаса копать. Опять же, дома ставить надобно, печи класть. А ну зимы тут суровые? Вымерзнут все.

– Да что ты все зудишь и зудишь! – не выдержав, вскочил Рус. – Ну хочешь – ставь здесь город! Вот прямо здесь и ставь! Ну и ладно, что по весне его половодье унесет, а в жару остатнее топью всосется – ставь! Ты старший, я тебе не указ! Ставь! Я тебе запрещаю, да? За руки хватаю?!

– Нет, не хватаешь, – тихо ответил Словен. – Ты тоже прав, на болоте жить нельзя. Чай, не криксы мы ночные, не водяные мокрые. Да токмо где оно, место сухое? Сапоги не стопчем, ищущи?

– И что делать? Ты чего предлагаешь?

– Ничего, брат. Я думаю.

– А про себя ты думать не можешь?

– Не могу, брат. Я хочу знать твое мнение.

– Какое мнение? – уселся обратно Рус и запихнул в рот уже давно отрезанный, но так и не съеденный шмат мяса, наскоро прожевал, проглотил. – Ты согласен, что нельзя на болоте город ставить? Согласен. Здесь болото? Болото. Так о чем говорить?!

– Озеро большое, наверняка рыбное. Леса в достатке. Можно ладьи строить, снасти ставить. На первое время всяко голодными не останемся.

– Брат, – тихо зарычал Рус. – Ты себя-то сам слушаешь? Чав-чав. Мокро. Хлипко. Болото.

– Да я ничего, – проговорил Словен. – Я так, думаю.

– Думай, – кивнул Рус. – Но только мне ничего не сказывай. Меня нет. Я сплю. Ночь, сплю. Все…

И он действительно отвалился на спину, прикрывшись черным шерстяным плащом.

– А ведь здесь, сколько помню, равнина вокруг, – почесал кончик носа князь. – Округ озера, наверно, везде подтоплено, подхода хорошего нет. Прошлого дня, помнится, мы мимо реки полноводной шли. Что, если к ней вернуться? Берега там, конечно, низкие, но не топь. До озера половина поприща[16], под парусом не расстояние вовсе. И угодья рыбные рядом будут, и гнус донимать не станет, и крепость не утонет.

– А красивая река была, просто жуть, – сел на подстилке Рус. – Красивая, как твоя жена, правда? Жена у тебя, брат, красавица. А давай, брат, именем ее реку назовем. Шелонь… Разве плохо?

– Да, в общем, хорошо, – усмехнулся Словен.

– Так и назовем, – ободрился Рус. – Назовем, брат. Река сия отныне Шелонь именоваться станет. А теперь во-он туда взгляни. Повозку крытую видишь? Там твоя жена-красавица по тебе скучает. Так ты иди и весть эту радостную ей и молви. Но только ей, а не мне, очень тебя прошу. Не говори мне больше ничего,

брат. Хотя бы до утра, ладно?

– Княже… Княже… Княже…

– М-м… – сонно перевернулся на спину Рус, чуть стянул плащ, открывая лицо, покосился на охотника. – Тебе чего?

– Брат твой где, княже? С утра ищем.

– А щас что? – Рус зевнул и посмотрел по сторонам.

Над стоянкой стлался по земле густой влажный туман. Белое небо давало достаточно света, чтобы можно было различить лицо близкого собеседника, угли в кострище, кости на вертеле, однако солнце еще не поднялось, и говорить про утро было несколько рановато.

– Так чего тебе, Скилур? – недовольно сморщился князь и передернул плечами.

– Брата твоего найти не можем.

– Так он в повозку утром уходил, к жене своей.

– Нету, княже. Заглядывали.

– Куда же его тогда понесло? – Рус выпрямился во весь рост, огляделся по сторонам, потом негромко позвал: – Бра-ат…

По ту сторону кострища зашевелилась волчья шкура, выглянуло заспанное лицо.

– Все-таки вернулся, – отметил Рус. – До Шелони-то хоть дошел?

– Дошел, – ответил Словен. – Просто потом хотел еще об одном посоветоваться, да ты спал.

– Прости, княже, – преклонил перед ним колено охотник. – Арфакс послал меня с вестью. До рассвета наказывал передать.

– С какой?

– Дозором дальним мы вчерась речушку мелкую, болотную перешли. А за ней земля вверх пошла. Сухие холмы, лес на них чистый, сосновый. Воздух – что мед гречишный. Птицы поют, следы заячьи…

– Ты ради зайцев нас до света разбудил? – перебил его Рус.

– То не важно. По холмам сим мы до реки вышли. Аккурат под ними, высокими, течет. Шириною саженей полста будет, из самого моря течет, видно. Ну а куда вниз – неведомо.

– И что?

– Дык, – несколько растерялся охотник, – Арфакс послал. Наказывал сие и передать. Про холмы и реку. Про лес сосновый.

– Стой! – спохватился Словен. – Холмы, говоришь, у самого берега? И топи нет?

– Нет, княже, – мотнул головой Скилур. – Я хвою-то копнул, а там песок под ней. Откуда в песке топь?

– Далеко?

– Да с половину поприща будет, княже. Коли быстро идти, так до выхода обоза обернуться можно. Пока тут встанут, пока сберутся.

– Добре, – кивнул князь. – Веди.

От реки долетали веселые детские крики – беззаботная малышня носилась по песчаному берегу, иногда забегая в воду и поднимая тучи брызг. Скотина, пущенная пастись выше по течению, торопливо пожирала сочную хрустящую осоку. Тоже измучилась за долгие переходы. Толком ведь и не паслась – то некогда, то негде.

Словен резко развернулся, отошел от обрыва, обвел взглядом людей, с напряжением наблюдающих за действиями четырех седовласых волхвов. Один из слуг божиих колдовал у высокой кипы лапника, раскладывая неведомые снадобья, трое других старательно умащали маслами самого крупного в стаде вола, рога которого женщины уже успели украсить цветами.

– Вашу волю испрошаем, – наконец разошлись в стороны волхвы, кланяясь на все четыре стороны света. – Твою, Сварог Небесный, твою, Велес Могучий, твою, Марцана щедрая, твою, Дидилия животворящая, и твою, Мара Ледяная. Прострите над нами длань мудрую, отворите сердца горячие, уроните взгляд благосклонный. Дайте знак нам о судьбе нашей, воле своей, доле семянной.

Служители снова собрались к быку – быстро мелькнул клинок, послышалось возмущенное мычание. Вол попятился, осел на задние ноги, пару раз переступил передними, пытаясь удержаться, после чего тяжело рухнул оземь – и тут же сам собой полыхнул огонь, стремительно пожирая лапник. Один из волхвов подошел к костру, держа в вытянутой руке полную чашу крови, опрокинул ее в пламя. Огонь зашипел, чуть приседая, а потом вдруг опять рванулся ввысь, закручиваясь синим жгутом.

– Боги приняли твою жертву, князь, – опустив чашу, повернулся к правителю волхв.

– Они дали ответ? – облизнув пересохшие губы, спросил Словен. – Ты видел знак? Что ответили боги на нашу молитву?

Внезапно деревянная чаша в руке старика сплющилась, потекла вниз и упала на хвою большой коричневой лепешкой. Волхв опустил на нее глаза, потом поднял голову на князя:

– Да, я увидел знак, сын мой. Боги считают это место добрым для города.

По сгрудившейся толпе промчался вздох облегчения, а князь Словен упал на колени, наклонился и поцеловал теплую сухую землю. Потом поднял лицо к небу, тихо пробормотал:

– Благодарю тебя, отец мой, прародитель детей наших. – А затем повернулся к людям: – Вы слышали, братья?! Отныне здесь будет наш дом, дом детей и внуков наших!

Князь поднялся на ноги, развел руками, указывая в сторону:

– Рубите лес, расчищайте холм. Здесь будет стоять град наш. Осину, липу вниз скатывайте, сосны тут на хлысты пилите. Сегодня место приготовим, а завтра срубы поднимать начнем. И да пребудет с нами милость отца нашего небесного, великого Сварога.

Почти сразу застучали топоры. Люди, поняв, что долгий их путь через незнакомые земли подошел к концу, с воодушевлением взялись за работу.

– Ну что, брат, – подошел к Словену Рус, – взял-таки озеро себе, по твоему вышло.

– А отчего не взять, коли само в руки просилось? – улыбнулся князь. – Коли боги согласны и люди рады? Богатая здесь земля, брат. Сильными наши роды станут, крепко корнями врастут. Не раз нас с тобой словом добрым помянут.

– Как назвать-то мыслишь озеро свое?

– Да вот сестру нашу я все вспоминаю, брат. Хочу, чтобы, коли уже ее нет, так хоть память о ней всегда с нами оставалась. Что скажешь?

– Ильмень… – протянул Рус. – Да, брат. Пусть хоть озером с нами рядом плещется. Ильмень.

– Ну а речку эту Волховом назову, как сына.

– Тебе придется родить очень много детей, Словен, – покачал головой Рус. – Очень много.

– Почему? – не понял князь.

– А разве ты не заметил? Рек-то вокруг – не перечесть!

Братья рассмеялись и крепко обнялись, глядя, как под ногами величаво несет свои воды красивая река. Они даже не подозревали, что за их спинами свершается таинство рождения не просто города, а новой, великой страны.

Санкт-Петербург, проспект Обуховской обороны.

26 сентября 1995 года. 11:15

Увидев справа магазин с длинной вывеской «Охота, рыбалка, снаряжение», Пустынник притормозил, медленно подкатился к тротуару и заглушил двигатель.

«И чего Изекиль так местных знахарей не любит?» – уже в который раз подумалось ему.

Вопрос был чисто риторический – любит не любит, а коли заказ есть, нужно выполнять.

Колдун вошел в магазин, огляделся и направился в сторону прилавка, над которым в запертых стеклянных стойках были выставлены ружья.

– Что-то ищете? – встрепенулся продавец. – Может, подсказать чего?

– Да, подсказать… – Пустынник запнулся, обнаружив среди витрин с «огнестрелами» длинный футляр с полуторным мечом, лезвие которого было до середины покрыто филигранной гравировкой. – Я… У вас ружья нарезные есть?

– Однозарядные, автоматические? Наши, импортные? Вы понадежнее хотите, для охоты, или в компании посидеть? У нас «Сайга» есть тульская, «Браунинг» бельгийский, американские «стволы» тоже имеются. Вы для охоты ищете или так?

– Патроны покажите. Для «Сайги», например.

– А чего там, – пожал плечами продавец. – Обычные патроны для «Калашникова».

Тем не менее он достал коробку, выставил на прилавок. Пустынник, косясь на меч, вскрыл упаковку, достал один патрон, покрутил в руках.

– Вы-ы… Покупать будете или так? – забеспокоился молодой человек.

– Сколько он стоит? – не выдержал Пустынник, указывая на клинок.

– Тысячу у-е.

– Чего? – не понял маг.

– Ну долларов. Баксов, «зеленых», «енотов», «дохлых президентов».

– У меня только рубли.

– Так мы по курсу пересчитаем… – Тут продавец снова оживился: – Так вы, может, подарок ищете? Так это как раз то, что надо! Настоящая оружейная сталь, ручная работа, пожизненная гарантия. А самое главное: мы выдаем справку, что это сувенирная штука. И вас никто и никогда не сможет привлечь к

ответственности за хранение холодного оружия!

Молодой человек взял футляр с мечом, выложил на прилавок. Пустынник опустил патрон в карман, поднял крышку футляра, взялся за выточенную из черного мореного дуба рукоять, чуть отступил, взмахнул оружием, оценивая балансировку клинка.

– Великолепно! И вы говорите, что это считается обычным сувениром?

– Так попробуйте лезвие. Оно не заточено.

Бывший идальго взялся ладонью за клинок, режущая кромка которого была около миллиметра толщиной, криво усмехнулся:

– Это же меч, а не бритва. Тут важна не острота, а сила и постановка удара. Хотите, я разрублю вас от макушки до копчика прямо так, без всяких усовершенствований?

– Разрубить человека пополам можно обычным плотницким топором, – обиженно ответил продавец. – Но это еще не значит, что он является оружием. Когда вам захочется кого-нибудь убить, вы, наверное, ружье купите, пистолет или хотя бы нож, а не с мечом по улице шастать станете. Дайте его обратно.

– Не дам, – ответил Пустынник, взмахнув клинком еще раз. – Нравится. Беру.

– Покупаете? – не поверил своим ушам молодой человек.

– Два, – добавил колдун. – Дома повешу, для симметрии. Их можно будет провезти через таможню?

– Наверное, – ответил продавец. – Это же новодел, а не реликвия какая-нибудь. Только в карман совать его не нужно. Сдайте в багаж, и ладно. Так что? Справку о том, что это никчемный сувенир, писать или не надо?

– Два никчемных сувенира, – поправил его колдун. – Пиши.

В нагрузку к клинкам Пустынник купил на выходе два «Часа Пик» – коробки положил на пол перед задними сиденьями и накрыл газетами. Неспешно прокатившись дальше по проспекту, он остановился у хозяйственного магазина, приобрел в нем ножовку по металлу, напильник, точильный камень, складной табурет из стальных трубок. Для задуманного заклинания не хватало только натурального животного жира и звериных волос. Усложнять приготовления сверх меры колдун не стал. Просто купил в магазине дешевой «Любительской» колбасы, выковырял несколько сальных глазков, а остальное принялся разбрасывать во дворе магазина. Дворняги, что валялись среди ящиков, моментально почуяли поживу, примчались подбирать угощение, а потом стали ловить лакомые кусочки на лету, толкаясь, грызясь и подходя все ближе. Когда самая мелкая шавка ткнулась мокрым носом почти ему в ладонь, Пустынник протянул вперед руку и

вырвал у нее из загривка пучок волос. Псина взвизгнула, но сунутый ей в пасть шмат колбасы компенсировал причиненный ущерб.

– Если бы еще полночь можно было организовать так же просто, – вздохнул маг, возвращаясь в машину. – Ладно, закончу ночью. А пока займемся чем попроще…

Он доехал до конца проспекта Обуховской обороны, перед указателем «Поселок Металлострой» свернул на узкий проселок, ведущий к куче строительного мусора, проехал полсотни метров и остановился на краю небольшой лужицы. По ощущениям Пустынника, время только-только перевалило за полдень, а начало работы он наметил на четыре. В запасе оставалась еще масса времени. Он пересел на заднее сиденье, поднял с пола меч и принялся старательно править напильником сверкающий драгоценной отделкой клинок.

Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки.

26 сентября 1995 года. 16:05

Девяносто второй дом оказался оригинальной полукруглой постройкой прошлого века – три этажа, каменные витые лестницы, высоченные, под четыре метра, потолки. Перед широкой двустворчатой дверью Пустынник остановился, опустил на пол зажатую в руке куртку. Тихо звякнул о камень металл, ткань обвисла, обнимая крестообразную рукоять. Сам маг сел на подоконник, развернул газету, просматривая ее по диагонали. Лекарства, строительство, дефицит городского бюджета, внешние займы дикого объема… Ничего интересного.

Он услышал на лестнице тихие шаги, увидел заплаканную женщину в дешевом коричневом плаще и черном платке, встал навстречу.

– Вы к ясновидящей Юлии?

– Да, – сглотнула женщина, вытирая платком глаза. – Я по записи.

– Отлично… – Маг вскинул к ее лицу сжатые в щепоть пальцы, резко развел их в стороны: – Катанда хари, алдо, хаш-хаш…

Женщина замерла, глядя в пол. Пустынник взял ее за подбородок, поднял, вперившись твердым взглядом в зрачки:

– Твое имя?

– Инесса Бархатова.

– Зачем пришла?

– Сын исчез.

– Давно?

– Две недели.

– Сколько лет ребенку?

– Шестнадцать.

– Четырнадцать дней… – Колдун положил руку ей на лоб и закрыл глаза, пытаясь через плоть матери дотянуться до ее частицы, сорвавшейся с пуповины шестнадцать лет назад. Получалось такое не всегда, но в этот раз он увидел пляшущие огненные искры, ощутил во всем теле невероятное блаженство, увидел милые уродливые лица – и тут же брезгливо отдернул руку. – Вот ведь мразь какая!

Пустынник склонил набок голову, внимательно разглядывая женщину. Обошел ее кругом. В общем, облик простенький, навесить на себя нетрудно. Он, конечно, не гамаюн – но ведь и рассматривать клиентку через лупу никто не станет. Плащ, платок, заплаканное лицо. Плащ, платок, заплаканное лицо… Маг сосредоточился, впитывая впечатление, оставшееся от плакальщицы, потом снова вперился ей в глаза:

– Ясновидящая сказала тебе, что твой щенок продал отцовскую дачу, а деньги на наркотики спускает. Беги, пиши заявление в милицию, что посторонние на даче. Они там всю толпу с поличным возьмут. Все, ступай.

Просительница кивнула и начала спускаться вниз по лестнице. Пустынник же развернулся, взял от стены куртку и нажал на звонок.

– Кто там?

– Инесса Бархатова… – Колдун вытолкнул из себя в сторону двери ощущение, оставшееся у него от женщины. – Я по записи, по поводу сына.

Замок щелкнул, скромно одетая девушка лет восемнадцати посторонилась, пропуская клиентку. Потом пошла вперед по узкому, загибающемуся вправо, коридору. Первая дверь, вторая. Третья была открыта – там, в похожей на низкий тоннель, комнате стоял письменный стол, за которым восседал лысый мордоворот в пятнистой форме и читал «Унесенные ветром», если верить колонтитулу наверху страниц.

– Вы знаете, – остановилась девушка, – услуги ясновидящей платные. И очень недешевые. Понимаете, она одна из немногих видит правду, а не просто фантазирует. Поэтому у нас очень много клиентов. Если вы согласны, я бы попросила оставить залог, чтобы потом между нами не возникло непонимания.

Пустынник поставил к стене меч, привычно вскинул руки, погружая жертву в беспамятство:

– Катанда хари, алдо, хаш-хаш… Ты будешь спать до завтрашнего утра.

– Что там происходит? – Охранник опустил книгу и перегнулся через стол, пытаясь выглянуть в коридор. – Гражданочка, что вы там затеяли?

Обойдя стол, мордоворот двинулся на выручку секретарше. Колдун откинул куртку в сторону, поднял меч, изо всех сил излучая ощущение черной дамской сумочки.

– Что тут… – Сильный удар оголовьем рукояти в солнечное сплетение заставил его согнуться. Второй удар Пустынник обрушил на подставленный затылок, в основание черепа. Охранник рухнул с таким звуком, словно был замаскированным мамонтом, а колдун дошел до конца коридора, повернул направо и толкнул последнюю дверь.

Ясновидящая принимала в будуаре. Обитые гобеленом с японскими мотивами стены, алые бархатные занавеси, усыпанная подушками тахта, персидские ковры, небольшой журнальный столик с вычурными резными ножками, на котором вместо магического шара стояла ваза с фруктами. Сама прорицательница походила на шамаханскую царицу: томная, с большими, да еще и подведенными глазами; в газовых шароварах, в блузке тончайшего шелка, в вырезе которой поблескивало мелкими бриллиантиками колье, соблазнительно уходящее в темную щелочку между крупными мягкими грудями. Волосы собраны наверху и скреплены золотой заколкой с перламутровыми накладками. Молоденькая ведь совсем…

«Богато, – отметил Пустынник. – Под персидское чародейство, что ли, косит?»

– Чего тебе, милая? – вальяжно развалившись среди подушек, поинтересовалась ясновидящая. – Беду не отведу, но тайное все и неведомое раскрою, дорогу истинную укажу, не бойся. Священное слово Заратустры, раскрывшее мое сердце колебаниям ноосферы, лишило этот мир секретов от моего зрения.

– Хочу знать будущее, колдунья, – сказал маг, роняя куртку на пол. – Скажи мне, всеведущая, сколько жить осталось Юлии Галкиной, что бизнесом чародейским промышляет?

– Ты… – резко наклонилась вперед ясновидящая. – Ты не женщина!

– Ну это я и сам знаю, – усмехнулся Пустынник и рубанул мечом воздух.

– Чего тебе нужно?

– Черное колдовство – это грязный бизнес, девочка, – покачал головой маг. – Очень грязный.

– Семен!!! – во всю глотку заорала ясновидящая, вскочила и

прижалась спиной к стене. – Сема, сюда!!!

– При чем тут смертные, колдунья? – вскинул оружие Пустынник, нацелив его девушке в сердце. – Ты же можешь защищаться сама. Так делай это!

Он почти уже нанес смертельный удар – но тут ясновидящая вытянула руку ладонью вперед, и клинок замер. Резко, словно от укуса, заныли мышцы плеча: колдунья остановила не меч, она парализовала руку, которая его держала. Пожалуй, обычный человек после этого взвыл бы от боли и кинулся бежать – но у Пустынника тоже имелась воля, и он точно так же, как и маленькая ведьма, мог давить на свою руку – но только заставляя ее не останавливаться, а разгибаться. Схватка шла совершенно бесшумно, без единого движения. Просто два человека стояли друг против друга, глядя на дрожащий клинок и… И ничего.

Спустя несколько минут маг почувствовал, как капельки пота, выступившие на лице, начинают стекать тонкими струйками, пощипывая глаза и оставляя на губах соленый привкус. И понял, что проиграл: его силы подходили к концу, а чародейка казалась уверенной и спокойной. Развернуться и убежать? А вдруг у нее есть оружие? Добьет ведь… Выстрелит в спину серебряной пулей – и привет вечности. Или надоумить ее позвонить в полицию? Радиотелефон совсем рядом – вон трубка среди подушек валяется. Сдаст, как грабителя, а Изекиль потом вытащит. Или не вытащит? Проигравших не любит никто.

У ясновидящей из носа выкатилась струйка крови. Еще через мгновение от напряжения потекла кровь из ушей – и клинок медленно, очень медленно двинулся вперед. Он коснулся ладони девушки, начал ее толкать, пока не довел до груди. Потом кожа поддалась напору остро отточенной стали, разошлась. По запястью в рукав потекла бордовая струйка. Колдунья вскрикнула от боли – ее воля рухнула, и меч, мгновенно пронзив тело, ударился в стену. Однако девушка лишь удивленно захлопала глазами. Несмотря ни на что, она оставалась жива. Пустынник отступил, выдернул меч, сделал им быстрый полукруг и одним сильным ударом снес жертве голову.

– Вот теперь точно все… – Маг старательно вытер лезвие об одну из подушек, подобрал телефон, набрал номер: – Союз потребителей? Таня, Танечка, это я. Анатолий. Ты меня прости во имя всех святых, но у меня никак не получается встретить тебя сегодня после работы. В больнице процедуры перенесли, и как раз на пять. Ты не будешь сердиться? Извини еще раз. Не сердись, пожалуйста… Вечером увидимся. Целую.

Он отер телефон, кинул его обратно, завернул меч в куртку и вышел из комнаты.

Санкт-Петербург, Заставская улица.

26 сентября 1995 года. 17:15

Пустынник свернул на ведущий к ТЮЗу проезд, но к театру подъезжать не стал. Он вышел из машины, подобрал с пола оба меча, после чего пересек улицу и оказался в заброшенном сквере, не имеющем даже названия. Здесь, вдали от жилых домов, зажатый между серыми заводскими корпусами, кусочек зеленой природы жил своей жизнью, позабытый дворниками, любителями спортивного бега и пенсионерами. Правда, сюда любили приходить собачники со своими четвероногими питомцами – но это заботило колдуна меньше всего. Собаки весьма чувствительны к воздействию, так что достаточно накрыть садик облаком беспричинной тревоги – и ни одна псина туда ни за какие коврижки не зайдет. И хозяина не пустит.

Когда Пустынник, вынюхивая следы Анатолия Рукавицына, узнал, что тот ходит с работы, из ДЛТ, на Заставскую улицу через этот полудикий участок растительности, то сразу понял, что имеет дело с колдуном. Похоже, его клиенту не терпелось испытать собственные силы, доказать свое непостижимое смертным мастерство – и он сознательно искал приключений. Иначе кто в здравом уме станет таскаться по местам, где проще напороться на пьяную, а то и уголовную компанию, нежели докричаться полицейского патруля?

Интересно, он уже успел хоть с кем-нибудь сцепиться или еще нет?

Без собачников в сквере было совсем тихо и пусто. Старые корпуса отгораживали его от Обводного канала, скрадывая гул проносящихся там машин, ветру тоже разогнаться было негде. Полный, совершенно неправдоподобный в огромном городе, покой.

Послышалось веселое насвистывание. Паренек лет двадцати в рубашке цвета хаки с длинным рукавом и джинсах с протертыми коленями миновал заводской корпус, бодрым шагом обогнул пыльный куст шиповника по песчаной дорожке, по щиколотку засыпанной желто-розовой кленовой листвой. Чуть притормозил, увидев мужчину с двумя мечами в руках.

– Привет, колдун, – остановился поперек дороги Пустынник. – Не торопишься?

– А вы кто? – остановился Рукавицын. – И кого называете колдуном?

– Представитель квалификационной комиссии, – усмехнулся

Пустынник и воткнул один из мечей в землю в шаге перед противником. – Вам предстоит сдать экзамен на профпригодность.

– Какой еще экзамен? – не понял парень.

– Обычный. Ты имеешь право пользоваться оружием и своей магией. Я – только мечом. Условия понятны?

– Не буду я ничего сдавать! – возмутился парень.

– А кто тебя спрашивает? – Маг взмахнул мечом, нацелившись ему в шею.

Рукавицын пригнулся, уходя из-под удара, отскочил чуть в сторону, уворачиваясь от второго, что разрубил бы паренька от ключицы до печени, и, правильно оценив ситуацию, рванул из земли меч. Попятился к кустам, выставив оружие перед собой.

Пустынник чуть выждал, давая ему время прийти в себя и продумать тактику схватки, потом начал наступать. Рукавицын неожиданно схватил меч зубами – правда, за рукоять, а не за лезвие, – тряхнул возле себя руками, обернулся вокруг оси, снова тряхнул. Запахло кислятиной, а облик колдуна «поплыл», быстро рассеиваясь на фоне кустарника. Похоже, мальчик баловался некромантией.

– Как все однообразно, – скривился Пустынник. – Все только об одном и думают, как глаза отвести.

Не замедляя шага, он закрутил «мельницу», рисуя двойной сверкающий круг: взмах слева, взмах справа, взмах слева. Звякнула сталь – похоже, колдун попытался нанести укол, но не смог пробиться сквозь завесу. Пустынник сделал еще два шага вперед, остановился перед кустами и резко развернулся, взмахнув мечом перед собой.

– Вот, черт! – прозвучал голос справа, и маг немедленно выбросил меч в том направлении. Тут же отдернул, сделал туда пару шагов.

Слева зашуршала листва, но Пустынник сделал вид, что ничего не заметил, глядя туда, где его противник находился мгновение назад. Послышался резкий выдох – маг нырнул влево, уходя сразу и от возможного удара сверху, и от поперечного, с силой резанул параллельно земле на высоте полутора метров. Послышался болезненный вскрик, и маг обрушил на голос последний, завершающий удар.

Зашелестели осенние листья, принимая на себя тяжесть безвольного тела, звякнул, отлетая в сторону, меч.

– Незачет, – сделал вывод Пустынник, подбирая оружие. – Пересдача в следующем воплощении…

Река Волхов, полтора поприща от озера Ильмень.

2409 год до н. э., начало лета

Со всех сторон непрерывно стучали топоры, вытесывая направляющие, рубя лапы, ошкуривая сырые и белые, пахнущие смолой бревна. Князь Словен работал наравне со всеми, остря бревна для частокола. Тын опоясывал холм примерно на половине высоты, и до того момента, когда стена замкнется в единое целое, оставалось всего ничего – саженей двадцать, не более.

Заострив кончик, словно ворот для быка, князь выпрямился, отер рукавом пот со лба. Оглянулся.

На самой вершине уже стояла изба в два жилья, на крышу которой мальчишки выкладывали чистую, как первый снег, дранку. Десяток срубов вокруг пока не могли похвастаться не то что стропилами, но даже окнами и дверьми – ну да лиха беда начало! Еще несколько дней – и срубы станут домами, вокруг которых появятся хлева, сараи, амбары. Леса вокруг хватает, топоров в руках – тоже. Этим летом город встанет крепко. Потом надобно охотой и рыбным промыслом заняться, дабы на зиму припас заготовить. А по новой весне – второй ряд тына поставить, землю между кольями засыпать, а поверху – прочную рубленую стену поставить. Разом и ров появится, и твердыня прочная, что любую рать остановит.

– Кубрат! – окликнул князь роющегося в земле работника. – Ну что, яму для кола моего приготовил?

– Чуток осталось, княже! – отозвался тот. – Ты бы отдохнул маленько, водицы испил, за прочими людишками присмотрел. Чай, не один я тут ковыряюсь.

– Ты еще поучи, стервец, чего князю делать! – без всякой злобы погрозил ему кулаком Словен, выгнул край штанов, распустил узел веревки, подтянул порты повыше, снова завязал, после чего сел на бревно, подставив лицо теплому солнцу.

– Княже, княже… – тяжело дыша, остановился перед ним рыжеволосый мужик с курчавой бородой, в которой запуталось множество опилок. – Русичи уходят.

– Как уходят? – не поверил своим ушам князь.

– Волокуши укладывают, мужи оружием опоясываются, копья и луки берут.

– Да ты что…

Словен подхватил топор, обогнул уже поставленный частокол, побежал вниз по склону, к мычащим волам, плачущим детям и надевающим кожаные кирасы воинам.

– Рус! Рус, ты где?!

– Здесь я.

Князь оказался совсем рядом – застегивал широкий ремень, на котором висел верный тяжелый меч. В этот раз доспеха он решил не надевать и стоял с непокрытой головой, в белой, шитой красной нитью, рубахе до колен.

– Ты чего затеял, брат? – перевел дыхание Словен. – Почто людей своих сбираешь?

– Я люблю тебя, брат, – ответил Рус, завязывая на затылке украшенную мелким жемчугом ленту, что должна удерживать волосы и защищать глаза от пота. – Мой дом всегда будет твоим домом, твои дети – моими детьми, твои люди – моими людьми.

– О чем ты говоришь, брат? – все еще не понимал князь.

– За те дни, что мы помогали тебе град рубить, – опустил руки Рус, – охотники мои вниз по реке этой мутной прошли, на закат на пять дней пути, округ озера, что имя сестры нашей носит. Ниже по реке, сказывают, море пресное, поболе этого, да болота кругом. На закат тоже болота. А округ реки коли двинуться – места, ако тутошные. Сухие, высокие. Лес богатый, рек не счесть. Рыбы, зверя в достатке. Вот и решил я с другами и слугами своими по ту сторону Ильменя осесть. Там себе столицу срублю.

– Чем же тебе здешние места непотребны?

– Я люблю тебя, брат, – опять повторил Рус. – Вспомни младших братьев наших, с коими из-за земель отцовских чуть не рассорились. Вспомни, сколько раз за время похода нашего мы бранились. Негоже нам, брат, под одной крышей жить, коли лад сохранить хотим. Не за три-девять земель я осяду, брат. Всего в полуста поприщах. Коли вспомнишь – отпиши. Коли заскучаешь – приезжай. Коли помощь понадобится – зови. Своими умами жить станем – так и вражды никакой меж нами не появится, любовь лишь. Завсегда плечо друг другу подставим и совет дадим. Ты согласен, брат?

– Как же ты так-то… – покачал головой Словен, про себя согласившись с правотой брата. – Не упредил. Я бы тебе подарки собрал, пир прощальный закатил.

– Еще попируем, брат, – кивнул Рус. – Долгие проводы – лишняя грусть. Как твердыню срублю, вестника пришлю сразу, дабы путь ко мне указал. Пора мне. Половина людей уже в пути.

– Я люблю тебя, брат, – только и нашелся что ответить Словен.

– И я люблю тебя, брат, – молвил Рус.

Князья обнялись, после чего младший отступил и, обгоняя ленивых волов, спешно двинулся на юг по уже изрядно натоптанной за последние дни дороге.

Словен долго смотрел ему вслед, затем взбежал обратно на

холм, поднатужился, поднимая полуобхватное бревно, поставил его на попа:

– Ну, Кубрат, где яма?! Давай, принимай!

За работой быстро закончился день. Князь посидел у костра, вместе со своими родичами отрезая, по мере пропекания, мясо с подвешенной над пламенем бараньей туши, запивая его подслащенной речной водой. На холме призывно светила окнами новенькая изба, в которой укладывала пока еще на пол сыновей Шелонь, но настроения не было. С уходом брата словно оторвался от души кусочек – и никак она теперь не находила себе места. Саднило душу, кровянило.

Дабы не смущать людей своим хмурым видом, князь поднялся, вышел за ворота, спустился к реке, присел на травяном склоне, глядя, как струится вода, пытаясь унести в море отраженную полную луну.

– Че-ло-ве-е-е… Челове-ек… – словно тайком пробрался в ухо еле слышный зов. – Че-ло-ве-ек…

Неведомый голос не называл имени, но Словен почему-то понял, что обращаются именно к нему.

– Че-ло-ве-е-е…

Поначалу он подумал, что то его русалки в плен заманивают, однако зов тянул в лес – а там, как известно, коли кто и чудит, то леший, али дух лесной. А они женскими голосами не кричат, повадка не та.

– Челове-е-ек…

Любопытство пересилило. Князь, проверив, на месте ли, за поясом, топор, двинулся вдоль белого частокола, обогнул груду заготовленных для новых срубов бревен, остановился перед темной стеной ельника, к которому еще не прикоснулась рука дровосека.

– Челове-е-е…

Неожиданно мужчина разглядел впереди дрожащий огонек. Он удивленно хмыкнул, решительно двинулся к нему. Откуда здесь, в двух шагах от его города, мог взяться чужой костер? Свои все за стенами ночуют, чужих давно не видел никто. Огонек дрожал, манил, казался то ближе, то дальше. Князь уже решил было остановиться, заподозрив в пламени проделки шаловливого лесного духа – как вдруг вышел на небольшую полянку, посреди которой горел аккуратный огонек. У огня, помешивая деревянной ложкой варево в глиняном кувшине, сидела молодая на вид женщина в длинном платье из белой сыромятной кожи. Вот только волос на голове у хозяйки почему-то не имелось – ни единого волоска.

– Садись, человек, к моему очагу, – ласково пригласила

женщина. – Отведай угощения моего, расскажи, какого рода-племени.

– Ну да, отведай, – тряхнул головой князь, отгоняя наваждение. – А ну, заговорено зелье твое, заколдовано? Кто знает, на каких травах ты его настаивала, на каких костях наваривала. Сама-то ты кто?

– Берегиня я здешняя, гость дорогой. За лесами присматриваю, смертным удачу приношу, ворогам беду отмериваю. Тебе чего положено, человек, горе или радость?

Словен огляделся. Светлый круг, который очерчивался костром, окружала, казалось, прочная, как камень, стена. Луна куда-то исчезла, не давая больше света, вершины деревьев растворились во мраке. Звезды, правда, блестели высоко над головой – но, кроме блеска, ничего не давали. Еще князь припомнил, сколь странным путем попал сюда, и решил лесную берегиню грубостью не раздражать. Простой бабой, вздумавшей пошутить с правителем, она явно не была.

– Радости, пожалуй, отмерь, – присел к огню князь. – Чтобы жилось нам хорошо на этом месте. Чтобы дети росли во множестве, здоровыми и сильными. Чтобы дома сто лет стояли, чтобы достаток и сытость в них завсегда были.

– Многого просишь. – Девушка черпнула варева и протянула гостю.

На этот раз князь, чуток поколебавшись, ложку ко рту поднес и сделал маленький глоток, демонстрируя доверие к собеседнице. В кувшине оказался самый обычный густой мясной бульон.

– Многого просишь, – повторила берегиня. – Да токмо достойны ли вы этих радостей? Может, черны ваши души от злобы, а руки кровью людскою залиты? Может, из мест родных вас изгнали оттого, что боги и смертные бесчинств ваших терпеть более не смогли и права на родину лишили?

– Никто нас не прогонял, – в задумчивости Словен допил из ложки бульон и протянул ее обратно девушке. – Мы с братом сами ушли. Старшие мы в роду, вот и решили удел отцовский младшим оставить, дабы ссор меж нами не случалось и до вражды кровавой дело не дошло. Сами мы сколоты, внуки Сварога великого, сотворившего небо и твердь земную. У отца нашего, да будет легким его последний путь, нас пятеро уродилось. Я, Рус, Болгар, Коман и Истер. Пока росли, дружны были. А как отец ушел, начался лай. Отец ведь нас на разные рода посадил. Пока он своей волей решал, кому куда, места на всех хватало. А тут вдруг стало, как уменьшилась земля втрое. Шага не ступить, чтобы кого из соседей не обидеть. Уже и драки случаться начали. Да крови, слава Велесу, не допустили мы,

одумались. Земли-то вокруг много. Так почто ссориться из-за того, чего вокруг вдосталь? Вот мы с Русом и порешили младшим нашим отчую могилу оставить. Сами пошли новые места искать. Чтобы не тесниться, чтобы всего вдосталь было. Искали долго. Ведь, почитай, всецело рода свои увели, от мала до велика. Скотину, добро увезли. Словом, быстро бежать не получалось. Но зато охотников опытных во все стороны рассылали, дабы о местах хороших, как вернутся, сказывали. Поначалу ничего к душе не лежало. То мокро, то сухо. То болото одно, то ни рек, ни ручьев округ. Но вот, однако же, здесь понравилось. Отныне здесь порешили жить. Я – по эту сторону озера, а брат – по ту. Чтобы и рядом, и не тесниться. Вот так…

Князь замолчал. Теперь, когда он рассказал свою историю, словно слив боль, на сердце стало легко и покойно. И не болела больше душа за младших, которым ныне раздольно быть должно на отцовских землях, и за Руса тоже – он ведь действительно рядом, дня за три легко дойти можно. И место, кажется, выбрал он для новой жизни удачное. Хотя, конечно, время покажет. Коли до весны голода не будет – можно корни пускать, не бояться.

– Не те ли это сколоты, – задумчиво поинтересовалась собеседница, – что противились воле Нефелима, желавшего порядок вокруг Эвксинского моря насадить?

– А ты такое откель знать можешь, берегиня? – вскинул голову князь. – Давно ли духи лесные о делах дальних стран так наслышаны стали? Да можешь ли ты, вообще, беду али радость принесть? Сама-то почто безволосой ходишь? Никак, больная ты, да исцелиться-то и не можешь!

– Да как смеешь ты, дикарь, мне, хранительнице Великого, такие слова говорить?! – вскочила девушка. – Да я одним пальцем все племя твое в порошок стереть могу, и следа от него не останется.

– Ох, гневлима ты не по уговору, – со смехом поднялся и князь. – Глянь, как щеки зарумянились, да глазки-то заблестели. Нет, не дух ты лесной, берегиня! Девка ты обычная, хоть и хитрая. Да заводная.

Он неожиданно положил тяжелую руку девушке на затылок, притянул к себе и крепко поцеловал в алые губы.

– Да как ты… – Она вырвалась, взмахнула рукой с растопыренными пальцами над костром. Пламя взметнулось выше князя и тут же исчезло, словно костра не было и в помине.

Князь потоптался, пытаясь хоть что-то разобрать в темноте – но его собеседница исчезла бесследно. Глаза постепенно привыкли к темноте, луна наконец дотянулась до чащобы своим желтоватым светом. Словен присел, положил руку на пропавшее

кострище.

– А земля-то теплая… – прищурился он. – Стало быть, не причудилась девка. Стало быть, была.

Он отер руку о хвою ближней ели и начал пробираться через лес. Словен и не подозревал, что прошел всего в шаге от неведомой собеседницы. Вилия потрогала свои губы кончиками пальцев, посмотрела на них, словно ожидала обнаружить нечто необычное, а потом долго глядела вслед ушедшему князю.

Остров у реки Нево.

Лето 2409 года до н. э.

– Они построили город близ указанного тобой озера, номария… – Склонив голову, хранительница отчитывалась перед главой Клана и одновременно – перед Сошедшим с Небес, что внимательно смотрел со стены. – Два города. На северном берегу и на южном. Это сколоты. Потомки тех дикарей, что так и не приняли порядок Великого.

– Вот как? – вскинула брови номария. – Так, может, нам истребить их в наказание за прежние грехи?

– Это будет неправильно, мудрая, – тихо возразила Вилия. – Они одеваются в туники из льна, о которых мы знаем только из древних папирусов. У них бронзовые ножи и топоры, которые неведомы здешним племенам. Они у меня на глазах за несколько дней выстроили поселок из множества домов и окружили его стеной. Они трудолюбивы, они умеют делать то, что неведомо нам. У них много припасов. Они уже сейчас готовятся к зиме и уверены, что легко ее перенесут. Прости за смелость, номария, но мне кажется, что сколоты переняли очень многое у народа Кемета. Если позволить им остаться, то и мы сможем вернуть себе прошлое. Одежду наших предков, дома из дерева, которого здесь в достатке, металлические инструменты. Все это пригодится нам, а близость сколотских селений позволит при нужде восполнять нехватку этих вещей.

– Что-то ты слишком рьяно защищаешь этих дикарей, Вилия, – удивилась женщина. – Уж не приворожили ли они тебя?

– Эти сколоты чтут Велеса и поклоняются Сварогу, которого считают своим дедом. Они незнакомы с истинным знанием.

– Хоть это хорошо… – задумчиво поджала губы номария. – Возможно, ты права, и нам стоит приручить их, как мы приручили здешние племена. Кстати, что эти пришельцы сотворили с ними?

– Ничего, – пожала плечами Вилия. – Не истребляли, не

грабили, не прогоняли, не превращали в рабов. Не трогали их никак. Просто осели рядом и начали свое дело.

– Тогда понятно, отчего ты так доброжелательна, – кивнула глава Клана. – Хорошо, я согласна с тобой, сестра, мы позволим им жить у южного озера. Это достаточно далеко и никак не потревожит покой Нефелима. Отдохни, Вилия, а потом посети дикарей еще раз и возьми под свое покровительство. Пусть они дадут нам взамен льняные туники и металлические ножи. Мне хотелось бы попробовать на старости лет, каково это – носить одежду из ткани. Если понадобится как-нибудь поразить или напугать этих смертных, сообщи. Мы поможем тебе в этом. Пусть знают, кто повелевает в этих местах и кому надлежит возносить свои молитвы.

– Слушаю, номария, – склонила голову Вилия.

– У тебя давно небрита голова, – отметила женщина. – Похоже, ты совсем не успеваешь за собой следить. Может быть, послать вместо тебя другую сестру?

– Благодарю, номария, не нужно. Я справлюсь.

Санкт-Петербург, проспект Культуры.

26 сентября 1995 года. 20:00

Сняв ботинки и повесив на вешалку куртку, Пустынник неслышными шагами пробрался в комнату.

– Чего крадешься? – удивилась Таня, убирая на полку недочитанную книгу.

– Закрой глаза.

– Зачем?

– Сперва закрой, потом узнаешь.

Женщина недоверчиво оглянулась, покачала головой, а потом все-таки опустила веки. Колдун зашел ей за спину, накинул на шею жемчужное ожерелье.

– Таня, Танечка, как я по тебе соскучился… Я не видел тебя целый день… – Маг застегнул замочек, подвел женщину к зеркалу. – Даже не представляю, как быть, если вдруг придется расстаться. Открывай…

– Ух ты, какая красота! – охнула хозяйка, увидев свое отражение. – Но оно, наверное, стоит кучу денег?

– Тебе нравится?

– Я не могу принять такую дорогую вещь.

– Ты самая лучшая из всех, кто когда-либо существовал на этом свете, любимая моя, – прошептал Пустынник, наклонившись

к самому ее уху. – Твой голос завораживает, как дурман-трава, твоя кожа пахнет альпийскими фиалками, твои губы пьянят, как хмельной мед, в твоих глазах тонешь, как в зачарованном омуте. Ты прекрасна, как сама жизнь, любимая. Никакое украшение не может быть для тебя слишком дорогим. Оно может быть или достойно, или недостойно. Неужели ты считаешь, что мой подарок тебя недостоин?

– Я так не говорила, Толя. Я хотела сказать…

– Значит, оно должно быть здесь, на самой красивой шее этого холодного города… – Пустынник поцеловал ее в шею над правым плечом, потом над левым, потом опять с правой стороны.

– Толя… – Женщина закрутила головой, попыталась вырваться, но добилась лишь того, что развернулась к кавалеру лицом, и его губы прижались к ямочке у основания шеи. – Толенька…

– Давай… Давай куда-нибудь поедем… Хочу увидеть, как оно будет смотреться вместе с платьем. Согласна?

– Не знаю… – вздохнула женщина. – Такие дорогие подарки.

– Зато смотри, как жемчуг подчеркивает цвет твоей кожи… – Колдун опять зашел ей за спину, чуть потянул в стороны ворот махрового халата. Потом развел еще шире, приоткрывая плечи: – А лучше так.

Он коснулся губами ее правого плеча, скользнул ими вниз, по мягкой покатости.

– Так еще красивее…

– Ну и как тогда это должно выглядеть в идеальном варианте? – наклонила голову женщина, дотронувшись до его уха.

– Наверное, так, – опустил руки и развязал поясок халата, чуть отстранился, давая одеянию упасть на пол. – А знаешь, давай сегодня никуда не поедем?

– Да уж, – согласилась Таня, на которой не осталось уже ничего, кроме подарка. – В этом наряде мне будет немного прохладно.

Пустынник не ответил ничего. Он стоял на коленях и целовал ей живот, бедра. Татьяна тоже замолчала, закрыв глаза и закинув голову. У нее вырвался жалобный сон, пальцы погрузились в волосы мужчины, судорожно сжались.

– Нет… Не надо… – Колени пробило внезапной слабостью. Таня, тяжело дыша, осела прямо на пол. – Господи, Толенька…

Она нащупала его ладонь, сжала, потом подобрала с пола халат. Взяв себя в руки, поднялась, сделала пару шагов к дивану, рухнула на него.

– Толя… Толя, обещай мне, что ты не исчезнешь. Что не

случится такого, чтобы я проснулась – а тебя рядом нет.

– Не будет такого, – перешел Пустынник ближе к ней и начал целовать колени. – Не будет никогда, если ты сама этого не захочешь.

– Не захочу. – Таня опять закрыла глаза. – Никогда в жизни…

Вскоре мага захлестнула новая волна энергии, переполняя силой и бодростью каждую клеточку его тела, его душу, волю. Женщина обмякла на диване, словно ее выжали в центрифуге. Пустынник поднял любовницу на руки, переместил в кресло, разложил диван, застелил, переложил обнаженную женщину в постель, осторожно накрыл одеялом. Таня что-то очень тихо, неразборчиво произнесла. Пустынник поцеловал ее в губы, сам пошел в ванную, ополоснулся под прохладным душем. Выглянул в комнату: женщина продолжала тихо спать.

Тогда маг ушел на кухню, разложил на столе добытые днем ингредиенты. Кусок металлической ножки от складного табурета, один патрон, пучок собачьей шерсти, комочки животного жира. Торопливо прошелся по шкафчикам, доставая недостающие мелочи: ванилин, соль, растительное масло. Зажег ближайшую конфорку, опустился на колени, закрыв глаза и воздев руки ладонями вверх. Со стороны могло показаться, что он молится газовой плите, но на самом деле маг перераспределял в своем тренированном теле потоки энергии. Привыкший поглощать ее, сейчас он пытался перенаправить все силы, что только имелись в организме, к холодным шершавым ладоням.

Наконец Пустынник почувствовал, что руки его сильны и вечны. Он резко поднялся, взял обрезок от ножки, отер его растительным маслом, после чего поднес к огню и ладонью начал веять на него теплом, иногда попадая пальцами в пламя, но не обращая на это особого внимания. Выждав пару минут, маг взял блестящую от масла и горячую трубку и принялся катать ее между ладонями, точно пластилиновую колбаску. Трубка, как и положено пластилину, начала потихоньку сужаться и вытягиваться в длину. Время от времени колдун примерял трубку к пуле, зажатой в гильзу украденного в магазине патрона, пока остроконечный свинцовый слиток не стал входить в отверстие с легкой натугой.

Отложив в сторону трубку, колдун обмазал маслом патрон, некоторое время прогрел его жаром от горелки, после чего тоже начал раскатывать меж ладоней. Гильза подалась намного быстрее трубки и стремительно сузилась до диаметра пули. Правда, при этом вспучилось и выперло наружу донышко патрона, но такие пустяки Пустынника особо не заботили. Он пару раз примерил, насколько легко входит получившийся уродец

в трубку, после чего прихватил пулю плоскогубцами и выдернул из гильзы.

Теперь начиналось самое ответственное. Разделив пучок шерсти примерно пополам, маг каждую из получившихся кисточек промазал жиром, добавил в одну немного ванилина, негромко нашептывая:

– Един волос, едина плоть, един запах. Не жить половинам порознь. Лети, сирота. Запах родной вспоминай, брата своего отличай… – Получившуюся жирную кисточку он уложил в коробок, отер пот, выступивший на лбу от напряжения, взялся за второй комочек. Его он слегка посолил, тоже нашептывая о родстве: – Един волос, едина плоть, едина боль. Как один брат болит, так другого пытает. Как один горит, так другой полыхает, как один рад, так другой покоен…

Колдун крепко ухватился пальцами за кончики волосинок, рванул в стороны, разодрав кисточку надвое. Одну половинку он положил все в тот же спичечный коробок, вторую – бросил в гильзу, после чего вставил пулю на место, патрон-калеку вогнал в трубку, еще немного покатал между ладонями…

– Нет, так она до утра не затвердеет, – недовольно покачал он головой, задумчиво почесал в затылке, огляделся… – О, как я сразу не подумал!

Пустынник открыл холодильник и забросил обрезок трубки в морозилку. Обессиленно рухнул на стул, тяжело перевел дух:

– Этак я больше потеряю, чем найду… Такое чувство, что энергии я сегодня вообще не получал. Кажется, пора пойти погреться.

Он сладко потянулся, быстро уничтожил на столе следы своего чародейства, после чего перешел в комнату, присел на край постели, положил руку женщине на волосы.

– Толенька… – сонно пробормотала Таня, и на губах ее появилась мечтательная улыбка. – То-ля… Ты только будильник не включай… Я завтра никуда не иду… У меня завтра библиотечный день.

– Это значит, завтра ты будешь читать? – Руки колдуна скользнули под одеяло, прикоснулись к горячему телу.

– Нет, подруга обещала зайти… Днем…

– Да? А я хотел позвать тебя завтра в Эрмитаж. Ни разу там не был.

– Она ненадолго, – опять улыбнулась Таня, – часов до четырех. И после этого я буду твоя. Твоя целиком и полностью.

– А сейчас? – Он сдвинул одеяло и стал покрывать ее спину поцелуями.

– Всегда…

В этот раз Пустынник поднялся намного раньше своей кормилицы. Таня зашевелилась, открыла глаза, что-то пробормотала.

– Извини, мне нужно ненадолго отлучиться, – поцеловал маг ее в лоб. – Смотаюсь за командировочными и вернусь.

Это было почти правдой: фантики, набранные им в ближних обменниках и магазинах, подошли к концу. Выманивать у смертных большие суммы, не привлекая к себе внимания, не так просто, как кажется. Если недостачу невозможно покрыть из кармана кассира или продавщицы – дело может перейти в расследование, изучение пленок из камер слежения, сопоставление со сходными происшествиями в других местах… В итоге оказываешься под пристальным вниманием смертных, у которых с каждым днем возникает все больше и больше вопросов. Ныне костром такое уже не заканчивается, но через день заговаривать следователей, налоговых инспекторов, судей и прочих любопытных – удовольствие ниже среднего. А потому добывать фантики, нужные для удовлетворения разнообразных нужд, приходится более трудоемкими способами. Кто-то уходит в бизнес, внушая встретившимся ему бедолагам дорого покупать всякие дешевки или дешево продавать действительно ценное имущество. Кто-то играет на бирже, кто-то устраивается незаметным советником при крупных шишках. У кого-то фантазии хватает только на небольшие магические салоны.

Разумеется, каждому колдуну хоть раз приходилось выворачивать чужие карманы или опустошать кассы. Но это – крайнее средство на крайний случай. И только там, где не собираешься задерживаться надолго.

В окошко на главпочтамте он сунул сложенный вдвое тетрадный листок с надписью: «Еноты».

– Робинзон Крузо? – удивилась девушка. – Какое у вас интересное имя. Вот, бланк заполните, пожалуйста.

– Мама очень читать любила, – ответил Пустынник, вписывая в графы бланка данные о несуществующем паспорте. – А попугая всегда Пятницей называла.

– Меня саму чуть Джульеттой не назвали, – вернула ему листок служащая. – У вас какой-нибудь пакетик есть?

– Зачем?

– У нас, к сожалению, деньги только купюрами по десять тысяч. Восемьдесят миллионов – это восемь пачек. Килограмма два… – И она принялась выкладывать на стойку толстые зеленые упаковки.

Пустынник тихо выругался, застегнул куртку снизу, начал

запихивать «командировочные» за пазуху. Деньги поместились – но куртку расперло, словно он проглотил пластмассовую модель атома водорода. Вдобавок еще, свободного места у почтамта не имелось, а потому машину пришлось припарковать за два квартала и теперь топать туда, придерживая под курткой ценный груз. А когда он открыл дверцу и с облегчением расстегнул молнию, высыпая упаковки на сиденье, сзади послышался хриплый голос:

– А ну, отойди в сторону, земеля. И не дергайся, коли перо в бок схлопотать не хочешь.

Колдун осторожно скосил глаза. Там стоял небритый мужик совершенно клошарного вида, пахнущий вполне сообразно облику.

– Народ вощ-ще обурел, – добавил еще один бродяга, стоящий возле багажника. – Бабки охапками таскает.

– И без глупостей, – ввернул третий: с виду вполне нормальный парень лет двадцати, в спортивном костюме, из-под которого проглядывал серый ворот толстого свитера. – Не то шкуру неделю штопать придется.

Парень поднял правую руку. Из кулака с сухим щелчком выскочило тонкое блестящее лезвие.

– Как скажете. – Маг чуть наклонился вперед, обнимая теплую рукоять меча, и резко выпрямился, отступая на шаг и вскидывая клинок.

Однако рядом никого не оказалось. Ни парня, ни бродяжек. Ни справа, ни слева. И даже удаляющегося топота шагов ниоткуда не доносилось. Пустынник опустил оружие, повернулся направо, налево…

Никого!!!

Разве только усталая женщина, что торопилась по тротуару с полными сумками, с недоумением окинула взглядом странное явление посреди проезжей части.

– Ничего себе, – буркнул Пустынник и бросил меч обратно на пол, к заднему сиденью. – Этак я скоро сам в чудеса верить начну.

Он забил пачками бардачок, еще раз огляделся по сторонам, пожал плечами и отъехал от тротуара. Через мост Лейтенанта Шмидта перемахнул Неву, повернул налево и приткнулся к тротуару между Пятнадцатой и Шестнадцатой линиями. Закрыл глаза, откинув голову на подголовник.

Минут через десять мимо со зловещим шелестом пронеслись машины. По ауре неприятно скребнуло глухой энергетической защитой, перемалывающей в бесполезное тепло любые тонкие энергетические структуры: порчу, магические заклинания, попытки прикоснуться к сознанию, внушить какие-либо

посторонние мысли. Генеральный директор был крепким, очень крепким колдуном и сил не жалел. Интересно, где он их берет? Пыточный подвальчик дома держит или из рабочих соки жмет?

Одно понятно: это не дешевый фокусник и не какой-то неопытный неофит. Такого на поединок на мечах не выманишь, в прямом силовом столкновении не задавишь. Сам сожрет и не поморщится. И если Северный Круг действительно существует, то хозяин Северного пароходства – первая кандидатура в его правители.

– Надо подумать… – Пустынник почесал нос и повернул ключ замка зажигания. – Крепости случаются и до небес, а без крысиных нор ни одной не бывало. Найдем и к тебе лазейку.

Дома пахло крепким кофе и пряным красным вином, качался сизый сигаретный дым. Танечка выскочила навстречу, в коридор, крутанулась вокруг своей оси, демонстрируя темно-синее вечернее платье с высоким разрезом до левого бедра. Лиф был глухой спереди, но сзади разрез открывал почти всю спину, до пояса. Подаренное вчера магом ожерелье ярко выделялось на теплой бархатистой ткани.

– Как тебе, Толя? – вскинула она руки над головой. – Валентина с Мальты привезла. От Клоды Монтаны. Нравится?

– От Клода Монтана, – машинально поправил Пустынник. – Это мужчина. К этому платью браслета на запястье не хватает. Сегодня купим. Ты чего, куришь?

– Ну мы только сегодня, – смутилась она. – По чуть-чуть, с подругой. Ей внезапно отпуск дали, по здоровью. Вот ко мне и вырвалась. Три месяца не виделись. Вот и заскучали. Она, кстати, мне повышение через два месяца наворожила. Заодно и отметили. Да, кстати, хочешь будущее свое узнать? – схватила Таня его за руку. – Валентина у нас экстрасенс, еще ни разу ни в одном предсказании не ошиблась. Вот, знакомься, подруга. Это он.

Женщина на кухне закашлялась, вскочила и попятилась к окну, едва не своротив стоящий на краю стола чайник. Пустынник тоже резко остановился на пороге, чувствуя исходящее от гостьи, обволакивающее тепло. Он знал это ощущение, встречал не раз. Таким бывает сытый до щенячьего восторга колдун, энергия которого едва не переплескивается через край. И видеть колдуна для этого не нужно. Хоть боком, хоть затылком – а волну тепла, словно от перегретого бройлера, метров с двух почувствуешь даже сквозь одежду. После «свидания» с хозяином пароходства зрение мага полностью еще не расслабилось, и он хорошо различал скачущие по внутреннему слою ауры золотистые искорки.

– Очень приятно познакомиться, – вежливо улыбнулся Пустынник. – Таня мне много о вас рассказывала.

– И-и мне приятно… – Гостья тоже улыбнулась и спрятала руку за спину: чтобы новый знакомый не вздумал с ней поздороваться. Чуть полноватая, невысокая, с короткими, словно вздыбившимися на голове, рыжевато-русыми волосами. Светло-карие глаза, пальцы нервно теребят легкий шелковый платок, прячущий что-то у нее на шее. Исходящее от нее тепло исчезло, искорки – тоже. Осталась лишь серая однообразная пелена. Похоже, женщина втянула энергию и поставила пассивную защиту.

– Это он, Валя. – Хозяйка села обратно за стол и торопливо спрятала под крышку от кастрюли пепельницу. – Я тебе говорила. Ну что скажешь, всевидящая?

– Щедр, скажу, твой кавалер, – облизнув губы, ответила гостья. – Познакомились вы недавно. Думаю, дней пять назад. В еде капризен. Ты ведь ни разу не видела, чтобы он ел, правда? А еще – нездешний он, приезжий. Причем издалека.

– Ага, точно все. Видишь?! – с гордостью за подругу повернулась к Пустыннику Таня.

– Точно, – согласился маг. – Вы, значит, экстрасенс, Валентина? Все будущее наперед видите? Здорово. Да только скучно, наверное, жить, зная, что произойдет с вами завтра или через неделю, какая радость накатит через час, что за неожиданность случится через четыре часа, семь минут и двадцать секунд? Как долго продлится жизнь и в какой миг она оборвется?

Пустынник сделал шаг вперед, и гостья, шурша юбкой по подоконнику, сдвинулась к плите.

– Ты хочешь знать, сколько тебе осталось жить? – тихо спросила она.

– Нет, – качнул головой маг. – Я хочу знать, сколько осталось жить тебе.

– Валентина, ты где? – оглянулась на подругу хозяйка. – Смотри, рюмка твоя остывает. Что вы все о смерти да о смерти? Давайте лучше о жизни! За здоровье!

– Таня, милая, я ведь за рулем, – развел руками Пустынник. – Рад бы, но нельзя.

– Не знаю, сколько мне осталось, – вскинула подбородок гостья. – Но умру я не сегодня. И не завтра. Я бы знала. Чувствовала.

Она сдернула с шеи платок, села к столу и подняла рюмку:

– За твое здоровье, гость издалека!

– За здоровье, – поддержала Таня. – Толик, так, может,

разделишь с нами компанию?

– Мысленно я с вами, дамы, – кивнул Пустынник. – Только прости, Танечка, бак забыл залить. Сейчас, до заправки смотаюсь и вернусь.

Он развернулся и торопливо вышел из квартиры.

– Ты хоть представляешь, с кем связалась, подруга?! – страшно зашипела гостья. – Это же колдун, настоящий черный колдун! Вот руку даю на отсечение – колдун! Вампир-«пастух» – руку на отсечение даю! Он же тебя высосет, как губку, да в мусор выбросит! Ты думаешь, нужна ему? Да ты для него хуже пыли! «Корова» ты для него, донор. Кормушка на несколько дней.

– Что ты несешь?! – взъярилась женщина. – Да он… Он меня на руках носит. Цветами осыпает. Он… Он телевизор новый купил, стиральную машину, мебель. Это что – чтобы сбежать? Обмануть? Вот, ожерелье видишь? Оно одно больше стоит, чем у меня за всю жизнь украсть можно! Тебе завидно! Тебе просто завидно, Валька! У тебя никогда такого не было и не будет! Он… Он любит меня, ты поняла? Любит! Он такой…

– Ласковый, нежный, понимающий, заботливый… – покачала головой Валентина. – Они все такие и есть, упыри.

– А что, бить должен? Бьет – значит любит?

– Он с тебя энергию сосет, дура! Пользует, как хочет. Стимулирует, чтобы отдавала больше. Выдохнешься – бросит.

– Ты врешь! Врешь! Врешь!

– Таня, Танечка, погоди… – Гостья покрутила головой, схватила бутылку: – Это что, Таня?

– Ну вино…

– Я, конечно, не бог… – Валентина прижала бутылку ко лбу, сделала пару глубоких вдохов, глядя себе под ноги, протянула хозяйке: – Попробуй, подруга.

– Чего его пробовать?

– Ты попробуй…

– Пошла ты, Валька, со своими задвигами.

– Попробуй, Таня, очень тебя прошу. Ну, Танечка, сколько ты меня знаешь? Уж лет двадцать, наверное. Так поверь. Поверь, пожалуйста. Один глоток. И тогда скажешь мне все, что думаешь. Я пойму. Ну, давай…

Хозяйка, немного успокоившись, взяла бутылку, задумчиво поглядела на подругу, потом поднесла к губам, сделала маленький глоточек. Сморщилась от неожиданности, понюхала, сделала еще глоток:

– Что это с ним?

– Христос делал из воды вино, – улыбнулась гостья. – Я не такой мастер. Могу делать воду из вина.

– Ну, – повела бровью Татьяна. – Ты экстрасенс, у вас это получается.

– Подруга… – Валя взяла ее за плечи и встряхнула. – Если это могу я, то почему не может кто-то еще? Ну подумай, Танечка. Я же не одна. И мы разные!

– Ну превратила вино в воду, – пожала плечами хозяйка. – И что из этого? Пусть даже Толя тоже может делать вино водой. Чего плохого?

– Ты не понимаешь, – мотнула головой гостья. – Ты про энергетических вампиров знаешь? Хотя нет, ты ничего не знаешь. Давай иначе. Бутылку видишь? Чтобы вино водой стало, к нему пришлось приложить энергию. Раздробить молекулы, сжечь все, что можно, разломать. Понимаешь? Чтобы заниматься колдовством, нужна энергия, ее нужно где-то брать. Источников не так много. Есть кладбищенская энергия, церковная. Но за это можно и схлопотать – церковь конкурентов не любит, не для того систему свою выстраивала. Можно природную использовать. Но это трудно. Чтобы чистую энергию вытянуть, нужно вычистить ее из пищи. Из травки всякой, мяса, воды, соков. В общем, из еды. В принципе все мы именно этим и занимаемся: потребляем, очищаем, на полученной энергии живем и впрок ее копим. Ты меня понимаешь?

Таня кивнула.

– Но для сильного воздействия обычной энергии мало. Того, что человек за жизнь накопил, самое большее – на одно сильное воздействие хватит. А маги, к тому же, еще и не едят. Тела свои в живые мумии превращают, чтобы не портились, чтобы много веков выглядели одинаково. В общем, хотят жить вечно. Они не едят, и им всегда нужна энергия. Всем нам нужна. Иначе нам никак.

– Значит, ты?..

– Я еще очень молоденькая, Таня. – Гостья взяла с тарелки ломтик колбасы и бросила себе в рот. – Когда я перестану есть, то перестану изменяться. Теперь уж, наверное, стареть перестану. Буду всегда такая, как сейчас. Зрелая, привлекательная, но не смазливая.

– Так ты колдунья или экстрасенс?

– Я не разбираюсь в этой терминологии, Танечка. Вообще, все, кто использует живую энергию, считаются магами. Просто не всем это нравится. Вот разные названия и придумывают. Ты подожди, не перебивай. Дай доскажу. Так вот, все колдуны делятся на белых и черных. Черные – это те, кто отнимает энергию у людей силой. Если убить человека – накопленная энергия вырывается из него одним импульсом, вроде как душа

отлетает. Насколько я помню, этой энергии семь граммов ученые намерили. Черный маг эту освободившуюся энергию перехватывает и использует. Но это самое простое, вроде как костер запалить. Половина топлива зря пропадает. Куда сытнее – смертного поймать, а потом долго-долго пытать. Чем сильнее мука и чем дольше длится, тем больше энергии человек выделит. Причем выделяет он постепенно, и магу удобнее ее поглощать. После такого ритуала в теле вообще ничего не остается, колдун все до капельки забирает. Ты хоть знаешь, что сейчас в Америке находят в год до пяти тысяч тел со следами ритуальных пыток? Ты представляешь, какая орава черных колдунов там засела? Вот потому-то им жертв постоянно и не хватает. Вот потому-то они и воюют постоянно и непрерывно, только повод ищут. За последние лет двести, наверное, года не было, чтобы Америка хоть с кем-то войну не вела. А на войне жертвы никто не считает, там для них главная кормушка.

– А белые маги тогда кто? – спросила Таня.

– «Белые» – это те, кому люди отдают энергию добровольно. Например, церковь наша православная. Каждый день и час миллионы людей молятся Богу, которого олицетворяют ее купола и кресты, отдают ему свою любовь, а вместе с нею – и частицу энергии. Каждый день целые реки этой любви стекаются к храмам, и там патриархат накладывает на них свою лапу. Им и себе хватает, и на такую мощную энергетическую защиту, что никакому колдуну не пробить. Церковь способна и прихожан прикрыть, и освященную землю от магического воздействия отгородить. За то ее колдуны и ненавидят: столько смертных у них отнимает! Есть еще так называемые Круги. Это те, что любовь к Родине используют. Любовь простых людей к земле отчей в алтаре собирается, а от него белые маги силу получают. Московский алтарь в семнадцатом году отсюда, из Питера, украли. Поэтому у нас некоторые настройки и потоки сохранились, на них мы и кормимся. Белые маги у людей ничего не отнимают, но мы все зависим от главы Круга. Если прогонит – конец. Если Русь исчезнет – мы все тоже за месяц передохнем. Вот и делаем для нее все, что можем. Во всяком случае, многие стараются.

– Значит, Толя хотел меня убить? – Таня поставила полупустую бутылку на стол и дрожащими руками зажгла сигарету. – Пытать, пока не умру?

– Нет, не пытать, – хмыкнула Валентина. – Пытать, конечно, проще, но этим только законченные отморозки занимаются, упыри. Поймать ведь могут. И не всегда улизнуть получается. Против разъяренной толпы даже самый сильный маг не выстоит.

В Средние века в Европе больше половины колдунов пожгли. Сейчас тоже в Штатах суд Линча легко организовать можно. Поэтому «черные» пытают смертных, жгут и убивают больше на войне, когда это с рук легко сходит. А в мирное время занимаются этим, только когда совсем уж голод припрет. Большинство из магов в обычное время – «собиратели». Перехватывают со смертных по чуть-чуть, кто где может. Ну человеку покажется, что он устал, сонливость мучает, что приболел. За пару дней это проходит, и все – можно опять «доить». Долго, муторно, много энергии не получишь – зато безопасно. Это просто вампиры. А есть другие, мы их «пастухами» прозвали. Эти колдуны жертву себе выберут и начинают ее обхаживать. Цветы, ласки, подарки, преданность, любовь-морковь. Вот жертва и тает. Витает на небесах, чувствует себя самой счастливой на свете. А когда человек счастлив, с него энергия через край хлещет, сама знаешь. Вот ее вампир и пьет. С одного счастливого больше, чем со ста обычных, «сдоить» можно. Ты хоть заметила, подруга, что он ничего не ест и не пьет? А у тебя последние дни аппетит зверский, как никогда? Ты за себя и за него ешь, Танечка, понимаешь?! Он ведь из тебя и прошлую энергию сосет, и настоящую, и будущую! Он тебя ласкает – а ты замечаешь, что без сил совершенно после ласк таких остаешься. Это потому, что и сексуальную энергию твой Толенька тоже забирает. Он забирает все!

Валентина вскинула руки к вискам, потерла из подушечками пальцев.

– Ты пойми, подруга: все эти подарки, эти машины и телевизоры, кольца и ожерелья для него – мусор. Сегодня подарил, завтра легко новые подберет. Все это мертвое, только блестеть и гудеть умеет. А твоя энергия – живая. Без нее он сам – папье-маше. Понимаешь? Не останется он с тобой. Котенком и тигром, рабом и царем будет, золотом наградит и в глазки заглянет – но только до тех пор, пока ты счастлива! Пока ты будешь счастлива, он будет рядом. Как только вернешься к обыденности – сгинет в тот же день. Побежит другую «корову» искать.

– Он меня любит!

– Он вампир! Он сосет твою энергию.

– Мне так хорошо с ним, Валя, – мотнула головой хозяйка.

– Он делает тебя счастливой только для того, чтобы сосать энергию. Лелеет, как курочку, что золотые яйца несет. Нет яиц – не нужна несушка. Понимаешь? Это черный колдун. Он вампир, вампир, вампир!

– Не может быть…

Гостья поднялась, дошла до своего пальто, сунула руку в карман, вернулась, взяла подругу за ладонь и опустила в нее длинную шуршащую цепочку:

– Вот, возьми. На всякий случай себе готовила. Мы ведь с церковью не враждуем… обычно… Это крестик. Освящен в семи разных храмах. Это защита. Белая магия, христианское покровительство. Надень его – и колдун не рискнет к тебе подходить. В общем, береги себя, подруга. Мне сюда приходить нравится. Не хочу, чтобы все… изменилось. Давай… – Валентина привлекла к себе хозяйку, крепко обняла. – Давай, подруга, держись. А я побегу, пока он не вернулся.

– Наговорила ужасов – и бросаешь?

– А ты, что, не поняла? – криво усмехнулась гостья. – Он ведь только что меня убить обещал. Тебя не тронет, ты случайный донор. А меня может. Я тебе больше скажу, подруга: он через четыре часа кого-то точно убьет. Я сразу почувствовала, когда он про четыре часа, семь минут и двадцать секунд заговорил. Это чья-то точка. А мне сегодня умирать нельзя. У меня завтра встреча в Смольном с мэром и самолет в восемь вечера. Билет пропадет. Ты уж извини…

Спустя две минуты Пустынник увидел, как Танина подруга выскочила из парадной и быстрым шагом направилась к зеленой «Волге», за рулем которой читал книгу водитель в костюме и темном галстуке. Маг поднял глаза к небу. Скоро три. Плюс дорога через весь город. Зёва в половину пятого придет в ресторан «Пара». Во всяком случае, энергетический след прослеживается четко – он туда в это время каждый день приходит и ужинает чуть не до полуночи. Если вечер посвятить Эрмитажу – с уголовником нужно покончить до пяти.

«Волга» выплюнула дымный след, выкатилась на проезжую часть и стремительно помчалась по улице. Пустынник, тяжело вздохнув, опустил рукоять меча обратно на пол и вышел из машины. Хотя за такую дичь, каковой была эта странная Валентина, Изекиль наверняка отсыпал бы хорошие премиальные, но времени на погоню и уничтожение ведьмы просто не оставалось. Придется отложить на потом.

Он с силой захлопнул дверцу, вошел в парадную и побежал вверх по лестнице.

Дверь в квартиру была не закрыта. Пустынник на всякий случай постучал, вошел внутрь, заглянул на кухню, потом в комнату. Таня сидела перед зеркалом все в том же вечернем платье и вяло, с явной неохотой, словно русалка в полнолуние, расчесывала волосы.

– Ты сегодня красива, как никогда, – улыбнулся маг. –

Хорошо, что ты одета. Давай заедем на часик в ресторан, посидим, перекусим, а потом рванем в музей?

Таня промолчала. Пустынник шагнул к ней – и вдруг ощутил неприятное жжение в теле, быстро переходящее в тошноту. Он отступил, пригляделся к женщине внимательнее. Так и есть – у нее на шее появился небольшой крестик, лежащий поверх платья и ожерелья.

– Таня, милая, что с тобой? Подруга наговорила тебе неприятностей? Забудь, моя хорошая. Поехали. Только… Только сними, пожалуйста, этот крестик. Он совсем не смотрится вместе с костюмом от Монтана.

Женщина продолжала расчесывать локоны.

– Ну, Танечка, – взмолился Пустынник, – милая моя, любимая! Я машину внизу открытую оставил. Не грусти, единственная моя. Я тебя очень люблю.

– Любишь? – медленно повернула она голову.

– Конечно, – встревожился колдун. – Ты – моя жизнь, любимая. Я никогда и нигде не встречал похожей на тебя, я искал тебя всю жизнь. Неужели ты мне не веришь?

– Верю… – Таня отвернулась к зеркалу и снова провела щеткой по волосам. – Верю…

В ушах ее по-прежнему звучал голос подруги: «Он останется рядом, только пока ты будешь счастлива». Только пока счастлива – и ни днем больше.

– А если я буду счастлива всегда? – вдруг еле слышно спросила себя она. – Тогда, что, он будет со мной вечно? Почему я не должна быть счастлива всегда? Почему я просто не должна быть счастлива? День, час, минуту – что плохого, чтобы побыть счастливой? Чего в этом стыдного? Просто немного счастья…

– Таня, – вздохнул Пустынник. – Если ты не хочешь, мы можем остаться. Или я могу поехать один. Или, если ты так хочешь, я могу уйти. Только ты скажи, чего ты хочешь. И будет именно так.

– Я хочу… – Таня отложила щетку, собрала волосы назад. – Я хочу… – Она скрепила прическу двумя заколками. – Я хочу… – Женщина придирчиво посмотрела на свое отражение, поправила ожерелье. – Я хочу… – Она прикусила губу, все еще колеблясь. – Я хочу… – Руки поднялись к шее, пальцы нащупали тонкую цепочку, сняли через голову. Таня осторожно опустила крестик в шкатулку, закрыла ее и поднялась с пуфика:

– Я хочу, чтобы ты остался со мной.

Она пошла вперед, цокая шпильками туфель по прочному паркету – но чувствовала себя так, словно падает в пропасть, все быстрее и быстрее – пока в черной бездонной глубине ее не

подхватили сильные мужские руки.

Берег реки Волхов, Словенск.

Лето 2409 года до н. э.

Город пах смолой, пах свежесрубленным деревом, пах влагой, свежестью, новизной. Он был белым и чистым, как первый снег – белые стены, заборы, дранка на крышах, белые опилки, стружка, щепа, что покрывали толстым слоем едва ли не каждый уголок. Казалось, люди давно должны были извести под корень все окрестные леса, превратить их в голую пустошь – и упасть от усталости. Однако на удалении двух полетов стрелы по-прежнему тянулись к небу коричневые струны сосновых стволов, покачивались на ветру светло-зеленые вершины. Продолжали тут и там стучать топоры, трещали падающие деревья, плыли по мутной воде величественной реки обрезки и стружка. Пока не пришли холода, не зарядили осенние дожди, люди торопились снарядить лодки да омочить весла, разведывая на них ближние протоки и плесы бескрайнего озера, поставить ловушки: верши, углы, загоны. Чем быстрее они управятся с этим делом, чем раньше ляжет в холодные погреба первая копченая и соленая рыба – тем больше шансов провести зиму в сытости и веселье, а не пожирая, словно зайцы, ивовую кору или выкапывая из-под снега лебеду полугнилую.

– Еще маленько, и слезут рода мои с княжеского кошта, – негромко отметил Словен, поднимая глаза к небу. – Сами станут добычу носить, дань в казну мою выделять. Токмо бы погода не подкачала…

Пожалуй, в обычный год такая сушь показалась бы людям карой богов. Обычно без дождей хлеба опадают, не успевая заколоситься, репа и свекла роняют ботву и вместо сочных толстых корнеплодов отращивают сморщенных уродцев, что даже волам в кормушку кидать стыдно. Но этим летом новоселы посеяться все едино не успели, а собирать ягоды да бортничать по лесам в сухую погоду куда легче. И болота перестают неосторожных путников засасывать, и лихоманка не пристает, коли одежда сухая. Грибов, правда, почти нет, но то осенью еще отобьется. Перед заморозками без дождей никогда не обходится.

В общем, наполнялись потихоньку бадьи пахучим лесным медом, проваривались с ним ягоды, превращаясь в целебное лакомство. Появилась первая рыбка, что пока еще сразу уходила в угли – люду на пропитание. Мелкий лес отправлялся на дрова,

что высокими поленницами укладывались сразу за тыном; у озера на заливных лугах селяне косили траву, которая быстро обращалась в ломкое шелестящее сено – дабы скотина тоже в снегу ради жалких травинок не рылась. Леса окрест кишели дичью – что ни день охотники доставляли мешки сушеного мяса, копченые ребра, а то и целые тушки оленей, кабанчиков и жирных ушастых зайцев. Князь понимал, что такое изобилие долго не продлится – но в новом году округ города будут запаханы поля, посажены овес, рожь, пшеница, репа, морковь и многое другое, что не даст людям пропасть, даже если они ни разу за лето в чащобу не выберутся.

В общем, город вырос и закрепился, и теперь его так просто невзгодами не унесет. Нет более князю нужды самолично топором махать. Он может спокойно стоять в чистой рубахе, расшитой пурпурными нитями по вороту и вдоль подола, в начищенных и натертых дегтем юфтовых сапогах, заложив большие пальцы под ремень, удерживающий на боку тяжелый меч, и созерцать деяние рук своих.

– А серебро я с собой тащил зря, – отметил князь Словен. – Некому тут его предлагать, и купить на него нечего. Только на свои руки надеяться и стоит. Ну да ладно. Коли казна полна, то и душа спокойна. Завсегда можно к братьям за припасами, али еще за чем торговых людей послать. А можно и детям на будущее оставить. А ну пригодится?

Он полной грудью втянул свежий воздух и тряхнул головой:

– Хорошо!

– Может, и хорошо, княже, – услышал он тихий голос. – Да только не по воле твоей. Коли желаешь добра народу своему, то милость высших сил заслужить надобно.

Словен резко крутанулся, оглядываясь. Ближайшие строения стояли саженях в двадцати, а людей и вовсе видно не было. Да и откуда им взяться в городище-то? Мужики на работах, бабы в лесу ягоды собирают. А старух немощных в родах нет – кто же потащит таких в неведомые места, в несчитанные дали?

– Мара? – хрипло поинтересовался князь, сжимая рукоять меча. Он помнил, что, по древним приметам, прежде, чем увести своих избранников за Калинов мост, богиня смерти выкликает их из пустоты. – Где ты, что готовишь?

– Мара? – Пустота перед ним дрогнула, Словен увидел девушку в длинном платье из белой, тонко выделанной кожи и таких же мягких тапочках. На голове странной гостьи росли волосы – совсем короткий, толщиной в палец, ежик. – Кто это такая? Кого это ты вызываешь?

– Кого вызываю, та пусть сама откликается, – задумчиво

ответил князь. – Постой, а ведь я тебя знаю! Не ты ли та девица, что берегиней намедни в чаще лесной сказывалась?

– Берегиня и есть! – вскинула подбородок хранительница. – В воле моей поля все здешние, воды все и леса, и ветра, и скалы! Гостями вы сюда пришли незваными, покой разогнали, детей моих, зверей лесных, встревожили. Вот и мыслю я: карать вас али миловать?

– Ох, грозна, грозна красавица, – усмехнулся Словен, запустив пальцы в свою курчавую бороду и сильно дернув, словно проверяя на прочность. – Но похваляться силою своею всякий горазд. Да не всяк горазд силушку-то людям показать.

– Вот моя сила…

Вилия, глядя князю в глаза, вытянула руку в сторону Волхова, и над поверхностью реки вырос, закружился смерч, заставив плотников в ужасе отпрянуть в стороны от недостроенных лодок.

– Вот она…

Вихрь рухнул в воду, подняв высокую волну, в тот же миг в чистом небе грохнул гром, на улицы упали крупные капли дождя.

– Вот она…

Взвыл неведомо откуда взявшийся ветер, промчался по улицам, собирая стружку и опилки; у частокола остановился, понесся в обратную сторону, закрутился вокруг собеседников, возводя стремительно несущуюся белую стену.

– Теперь ты веришь мне, княже?

– Да, погоду портить ты умеешь, берегиня, – спокойно согласился Словен, глядя на послушный девушке вихрь. – И чего же ты за свое умение хочешь?

– Здесь наша земля, – четко сообщила хранительница. – Здесь вы должны молиться нашим богам и приносить им свои дары и жертвы!

Ветер остановился, поднятый им мусор посыпался людям на головы.

– Не бывать такому! – так же четко и твердо ответил князь. – Мы дети Дажбога, внуки Свароговы, и предков своих за похлебку не продадим!

– Ты ищешь гнева богов? – повысила тон Вилия. – Ты его накличешь! Прими волю духов и богов здешних – или не иметь вам здесь ни покоя, ни радости, ни лет долгих!

– Мы – сколоты, внуки создателя неба и земли! – рванул из ножен меч князь и поцеловал его холодное лезвие. – Его детьми родились, ими и умрем! И нет таких страхов и силы, что заставят нас от родства кровного отказаться и чужие сапоги лизать! С верой отцовской родились, за нее и живот положим не колеблясь! Ну, пугай, порождение ночной чащобы. Не сломить тебе духа

нашего ни на земле, ни в воде, ни в царствии мертвом!

Хранительница, спохватившись, отступила на пару шагов и представила себя щебечущей стаей птиц, оживленно что-то клюющих. Смертный этой маленькой уловки не заметил – но вот пернатая живность попалась на нее мгновенно. Снегири, скворцы, зяблики, дрозды стали слетаться со всех сторон, садясь на ее руки, плечи, голову и выглядывая: а что же тут все едят? Как и следовало ожидать, эта картина, изображающая доброго лесного духа, заставила дикаря успокоиться, и князь даже вернул меч в ножны.

Вилия облегченно перевела дух – она вовремя вспомнила, что еще десять веков назад племена сколотов встречали копьями жрецов и воинов Вошедшего с Небес, отказываясь от правильного порядка и защищая свое право жить по-своему. Если они не испугались магии и грубой силы тогда, то вряд ли отступят перед угрозами и теперь. А ведь хранительницам требовалось не прогнать гостей – Клан хотел приручить их.

– Но мы не желаем вам зла, смертный, – тихо произнесла она, – и не хотим вашей крови. Мы хотим лишь уважения к духам нашей земли.

– Мы тоже не ищем ссоры, – кивнул Словен. – Скажи, ведьма, с кого ты сотворила свой облик? Существует ли эта статная и завораживающая красавица в жизни – или же ты ее придумала?

– Да ты… – задохнулась от возмущения Вилия. – Как ты… Это я и есть!

– Не может быть, – покачал головой князь. – Ты сама говорила, что звери лесные – дети твои. Значит, и выглядеть ты должна не прекрасной девой, а полузверем. Знаю я вас, ведьм. Вы на себя любой облик навести можете.

– Я такая и есть! – топнула ногой девушка.

– Ты слишком красива, чтобы быть настоящей, – не унимался Словен. – Хочешь, пойдем в святилище? Там, под взглядами древних богов, ты сразу обретешь истинный лик.

– Ладно, пойдем, – согласилась хранительница.

Свой дикарский храм – простую поляну, обнесенную частоколом, – дикари устроили всего в нескольких сотнях шагов от города. Вилия не без разочарования оглядела несколько деревянных столбов с грубо вырезанными лицами. Часть идолов были старыми, привезенными откуда-то с собой. Часть – совсем новенькими, но рты уже успели потемнеть от первых подношений.

– Манрозий, – окликнул князь колдующего над медной жаровней старика в протертых штанах и меховой безрукавке. – Смотри, кого я привел. Это местная берегиня. Она требует, чтобы

мы почитали их духов, как своих богов, и дарили подарки.

– Верно просит, – обернулся жрец. Вилия вздрогнула, увидев бельмо на его глазу и растущую только с половины лица бороду. – Духи везде свои, к камням и деревьям прикипевшие. Их чтить надобно, и они добротой ответят. Мы как пришли – в ту же ночь волховали, звали жить и нежить, слова добрые говорили, про главного духа спрашивали. Здешние духи указали нам дуб, что возрастом всему миру равен. За тремя ручьями, у распадка растет, в вершиной раздвоенной. Так мы ему уж три раза и жертвы, и волхование делали. И святилище для него построим, с уважением.

– Я знаю этот дуб, – сообщила хранительница. – Ыгры ему не первый век поклоняются.

– А он тебя знает? – повернулся ней здоровым глазом жрец.

– Хочешь, бельмо вылечу? – предложила Вилия.

– Не хочу, – отказался волхв. – Я одним глазом на этот мир смотрю, а другим – на тот, что вы не видите.

Он отвернулся к жаровне и продолжил, бормоча что-то себе под нос, помешивать угли тонким ивовым прутом.

– Ну теперь ты доволен? – спросила девушка князя. – Твои боги не изменили моего облика?

– А может, ты слишком сильная ведьма? – пожал плечами Словен. – Может, я тебя и вовсе не вижу, а есть лишь морок един.

Он протянул вперед руку, как бы собираясь пронести ее сквозь хранительницу, но наткнулся на щеку. Усмехнулся:

– Надо же, что-то есть…

Поднес вторую руку, взял ее лицо в ладони. Скользнул по щекам – так, что кончики мизинцев легко прикоснулись к губам. Потом очень осторожно погладил ее по шее. Правая рука двинулась дальше в сторону – по плечу, руке, с которой перешла на бок, левая начала опускаться прямо вниз: по груди, через правый сосок к животу. Руки мужчины уже лежали у нее на бедрах, а растерявшаяся Вилия все еще не знала, как поступить. Князь наклонился, прильнул к ее губам. Она потянулась навстречу – но тут спохватилась, отпихнула его в сторону, кинулась прочь.

Словен охнул, глядя на землю перед собой, тряхнул головой:

– Странные тут духи, Манрозий. Видом прекрасны, как богини, плотью крепки, как девушки, губами жарки, как женщины, а поведением пугливы, как девственницы. Что это, волхв? Я знал покорных пленниц, капризных княжеских дочек, преданную Шелонь. Но еще никогда не касался лесных берегинь. Чего мне ждать, волхв? Каковы они и чего желают?

– Земли разные, – заунывно ответил старик. – Разные на них

духи, разные желания. А плоть у всех одна, князь, и всегда одного желает. Оттого и поводы случаются всякие.

– Куда же ты, берегиня?! – выйдя из ворот святилища, крикнул Словен. – Я хотел почтить тебя жертвой! Я зарежу в твою честь самого жирного барана!

Вилия стояла на холме, прижимаясь спиной к березе и пытаясь унять непонятный жар, странное томление, возникшее во всем теле. Она не понимала происходящего с ней, и ей было страшно. Хотелось убежать в обитель и спрятаться в свою келью, сжаться в комочек и стать невидимой для всех. Правда, она не знала, как потом сможет объяснить все это номарии. Ведь она должна была привести дикарей к покорности, доставить от них первые подношения – а не бежать, как от огня.

Слова князя заставили ее взять себя в руки. Она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, потом поднесла к губам ладошку, прошептала в нее:

– Не желаю баранов. Хочу получить две длинные льняные туники и два ножа, – и метнула ответ в смертного.

– Хорошо, – развел тот руками. – Но куда принести дары?

– К озеру. На камень, что лежит над родником у истока реки, – ответила хранительница и, не дожидаясь ответа, направилась в глубину леса.

Князь появился в условленном месте незадолго до заката – перепрыгнул весело журчащий ручеек, положил на камень сверток, присел, зачерпнул ладонью ледяную влагу и уселся рядом, вынув из мешочка в кармане кусочек ивовой ветки. В красных предзакатных лучах блеснуло лезвие ножа – и Словен начал неторопливо выстругивать что-то из мягкой деревяшки. Вилия немного подождала, хотя и поняла, что смертный так просто не уйдет, потом стряхнула облик и тихо скользнула к подношению.

– Я подобрал рубахи твоего размера, берегиня, – сообщил Словен, продолжая работать ножом. – Надеюсь, сильно не ошибся.

Хранительница замерла, чувствуя, как ее невидимое никому лицо заливает краска стыда. Надо же – услышал! Любые дикари всегда отличались звериным слухом и тонким чутьем. Хотя, с другой стороны, а чего она стесняется? Этот смертный, похоже, считает себя с ней ровней! Ведет себя так, словно это она, а не он должен молить о благосклонности!

Вилия стряхнула наговор, спустилась по влажной траве к роднику, остановилась в паре шагов:

– Ты правильно сделал, что принес дары, смертный! Теперь ты можешь просить меня о том, чего желаешь. И, может быть, я

снизойду к тебе своей милостью.

– Просить? – оставив работу, задумался князь. – Чего? Добра? Так, милостью богов, наше истинное добро создается своими руками. Хлеба насущного? Так и его привыкли мы, согласно заветам великого Сварога, в поте лица добывать. Погоды? Так неплохая погода, пусть как есть стоит. А переменится – и худую погоду переживем. Избы срубили, крыши перекрыли, печи сложили. Чего беспокоиться? Даже и не знаю, чего ответить. Ничего нам не надобно от тебя, берегиня. Так подарки забирай. И беги скорее. Ты ведь всегда бежишь, и парой слов не обмолвившись… – усмехнулся смертный. – Даже странно для всемогущей такой. Али сегодня на месте постоишь?

– Я не убегаю! – возмутилась Вилия. – Что нужно сказываю – и ухожу.

– Не убегаешь? – Словен встал, вернул в ножны оружие, спрятал свою деревяшку, двинулся к гостье. – Как же не убегаешь, коли я ни разу даже имени твоего спросить не успел, берегиня?

– Можешь называть меня… Вилией… – Девушка через ноздри глубоко втянула воздух, сосредотачиваясь и собирая в ладони силу. Сейчас этот наглый смертный опять попытается ее поцеловать – а она выплеснет все одним импульсом. Так, что он улетит шагов на двадцать и плюхнется на самую речную стремнину.

– Ви-илия… Красивое имя. Звучное, как девичья песня. Скажи, вы поете песни, берегиня? Наверное, нет. Ведь вы вечные духи. Вам не нужны мужья и дети, вам неведома любовь. А разве существа, не ведающие любви, способны испытать желание запеть? Наверное, нет. Вы не знаете радости, вы не знаете тоски. Ваша душа всегда спокойна, точно мертвая. А мертвой душе песни ни к чему…

Он был совсем рядом – но не тянулся к ее губам. Его руки излучали жар – но он не позволял им прикоснуться к близкому девичьему телу. Хотел – Вилия чувствовала, как хотел! Но – не прикасался. Обходил справа и слева, задерживался за спиной, что-то говорил… Его ладони поднимались и опускались, проскальзывая мимо бедер, спины, поднимаясь вдоль лопаток, и падая до пояса, его дыхание обжигало шею, плечи – но не приближалось ни на йоту! Тело, готовое к отпору, горело, словно в огне, – но не имело противника. Наконец хранительница не выдержала, развернулась и ударила его обеими руками в грудь – отшвырнув так, что мужчина отлетел и гулко ударился спиной о сосну, сморщившись от боли:

– Да ты что, смертный, за попрошайку меня принимаешь?! За бродяжку жалкую, от которой пользы никакой? Берегись, князь

Словен! Гнев мой страшен бывает! Пострашнее милости!

– Это было первое или второе? – Мужчина застонал, скривился, осторожно пощупал шею. – Именем Дажбога – да тобой только ворота в твердынях вышибать!

– Не шути с огнем, смертный!

– Слушай ты, берегиня… – Князь запнулся, словно удивившись несоответствию ее имени и поступков, тряхнул кудрями. – Я тебя трогал?

– Нет! – зло ответила хранительница.

– Чего же ты тогда людей калечишь? – Словен поднялся на ноги, отряхнулся, обошел ее стороной, сел на прежнее место, захлопал ладонями по мешочкам.

– Я хочу тебе сказать, – обойдя камень, встала по другую сторону ручья Вилия, – что твои подношения не пропадут. Наша сила огромна, а знания еще более велики. Взамен мы можем сделать вас богатыми и сытыми.

– Что легко приходит, легко и теряется, – ответствовал Словен. – Не нужно моим родам чужих подачек. Все свое сделаем сами.

– Похоже, ты мне не веришь, – вздохнула хранительница. – Не веришь… Хорошо, князь, сотворю я для тебя маленькую милость, приподниму чуток завесу над огромной кладезью нашей мудрости. Слушай меня внимательно, Словен, князь сколотов. От истока этой реки через центр озера, что вы назвали Ильменем, на том берегу, бьют из земли горькие источники. Если станете выпаривать воду из этих источников – у вас будет соль. Столько соли, сколько пожелаете. Хватит и рыбу, и грибы на зиму засолить, и в супы-кушанья добавить, и вообще на все.

– Правду ли сказываешь, красавица лесная? – насторожился Словен, в полной мере осознавая значимость услышанного. Избыток соли означал не только возможность делать неограниченные запасы, но и изрядный прибыток при торговле.

– Еще тайну могу открыть, смертный, – усмехнулась Вилия. – Куда более важную. Говорить?

– Сказывай, берегиня, – согласно кивнул князь. – Коли верно все, то я и впрямь по гроб жизни своей подарками тебя осыпать готов.

– Мечи и ножи воинов твоих, я вижу, из сплава меди и олова кованы? Так вот знай, Словен, князь сколотов, что ни меди, ни олова в здешних местах нет.

– Это и есть твоя тайна, берегиня?

– Нет, – покачала головой Вилия. – Тайна в том, что в здешних болотах есть много бурой земли. Из нее легко[17] выплавить пока неведомый вам металл, не менее прочный, чем

бронза.

– Вот как? – повел плечами князь. – А что еще ты знаешь?

– Много, князь. Очень много, – перешагнула ручей хранительница. – Но пока хватит и этого. Кто знает, может, ты окажешься скуп на ответные дары?.. Спина болит? Прости, не сдержалась…

– Встретишь такую в темном лесу, – усмехнулся Словен. – А подумают: вепрь затоптал.

– Снимай тунику, исцелю.

Князь встал, как-то странно глядя ей в глаза. Потом расстегнул пряху ремня, уронил тяжелый поясной набор на землю, расстегнул расшитый ворот, содрал с себя полотняное одеяние, выпрямился, повернувшись к девушке спиной. Тело правителя дикарей напоминало перевернутую пирамиду: от пояса к плечам расходилась бугристая груда мяса, в которой суставы не выпирали, а проваливались куда-то в глубину. Вдоль позвоночника по обе стороны шел ряд широких кровоточащих ссадин.

– Что же ты молчал, смертный!

Прикрыв глаза, Вилия сделала глубокий вдох – а выдох послала через ладонь, явственно ощущая, как ее внутренняя, живая сила истекает наружу. Девушка медленно повела ладонью сверху вниз – и раны стремительно затянулись тонкой розовой кожицей. Слева, справа, быстрое движение пальцами вдоль позвонков… Она расслабилась, опустила руку. В голове закружилось. Вилия резко присела, чтобы не упасть.

– Что с тобой, берегиня? – испугался Словен, но девушка остановила его жестом:

– Все хорошо. Так завсегда после целительства случается. Чуть подышу – и пройдет.

– Зачем же ты лечила, коли самой потом болеть? На мне бы зажило. Чай, не рана, от такой не помрешь.

– А уже все, – отдышавшись, поднялась хранительница. – Пойду я, пожалуй, княже. Пора.

Она наклонилась к камню, раскрыла сверток. Два ножа в кожаных, украшенных костяными пластинами, ножнах, ткань рубашек и… Два больших плоских кольца с короткими цепочками и узорным ремешком.

– А это что? – подняла она голову. – Я этого не просила!

– Так ведь это все не заказ, берегиня, – ответил князь. – Это подарок. Кольца тебе височные дарю. Красива ты очень, девица лесная. Вижу, волосы расти стали. Подумалось мне, удобно тебе будет, коли волосы твои ремешок охватывать будет, дабы на лицо не падали, дабы ветер не разметывал. А на ремешок сюда и сюда

ты кольца эти повесишь. Они тебя и от ветки хлестнувшей прикроют, и очарование твое подчеркнут…

Горячие пальцы смертного коснулись ее лица, пробежали ото лба к затылку, показывая, как ляжет ремешок, а потом с двух сторон обняли щеки. Пальцы князя лежали у нее на висках – там, где окажутся новые украшения, а губы тянулись, становились все ближе. Вилия подумала, как сейчас отвергнет этого слишком самоуверенного смертного… и потянулась навстречу. Ей показалось, что сейчас между ней и князем пробьет искра – нет, молния! Грохочущий разряд гнева и желания, оглушающий все вокруг и лишающий воли – и вдруг Словен отступил. Он смотрел на нее во все глаза, тяжело дышал, а сердце колотилось так, что его стук слышала даже Вилия.

– Спасибо за подарок, княже, – пересохшими губами произнесла девушка.

– Для тебя не жалко, – пожирая ее глазами, ответил мужчина.

– Тогда я пойду, – кивнула она. – Так ты ничего не желаешь попросить?

– Благодарю, берегиня, – покрутил он головой. – Ничего.

– Тогда я пойду, – в третий раз, как заклинание, повторила хранительница, повернулась и по уже совсем черной в густых сумерках траве зашагала к деревьям.

– Постой! – не выдержал князь.

– Что? – с готовностью повернулась Вилия.

– Ты ведь теперь наш дух, берегиня, – подошел он к ней и взял за свободную руку. – Мы тебе подарки приносить станем. Просить о чем-то. Как же нам тебя вызывать, берегиня, когда ты нужна?

– Я что-нибудь придумаю, княже. – Хранительница пожала его пальцы, отдернула руку и решительно сбросила образ.

– Вилия! – испуганно вскрикнул правитель дикарей. Несколько минут он смотрел сквозь нее на лес, потом сбежал по берегу, сдернул с себя сапоги, штаны, разбежался и кинулся в воды Волхова.

Девушка, испугавшись, тоже подбежала к величавой реке – но тут князь вынырнул и, молотя черную зеркальную поверхность сильными гребками, переплыл стремнину, развернулся, вырвался на песок. Разбрасывая брызги, упал на колени в ручей, опустил голову в ледяную ключевую воду, потряс ею, одновременно колотя русло кулаками, осел назад, вскинув к небу красное лицо с плачущей крупными каплями бородой:

– Зачем, зачем ты делаешь это, дед?! Испытай меня кровью! Испытай болью! Испытай страхом! Зачем ты посылаешь мне такое мучение?! Неужели тебе смешно, Ладо?! Я мало дарил тебе

серебра и молодых ягнят? Чего ты еще хочешь от меня, белолицая?! Чего ты хочешь, зачем тянешь руки, зачем рвешь сердце, зачем с Дидилией ссоришь?! Я же муж, я же князь, родов многих глава! Почто так испытываете?!!

Он ударил кулаком куда-то в воздух, потом еще и еще и наконец со всего размаха снова ударился головой в ручей, будто собирался расколотить его в куски. Потом вскочил, торопливо оделся и зашагал к городу. Вилия, слегка испуганная таким его поведением, пошла чуть позади, сохраняя невидимость.

Так, вместе, они дошли до запертых ворот, над которыми, на узком навесе, прогуливался стражник с копьем, с мечом на поясе и щитом за спиной. Увидев правителя, он древком ударил куда-то вниз. За воротами вскрикнули, и после короткой перебранки что-то загромыхало, створка чуть проползла вперед, открывая узкую щель. Словен протиснулся в нее – хранительнице стоило немалой ловкости пробраться следом и при этом никого не задеть. К счастью, дикари вместо того, чтобы запирать ворота, принялись кланяться своему князю, дав ей несколько драгоценных мгновений.

Вслед за Словеном она прошла по темным проулкам спящего селения к самому центру, в котором возвышалась двухэтажная усадьба. И опять в ответ на стук слегка приоткрылась калитка – только на этот раз дверь отпирали не воины, а лохматый, заспанный дикарь с большим брюхом, опоясанным простой веревкой. Он тоже низко поклонился хозяину, подарив Вилии необходимую четверть минуты. Теперь осталось только подняться на невысокое крыльцо, проскользнуть за широкую створку, подвешенную на деревянных, закрепленных отростками вверх, рогатках.

Внутри дома горел свет – несколько жировых лампадок, скупо чадящих красноватыми огоньками. Между первой и второй дверьми лежала охапка сена – хозяин вытер об нее ноги, прошел внутрь, повернул налево. Там послышался шорох, скрип еще совсем сырых половиц. Навстречу князю выступила женщина, прильнула к груди:

– Где же ты так долго, сердечко мое?

Волосы длинные, русые, распущенные. Круглое лицо, карие глаза, пухлые губы небольшого рта. Вилия ощутила в сердце какой-то неприятный зудящий укол. Ревностью это быть не могло – ведь хранительница, воспитанная среди женщин, разделяющих на всех общего эмира и не имеющая иной любви и уважения, кроме любви и уважения к Великому, никак не могла испытывать ревности. Хотя – кто знает?

– С духами общался, Шелонь, – погладил ее волосы Словен,

наклонился и поцеловал в глаза. И опять хранительница ощутила неприятный укол.

– Притомился, милый. Снеди принести?

– Не тревожься, родная моя. – Обняв ее за плечи, князь довел супругу до топчана, прикрытого толстым тюфяком и застеленного льняной простыней. – Малого не беспокой…

Он погладил сильно выпирающий живот жены, потом с небольшим усилием – видимо, преодолевая слабое сопротивление, уложил на спину, укрыл темной медвежьей шкурой:

– Старший как?

– Сразу после заката уснул, – ответила женщина. – Скоро ты? Мне одной[18] холодно…

– Сейчас, лягу…

Словен, расстегнув пояс, кинул его на лавку, отошел к узкой щели окна, пока еще ничем не затянутого. Остановился, глядя куда-то во мрак. Хранительница направилась к нему – но внезапно князь обернулся, настороженно оглядываясь, потом тихо спросил:

– Это ты, Феич?

– Не он, – сонно сообщила Шелонь. – С самого утра не видела. Ложись, на рассвете опять кто-нибудь придет, поднимет до зари.

Ступая как можно тише, Вилия отодвинулась к двери, немного подождала, давая успокоиться звериному чутью дикарей, после чего, тихонько приоткрыв и закрыв за собой дверь, вышла наружу. Дальше остановить ее не мог уже никто.

В Клан она вернулась на новой вечерней заре – путь на легкой долбленке вниз по течению сперва Волхова, а затем Невы много времени не занял. Вытащив лодку на берег, она прошла в святилище, спустилась под землю в свою келью, взмахом руки подвесила под потолок светящееся облако, села на постель, откинулась на завешенную козьей шкурой стену.

Вскоре послышались шаги, и в келью подруги заглянула Милана:

– Ты вернулась, Вилия?

– Нет, на дереве сижу, – криво усмехнулась хранительница.

– А кто тебя знает, – отмахнулась подруга. – С тебя станется морок прислать. Вот я тебе молока принесла. Попей с дороги. Устала?

– Даже не знаю, – ответила Вилия. – Веслом помахать пришлось изрядно. Но там интересно. Мы такого никогда в жизни не видели. Наверное, город Неб, из которого привезли Великого, был таким же: высоким, шумным, многолюдным. С большими

белыми домами.

– Тебе нужно побриться, – протянула крынку Милана. – Волосы выросли с ладонь уже. Что номария скажет?

– А зачем мы бреем голову, ты не знаешь? – сделав несколько глотков, поинтересовалась девушка. – Помнится, мудрость Нефелима не накладывает на них никакого запрета.

– Так принято, – пожала плечами подруга. – Хранительницы поступали так всегда.

– Ах, вот оно что, – покачала головой Вилия. – Оказывается, мы тоже чтим заветы предков. Однако когда нам рассказывали о Кемете, то что-то упоминали и о парикмахерах – о тех мастерах, что изготавливали парики и с большим искусством делали прически. А раз прически кому-то делались – значит, кто-то волосы не брил? Только не говори, что это были безмозглые дикари. Дикари никогда не делают себе прически. Тем более – у искусных мастеров.

– Похоже, поездка к новоселам смутила твои души, Вилия, – слегка прищурилась подруга. – Ты только номарии ничего такого не говори. Как бы не осерчала. Ты для нее ничего интересного не привезла?

– Для номарии?

Хранительница торопливо допила молоко, вернула подруге крынку, поднялась, заглянула в выемку в стене, заменяющую одновременно и шкафчик, и небольшой столик, извлекла оттуда кувшин, деревянную миску, плеснула в нее немного воды. Дождавшись, пока та успокоится, девушка провела над поверхностью ладонью, произнося заклинание, поставила набок, вгляделась в свое отражение. Осторожно пригладила непривычно длинные волосы. Потом раскрыла сверток, достала тонкий кожаный ремешок, тисненый небольшими треугольничками, приложила ко лбу, обернула голову и завязала на затылке. Потом взяла кольца, повесила у правого и левого виска, взглянула на себя еще раз.

– Здорово! – восхищенно воскликнула Милана. – Откуда они у тебя?

– Смертные поднесли.

– Слушай, а возьми меня с собой? Я тоже хочу!

– Так рядом они совсем, – довольно улыбнулась хранительница. – Два перехода всего.

– Да, – тяжело вздохнув, отмахнулась девушка. – Номария все равно отберет. Спрячь лучше, коли сохранить хочешь.

– Посмотрим, – холодно ответила Вилия. – Посмотрим.

К главе Клана хранительница явилась утром. Отдохнув в мягкой постели, она чувствовала себя сильной и бодрой, как

никогда. Тяжелые подвески приятно холодили виски, а вот непокрытой голове в прохладном храмовом зале было непривычно тепло.

– Ты ли это, дитя мое? – увидев ее, номария от удивления даже привстала. – Что с твоей головой? Похоже, ты не брилась больше двух десятков дней! И что это за кольца?

– Так выглядят женщины в городе осевших у южного озера смертных, номария, – поклонилась Вилия. – Я не хочу сильно от них отличаться. Мне кажется, тайну Клана будет намного легче скрыть, если мы сможем затеряться среди смертных, а не прятаться от них.

– Разве смертных так много, что среди них может затеряться почти тысяча хранительниц? – удивленно приподняла брови глава Клана.

– Их становится все больше, номария, – склонила голову девушка. – Они расселяются, обживают все новые земли. Вот уже всего в двух днях пути от усыпальницы вырос большой город. Пройдет век, может два – и люди окажутся вокруг нас, и их будет много. Трудно сохранить тайну большого храма и древнего рода, прячась среди новых селений. Проще притвориться местными жительницами и самим показать святилище, не раскрывая его истинной сути.

– Ты смотришь слишком далеко вперед, Вилия, – вздохнула старуха. – Пока еще нам нет сильной нужды прятаться. Достаточно отвести от себя глаза редким путникам и убедить окрестных смертных нести дары нам, а не своим безмозглым шаманам. Тебе удалось поразить новых обитателей наших владений?

– Они сами начали молиться местным богам, номария, – кивнула девушка, – и поклоняются священному дубу ыгров. Но я убедила смертных в том, что мы духи леса, здешние берегини, и с нами нужно поддерживать хорошие отношения.

Хранительница положила перед женщиной привезенный из Словенска подарок. Номария взяла в руки один из ножей, обнажила, осмотрела клинок, попробовала его остроту, попыталась согнуть и восхищенно поцокала языком:

– Похоже, смертные утратили еще не всю мудрость Великого. Может быть, в твоих словах есть доля истины, дитя мое. Жить среди тех, кто способен хоть как-то подражать нашим предкам, будет намного легче, нежели отгородившись от них дикими чащобами и быстрыми реками.

Глава Клана развернула одну из рубах, пригладила ладонью ткань, чуть помяла ее в руках, потом решительно скинула с себя кожаное одеяние и облачилась в дикарскую тунику. Склонила

набок голову, прислушиваясь к ощущениям:

– Да, теперь я чувствую себя истинной служительницей Сошедшего с Небес, хранительницей его мудрости.

– Довольно странно, номария, – тихо сказала Вилия, – что храним мудрость Великого мы, а плоды ее принимаем от простых смертных.

– Для блага смертных – знать как можно меньше из мудрости Сошедшего с Небес, – оглаживая полотняную тунику, отрезала глава Клана. – Они кажутся такими милыми только потому, что Мудрый Хентиаменти в последний миг смог вырвать у них смертоносные клыки. Смертным остались крохи древних знаний, и это приносит им счастье. Но больше им знать не нужно, дитя мое. Смысл существования нашего Клана в том, чтобы сохранить Нефелима, его покой. Чтобы в назначенный час он проснулся, поднялся к свету и вернул людям знание, силу, всемогущество – но проследил за тем, чтобы сила и всемогущество пошли им на благо, а не во вред. А до того часа мы не должны вмешиваться в жизнь внешнего мира, принимая его таким, каков он есть. Коли людишки умеют прясть лен и ткать одежду – это хорошо, и нам не грех воспользоваться их мастерством. Но учить их чему-то новому ни к чему. Только Великий способен решить, какое знание принесет им добро, а какое – зло, что можно рассказать всем, а что – только избранным. Ты понимаешь меня?

– Да, номария, – покорно склонила голову девушка.

– Среди смертных и так встречается слишком много тех, кто урвал себе кусок истребленных знаний, – добавила женщина, оглядывая себя и прикидывая, куда повесить нож. – По ближним островам плавает какой-то странный незнакомец, больше похожий на мертвеца. Мория и Житика пока отводят его от усыпальницы. Но ведь он пришел сюда и ищет ее! Хорошо, это случилось не зимой, и он не видит своих следов.

– Может, это кто-то из дикарей ищет своих родичей?

– Нет, Вилия, – уверенно ответила номария, – нет. Беда в том, что этот смертный обладает знанием. Он не нуждается в пище и огне, не беспокоится об отдыхе. Он отгоняет зверей не оружием, а заклинанием. К счастью, он слабее нас. Но один ли он среди недоучек из древних храмов остался на этой земле? Впрочем, не будем о грустном, дитя мое. Скажи, ведешь ли ты счет своим годам, Вилия?

– Я не очень заботилась об этом, номария.

– Зато об этом позаботилась я, дитя мое, – улыбнулась женщина. – Знай же, дитя мое, что ты перешагнула свою двадцать пятую весну. Твой долг девственности перед Великим исполнен! Отныне миссией твоей будет служение Сошедшему с Небес не

духом, а деяниями своими. Твоя плоть отныне принадлежит тебе. Хотя, конечно, не только тебе. Ведь каждая из нас должна произвести на свет хотя бы одну девочку, что станет в будущем хранительницей вместо нас, продолжит исполнять высшее из возможных предназначений. Я позабочусь о том, чтобы ты сегодня же познала телесные наслаждения.

– Благодарю, номария, – опять поклонилась Вилия, понимая, что встреча закончена. Однако глава Клана, желая подчеркнуть свое расположение, добавила: – Ты хорошо потрудилась, дитя мое. Теперь можешь идти отдохнуть.

Впрочем, как раз отдохнуть девушке и не удалось. Она перекусила наверху из общего котла вареной рыбой, потом снова спустилась под землю в свою келью, но едва прилегла на постель, как в дверях появился эмир Клана. Молодой, поджарый, с гладко выбритым и намащенным маслом телом, с правильным миловидным лицом и большими щенячьими глазами. Не произнося ни слова, он немедленно принялся осуществлять свое право. Или выполнять свой долг – трудно понять, чего было больше в ласках выбранного женщинами дикаря.

Эмир опустился на колени, начал целовать руку Вилии, одновременно наглаживая ее ногу, медленно двинулся губами к плечу, рукою одновременно задирая подол платья. Девушка ждала – но ничего особенного пока не чувствовала. Ласки этого мужчины ничем не отличались для нее от прикосновений листвы на колышущейся ветви кустарника или высокой травы. Ну трется что-то по коже – что из этого?

Громко причмокивая губами, эмир начал слюнявить ее лицо, запустив пальцы между ног – и это стало даже неприятно. Хранительница закрыла глаза, вспомнив князя сколотов. Во время последней встречи он не коснулся ее ни разу… Почти ни разу… Но даже одно приближение этого сильного, самоуверенного, свободолюбивого дикаря заставляло ее вспомнить о том, что он – мужчина.

От этого воспоминания по телу прокатилась горячая волна – эмир ощутил ее и принялся воодушевленно задирать на хранительнице тунику, одновременно тиская грудь. Вилия открыла глаза и коротко приказала:

– Пошел вон!

Единственный мужчина Клана замер, удивленно хлопая глазами. Похоже, к такому обращению он не привык.

– Пошел вон! – Девушка подняла руку, положила ладонь ему на лоб и резко напряглась.

Эмир жалобно взвыл, закрутился на месте и кинулся прочь, едва не выломав край двери. Вилия поднялась, извлекла из

темного проема стола кожаный мешочек, заглянула внутрь, проверяя содержимое, потом затянула стягивающую горловину жилу.

– Что с тобой? – появилась в двери Милана. Правда, глядела подруга не на девушку, а вдоль по коридору. – У тебя не получилось? Поздравления откладываются?

– Что не получилось? – не поняла Вилия.

– Ну расслабиться…

– Пожалуй, да. Если номария спросит – скажи, что я поплыла к дикарям. Коли мы хотим, чтобы они помнили о нас, искали помощи, молились нам и приносили дары, кому-то постоянно нужно находиться с ними рядом.

– Подожди, не торопись, – попыталась утихомирить девушку подруга. – Ну подумаешь, не получилось с первого раза. Мы тебе меда хмельного нальем, забыться поможем, о радостном подумать.

– Ни к чему это, Милана, – решительно отодвинула ее Вилия. – Душу под обычай грешно приспосабливать. Коли душа пожелает, сама запоет. Мой долг – девственность для Великого до двадцать пятой весны сохранить, а не расстаться с ней сразу же после этого. И под эмиром ноги расставлять я тоже не клялась. Душно мне здесь. Соснового воздуха дохнуть хочу.

Девушка почти бегом промчалась по гулкому глиняному подземелью, выбежала под солнце, торопливо дошла до берега, столкнула долбленку на воду и сильными гребками весла погнала ее вверх по течению.

Ночь застала ее на берегу озера Нево. Пробившись через широкую стену камыша, она наломала огромную охапку сухих стеблей, зажгла ее щелчком пальца и долго любовалась высоким столбом пламени и летящими чуть не до самого неба искрами. Есть не хотелось, поэтому приготовленное для ужина сушеное мясо она забросила обратно в лодку, отплыла от берега и, завернувшись в козьи шкуры, легла спать. Второй день ушел на то, чтобы по удивительно гладкой водной глади домчаться до устья Волхова и пройти изрядно вверх по реке. И только поздним вечером третьего дня хранительница причалила к берегу немногим меньше стадии ниже Словенска. Выдернув лодку в густой кустарник, девушка пошла через лес, на ходу подхватывая сухие палки валежника. И вскоре над тихой полуночной чащей покатился зов, доступный только для того, кому он был предназначен:

– Челове-е-е…

Палки легко ломались в руках, словно только и ждали, когда их превратят из бесформенных мертвых сучьев в аккуратную

стопочку, радостно потрескивающую под ярким язычком огня.

– Челове-е-е…

Трава выстелилась мягким ковром, пахнущим медом и цветами.

– Челове-е-е…

Темнота вокруг стояла прочной стеной, и оттого на замкнутом светлом пятачке казалось тепло, будто в жаркий полдень. Вилия чувствовала себя так, словно ее погрузили в огромную бадью и поставили в центр могучего костра. Тело горело, по нему бегали мурашки, сердце стучало, словно у испуганного зайца. А сверху с интересом подмигивали звезды и опасливо выглядывала из-за еловой макушки ущербная луна.

– Уж не меня ли ждешь, красавица… – Стена мрака расступилась, пропустив сквозь себя бородача в длинной рубахе, в красных сапогах, в расшитой медными бляхами куртке, небрежно накинутой на плечи, и сомкнулась вновь. – Голос мне ныне знакомый примерещился. Давненько я его не слышал, давненько.

– Садись, коли пришел. – Девушка подкинула в огонь еще несколько сучьев. – Это хорошо, коли услышал. Не каждому голос мой слышать дано.

– Кому же такая честь дозволена? – В ответ на приглашение князь на корточки присел у огня.

– Одному… – кратко ответила хранительница, помешивая угли длинной палкой.

На некоторое время над поляной повисла тишина. Вскоре Словен не выдержал, снял с себя куртку, расстелил на траву, сел сверху, прокашлялся:

– Так чего звала, берегиня?

– Видела я как-то, – ответила девушка, – как смертные свистульки мастерят. Сделай мне такую…

Она протянула князю заготовленный обрезок ивовой ветки в палец толщиной и примерно такой же длины. Дикарь, удивленно хмыкнув, достал нож, срезал край палочки с одной стороны, сделал посередине глубокую засечку, потом хорошенько раскатал обрезок меж ладоней, аккуратно вытолкнул сердцевинку из коры. Быстрыми привычными движениями отрезал пенек деревяшки, вставил обратно в кору, оттяпал край с другой, срезанной стороны, аккуратно сделал поверху небольшую канавку, тоже вставил кусочек обратно в кору, так, чтобы старые стыки снова совпали. Поднес получившуюся свистульку к губам, дунул в получившееся поверху отверстие. Послышался высокий свист.

– Вот, – протянул он свою работу девушке. – Баловство все это, в детстве развлекались.

Вилия присела на расстеленную куртку рядом с ним, зажала свистульку пальцами, начала на нее дуть, с присвистом бормоча древние слова. Отерла пот со лба, провела влажными пальцами по свистульке с двух сторон, вынула из рук мужчины тяжелый бронзовый нож, размахнулась и сильным ударом разрубила свисток пополам. Князь пожал плечами, но говорить ничего не стал. Только вынул аккуратно у девушки из ладони оружие и вернул его в ножны.

– Ты спрашивал, смертный, как позвать меня, коли нужда возникнет, – напомнила Вилия и протянула Словену ту часть, в которой была канавка. – Вот, возьми. Коли увидеть меня захочешь, подуй в нее. Если услышишь свист – значит, и я его слышу. Тебя слышу. Я тогда сразу к тебе направлюсь и вскоре появлюсь, дабы просьбы твои узнать.

Князь с подозрением осмотрел обрубок, потом поднес к губам и тихо подул. И тотчас над поляной прозвучал двойной свист.

– Я слышу тебя, княже, и я перед тобой, – опустила глаза Вилия. – Чего тебе хочется от меня, смертный?

– Знать хочу, человек ли ты в облике прекрасном – али наваждение ночного морока?

– И как ты проверить это сможешь, Словен, князь сколотов?

В этот миг сильная рука обхватила ее за плечи, привлекла, и девушка ощутила жадный, крепкий поцелуй. На сей раз она не шарахнулась, не исчезла, а ответила на неведомую ласку, позволила опрокинуть себя, чувствуя, как неведомый жар растапливает тело и смывает в небытие остатки рассудка. Она перестала быть собой, она превратилась в мягкий воск, послушный и податливый в руках желанного мужчины. Она перестала быть мудрой хранительницей, верным стражем усыпальницы Нефелима – она стала частью чужой страсти, чужой ласки, чужого желания. Поэтому Вилия даже не ощутила, в какой из мгновений лишилась одежды, и первое проникновение стало для нее не болью, а вспышкой, заставляющей устремиться навстречу неведомому, таинственному, сладостному, всепоглощающему деянию, проваливаясь все дальше и дальше в небытие, в красный слепящий туман, в бездну, из которой не хочется возвращаться, потому что нет более в обычном мире ничего, более важного, нежели это чудо. И был взрыв, который поглотил все, швырнул ее ввысь, разметал, а потом собрал обратно, чтобы осторожно положить на холодную влажную траву.

Вилия сделала вдох, выдох и подумала о том, а дышала ли она все это время? Потом повернула голову к уткнувшемуся рядом лбом в землю князю. Подняла дрожащую от усталости руку, погладила его волосы:

– Что ты сделал со мной, желанный мой? Теперь я уже никогда не смогу стать прежней.

Словен уперся руками в землю, выпрямился, сидя на коленях.

– Что ты со мной сделала, берегиня? Заворожила, заговорила, сердце мое вынула да куда-то унесла. Ведь князь я, честь родов своих, совесть их. Как в глаза Шелони посмотрю, что детям скажу?

– Ничего не скажешь, – молвила девушка. – Потому как сердце мое унес и не с пустой душой вернешься. Придется нам отныне обоим так жить: тебе с моим сердцем, а мне с твоим. Я заботиться стану о людях твоих, ты моему роду подарки носить станешь. А как сами ладить станем – кроме ночи, леса, огня и поляны этой, более никому знать незачем.

– Только не говори, что ты ко мне тоже от семьи бегаешь.

– Не скажу, – рассмеялась Вилия. – Не скажу, потому как нет у меня иного мужа, кроме тебя. Но забирать тебя ни у кого я не стану. В моем роду иные законы. Мужчинам туда дверей нет.

– Как же вы живете тогда? – удивился князь. – Амазонки, слышал я, и те время от времени мужей к себе зовут.

– То неважно, – покачала головой хранительница. – Важно то, что свели боги нас с тобой, единственный мой. Боги мои и твои. И ни к чему нам противиться их воле. Иди ко мне, Словен, князь сколотов, я уже начала скучать по твоим рукам. Мне так хорошо и радостно с тобой, что становится страшно.

– Страшно почему?

– Судьба никогда и ничего не дает просто так, – закинула руки за голову девушка. – Боюсь, за такой огромный подарок спросит она немалую плату. Но я согласна, согласна на все. Только иди ко мне. Я не способна так долго жить без тебя.

Санкт-Петербург, Загородный проспект.

27 сентября 1995 года. 15:50

Ресторан «Пара» скрывался в подвальчике напротив «Джаз-клуба», сверкающего переплетением неоновых трубок. Скромная вывеска, спокойная музыка, струящаяся из-за приоткрытой двери, плотные бордовые шторы, что оставляли в окнах лишь тонкие щелочки, через которые проглядывали тонущие в мягком полумраке столы, обещали уединение и уют.

Пустынник первым сбежал по каменным ступеням вниз, отворил тугую дубовую створку, подал Тане руку, помогая спуститься, пропустил мимо себя в зал.

– Вам помочь? – моментально подскочил молодой человек в черной рубашке и темно-синей жилетке.

– Да, – обвел взглядом помещение колдун и указал на столик, прижимающийся к обшитой мореным деревом стене. – Вон те места не заказаны?

– Для вас мы всегда освободим самый удобный столик, – вдохновенно соврал служка. – Позвольте, я провожу…

Он устремился вперед, Татьяна двинулась следом, а Пустынник сделал два быстрых шага к окну, вынул из кармана трубку и на всю длину загнал ее отверстием вверх в горшок разлапистого фикуса, что чах в углу под слабо светящимся бра.

– Вот, присаживайтесь, пожалуйста. – Парень отодвинул для женщины стул. – Так вам удобно? Пожалуйста, меню.

– Мы хотели бы заказать ужин при свечах, – сообщил маг, уже усаживающийся напротив спутницы.

– Разумеется, – кивнул молодой человек. – И что вам принести?

– Для начала, я думаю, пару свечей в простеньком подсвечнике.

– Но… – растерялся служка. – У нас никогда не бывало сбоев со светом… Поэтому… со свечами…

– Однако согласитесь, – усмехнулся Пустынник, – ужин при свечах без свечей – это что-то несуразное получается. Я совершенно уверен, вы наверняка сможете что-нибудь придумать…

Он сунул руку в карман, достал пару стотысячных бумажек и протянул официанту. Молодой человек напрягся, созерцая купюры, потом смахнул их мягким кошачьим движением, отступил:

– Вы, пожалуйста, выбирайте блюда, не стану вам мешать. Я вернусь через минуту.

Вернулся он минут через пять, изрядно запыхавшийся, зато с двумя десертными блюдечками, на которых стояли крученые декоративные свечи красного и зеленого цвета. Поставив их ближе к стене, молодой человек вынул из кармана зажигалку, щелкнул ею, запаливая фитили.

– Может быть, приглушить свет? – поинтересовался он, указывая на свисающее над столиком бра.

– Не нужно, – помотал головой Пустынник. – Принесите нам мясо в тесте, салаты морской, овощной и китайский и белое испанское вино. Надеюсь, испанское вино у вас есть?

– Разумеется, – немедленно согласился официант, и колдун явственно ощутил, что тот опять врет. Хотя, с другой стороны – откуда взяться хорошему вину в этом стремительно

деградирующем мире?

– И пепельницу принесите, пожалуйста.

Молодой человек умчался, всячески изображая торопливость. Таня улыбнулась, протянула руку, провела ею над крохотным алым огоньком:

– Как романтично… Это ради меня?

– Разумеется. – Настала очередь лгать колдуну. – Когда я вижу тебя при живом свете, ты кажешься еще прекраснее. Электричество мертво, при нем все выглядят желтыми, как восковые фигуры.

Женщина опустила руки на стол – Пустынник наклонился вперед, сжал ее ладони в своих:

– Самое великое чудо, которое я встречал в своей жизни, – это ты, Танечка. Ты самая прекрасная, самая отзывчивая и ласковая. Даже не представляю, как я без тебя существовал все эти годы…

– И долго? – неожиданно поинтересовалась жещина.

– Что долго?

– Долго ты без меня жил? Сколько тебе лет, Толя?

– Какая разница? – недоуменно отозвался Пустынник. – Без тебя это все равно была не жизнь…

– Врешь ведь, – вздохнула она, взглянув на часы. – Понимаю, что врешь… А все равно приятно.

С грохотом отворилась дверь, в ресторан ввалился сразу десяток мужчин. Громко переговариваясь, они направились к трем сдвинутым вместе столикам. Один из бритых наголо мордоворотов остановился у служебной двери и приоткрыл занавеску:

– Эй, халдей! Водки нам принеси и сока. И пусть обед там на всех сварганят!

Колдун улыбнулся спутнице, чуть повернул голову и скосил глаза в сторону рассаживающейся компании. Молодые, горячие хищники, уверенные, что мир принадлежит именно им. И в чем-то они, конечно, правы. Мир действительно принадлежит молодым и смелым. Вот только на пути к власти мало кому из них удается разминуться с маленькой и тихой старушкой, что бродит по свету в длинном балахоне и косой в руках. А те, кто выживает – становятся тихими спокойными старичками с усталыми глазами, холодным разумом и железной хваткой. Каковых в этой компании пока не видно.

Пустынник рефлекторно повел носом, определяясь с образом, что был послан ему Изекилем. Зёвой, похоже, был вон тот, белобрысый, лет тридцати, с глубокими залысинами, что уверенно усаживался во главе стола. Да, точно он. Значит, нужно

действовать, пока бойцы не перебрали и не стали излишне буйными.

– Извини, я на секунду…

Маг поднялся и спешно направился в туалет. Войдя в светлое, отделанное кафелем, помещение, он не стал заходить в кабинку, а всего лишь сполоснул руки под краном, тщательно вытер, изведя несколько кусков одноразового бумажного полотенца, потом достал из кармана спичечный коробок, занес палец над двумя маленькими прядками сальных волос:

– Ну, близнецы-братики, кто из вас огненный, кто нитяной… – Пустынник ткнул указательным пальцем в одну из прядок, полностью размазав ее по подушечке, потом отломил край коробка с остатками жира, бросил в отверстие раковины и долго проливал его водой. Потом вышел в зал.

Шумная компания, свалив пальто и куртки на стул в одну большую кучу, уже допивала графин, чему-то шумно смеясь. Колдун подошел ближе, окончательно определяясь с целью. Да, действительно – белобрысый мужчина, что сидел во главе стола, улыбался снисходительно, говорил скупо, поглядывал на прочих свысока. Остальные, отпуская шуточки, чаще посматривали именно на него, желая понять, какое произвели впечатление.

– Коля! Колян! Вот это да! Сколько лет! – Пустынник раскинул руки, двинулся к столу, наклонился к Зёве, неуверенно вглядывающемуся ему в лицо, дружески хлопнул по спине, ткнув указательным пальцем чуть ниже левой лопатки и чуть мазнув жиром по ткани пиджака. – Коля! Рыжков! Ты, что, меня не узнал? В классе за одной партой сидели.

– А-а, – с облегчением кивнул Зёва. – Обознался ты, мужик. Отвали.

– Не может быть! Неужели ты меня не помнишь?

– Ты чего, не понял, земеля? – поднялся мордоворот на дальнем конце стола. – Тебе же сказали, отвали!

– Да, извините, – успокаивающе вскинул руки колдун. – Наверное, действительно обознался.

Он быстро вернулся за столик к Тане, взял салфетку и стал тщательно оттирать кончик пальца.

– Что там? – спросила Танечка, бросив быстрый взгляд на циферблат наручных часиков.

– Ерунда, обознался, – отмахнулся Пустынник и взял вторую салфетку.

– А бабенка-то у него ничего, – преувеличенно громко отметили за шумным столом. – Сема, может, снимем ее на компашку?

– Ща, сделаем, – поднялся парень, что сидел рядом с

Ретневым, и прямым ходом направился к Тане. Навис над ней, опершись рукой на стол: – Ну что, мамзель? Пошли, потопчемся?

– Может быть, сперва спросите у меня, молодой человек? – скромно поинтересовался маг.

– А ты что, против?

– Я? – Пустынник пожал плечами, задумчиво навел указательный палец парню на голову, потом на грудь, на низ живота. – В общем, если дама не против, я тоже возражать не стану…

– Ну тогда… – выпрямился незваный кавалер. – Тогда… Тогда… Тогда я сейчас вернусь…

И он побежал к двери в туалет.

– Чего это с ним? – с удивлением оглянулась женщина.

– Ребята много выпили… – отведя взгляд, улыбнулся колдун. – Сока там, минералки. А организм – он ведь не бездонный. Сливать иногда излишки требуется.

Таня хмыкнула в кулачок, потом опять скосила глаза на циферблат.

– Что ты все на часы глядишь? – не выдержал Пустынник.

– Мне сказали, – посмотрела прямо ему в глаза Таня, – что ровно через четыре часа ты убьешь человека. Время подошло. Вот и думаю, правда или нет? – Она еще раз оглянулась на захлопнувшуюся дверь с надписью «м/ж». – С ним ведь все в порядке, правда?

– Разве можно убивать людей только за то, что ты понравилась им так же сильно, как и мне? – удивился маг, зажег в пламени свечи использованные салфетки и кинул их в пепельницу. – К тому же слухи о том, что можно лишить смертного одним лишь взглядом, сильно преувеличены.

– А за что можно?

– За что? – Пустынник в задумчивости почесал нос. – За что… Ты хочешь знать правду?

– Да.

– Очень часто людей убивают только за то, что они есть, – тихо ответил маг, глядя, как превращается в пепел салфетка с последними крупинками заговоренного сала и волос. – За то, что они живут там, где хочется жить кому-то другому. За то, что они смеются, когда другим грустно. За то, что они думают не о том, о чем привыкли думать другие. Впрочем, все это – уж слишком возвышенно. Потому, что иногда люди кажутся всего лишь куском мяса на двух ногах. А кое-кому регулярно требуется обедать. Кстати, где наше жаркое?

– Ну тебя, – вздрогнула Таня. – После таких слов у меня всякий аппетит пропал!

– Если тебе от этого станет легче, – усмехнулся Пустынник, доставая и открывая коробок, – то чаще всего в людях ценится не вес и жирность, а духовность, деятельность и богатство. И убивают их не ради шкурки, а за то, что свою горсть золота они выгребают из чужих карманов.

Он внес край коробка с прилепившимися к нему ворсинками в пламя. Жир затрещал от жара, волосинки начали скручиваться, полыхнули крохотными огоньками – в тот же миг пламя вспыхнуло на их собратьях, спрятанных в автоматную гильзу. Нитропорох превратился в ослепительную вспышку, разнося в стороны ни в чем неповинный горшок, а выбитая через трубку пуля рванулась вверх, к потолку. Однако заговор братства, что стремился соединить ворсинки на ее теле и на пиджаке бандита, заставил остроконечный кусок свинца изменить траекторию, описать крутую дугу и, еще до того, как звук выстрела донесся до стола с мужчинами, пуля врезалась Зёве в спину, проломив два ребра и разорвав в клочья сердце.

Пустынник опустил коробок и тщательно затушил тлеющий край о пепельницу.

– А-а! – взревел кто-то за его спиной. – Кто стрелял?! Кто стрелял?! Всех перебью, падлы!

Таня машинально посмотрела на часы, сглотнула. Подняла глаза на своего спутника:

– Четыре часа…

– Это случайное совпадение, Танечка.

– Ты даже не оглянулся, Толя!

– А чего я там не видел? Обычные бандитские разборки. Какое мне до них дело?

– «Скорую»! Вызовите кто-нибудь «скорую»! Зёва! Коля! Потерпи, потерпи маленько! Сейчас все будет нормально…

Еще минуту назад самоуверенные и сильные, мужчины метались по ресторану, точно перепуганные ястребом фазанята, не зная, куда прятаться, кого ловить и за что хвататься. Пустынник вздохнул:

– Здесь становится слишком шумно, любимая моя. Давай пойдем куда-нибудь в другое место?

Он встал, протянул женщине руку. Однако Таня осталась сидеть на месте, глядя прямо перед собой. Колдун поморщился: место, куда с секунды на секунду могла примчаться полиция, было не лучшим для выяснения отношений. Он обошел столик, наклонился к женщине и прошептал ей в самое ухо:

– Кажется, подруга наговорила тебе слишком много. А она не забыла сообщить, что наш с ней мир не так спокоен, как ваш, и что в нем приходится постоянно бороться за свою шкуру? И что

наши схватки далеко не всегда видны со стороны? Все мы разные, единственная моя. У всех есть достоинства и недостатки. Нужно принимать друг друга такими, как мы есть. Наверное, у меня есть только одно достоинство: я люблю тебя, Таня. Мне не нужен никто и ничто, кроме тебя. Не оставляй меня, Таня. Без тебя этот мир станет совсем мертвым.

И он снова предложил ей руку. Женщина что-то прошипела сквозь зубы, однако оперлась на ладонь, встала из-за стола, пошла к выходу. Пустынник чуть задержался, сунул служке наугад несколько банкнот, нагнал спутницу, открыл перед ней дверь ресторана, потом дверцу «восьмерки», сел за руль.

– А теперь, – требовательно заявила она. – Теперь рассказывай мне все! Все – от начала до конца! Или немедленно отдавай ключи и уметайся из моей жизни! Ну давай, рассказывай!

– О чем? – Пустынник лихорадочно соображал, как выкрутиться из неожиданной западни.

– Обо всем! О том, почему Валю убить угрожал?! Почему тут кого-то убил? Что тут вообще вокруг творится?! Ты ведь вампир, да? Валя говорила, что ты вампир!

– Угу, – с некоторым облегчением кивнул Пустынник. – Весь рот в крови.

Теперь, когда он понял, что наговорила смертной местная ведьма, можно было прикинуть, как правдоподобнее объяснить свои поступки.

– Да, я колдун, – признался он. – Так уж сложилась жизнь, что я стал колдуном. И так получается, что я вынужден жить по законам мира магии, а не мира людей.

– Очень интересно, – хмыкнула Татьяна. – Интересно, по каким это законам ты живешь? Поведай простому невинному существу!

– По очень красивым, – повернул к ней голову Пустынник. – По законам рыцарства. Помнишь рыцарей Круглого стола? Они странствовали туда-сюда, а когда встречали другого рыцаря, то немедленно вызывали его на бой и крошили в мелкую капусту. Когда получалось, естественно. Примерно то же происходит и у нас. Я встретил достойного противника и победил его. Я встретил твою «экстрасеншу», собирался сразиться и с ней, но передумал. Ведь она твоя подруга. Ну и как тебе взгляд на рыцарство с близкого расстояния, Танечка? Похоже на книжку?

– Не представляю, – покачала головой женщина. – Ты ведь только что убил человека! Неужели в тебе ничего не шелохнулось? Неужели твою совесть ничто не гложет?

– Совесть?! – Возмутившись, Пустынник вогнал, словно нож в бок индейцу, ключ в замок зажигания, повернул его, а когда

мотор взревел, с проворотом колес сорвал машину с места. – Совесть?! А ты, что, не слышала, что они собирались сделать? Если бы они победили, ты стала бы их законной добычей! Ага, совесть! – Он с силой ударил обеими руками по рулю. – Просто я оказался сильнее, и все! Совесть! Да я за тебя весь ресторан перебил бы без малейших колебаний! И сплясал на пепелище качучу!

– Чего бы сплясал? – рассмеялась женщина.

– Качучу, – покосился на нее маг. – Есть у нас такой танец.

– Не слыхала никогда, – улыбнулась Таня и откинулась на спинку сиденья. – Я думала, ты его убьешь.

– Кого?

– Ну того парня, что меня пригласить подошел. По времени как раз сходилось.

Пустынник резко вдавил педаль тормоза, повернулся к женщине:

– А ведь я про него и забыл! Вернемся?

– Ты серьезно?

– Конечно! – даже удивился колдун. – Убивать любого встречного при наличии достаточного повода – священный долг каждого рыцаря. Так что скажешь, Танечка? Ваше слово, моя прекрасная дама!

– Боже мой… – Таня наклонилась вперед, сжала пальцами виски. – Это сон. Это всего лишь сон. Это бред, такого не бывает. Валя – колдунья. Толя – колдун. Соседи в ресторане – колдуны. Все друг друга убивают, но никто ничего не знает. Господи, во что я ввязалась?! Толенька, подожди, пожалуйста, немного. Я сейчас проснусь, и мы поговорим. Сейчас, сейчас… – Она зажмурилась, заметно напряглась. Спустя минуту приоткрыла глаза, посмотрела по сторонам. – Это все еще сон или уже все?

Пустынник с интересом ждал, чем кончатся ее размышления.

– Понятно, – наконец снова откинулась на спинку женщина. – Бред продолжается. Придется спать до конца.

– Так каким будет твое слово, Танечка? – с усмешкой поинтересовался маг.

– Мое слово? – вскинула она брови. – Слово? Ладно, пусть будет слово: «Прощаю».

– Как скажешь, прекрасная… – Пустынник воткнул передачу и тронулся с места.

– Теперь давай все-таки где-нибудь перекусим, – предложила женщина. – В ресторане заказ-то так и не принесли. Тебе хорошо, ты все равно никогда не ешь. А мне, понимаешь, нужно питаться за себя и еще одного парня.

Колдун вдавил тормоз снова. Немного помолчал, переваривая

услышанное. Что он мог сказать теперь? Воскликнуть: «Так ты знаешь?». Банально. Попытаться оправдать то, что не в силах изменить? Невозможно. Поблагодарить за то, что она никуда не ушла? Глупо. И тогда Пустынник сказал то, что каждую минуту должна слышать каждая женщина:

– Танечка, любимая моя. Я клянусь всеми существующими богами и демонами, ручаюсь самыми страшными клятвами рая и ада, я клянусь своей головой и жизнью – но ты самая прекрасная, самая желанная, самая лучшая из всех женщин, что существовали на этой планете или появятся на ней когда-нибудь в будущем.

Таня повернулась к нему и устало произнесла:

– Я знаю…

Глава третья

Берег озера Нево.

Зима 2408 года до н. э.

Изекиль вытащил последнее тело, кинул в снег, после чего вернулся в землянку, подбросил в еле тлеющий очаг щедрую охапку дров, рухнул на широкую постель, заваленную изрядно вытертыми шкурами, и заложил руки за голову. Теперь, выпив души обитавшего тут семейства, он начал понимать, почему так и не смог обнаружить усыпальницу Нефелима. Здешний мужчина помнил о неких всемогущих шаманках, обитающих как раз где-то в устье реки. Его женщина тоже знала о шаманках и воистину благоговела перед ними. Получается, усыпальницу и силу алтарей Амон-Ра кто-то уже успел прибрать. Кто-то, настолько мудрый, настолько сведущий в древних знаниях, что смог водить его, жреца великой Аментет, кругами и ни разу не попасться ему на глаза. Неприятное открытие. Значит, не он один смог сохранить древнее тайное знание.

Впрочем, кое-что приятное в его открытии тоже имелось. Раз ему отводили возле усыпальницы глаза – значит, он не ошибся. Его привела сюда не глупость и не провалы в памяти. Усыпальница существует, и она находится здесь. Правда, добраться до нее будет не так просто, как казалось вначале. Ну да ничего. Он умеет ждать. Рано или поздно он найдет способ смять местных чародеек. Он накопит силу и вернется сюда снова.

При мысли о силе служитель смерти недовольно поморщился: он едва не сгинул в здешних диких местах. По дороге сюда он не особо церемонился с дикарями, высасывая силы у целых семей, а иногда опустошая селения до последнего смертного. Казалось – этого хватит на несколько лет. Но бесплодные поиски среди речных островов вымотали Изекиля намного быстрее, чем он ожидал, а обнаружить дикарские стоянки среди здешних болот никак не удавалось. Жрец уже еле передвигал ноги, когда наконец заметил над вершинами деревьев долгожданный дымок и за несколько часов добрался до одинокой землянки.

Дрова в очаге дымили и сейчас – густая сизая пелена поднималась к потолку, скользила под закопченными березовыми балками и выходила наружу через щель над входным пологом. Но

тепло оставалось внутри – а потому служитель Небесного храма, промерзший за время скитаний до самых костей, искренне наслаждался уютом человеческого жилья и никуда пока что не спешил.

Да и куда спешить? Надежда на то, что силы собранных вокруг усыпальницы алтарей напитают его бесконечной мощью, провалилась. Значит, вернуться в Кемет повелителем, а не фокусником, будет заметно труднее. Дело могли поправить люди, смертные, что признали бы его своим правителем и составили бы непобедимую армию, но здешние места по населенности уступали даже пустыне.

– Значит, нужно идти на юг, – вслух подумал жрец. – Я доберусь до обитаемых мест, наложу руку на какой-нибудь из окраинных народов, создам непобедимую армию. А с нею явлюсь в Кемет и объявлю верховную власть Аментет над всеми богами. Или вернусь сюда и заставлю искать усыпальницу целое войско. Отвести глаза сразу тысячам людей не по силам никому. Рано или поздно, но земли окрест Невы мне придется взять под свою и только свою власть!

Санкт-Петербург, набережная Лейтенанта Шмидта.

2 октября 1995 года. 16:25

Услышав знакомый гул моторов, Пустынник чуть повернул голову и смог уже в который раз лицезреть знакомую картину: две темные «БМВ», между которыми следовал прикрытый светлым магическим колпаком джип, вывернули с одной из линий, повернули налево и с бешеной скоростью промчались мимо по набережной.

– Н-н-да. – Колдун подобрал с земли камушек, кинул его в покрытую радужной пленкой воду. Послышался легкий всплеск, из ближнего куста водорослей выскочили несколько мальков, чтобы тут же умчаться обратно. – Н-н-да…

Один из главных приказов Великого из Московского Круга все еще оставался невыполненным. Местный маг, взявший под свой контроль Северное пароходство, оставался все так же недоступен, как и в первый день.

Или он не единственный? Может, это и есть тот самый Северный Круг, который так долго не дает Изекилю покоя? Хотя вряд ли. Вокруг магических объединений всегда выстраиваются защитные стены из заклинаний, призванные укрыть сомкнувших силы колдунов. Но эти заклинания чаще всего настроены на то,

чтобы отвести взгляды посторонних от самих колдунов или их деяний, чтобы возбудить дружелюбие в каждом, кто приближается к магу, или отпугнуть тех, что лелеют недобрые намерения, чтобы свести на нет направленную порчу или рассеять чьи-то чары. Разумеется, против озверевшей толпы это не поможет: силы заклятий не хватит сразу на десятки разумов, но для повседневной жизни такие линии обороны обычно считались вполне надежными.

Однако сейчас Пустынник столкнулся с совершенно незнакомым принципом. Плотная сфера, не способная ни на что, кроме как разрушать, тупо истреблять любое магическое воздействие. Энергии такая сфера должна жрать просто море, спрятать под ней больше одного колдуна невозможно. Но и проникнуть сквозь нее…

– Что же делать… – Он кинул в воду еще камушек, поднял глаза к небу. – Ладно, пора за Таней.

Возле Смольного никто уже не реагировал на красную «восьмерку» с таким интересом, как в первый день. Сотрудницы просто помахали Тане на прощанье, она нырнула в машину, опасливо огляделась, после чего быстро, но крепко поцеловала Пустынника и откинулась на спинку:

– Хорошо! Сегодня полдня вверх-вниз бегала. Как хорошо сесть и вытянуть ножки… – Она повернула голову к колдуну. – Ну что, Толя. К какому музею ты намерен приобщить меня сегодня?

– Пожалуй… – Он посмотрел на край ее юбки. – Пожалуй, сегодня мы эти ножки побережем, раз уж им и так досталось. Мы будем их холить, лелеять и ласкать. Ты не против?

– Звучит многообещающе.

– Да будет так! – Он завел двигатель и вырулил на Шпалерную улицу.

Пробок в этот вечер нигде почему-то не было, и до проспекта Культуры они домчались всего минут за двадцать. Пустынник развернулся, сдал задним бампером к газону с увядшей травой, заглушил мотор. Таня выглянула из дверцы на свое окно, тяжело вздохнула:

– Толя, ты ведь колдун. Ну сделай так, чтобы я вознеслась на седьмой этаж сама собой!

– Легко! – Пустынник обошел машину, сделал несколько пассов руками: – Хараб, мараб, тарабаб!

Подхватил ее с кресла на руки и понес к дверям парадной.

– Ты чего! – извернувшись, соскочила женщина. – Соседи увидят!

– Ты же сама просила!

– Я тебя просила… Не колдун ты, Толик, а самозванец и

хвастун!

– Извини, – со смехом развел руками Пустынник, – как умею, так и ворожу.

– Жулик!

Маг закрыл машину, догнал Таню и вместе с ней вошел в подъезд. Вызвал лифт.

– Странно все-таки, – задумчиво произнесла она. – Почему ты не можешь заставить нас переместиться прямо в квартиру или сделать так, чтобы появилась горячая вода?

– А она и так есть.

– Не хочешь отвечать?

– Почему, – поднял брови Пустынник, – если тебе интересно… Как говаривали древние греки: «Знающий математику становится равным богам, ибо даже боги не могут нарушать ее законов». Здесь примерно то же самое. Легко сделать так, чтобы мы оказались в машине. Небольшое размягчение камня, структуры металла, легкое изменение вектора движения – и мы внизу. Но вот чтобы затащить груз на высоту… В общем, проще поднять на горбу. Меньше устанешь.

– Ты знал древних греков?

– Нет.

– Тогда откуда такие познания?

– У Плутарха прочитал.

– Ох-ох-ох, – покачала головой женщина, входя в раскрывший двери лифт. – Какие мы умные. Плутарха в подлиннике читаем…

– Знаешь что, Танечка. Если бы ты пять лет зубрила только Библию, то Плутарх после этого показался бы тебе куда интереснее эротического романа.

– Я не читаю эротических романов, Толя.

– Зря. Если бы ты пять лет зубрила только…

– Так ты можешь перемещать нас из квартиры прямо в машину? – перебила его Таня.

– Нет, не могу, – виновато ответил Пустынник.

– Ну вот. А так красочно зубы заговаривал!

– Я не говорил, что умею, – поспешил уточнить колдун. – Я говорил в принципе.

Лифт остановился. Они вышли на площадку, Таня отперла дверь, первая вошла в квартиру, торопливо сбросила туфли, перебежала на диван и, вытянувшись во весь рост, подняла ноги на подлокотник:

– Хорошо-то как! А я думала, что с помощью колдовства можно сделать все, что угодно.

– Ты думала правильно, – отозвался из ванной Пустынник. – Но беда в том, что всей магии не знает никто. Старые колдуны

говорят, эта наука была разорвана на части еще в древнем Египте. Жрецы разных богов прибрали себе что-то из общего знания и не хотели делиться друг с другом. Так появились разные школы. Почти все враждовали друг с другом. Что-то из древних знаний погибло вместе с проигравшими школами, что-то забыто, что-то перепутано. Прошло слишком много времени. Нам остались жалкие ошметки былой мудрости.

– Значит, вы ничего не можете?

– Можем, можем, – вошел в комнату Пустынник, опустился перед диваном на колени и принялся осторожно расстегивать на Тане блузку. – Многие обряды, заговоры, заклинания, правила, цепочки преобразований известны. Превратить воду в вино или заставить смертного отгрызть себе руку способен любой неофит. Можно творить отдельные потрясающие чудеса, можно завораживать людей, можно разгонять облака или вызывать ливни. Разные школы способны вытворять разные невероятные штуки. Но, к сожалению, потеряно главное. Никто не понимает, что и почему происходит… – Маг снял с женщины блузку и лифчик, аккуратно скатал с ног колготки. – Как тебе проще объяснить? Ну это как если учебник по химии разорвать на отдельные страницы и раскидать в стороны. Кому-то достанется отдельная формула, кто-то сможет собрать целую главу и осуществить сложный крекинг. Но цельной науки нет. Мы можем что-то выполнять, но не понимаем принципа своих поступков. Не понимаем, что и почему происходит. Нам остается только слепо следовать готовым рецептам. Соседей нет? Тогда займемся левитацией.

Пустынник подхватил Таню на руки, отнес в ванную и опустил в теплую воду с пахнущими персиком, пышными пенными шапками.

– А теперь сеанс специально для скептиков… – Он содрал с себя рубашку, брюки и выбросил в коридор. – Десять минут – и ты забудешь про свою боль и усталость, словно их и не было…

Маг присел на край ванны, зачерпнул воду, выловив из нее Танину ногу, положил себе на бедро и принялся быстро и ловко разминать мышцы. Постепенно его руки стали сдвигаться все выше и выше, погружаясь в пену. И, наверное, касались не только ног – поскольку женщина опустила веки и приоткрыла рот, чуть слышно постанывая. Пустынник, продолжая одной рукой свой массаж, опустил ее ногу в воду, сдвинулся вперед, наклонился над Таней, прижавшись щекой к ее лицу. Женщина стиснула зубы, застонала, внезапно взбрыкнула, расплескивая пену, провалилась вниз с головой, тут же вынырнула и крепко ухватилась рукой за запястье колдуна. Тяжело дыша, оперлась

затылком о край ванны.

– Толя… Толя, ты меня утопишь!

– Вот уж нет. – Он наклонился и легко коснулся губами ее рта. – Ты так легко не отделаешься. Будешь терпеть эти пытки еще много, много лет. А может, и вечно. Я ведь злой и подлый колдун, ты забыла?

– Как хорошо, что ты у меня есть, колдун… – выдохнула она и позволила голове скатиться вниз, в воду, оставив на поверхности только нос и губы.

– Нет, Танечка, – мягко возразил ей маг. – Хорошо, что у меня есть ты. Сейчас сока тебе принесу.

Он поднялся и, покачиваясь, направился на кухню. В этот раз ему тоже досталось. Таня взорвалась бурей наслаждения неожиданно быстро, и волна ее энергии едва не оглушила Пустынника. Ощущение, конечно, было приятным, но слишком уж внезапным.

Колдун открыл холодильник, наполнил хрустальный бокал апельсиновым соком и остановился, пытаясь ухватить за хвост ускользающую мысль.

Взрыв. Очень много энергии в неожиданный момент. Взрыв. Хозяин пароходства использует свою энергетику, чтобы создать броню, по прочности не уступающую танковой. Разумеется, только в отношении порчи или проклятия. Однако энергия – это не железо. Некоторым слишком сильным, но недостаточно образованным чародеям это, похоже, невдомек.

Берег озера Нево.

Зима 2408 года до н. э.

Изекиль отдыхал в дикарской землянке десять дней, спалив большую часть дровяного запаса. Прогрев наконец свои косточки на несколько дней вперед, он покинул засыпанное снегом жилище и двинулся строго на юг, оставив низкое северное солнце у себя за спиной. Между тем, едва войдя под заснеженные кроны, жрец неожиданно понял, что так просто выполнить свое желание ему не удастся. Пушистые снежные завалы достигали почти его пояса, и каждый шаг приходилось чуть ли не прорывать в сплошном бесконечном массиве. Вдобавок под ноги то и дело попадались коряги, поваленные стволы, какие-то кочки и неожиданные ямки – а вывихнуть себе конечности в планы служителя всемогущей Аментет никак не входило.

После недолгой борьбы Изекиль отступил обратно к

землянке, провел в ней еще одну ночь, высушивая одежду, а с первыми рассветными лучами двинулся в прямо противоположном направлении – на скованное прочным панцирем озеро Нево. Здесь холодный ветер непрерывно выметал лед со старательностью молоденького служки, и толщина снега не превышала высоты колен. А потому жрец мог идти обычным размашистым шагом, как по песку, дожидаясь, пока берег озера повернет вправо. Или, по крайней мере, вправо отвернет достаточно широкая река, чтобы не затеряться через полсотни стадий среди болотных просторов.

Однако первые два дня пути берег уводил верного служителя богини смерти почти точно на север, навстречу бьющей в лицо мелкой ледяной крупке. Только на третий день желтая стена камыша отступила перед его терпением – повернула вначале на восток, а затем все больше и больше стала забирать на юг. На пятый день после выхода из землянки Изекиль ступил на лед раздольной реки, похожей величественными размерами и прямотой на великий Нил, и точно так же, как Нил, указывающей строго на юг.

В тот час жрец еще не знал, что эту реку смертные нарекли Волховом и что до города Словенска, встречающего свою первую зиму, ему осталось всего двести километров.

Санкт-Петербург, набережная Лейтенанта Шмидта.

4 октября 1995 года. 11:35

Развернувшись и оставив машину возле газона, Пустынник прошел прямо по увядшей траве к парапету. Любоваться холодными волнами цвета сыромятного железа стало для него уже чуть ли не ежедневным ритуалом. Колдун втянул носом влажный прохладный воздух, повернулся к реке спиной, оперся на серый шершавый камень, разглядывая дома через дорогу. Однако забавно, что последняя из назначенных Изекилем жертв живет рядом с любимым путем одного из сильнейших, когда-либо встреченных Пустынником, магов. Забавно. И удобно. Меньше будет хлопот с выводом ее на назначенную цель.

Колдун оттолкнулся от парапета, быстрым шагом пересек проезжую часть, миновал три запыленных дома с обвалившейся местами штукатуркой, повернул налево, в узкий тупичок с неприлично гордым названием «Финская улица», вошел под низкую арку и, очутившись в гулком дворе, толкнул ближнюю парадную дверь.

Здесь, когда рядом не имелось свидетелей, он вытянул вперед руку с растопыренными пальцами, полуприкрыл глаза, сопоставляя свои впечатления с тем образом, что послал ему Великий. В современном мире такую магию было принято называть «поиском энергетического следа», но Пустынник привык по старинке «нюхать» – хотя как раз нос в определении этого «запаха» особого участия не принимал.

После короткого колебания он остановился перед дверью на втором этаже, покрытой толстым слоем зеленой краски, обежал взглядом россыпь звонков, пожал плечами и вдавил самый нижний. Спустя полминуты изнутри дребезжащим голосом поинтересовались:

– Кто там?

– Виктория Перекатова здесь живет?

– Левая, левая у нее кнопка, – с раздражением ответили из-за двери, однако замок щелкнул, створка открылась, и на лестницу выглянула худенькая остроносая старушенция ростом чуть больше полутора метров. Высунув голову, она оглядела кнопки и раздраженно сплюнула: – Когда же она бумажку-то приклеит, ведьма малолетняя? Все ходют тут, ходют. А каждый мне тренькнуть норовит. В конец идите, вторая у нее дверь, справа по коридору будет.

– Спасибо, мать, – кивнул Пустынник, притискиваясь мимо старушки.

– А ходите вы к ней зря, – неожиданно добавила бабка. – Нет от нее толку, только хвастается.

– Может, мне повезет, – повел бровями маг, отсчитывая двери. Остановился перед второй, удивившись про себя, что ее обозначили «в конце», постучал. – Виктория! Виктория, вы дома?

– Открыто там, проходите!

Пустынник выждал пару секунд, давая хозяйке возможность быстро прибраться или привести в порядок то, что не следует видеть посторонним, после чего шагнул внутрь.

Комната была не очень большой и к тому же чересчур вытянутой. Сразу за дверью платяной шкаф отгораживал угол, который, наверное, служил спальней. Горбатый паркет из крупных досок, изрядно выцветшие обои, пыльная лепнина на потолке. Мебель была тоже старенькой и разномастной. Письменный стол у окна сколочен из панелей натурального дерева, зеркальная горка в стиле середины века, рядом – книжный шкаф из ДСП с облупившимися углами. Похоже, особыми доходами здешняя ведьма похвастаться не могла. А в том, что он попал к ведьме, Пустынник теперь не сомневался. Справа на шкафу – метелка сушеной полыни и можжевельник.

Это от проникновения злых духов. Две иглы сбоку в пороге – это уже от порчи. На подоконниках – слепые тряпочные куклы. Это от дурного глаза. В зеркальной горке красовался большущий стеклянный шар, рядом – глиняная курительница и заплывший воском подсвечник. В воздухе пахло дымом и ладаном – на отпугивание нечистой силы колдунья эфирных масел не жалела. Вот только натурального ладана она найти не смогла – Пустынник отлично знал, как жжет кожу от его едкого аромата.

Хозяйка комнаты в первый миг показалась ему опустившим лапы богомолом – такими тощими были ее руки и ноги. Даже футболка и тренировочные штаны висели на костлявом теле, как на огородном пугале. Голову покрывал короткий бобрик, глаза проваливались глубоко в череп, а нос, наоборот, выпирал, как у Пиноккио. У Пустынника появилось нездоровое желание отвести девицу в ближайшую закусочную и хорошенько накормить. А то он не мог даже толком определить возраст этого создания. Может, пятнадцать лет. А может – и все тридцать.

– Я вас не знаю, – с подозрением поинтересовалась ведьма звонким молодым голосом. – Как вы сюда попали?

Аура ее от беспокойства пошла красными пятнами. Воистину, дела хозяйки шли не наилучшим образом. Чего так нервничать, если не чувствуешь за душой никаких грехов?

– Я услышал о вас от своих знакомых, девушка, – извиняющимся тоном сообщил колдун. – Они говорили, что вы знакомы с магией и сможете легко решить мои проблемы.

– А-а… – Красные пятна исчезли. – Понимаю. Напустить порчу, сжить со свету, поправить бизнес?

Аура заметно посерела. Похоже, юная леди уже пыталась сотворить что-нибудь подобное, но особого результата не добилась.

– Нет, все это можно сделать более простыми способами, – небрежно пожал плечами Пустынник. – Мне нужна настоящая магия. Понимаете? Настоящая.

– Любовный приворот? – прокатилась по ее энергетической оболочке светло-голубая волна. Похоже, привораживать-отсушивать ведьма умела.

– А вы действительно владеете колдовством? Точно? – продолжал настаивать на ответе Пустынник.

– Да, – подтвердила Виктория. – В тот день, когда у меня случились первые критические дни, в ту ночь, у меня был вещий сон. Я узнала про катастрофу самолета и даже всем о ней рассказала. А еще мне во сне явилась древняя ведьма и сказала, что во мне есть великая сила и я могу стать могучей магиней. С тех пор я изучаю тайные науки и могу очень, очень многое. Могу

снять порчу, могу изменить судьбу, отвести беду. Могу приворожить любимую. Если не верите, то в случае неудачи через неделю верну деньги!

Теперь колдун понял, чем не угодила Изекилю эта девчонка. У нее действительно был талант. Но она пока не умела им пользоваться. И слишком многим разболтала про первое удачное ясновидение. Великий из Москвы хотел всего лишь подстраховаться. Меньше знахарок – меньше опасности.

– Мне не нужны привороты, – со вздохом ответил Пустынник. – Мне нужно избавиться от демона.

– Какого демона?

– Он преследует меня уже несколько месяцев! Он глядит на меня из окон и зеркал, он прячется в каждом отражении… – громким шепотом заговорил маг. – Он обещает меня убить. Каждый день, каждый час…

Юная ведьма окончательно успокоилась. Явно решила, что перед ней обычный неврастеник, которому чертики по углам мерещатся. Такого по головке погладить, успокоительного незаметно в рюмку налить – вот и все чародейство.

– Отправить беса в ад к хозяину – дело нетрудное, – небрежным тоном сообщила Виктория. – Но хлопотное. Мне придется затратить некоторое количество времени, сил.

– Да-да, я все понимаю, – закивал Пустынник, сунув руку в карман. – Я вам заплачу. Сколько скажете. Только вы уничтожите его? Вы прогоните его от меня?

– Конечно, прогоню… – Ведьма уже прикидывала, как бы обставить обряд покрасочнее, чтобы клиент не подумал, что деньги пропали зря.

– Сколько с меня?

– За изгнание беса? – Виктория немного поколебалась, а потом решительно выдохнула: – Пятьдесят тысяч!

– Да я сто заплачу, – достал коричневую банкноту Пустынник и протянул ей. – Только защитите меня, пожалуйста! Спасите от этого кошмара.

Глаза девицы вспыхнули от радости. Она торопливо смахнула со стола какую-то пыль, достала из книжного шкафа и расстелила чистую скатерть, из зеркальной горки извлекла стеклянный шар, три свечи, поставила все на стол. Смахнула пыль со стула, придвинула его клиенту. Выудила из кармана штанов спички, запалила свечи, старательно задернула шторы, сбегала к шкафу, села за стол перед шаром и принялась рисовать на тетрадных листках разные геометрические фигуры, заполняя их малопонятными символами:

– Каббала учит, что смешение родов белого, черного и

красного происходят в час огня. Мы замкнем круг защиты, свяжем беса правилом четности и выбросим обратно в преисподнюю…

Пустынник немного послушал ее ахинею, потом вскинул руки, резко развел их в стороны, привычно произнося заклинание сна. Ведьма замерла с вытянутыми руками и приоткрытым ртом, а колдун поднялся, подошел к горке, положил в зеркальный угол три золотых перстня с аляповато крупными корундами – чтобы отражались целой грудой, – выдвинул ящик письменного стола, кинул в него пачку стотысячных купюр. Подумал, отодвинул занавески, отомкнул задвижки на окнах. Встал справа от ведьмы, сделал пару глубоких вдохов, сосредотачиваясь. Отвести глаза – дело несложное. Создать морок – уже посложнее. Но управлять двумя мороками одновременно – это требует настоящего мастерства.

– Раз… – Воздух над стулом, где только что сидел колдун, дрогнул, потемнел, и мгновением спустя в нем появилась точная копия Пустынника – бледная от волнения, тяжело дышащая и смотрящая на колдунью заискивающими глазами.

– Два… – Внутри шара, в самой его сердцевине, образовалось крохотное туманное облачко.

– Три! – Маг хлопнул в ладоши и чуть отступил.

– … седьмого цикла, – продолжила Виктория оборванную на полуслове речь. – Не беспокойтесь, сейчас мы его осадим.

Она наклонилась вперед, раскладывая свои писульки вокруг шара, заметила внутри непонятную красную точку – и тут Пустынник резко напрягся, выбрасывая ей навстречу продуманный во всех деталях зловещий образ. Грохнули, распахиваясь, окна, по комнате прокатилась волна холода.

– А-а-а!!! – Опрокинув стул, ведьма отскочила назад, глядя на кроваво-красную рожу, упирающуюся изнутри в выпуклую поверхность шара.

– Вы видите его? Видите?! – Морок поднялся со своего места, немного отошел.

– Иди сюда, дочь моя, – услышала девица вкрадчивый голос запертого в стекле демона. – Иди ко мне.

– Нет! – попыталась перекреститься ведьма, но Пустынник вовремя поймал ее за руку, не дав закончить знамение. Виктория была так потрясена, что не обратила никакого внимания на столь странное неподчинение руки. – Кто ты?

– Тиш-ше-э… – в самое ухо прошептал ей колдун, в то время как образ в шаре всего лишь шевелил губами. – Я дам тебе награду… Любую награду…

– Ч-что?! – хрипло переспросила ведьма.

– Любую награду… – шепнул в ответ демон. – Сядь ко мне

ближе, пусть он ничего не подозревает.

Морок в это время топтался у двери, испуганно закрывая лицо руками.

– Скажи, пусть встанет на колени и молится в угол. Пусть отвернется…

– Вы, – судорожно сглотнув, вытянула руку Виктория. – Вы должны отвернуться, встать на колени и молиться. Тогда демон не кинется на вас снова.

Морок послушно грохнулся на колени, ткнулся носом в дверь. Правда, стук колен Пустынник изобразить забыл – но ведьме было не до подобных мелочей. Она медленно придвинулась к столу.

– Я сделаю тебя владычицей мира. – Лик демона плавился, словно в тумане, и прорисовывался снова. – Я сделаю тебя самой могучей колдуньей и величайшей из женщин. Я дам тебе бессмертие и силу. Я осыплю тебя золотом и драгоценностями. Только не отправляй меня назад! Не отправляй… – Образ в шаре перекувырнулся и широко раскрыл глаза. – Меня уничтожат! Оставь меня здесь, и я стану твоим верным рабом.

– Это… – Виктория потрясла головой, ущипнула себя за руку. – Это глюк какой-то.

– Я докажу, госпожа, – заколебался в шаре алый туман. – Я докажу… Я дам тебе подношение… Справа, за стеклом…

Виктория повернула голову и вздрогнула, увидев россыпь огоньков на камнях незнакомых украшений. Она открыла стеклянную дверцу, взяла кольца в ладонь, несколько раз сжала, пытаясь убедиться, что ощущение от твердого холодного золота настоящее.

– Сзади… – прошептал в самое Пустынник, – сзади, верхний ящик…

Девица подошла к письменному столу, рванула ручку и нервно охнула. Запустила руки в ящик, зашелестела купюрами:

– Они настоящие?

– Да, госпожа.

– Настоящие?

– Да!

– Все?!

– Ты получишь весь мир, госпожа, – продолжал шептать колдун то в одно, то в другое ухо. – Короли и президенты будут лизать тебе туфли, патриархи станут ползать перед тобой на брюхе, а ростовщики – сами приносить тебе свои сокровища. Я сделаю все, госпожа. Только не изгоняй меня! Я дам тебе клятву. Самую страшную клятву. Но только оставь меня. Ты получишь этот мир, а я – жизнь.

– Так оставайся, – легко разрешила Виктория.

– Мне нужен договор! И ты должна скрепить его кровью…

– Вот как? – впервые заколебалась девица. – А что я получу взамен?

– Все-е-е!!!

Ведьма посмотрела на золотые кольца в одной руке, пошарила другой в ящике с купюрами. Потом наклонилась, выдвинула нижний ящик и вытащила из него длинный кухонный нож. Повернула руку, примериваясь.

– Ну и куда нужно капать кровью?

– Не твоей… – вкрадчиво сообщил Пустынник. – Его кровью… Я привязан к нему заклятием. Он должен умереть – или я стану вечно волочиться за ним. Ты скрепишь договор его кровью и получишь этот мир в плату за мою свободу.

– Убить? – растерялась Виктория. – Но это…

– Или я исчезну вместе с ним, – немедленно напомнил колдун. – И заберу все! Все свои подарки. А на тебе оставлю свое проклятие… Ну же, ты хочешь лишиться всего? Иди и убей его!

Девица отрицательно покачала головой, однако к мороку подошла, остановившись за его спиной. Пустынник выдернул с книжной полки какую-то брошюру, двинулся следом. Ведьма колебалась.

– Ты хочешь стать знаменитой и богатой? Хочешь быть могучей и независимой? – горячо зашептал колдун. – Ты хочешь получить мир или остаться дохлым стручком? – И гаркнул в ухо: – Бей!!

Ведьма размахнулась и несколько раз ударила морок ножом в спину – Пустынник еле успевал подставлять брошюру, чтобы девица ощущала в руке сопротивление. Морок застонал, словно попавшая под каблук клизма, взмахнул руками и завалился вдоль шкафа.

– А-а! – откинула от себя нож девица и попятилась к стене. – Я… Я убила его!

– Вы поступили правильно, госпожа, – перевел дух Пустынник. – Но теперь нужно избавиться от трупа. У вас есть соль и перец? Я научу вас одному древнему заклинанию.

Хозяйка выскочила за дверь, а колдун облегченно отер пот со лба, отошел к окну и выбросил изрезанную книжонку во двор. Теперь для полноты картины, чтобы ведьма окончательно уверовала в свои новые возможности, оставалось сотворить некое чародейство – и Виктория окончательно станет верной рабыней «демона из шара».

– Вот… – вернулась назад девица, неся солонку и пакет черного перца. Она осторожно протиснулась мимо морока, под

которым растекалась кровавая лужа, положила все на стол.

– У меня нет рук. – Пустынник устал таинственно шептать и говорил почти нормальным голосом. – Ты сделаешь зелье сама. Высыпай все на стол. Теперь смешивай, ухватывая щепотки того и другого одновременно обеими руками и ссыпая в одно место. Еще, еще, еще… Теперь произноси заклинание. Повторяй его за мной вслух: «Етевс молеб ан вокаруд огонм!!!».

– Етевс молеб ан вокаруд огонм! – послушно произнесла ведьма.

– Теперь посыпь этим порошком труп.

Виктория сгребла едкую смесь на ладонь, отошла к двери и, зажмурясь, развеяла над мороком. От того вверх поползли струйки дыма, «труп» стал уменьшаться, уменьшаться, пока не исчез совсем.

– Есть! – радостно закричала ведьма. – Есть, у меня получилось! Есть, есть, есть!

Она радостно закружилась по комнате, потом подбежала к столу, запустила руки в россыпь купюр, вскинула их над собой. Торопливо напялила все три перстня на пальцы, недовольно сморщилась:

– Они мне все велики, демон!

– Когда ты станешь править миром, выберешь себе любые, – едва не сплюнул от раздражения Пустынник. – У тебя уже сейчас столько денег, что можешь купить себе любые украшения!

– Сколько же их здесь? – принялась собирать разбросанные бумажки Виктория. – На французский «Парфюм» хватит? И джинсы мне тут предлагали купить.

– Антарес Скорпиона входит во врата льва, госпожа, – зевнул колдун. – Звезды запрещают мне пребывание на Земле. Я должен скрыться.

– Стой! – обернулась к шару девица. – А как же клятва? Как же все, что ты мне обещал?!

– Я все исполню, госпожа. – Пустынник забрался на подоконник, свесил ноги наружу. Второй этаж, ерунда. – Я вернусь после перехода хвоста Алькора через зенит, завтра днем. И помогу тебе достичь величия. Носи шар с собой, чтобы я мог говорить с тобой, госпожа…

Колдун спрыгнул вниз, сразу отодвинулся чуть в сторону, чтобы следом ничего не свалилось на голову, нырнул в арку, здесь стряхнул невидимость и неспешным шагом вышел на улицу. Имея в руках такую охапку денег, сегодня ведьма все равно не сможет думать ни о чем нужном. Пусть денек перебесится, а охоту не поздно начать и завтра.

Солнце стояло высоко, поэтому Пустынник проскочил по

практически свободной набережной до Смольного, остановился на площади перед собором и до перерыва на обед еще успел сбегать в цветочный магазин, обосновавшийся в огромной оранжерее на углу Таврического сада. Пробежался по первому и второму этажу, мимоходом ополоснув в фонтане руки и лицо, подошел к продавщице, указал на большую корзину у стены:

– Соберите мне, пожалуйста, букет из двух красных роз, двух белых и одной желтой.

– Конечно! – Розовощекая пампушка принялась осторожно выдергивать цветы. – Ваш выбор похож на объяснение, молодой человек. Красный цвет – это цвет любви, белый – цвет памяти. Значит, вы любите ее и всегда будете о ней помнить. Вот только зачем желтый? Ведь желтый – это цвет измены. Давайте я вместо него…

– Желтый цвет – это цвет не измены, а цвет солнца, – перебил продавщицу Пустынник. – Моя избранница прекрасна, как солнце, как лето, как ранний рассвет, и хоть один цветок из букета должен напоминать ей об этом.

– О, как это романтично, – завернула женщина цветы в шелестящую коричневую бумагу. – Жалко, что у вас уже есть избранница. С вас семьдесят пять тысяч за романтику.

– Спасибо. – Колдун отдал ей деньги. – Скажите, а мандрагоры у вас случайно нет?

– Ого, – удивилась толстушка. – Неужели вам нужно приворотное зелье?

– Мне нравится, как она цветет, – с предельной корректностью ответил Пустынник.

– Странно, – пожала плечами продавщица. – Первый раз слышу, чтобы «прыгающим корнем» кто-то интересовался ради его цветков. Впрочем, вряд ли вам удастся его купить, молодой человек. Во-первых, мандрагора чрезвычайно ядовита и к свободной продаже запрещена. Во-вторых – она занесена в Красную книгу со всеми вытекающими последствиями. Так что если вы хотите на нее посмотреть, то только в Ботаническом саду.

– В Ботаническом саду? Спасибо большое, именно так я и поступлю.

– Не за что, – хмыкнула женщина. – Тем более что в октябре не цветет уже ничего. Даже мандрагора.

– Зато в октябре на ней вызревают яблоки, – любезно сообщил Пустынник, прихватил букет и быстрым шагом направился к Союзу потребителей.

К тому времени, когда он дошел до машины, Татьяна стояла уже рядом с «восьмеркой», обиженно оглядываясь по сторонам. Однако при виде букета на губах ее появилась улыбка:

– Зачем же… Спасибо. А я на обед вышла, смотрю – машина стоит. А тебя почему-то нет.

– Я есть! – щелкнул каблуками Пустынник и выпятил грудь. – Как я могу не быть рядом с тобой? Если я не вижу тебя несколько часов, мне уже становится тоскливо. Если я не увижу тебя целый день, то наверное, умру сразу.

– А кстати, сколько тебе лет? – поинтересовалась женщина.

– Да кто же их считает? – уже в который раз увильнул от ответа колдун. – Скажи, ты очень голодна?

– Ну-у, не знаю, – неуверенно ответила Таня. – А что?

– Ты можешь мне показать, где находится Ботанический сад?

– У меня обед всего один час.

– Я сделаю так, что про тебя никто не вспомнит.

– Но ведь это нечестно! Все будут работать, а я – гулять.

– А что, разве ты часто так поступаешь? – удивился Пустынник. – Подумаешь, отдохнешь немного раз в месяц. Ты сама-то когда была последний раз в Ботаническом саду?

Женщина подумала, загибая пальцы, потом махнула рукой:

– Ладно, совратитель, возьму грех на душу. Но только в первый и последний раз!

– В первый раз все так говорят, – тихо отметил колдун, открывая машину.

– Что-о?

– Ничего, – улыбнулся Пустынник, распахивая перед ней дверцу. – Послышалось.

Экскурсии по оранжереям отправлялись каждый час. Касса и вход в них располагались в низкой, серой бетонной арке, пропахшей всем, чем обычно пахнут арки полузаброшенных проходных дворов, и Пустынник уже было испугался, что напрасно тратит время – но едва они с небольшой группкой любопытных подростков прошли в дверь, обшитую узкой крашеной рейкой, как он изумленно ахнул, в очередной раз признав, что в России сплошь и рядом в самой непрезентабельной оболочке хранится настоящее, недоступное более никому, сокровище. Никакой охраны, никаких смотрителей – и все же тут и там нежились во влажной духоте растения из самых дальних уголков планеты, многие из которых по возрасту превосходили не только людей, когда-то их сюда привезших, но и страны, появившиеся на родине зеленых путешественников.

Когда Пустынник забегал в оранжерею Таврического сада – она показалась ему огромной. Но размах Петербургского Ботанического сада просто превосходил всякие мыслимые размеры. Широкие застекленные аллеи прорезали оживленный

лесопарк, окружали древнее здание института, сходились к стеклянному многограннику, никак не меньше двадцати метров шириной и высотой под четырехэтажный дом.

Впрочем, пальмы и бамбук, росшие в этом секторе, все равно дотягивались до самой крыши и норовили высунуть листья в приоткрытые вентиляционные окна.

– Итак, дорогие друзья, вам это ничего не напоминает? – Паренек лет двадцати, который вел экскурсию, остановился у подпирающей потолок пальмы, небрежно похлопав ее мохнатую кору. – Что скажете? Ведь с этой красавицей знаком каждый из вас! А в ответ тишина… Ладно, даю подсказку: юкка, семейство агавовых, по прозвищу «слоновое дерево». Растет, естественно, только там, где слонов никто никогда не видел. А именно – в Северной и Центральной Америке. Все равно не узнаете? Ладно, тогда давайте опустим наши взгляды от ее макушки себе на ноги. Что видим? Правильно, мы видим джинсы самых разных фасонов. А знаете ли вы, друзья мои, что самые настоящие, качественные джинсы изготавливаются непременно с добавлением волокон этого растения? Прочность волокон юкки может поспорить со стальными тросами, а то, может быть, и с прочностью паутины. Причем юкка, в отличие от стали, не ржавеет и не ломается. Поэтому хотя бы пять-десять процентов ее нитей добавляют даже в поддельные джинсы. Во всяком случае, в качественные подделки. Теперь давайте повернемся к нашему скромному прудику и взглянем на очень милое растение, воспетое в стихах одного советского поэта: «Он растет, боясь мороза, у папы с мамой на виду, как растение мимоза в ботаническом саду». Только очень вас прошу, не надо эти листья трогать. Почему? Смотрите сами…

Экскурсовод наклонился, шлепнул по одной веточке – и листья мгновенно скукожились, словно завяли. Он коснулся другой – ветка обвисла, словно обожженная огнем. Тронул третью – тот же эффект. Через секунду сочный, цветущий куст начал напоминать лапы дохлого паука.

– Собственно, именно за такое поведение мимоза и получила название «Недотрога», – сделал вывод паренек. – И трогать ее ни в коем случае не следует. Рядом же с нею у нас растет маранта, она же – маранта трехцветная. Снаружи ее лист зеленый, посередине проходит белая полоска, а кровеносные сосуды ярко-красные… Тьфу, чего я говорю, – спохватился экскурсовод. – Разумеется, никакие не сосуды, а просто прожилочки. И тем не менее травка эта отличается крайней религиозностью. Каждый вечер, в час вечерней молитвы, она прекращает всяческие работы по поглощению света и выработке дивинилхлорофиллов,

поднимает листочки к небу, словно сложенные вместе ладони, и пребывает в таком виде до самого часа утренней молитвы. Рядом же с этим наихристианнейшим из растений растет у нас его полный антипод, – указал экскурсовод на низкую могучую розетку почти метрового диаметра из сочной мясистой зелени, в которой проглядывали ярко-оранжевые плоды, похожие на дикие яблочки, но прикрытые околоплодными листочками, как у лесных орехов. – Наверное, это самое знаменитое из всех существующих ныне трав.

– Мандрагора, – пробормотал Пустынник, пожирая глазами заветный куст.

– Она самая! – одобрительно хлопнул в ладоши экскурсовод. – Мандрагора лекарственная, семейства пасленовых, собственной персоной. Пользуется просто поразительным вниманием человечества много тысяч лет. Ее кусочки находили в захоронениях древнего Вавилона, древнего Египта, древнего Рима. В старые добрые времена она считалась исключительнейшим афродизиаком, и с ее помощью можно было насмерть приворожить к себе кого угодно.

– Интересно, – негромко поинтересовалась Таня. – А приворожить ею сильного и умелого колдуна тоже возможно?

– Кого угодно, – развел руками студент, – но боюсь, сударыня, вам придется столкнуться с непредвиденными трудностями. Дело в том, что, по поверью, добыть корень мандрагоры не так-то просто. Прикосновение к нему, согласно поверьям, приводит к проклятью и быстрой смерти осквернителя. А готовить зелье нужно именно из корня. В древности, кстати, существовала целая профессия: ризотомисты. Это люди, которые жили тем, что добывали наши милые корешки. При извлечении из земли мандрагора, как известно, вопит так, что способна криком убить человека. Поэтому растение привязывали к хвосту собаки, потом ризотомист отходил подальше и начинал трубить в охотничий рог, пугая собаку и заглушая крики растения.

– Как же вы его пересаживаете, раз оно такое опасное? – поинтересовалась девушка из группы.

– Мы всегда готовы пожертвовать собой ради науки, сударыня, – не моргнув глазом, ответил экскурсовод. – Так, недавно, дабы проверить непревзойденную ядовитость яблок мандрагоры, две студентки скушали по несколько штук, дабы свести счеты с жизнью от несчастной любви. В результате они почти сутки провели рядом на жестких белых сиденьях в маленьких комнатках и остались живы. Правда, вся любовная страсть улетучилась из них без малейшего следа. А пересаживаем мы эту травку только в перчатках, и только в наушниках, под

музыку «ДДТ». Другая, знаете ли, от криков мандрагоры не спасает.

– Чтобы мандрагора приобрела магические качества, – не выдержал Пустынник, – ее следует полить одной физиологической жидкостью. Не станем при женщинах пояснять, какой.

– Вряд ли это сможет что-то изменить в свойствах растения, – рассудил экскурсовод. – Хотя, нужно признать, оно и без того достаточно уникально по своим свойствам. Все его части содержат алкалоиды гиосциамин и скополамин, обладающие болеутоляющим и спазмолитическим действием. Еще с древних времен мандрагору использовали для этих целей, а также как снотворное, о чем писали Гиппократ и Теофраст. В народной медицине, до появления современных, не менее эффективных, лекарств, настойка из корня мандрагоры применялась при коликах и язве желудка, астме, сенной лихорадке и коклюше. Но вот что касается «свечей дьявола», то многочисленные наблюдения такого эффекта не зафиксировали.

– Каких свечей? – поинтересовалась та же девушка.

– Христианские миссионеры в Аравии утверждали, что мандрагора светится в темноте и что по этому признаку ее отыскивают местные колдуны.

– Правильно политая мандрагора, – уточнил Пустынник. – Дело в том, что эта трава наиболее близка человеку по своему строению. Поэтому совмещение семян приводит к поистине невероятным результатам.

– Какое совмещение?! – возмутился экскурсовод. – Какое, к Линнею, может быть совмещение между человеком и травой? Между растением и животным. Ведь это не то, что разные виды, даже не классы, это вообще… гетеротрофы![19]

– Вы слишком большое значение придаете всякого рода классам, видам и типам, – пожал плечами колдун. – Все это хорошо в теории. Но когда дело доходит до практики, тут же выясняется, что генетически и по строению органов для пересадок наиболее близки к людям не обезьяны из отряда приматов, а свиньи из семейства парнокопытных. Что же касается энергетики, то тут нам ближе даже не животные, а именно кое-кто из растений.

– Оригинальная теория, – усмехнулся экскурсовод. – Обязательно изложу ее нашему профессору. И, кстати, с одним из ваших постулатов я готов согласиться прямо сейчас. В нашем мире действительно немало людей, которые произошли именно от свиней, а не от кого-то еще. А еще я могу показать вам, дорогие друзья, от какого из растений произошли снайперы, –

развернулся молодой человек и пошел по зеленому коридору между папоротниками, камышами, монстерами и всевозможными пасленами. – Стреляет это растение пока еще не очень точно, но зато обладает уникальной дальнобойностью. Знакомьтесь: молочай гребенчатый…

Паренек вел свое повествование с таким живым воодушевлением, что экскурсанты двигались за ним, как завороженные, и Пустыннику, чтобы наклониться, быстро сорвать одно из яблок мандрагоры и опустить его в карман, не пришлось даже никому отводить глаза.

Да, разумеется, эту мандрагору никто не поливал семенем, не пытался инициировать, она была не очень сильна в воздействии на человека, а ее плоды – почти не ядовиты. Однако ее семена, равно как и семена прочих растений, имели замечательное свойство накапливать в себе солидный запас питательных веществ и практически неограниченное количество живой энергии. И что самое главное – яблоки мандрагоры могли запасать человеческую энергию! Достаточно всего лишь спрятать его рядом с постелью – и каждый сексуальный взрыв будет оставлять в ней свою немалую частицу.

Верховье Волхова.

Зима 2408 года до н. э.

Город открылся неожиданно. На тридцатый день своего одинокого перехода жрец вдруг обнаружил цепочку следов – овальных, не звериных, – двинулся по ним, рассчитывая на близкую поживу и ночлег возле теплой печи. Он глядел все под ноги, пока вдруг, подняв зачем-то голову, не обнаружил впереди длинную стену заостренных бревен, поднимающуюся над землей на высоту не меньше пяти человеческих ростов. И частокол, и склон перед ним сверкали толстой ледяной коркой, способной без труда остановить и зверя, и человека.

– От кого же они так берегутся? – удивился Изекиль, скидывая с головы капюшон. – Окрест никаких племен на полста дней пути.

Размеры поселения вызывали у него уважение. Это, конечно, не великие города Кемета – но найти среди диких северных снегов даже крепость средних размеров казалось невероятным. Зачем она здесь нужна? Кто кинется на эти скользкие отвесы? Если крепость ограждала северные рубежи какой-либо державы – то от кого? Кто станет угрожать государству, способному

воздвигать подобные крепости? Ведь это не сотня дикарей, рассеянная среди чащоб, делающая ножи и наконечники копий из камня или кости и не умеющая даже прясть лен! А если сильный враг южнее – то кого защищает твердыня? Ведь не жалкая же кучка закутанных в шкуры смертных поставила здесь целый город!

Жрец долго размышлял, оглядывая белый, совсем еще новенький тын, потом взмахнул рукой, бормоча заклинание на отвод глаз, и неторопливо направился к смотрящим на юг воротам, от которых разбегалось множество тропинок и к ровной заснеженной глади впереди, и к нескольким прорубям на самой стремнине реки. Там и сейчас кипела работа: полтора десятка мужчин в длинных робах из покрытой темными пятнами кожи ширкали лед какими-то блестящими полотнами, выворачивали полупрозрачные кубы, а еще двое перекидывали их на странные повозки с полозьями вместо колес и утаскивали в сторону города. Под стенами на берегу, присыпанные снегом, лежали продолговатые предметы, в которых жрец без труда узнал простенькие дикарские лодки и еще несколько заметно более крупных кораблей.

– Тут должно обитать тысяч десять смертных, – тихо прикинул служитель Аментет. – Бабы, дети, старики… Мужчин крепость способна выставить тысячи две. Всех забрать не удастся, но и десять сотен для начала неплохо.

По коже поползли мурашки. Нет, не от холода – впервые за несчитанные десятилетия Изекиль ощутил, как близка его цель. Десять сотен воинов – это, конечно, мало, чтобы покорить Кемет, но вполне достаточно, чтобы составить костяк могучего, несокрушимого войска. Когда он явится в очередную страну с таким отрядом за спиной – ему уже никто не рискнет предложить развлекать смертных на базарной площади за долю в прибылях или прислуживать во время богослужений другим жрецам. Его не смогут, воспользовавшись усталостью или минутной заминкой, бросить в темницу или порезать на куски, не посмеют обманывать или угрожать. Он избавится от огромного количества мелких опасностей – ему останется только покорять. Покорять с помощью своей мудрости и знаний державу за державой, пока все они не соберутся в единое целое и не склонят свои колени перед всесильной Аментет, величайшей из богинь этого и небесного мира. Остался сущий пустяк: склонить здешнего правителя к вере в богиню смерти, показать ее могущество – тогда Изекиль сможет начать свой путь на юг, к родным берегам и древним храмам.

Жрец обошел полыньи ближе к противоположному берегу, сломил покрытый инеем, гибкий ивовый прут, после чего,

нахлестывая себя и бормоча заговор на невидимость, пересек реку и пробился к дороге, остановившись в полусотне шагов от ворот. Перед створками стояли двое стражников – с круглыми, раскрашенными в крест щитами возле ног, толстыми прочными копьями со сверкающими бронзой наконечниками в руках, с мечами и ножами на поясе.

Да, это были настоящие воины! С такими не стыдно показаться ни в Кемете, ни в окрестных странах. И пусть они носят длинные меховые балахоны из рыси и лисьи шапки, пусть на ногах у них вместо изящных сандалий грубые сапоги – важно не это. В холодных землях все равно не выжить без подобных дикарских костюмов. Важно, что они имеют оружие, пригодное не для охоты, а только для боя с себе подобными; важно то, что они несут воинскую службу – а не выскакивают сонные из землянок, когда вождь начинает вдруг орать о приближающейся опасности. Это были настоящие бойцы, а не пахари или охотники, которым по нужде сунули в руки топоры и послали воевать.

Изекиль двинулся к воротам, но не прошел и десяти шагов, как стражники вдруг схватились за щиты и оружие, с ужасом глядя прямо на него. В первый миг жрец даже испугался, что его магия не действует и смертные его видят. Он остановился, улыбнулся, отбросил прут и вскинул руки, показывая, что у него нет оружия. Однако на жесты воины не отреагировали никак и, продолжая глядеть ему под ноги, стали медленно подступать, опустив копья.

Жрец тоже глянул вниз… и тихо выругался. Разумеется, он оставался невидим – но следы, следы! По снегу тянулась череда четких свежих отпечатков от реки почти до самых ворот. Изекиль вздохнул и закрутил пальцем, отдавая свои, и без того совсем слабые, силы ветру. На дороге закружился снежный вихрь, скатился на реку, с лихим посвистом пробившись через низкие кусты, и помчался по насту, заравнивая снежный покров.

Стражники попятились, глядя, как качающийся смерч поднимается на дорогу, не оставляя, а заметая следы перед собой. Остановился посередине натоптанной тропы, словно раздумывая – и двинулся к воротам.

– Хват?! – испуганно оглянулся один на другого.

– На пику, на пику бери, – посоветовал тот, сплюнул чуть в сторону и нацелился острым наконечником в смерч на уровень груди. – Супротив бронзы у духов силы нет!

Однако в последний момент вихрь поднырнул ему под копье – и рассыпался.

– Ну видал? – гордо поинтересовался Хват, поднимая оружие острием вверх. – Мимо меня ни человеку, ни зверю, ни

колдовству прохода нет!

Изекиль, что уже стоял у него за спиной, криво усмехнулся и двинулся по центральной улице странного, совсем не похожего на кеметские, городка.

Крыши всех строений здесь были не ровные, а скошенные на одну или две стороны. Выйти на них поздним вечером было невозможно – да и некуда, судя по количеству снега, что скопился на кровлях. У многих домов из окошек на самом верху стен струился дымок. Сизый и полупрозрачный – похоже, здешние обитатели умели отличать сырые дрова от сухих.

Большинство строений, сбившиеся в небольшие кучки, были огорожены частоколом из тонких, с ладонь, и невысоких, роста в полтора, жердей. Из-за этих стен доносилось мычание, блеяние, кудахтанье, детские и женские голоса. Здешние смертные явно не нищенствовали и хозяйство вели весьма разнообразное.

Интересно, это все-таки самостоятельный город или окраина крупной державы?

У жреца появился соблазн найти какого-нибудь воина и выпить его душу, восстановив силы, а заодно узнав все про здешние места. Однако служитель Аментет тут же отказался от подобной идеи: труп неминуемо вызовет тревогу, и в таких обстоятельствах неизвестный гость немедленно попадет под подозрение. Придется выведывать все медленно, по частям. Или… Или сразу потребовать от города покорности – и тогда все прочее окажется второстепенным! Где искать здешнего правителя, Изекиль уже знал: кому еще может принадлежать единственный двухэтажный дом, к тому же возвышающийся в самом центре крепости?

Сохраняя невидимость, Изекиль без труда вошел в распахнутые ворота двора здешнего номарха, поднялся на высокое крыльцо перед дверью, дождался, пока изнутри выскочил какой-то мальчишка, сам скользнул внутрь. Неслышно прошелся по комнатам.

Да, разумеется, это был не Кемет. Дикари не имели никакого понятия о красоте и удобстве. Грубо сколоченные столы, лавки, ящики для вещей. Всюду шкуры – висят на стенах, валяются на полу, укрывают постели и табуреты. Посуда – только деревянная и серебряная, с потугой на чеканку. До высот истинной цивилизации здешним обитателям еще расти и расти.

Впрочем, в чем дикарям нельзя было отказать – так это в отличном оружии. Оно висело на стенах почти во всех комнатах, лежало в ящиках, таилось на полках у двери, в проемах у лестницы, дожидалось своего часа в углу одной из комнат второго этажа. Топорики на длинных рукоятях, тяжелые мечи и

ножи размером с ладонь. Пучки стрел, перевязанные тонкими веревками – причем все с прочными бронзовыми наконечниками. И, конечно, копья – копья боевые и охотничьи, копья метательные и строевые. Такого количества самой разной бронзы, да такой качественной ковки Изекиль не видел даже в мастерских на берегах Нила.

Узнать правителя особого труда тоже не составило – лет двадцати, голубоглазый, с курчавой бородкой с проседью, он единственный в доме носил на шее золотое кольцо и пару крупных перстней; широкий пояс его был украшен темными медными пластинами, а мягкие сапоги пугали пурпурно-кровавым цветом.

К приходу жреца он как раз уселся обедать. За столом слева от него ела с серебряного блюда кусочки мяса бледная круглолицая женщина с длинными, заплетенными в косу волосами. Под глазами ее залегла синева, какая случается от постоянного недосыпа, на шее виднелось небольшое багровое пятно, словно от укуса. Наверное, жена. Справа торопливо черпал из деревянной миски какое-то варево плечистый паренек лет пятнадцати, тоже голубоглазый, и тоже с поясом, украшенным пластинами. Это, видимо, сын. А две девчонки-малявки ниже по столу – дочери.

Из комнаты за стенкой внезапно послышался громкий плач. Женщина моментально вскочила:

– Прости, любимый… – скользнула она ладонью по плечу номарха и выскочила прочь.

– Благодарствую, батюшка, – отодвинул опустошенную миску паренек. – Дозволь на реку пойти?

– Иди, Волхов, – кивнул правитель. – Коли ледник заполнен, мужей позови у нас поснедать. По домам-то их пока не ждут. Пусть медку хмельного выпьют для согрева.

– Мы к маме пойдем, пойдем… – почти хором спросили девочки.

– Бегите, пигалицы, – разрешил отец.

В трапезной стало тихо. Номарх придвинул к себе высокий медный кубок, налил в него из крынки какой-то густой желтый напиток, поднес к губам и сделал несколько глотков. На густых усах и бороде повисли белые клочья пены.

«Пора!» – решил жрец и отер лицо, словно собирая невидимость в ладонь и стряхивая ее на пол. Сухощавая фигура, прикрытая темной тканью, начала проявляться, сверху вниз, от лица к плечам, пока служитель богини смерти не предстал перед местным правителем целиком.

Номарх поднял на него тяжелый взгляд. Не проявив особого

удивления, осушил кубок и грохнул им о стол:

– А ты еще кто такой, и почто без спросу в дом чужой явился?

– Я послан к тебе верховной богиней этого мира, смертный, дабы ее милостью привести тебя к высотам власти над всеми землями! – гордо объявил Изекиль. – Власть и сила ее безграничны, и, служа велениям ее, ты сможешь одолеть любого врага и перешагнуть любые беды.

– Ты явился не по месту, шаман, – спокойно сообщил номарх. – Все мы, сколоты – потомки Сварога, внуки Дажбога[20]. Иных богов мы не ищем и не признаем. Ступай отсюда.

– Ты не понял меня, дикарь, – придвинулся ближе Изекиль. – Я предлагаю тебе покровительство истинной богини, а не каких-то там идолов. Могущественнейшей богини!

– Ты чего, глухой? – удивился Словен. – У нас есть вера отцов наших и дедов, покровительство предков наших. В их родах мы родились, в их родах и умрем, но родных богов, что веками народы наши берегут, не отринем.

– Ты не понял! – резко выдохнул Изекиль, взмахивая руками, и оба они рухнули в огненную бездну. Для северного дикаря он выбрал не просто бездонную пропасть, а именно пламя, огромный бескрайний костер, в который тот мог падать всю свою жизнь, пока не признает силу жреца великой богини.

– Великий… Сварог… – Номарх потерял равновесие, но как-то извернулся, рванул нож с пояса. – Предков… не предам…

Изекиль понял, что сейчас его попытаются ударить прочным бронзовым клинком, и немедленно рассыпал свое тело, растек его огромной огненной рожей. Полыхающие веки распахнулись в десять локтей, огненный нос возделся, как скала, пламенные губы скривились в торжествующей улыбке и громогласно произнесли:

– Признаешь ли ты власть над собой всесильной Аментет, хозяйки Небесного храма, повелительницы Дуата!

– Мы дети Сварога, и иных предков не признаем, демон!

– Ты ищешь смерти, номарх? – расширил на полнеба свое лицо Изекиль и приблизил его к дикарю. – Тебе даруют власть над миром! А ты ищешь кары. Выбирай – могущество или смерть?!

– Лучше смерть, чем предательство, – взмахнул ножом Словен, попытавшись дотянуться до невероятного врага. – Стража!!!

– Ш-ш-шардан… – выругался жрец, сообразив, что, выдернув правителя дикарей в мир магии, тело свое он оставил в комнате безо всякой защиты, и резко метнулся назад.

Огненная пропасть исчезла – Словен, с ножом в вытянутой руке оказался на стуле, а служитель Небесного храма по-

прежнему стоял перед ним, рядом с неубранным столом. В дверь вбежали человек пять дворни с мечами и топорами. Изекиль ощутил, как в бока уткнулись острые клинки, и замер. Одно движение – и его изрубят в куски.

– Что делать с ним, князь? – спросил один из стражников, прибежавший со щитом и копьем.

Словен рывком поднялся, спрятал нож, схватил лежащий на ящике в углу меч, выдернул из ножен, подступил ближе и прижал лезвие к горлу незваного гостя:

– Ну что теперь скажешь, шаман?

Изекиль встретился с ним взглядом. Да, конечно, дикаря можно уничтожить: рвануться вперед, впиться в губы, выдергивая из тела жизнь и души. Можно перебить и этих несчастных, что так уверены в своих силах. Подумаешь, бронза – десяток ран он переживет. Однако на шум прибегут еще и еще смертные. Всем сразу глаза не отведешь, всех одновременно не выпьешь и даже не убьешь. Кто-то может оказаться излишне ловким и отрубить руку или ногу, а то и голову – удастся ли потом исцелить тело? К тому же он пришел сюда не для того, чтобы истребить этих смертных. Он пришел покорить дикарей, сделать их своими слугами и воинами. Не стоит начинать знакомство со смерти – братья, дети, отцы убитых вряд ли станут надежными телохранителями.

Жрец сглотнул и, несмотря на прижатый к горлу меч, поклонился:

– Прости меня, князь. Я пришел рассказать тебе о своей вере и о своей богине. Я не знаю иной повелительницы, которой мог бы поклоняться, и был уверен, что ты разделишь мое восхищение перед ней. Я прошу милости, князь. Я прошу разрешения остаться и рассказывать твоим подданным о своей вере, помогать им именем своей богини, лечить их и оберегать ее именем.

– Больше так не поступай, шаман. – Словен сильнее прижал меч к его горлу. – Никогда так не делай…

Неожиданно он отступил, опустил оружие:

– Отпустите его, братья. А ты слушай меня, шаман. Мы пришли сюда с миром и не ищем ссор с вашими богами. Пойди в наше святилище у Земного дуба, расскажи волхвам о своей богине, покажи им то же, что и мне, и, может быть, они позволят тебе поставить своего идола рядом с нашими. Я дозволяю тебе жить в городе своем и окрестных землях, рассказывать о своей богине и помогать ее именем. И если кто-то пожелает приносить ей дары – не будет им за то никакой кары. Но берегись пугать мужей из моих родов и отговаривать их от веры отцов. Гнев их окажется страшным, и защиты от него ты у меня не ищи.

– Благодарю, князь, – не поленился еще раз поклониться

Изекиль, старательно выговаривая непривычное звание дикарского правителя. – Ты не пожалеешь о своей милости…

Именно так, согнувшись, он и вышел из трапезной, только за дверьми расправив плечи:

«Смертные наивны и самоуверенны, – усмехнулся он. – Нет, я не стану истреблять их или искать другие города. Я сделаю своими рабами именно этих людишек. Уже через год они станут целовать мне ноги да носить каждое найденное зернышко на алтарь Небесного храма. А потом я сделаю рабами их соседей. А потом соседей их соседей. И так до тех пор, пока все смертные не забудут имена каких бы то ни было богов, кроме всесильной Аментет».

Санкт-Петербург, Финская улица.

5 октября 1995 года. 11:10

Пустынник притормозил перед входом в арку, огляделся по сторонам, достал свой хрустальный шар с небольшим отростком внизу – добыть себе нормальный он все еще не удосужился, – сосредоточился, глядя в глянцевую поверхность и представляя себе Викторию. Ведьма, что находилась совсем рядом, проявилась перед ним почти сразу – в новеньких джинсах и махровом бадлоне, тщательно подчеркивающем плоскоту ее груди и выпирающие наружу кости. В ушах девицы болтались серьги из золотых цепочек, собранных в пучки, с шеи свисало массивное ожерелье, на запястьях красовались широкие браслеты.

Колдун вздохнул. Хотя, с другой стороны – чего еще он ожидал? Нищенка дорвалась до денег. Интересно, ей удалось спустить все за один день? Пустынник наклонился к шару и тихо позвал:

– Госпожа-а… Госпожа-а… Это я, твой раб…

Ведьма закрутилась – видимо, в поисках шара, – и маг тут же накинул на себя маску краснолицого демона. Ведь, как только она найдет наиболее известный колдовской атрибут, контакт станет полностью обоюдным и Виктория увидит его так же, как и он ее.

– Госпожа, Козерог открыл врата Венериной геммы, и я опять могу лицезреть тебя.

– Это ты, демон? – Голос ведьмы стал громким и чистым. Значит, она нашла свою игрушку.

– Это я, госпожа. Сейчас я должен открыть тебе тайну творения основных магических ритуалов, дать тебе силы для борьбы и первые уроки магии.

– В другой раз, раб, – небрежно отмахнулась ведьма. – Я занята. У меня тут еще столько всего неразобрано. Гуляй пока. Хотя нет. Знаешь, сотвори-ка мне пива!

«Ах ты зараза! – чуть не подавился от такой наглости Пустынник. – Она занята! Халявные деньги просаживает!»

– Твоя жизнь в опасности! – завопил он в чуть не в самый шар. – Твоя жизнь в опасности, госпожа! Все колдуны знают о моем побеге и охотятся за мной и моей хозяйкой. Ты должна научиться защищаться от них – или тебя сварят в кипящем масле! А меня опять запрут в чулан на двести лет и заставят каждый день пороть по двести грешников.

– Ты ничего не говорил про кипящее масло… – насторожилась ведьма.

– Тогда бы ты не стала мне помогать, – оскалился Пустынник. – За содействие бесам в побеге смертным полагается котел с кипящим маслом без права на умирание в первые полторы тысячи лет.

– Врешь!

– Ты не веришь в то, что я действительно беглец из преисподней? – Колдун рассмеялся. – Тебе было мало чудес? Деньги, золото, исчезновение мертвецов? Хорошо, будет тебе пиво. Сейчас, перед дверью сотворю. Бутылочка пива перед купанием в кипятке диво как хороша.

– Нет, я не согласна, – закрутила головой заметно побледневшая ведьма.

– Ты заключила договор!

– Ты меня обманул!

– Ну и что? – опять рассмеялся Пустынник. – Кто же из бесов со смертными честно договаривается?

– Сволочь!

Колдун зевнул, вышел из машины, быстрым шагом добежал до стоящего у перекрестка ларька, купил три бутылки «Оболони», повернул обратно к Финской улице. Теперь, когда девица достаточно напугана, нужно погладить ее по шерстке и дать пряник. А то как бы бунта не устроила или глупости какой не сотворила. Ведьма должна работать, а не закатывать истерики или вымаливать прощение в церкви.

– Договор остается в силе, госпожа. И не забудь, что я обещал сделать тебя самой сильной колдуньей на свете и помочь покорить всю планету, – начал наговаривать он в шар, держа его перед собой, словно микрофон. – Твое величие превзойдет власть фараонов и императоров, одного мановения твоей руки будет достаточно, чтобы уничтожать страны и возводить горные хребты. Я брошу к твоим ногам всех мужчин и женщин Вселенной. Твоя власть будет столь велика, что даже котел не покажется за нее непомерной платой. Хотя – зачем умирать? Бессмертию я тебя тоже научу. Но ты должна учиться! Ты должна победить ближайших магов, уничтожить их до того, как они истребят тебя! Место на самом верху только одно, госпожа. Если ты хочешь выжить, то должна пробить себе дорогу.

– Сволочь… – прозвучало в ушах, когда Пустынник уже поднимался по лестнице.

– Я научу тебя всему, что нужно, госпожа, – немедленно отозвался он. – Ты станешь властительницей мира, а я буду твоим первым из слуг.

Колдун поставил пиво на пол перед дверью, «отвел глаза» и позвонил в звонок ведьмы. Та выскочила уже через минуту,

глянула вверх и вниз по лестнице, пожала плечами, одну из бутылок открыла о перила, тут же выхлебала из горла и, опорожненную, оставила у окна, а две оставшиеся прихватила с собой в квартиру.

Разумеется, Пустынник был уже здесь. Войдя в комнату, он невольно охнул и зачесал в затылке. Жилище Виктории напоминало взрыв на складе супермаркета. Тут и там валялись пустые коробки – из-под электрочайников, кофеварок, тостеров. На спинках стульев висели куцые шубейки, не способные прикрыть даже задницу, пара кожаных костюмов, джинсовые куртки, огромный пуховик и множество всевозможных сорочек. Пол выстилало шелковое белье самых разных фасонов и расцветок. Похоже, девица потрудилась вчера изрядно: даже просто перетаскать столько барахла – и то требовалось немало сил и времени. Пустынник заметил на подоконнике шар, нацелился на него, фокусируя в стекло образ демона, сам прислонился к стене, дожидаясь хозяйку.

Та явилась с уже полупустой бутылкой, поставила ее в угол у двери, прошла в центр комнаты, на ходу стягивая бадлон, сняла со спинки стула кружевной пеньюарчик.

– Ты жить-то хочешь, госпожа?

Виктория вздрогнула, повернулась к шару:

– Чего тебе надо от меня, нечисть?

– Ты живешь во владениях Северного Правителя, госпожа. И он тебя уже ищет. Ты должна уничтожить его и стать Северной Правительницей вместо него. Тогда Хозяину справиться с тобой станет намного труднее.

– Ну и как мне это сделать?

– Я научу тебя, как правильно напускать порчу, госпожа. Семь раз ты навеешь на него порчу. После каждого с ним будут происходить беды, несчастья, накатывать волна невезения и болезней. После седьмого раза он не выдержит и потеряет бессмертие. Сгинет, будет уничтожен. По закону Иблиса ты займешь его место, ибо каждый, кто раньше подчинялся Правителю, будет знать, что ты справилась с тем, кто сильнее его. А значит, ты сильнее любого из его стаи.

– А где мне найти этого самого Северного Правителя?

– Каждый день его кортеж проезжает по набережной Невы. Черный джип в сопровождении двух «БМВ».

– Главный колдун ездит в джипе? – с изумлением переспросила шар девица. – С охраной на двух машинах?

– А ты думала, хозяин всех северных земель сидит в болоте и кушает лягушек? – передразнил Пустынник. – Да, на джипе ездит, в ресторане кушает, у лучших портных одевается, живет в

пентхаузе, с бассейном на крыше и видом на «Аврору».

– Да? – с полминуты переваривала такую новость Виктория, после чего аккуратно повесила пеньюар обратно на стул. – Ладно, учи.

– Сядь на постель. Лучше на колени, – с облегчением начал Пустынник. – Руки положи на колени, глаза закрой. Помни, ты часть этого мира, ты получаешь всю свою силу, свою энергию снаружи и выбрасываешь все лишнее обратно. Теперь дыши. Медленно, размеренно, спокойно. То, что ты вдыхаешь, аккуратно сматывай внутри себя на небольшой клубочек, а то, что соскальзывает с поверхности – выдыхай обратно. Дыши, дыши. Вдох через рот, выдох через нос. Вдох через рот, выдох через нос. Почувствуй, осознай внутри этот клубок, привыкни к нему, ощущай его постоянно. Это не есть твоя энергия, но близко к тому. На первых порах этот клубок позволит тебе ею управлять. Запомни: любое, абсолютно любое магическое воздействие – порча, благословение, наговор, заклятие – должно сопровождаться посылом в том же направлении твоей энергии. Или по ощущениям – частицы этого клубка. Твоя энергия есть овеществленный носитель твоей воли, твоей цели, твоего повеления. Поняла?

Ведьма неопределенно повела плечами.

– Ладно, все равно придется начинать, – не отступал колдун. – Или мы, или он. Сейчас приготовим заклятие для порчи. Нам нужны могильная земля, кармин, пыль следов жертвы. Пыль можно собрать с дороги, он там ездит каждый день. Кармин часто держат на кухне как красный пищевой краситель. У тебя есть?

Виктория опять повела плечами.

– А какие-нибудь сушеные жуки, тараканы, мухи? Это, в сущности, одно и то же.

– Дохлые мухи на кухне между стеклами есть. Наверное, уже год валяются, должны высохнуть.

– Кладбищенская земля?

– Тут Смоленское кладбище рядом.

– Это здорово. Лучше всего найти могилу с именем Анатолий.

Дальше все шло как по маслу. На кладбище Виктория проехала на трамвае – не появилась еще привычка чуть что «такси» ловить. Пустынник приказал размять щепоть земли, поставить в духовку на маленький огонек. Пока земля подсыхала, девица достала из рамы несколько невесомых ломких тараканов, невозмутимо растерла их в блюдечке чайной ложкой. Потом сбегала на набережную и, благо стояла сухая погода, набрала

горсть пыли с проезжей части – ее всегда хватает у каменных парапетов. К тому времени, когда она вернулась, земля превратилась в прах. Осталось только смешать компоненты…

– Зелье, которое готовится для любого обряда, должно израсходоваться полностью за обряд – иначе колдовство не подействует, – учил Пустынник, заглядывая на работу из-за ее плеча. – Поэтому возьми только небольшую щепоть, чтобы можно было сдуть за один раз. Пересыпь ее на бумажку. Правильно. Закрой глаза и начинай правильно дышать, наращивая клубок внутри себя, крути его в одну сторону, в другую. Чуть размотай, смотай. Попытайся втягивать нить клубка не через рот с дыханием, а через ладонь. Теперь так же выпусти обратно. Простри ладонь над порошком и, мысленно выпуская на него нить, читай: «Вас, нхатруни кла, онорига и хонти, призываю, вашей силой предрекаю. Возьмите себе свет дневной, сон ночной, возьмите крепость костяную и длину власяную, дыхание чистое, взгляд ясный, кошель полный, ум острый. Все возьмите, вдаль унесите. Оставьте мор и проказу, всяку заразу, ломоту и колоту, вместо сна зевоту. Рука моя мягка, словно мое – булат. Отныне, присно и вовеки веков. Аминь!»

Ведьма послушно повторила все до конца, после чего переспросила:

– А «аминь» для чего? Это же не молитва.

– Это символ окончания наговора во всякой магии, – ответил Пустынник. – Сворачивай аккуратно бумагу, возьмешь порошок с собой. Когда колдун поедет мимо, просто высыпи порошок на ладонь и сдуй в его сторону. Зелье само найдет цель. Собирайся, время выходить.

Через пять минут они были на набережной, а спустя еще минуту послышался знакомый шелест шин на крутых поворотах.

– Это он… – прошептал Пустынник и отошел от Виктории в сторону. Вряд ли заговор на отвод глаз сможет обмануть сильного и опытного мага.

Девица достала из кармана пакетик, аккуратно развернула, высыпала содержимое на ладонь.

Кавалькада, коротко вякнув сиреной, вылетела с линии на набережную, поравнявшись с ведьмой, и та сдула с руки наговоренную щепоть. Пустынник увидел на укрывающей джип сфере россыпь вспышек – похоже, заговор удался. Порча получилась – и была мгновенно спалена защитой. Первый выстрел схватки совершен. Однако машины, никак не отреагировав на нападение, умчались дальше.

– А когда я займу его место, машины тоже будут мои? – поинтересовалась Виктория.

– Конечно, – ответил колдун. – А теперь прошу прощения, госпожа. Врата звезд закрываются, и мне настала пора прятаться до завтрашнего утра.

Озеро Ильмень.

Весна 2408 года до н. э.

Треск в камышах заставил стаю уток взметнуться в воздух – и тут же им вслед промелькнули две стрелы. Одна ушла куда-то в зенит, вторая пробила коричневое, с зеленой головой и белым хвостиком тельце, и они вместе рухнули в воду. Кряквы, что-то возмущенно выкрикивая, описали широкий полукруг – через мгновение из камышей почти одновременно вылетели еще две стрелы. И опять только одна нашла свою цель. Стая, сделав правильный вывод, устремилась на открытый простор, а камыши затряслись, послышался плеск воды. Высокие стебли начали падать один за другим, выкладывая две извилистые дорожки. Послышался торжествующий крик, и одна дорожка целеустремленно повернула к берегу. Другая дошла до самого края зарослей, крайние камышины легли на воду, а следом выплыл паренек лет четырнадцати. В несколько гребков он достиг пронзенной стрелой тушки, схватил ее, на боку вернулся обратно, проломился через заросли шириной почти в двести саженей и, когда ему начало казаться, что камыши уже никогда не кончатся, выбрался на берег.

– Это тоже твой селезень, Волхов, – кинул он добычу такому же, полностью обнаженному, мальчишке, как и он сам, что складывал кипу прошлогоднего пересохшего камыша. – Как тебе удается стрелять так ловко?

– Это просто, Руви, – с улыбкой оглянулся тот. – Накладываешь стрелу на тетиву, хорошенько оттягиваешь и-и-и… Бумс! Накопай глины.

Волхов отошел к аккуратно сложенной одежде, из мешочка на ремне достал кресало, вернулся к соломе, принялся высекать искру. Потом начал старательно дуть, подсовывая тонко расщепленные стебли. Вскоре, разгораясь, жизнерадостно затрещал огонь. Паренек быстро накидал на кипу валежника, после чего присел рядом с приятелем, уже обмазывающим глиной одну из выпотрошенных тушек, взялся за другую и стал налеплять на нее слой за слоем сине-желтую грязь. К тому времени, когда они закончили свою работу, огонь уже жадно пожирал толстые сухие сучья. Комья с добычей ребята сунули в

пламя, накидали сверху еще хвороста, после чего начали одеваться – тела как раз успели просохнуть после лазанья среди прибрежных зарослей.

– Отец знает, где ты, Волхов? – спросил Руви, завязывая узел на удерживающей штаны веревке.

– Не-а, – ответил тот, уже натягивая сапоги. – Я ему поутру сказал: мол, на реку отлучусь, да и убег вот с тобой. – Ребята рассмеялись. – Бо совсем измучил отец. То ему припасы сочти и в свиток запиши, то у пристани за рыбаками проследи, то поста проверь, то глянь, сколько хлыстов привезли… Что ни день, то с рассвета до ночи бегать заставляет. А как роздых выдается – так с мечами махаться супротив меня начинает. Поверишь, к волхвам за грамотой на отдых прихожу. Как знаки выводить, слышу – а глаза слипаются, не видят ничего. От и порешил я в бега податься хоть на пару деньков.

– Ох, влетит тебе, как вернемся, – многообещающе покивал приятель. – Спужается за тебя отец. Слыхал, угры сказывают, мертвец бродячий в лесах объявился. Метохом они его кличут. Сказывают, в чей дом заглянет – так все и умирают мгновенно, не просыпаются боле. Пару раз поймать хотели, да не нашли, не выследили. Это, вроде как, охотник, в лесу померший. Тризну по нем не справили, самого не сожгли – от и бродит, покоя обрести не может.

– То нам не страшно, – отмахнулся княжич, однако порылся в мешочках, нашел и повесил на шею, на тонком ремешке, какую-то амулетку. – Метох-то твой, я слышал, токмо по ночам гуляет. А ныне день, светло. Костер догорает. Как мыслишь, запеклась уточка?

– Горячее сырым не бывает, – отозвался Руви. – Давай выкатывать, а то брюхо подвело.

Они кое-как добыли из груды горячих углей затвердевшие слипки, разломали их и с удовольствием вдохнули ударивший в нос влажный аромат.

– Соль давай!

– Погодь, сам поперва посолю… – Волхов щедрой рукой осыпал добычу серой крупнозернистой солью, отдал замшевый мешочек приятелю и принялся нетерпеливо рвать белую нежную плоть.

Вскоре все было закончено. Сытые приятели развалились в траве, щурясь на ласковое солнышко и стеблями молодой травы ковыряя в зубах.

– Как мыслишь, Волхов, удачно мы тут осели? – внезапно поинтересовался Руви. – Вроде, места больно дикие. Ни торговать не с кем, ни узнать чего интересного.

– То не знаю, – ответил ему приятель. – Что соседей нет – так то спать спокойнее. А что и река, и лес богатый, и озеро раздольное – так то здорово. В таком месте голодать стыдно. Я так скажу, за путь наш лучшего места для твердыни я не углядел.

– Здоровья вам, мои…

Мальчишки от неожиданности подпрыгнули, Волхов даже успел схватиться за лук – но оба тут же успокоились.

– А это ты, Черный волхв, – улегся обратно в траву княжич. – Поздновато ты прибрел к нашему огню. Не обессудь, угостить нечем. Только что все умяли.

– А мне мясо-то ни к чему, – ответил Изекиль, вороша груду костей кончиком посоха. – Мне бы пару косточек да пучок перьев, и ладно.

– Зачем тебе это, волхв? – опять приподнялся Волхов. – Никак для чародейства сбираешь?

– А тебе интересно? – покосился на него жрец. – А то показать могу, зачем нужны зелья некие.

– Ну покажи, – подобрал ноги, усаживаясь, княжич. – Могущества мне посулишь, али невесту красивую?

– Сам смотри, Волхов…

Изекиль уже успел обмотать кость утиной лопатки и несколько ее перьев камышовым стеблем, прицепил на кончик посоха, внес в угли, зажигая, а когда пламя полыхнуло – принялся окуривать черным дымком княжича, бормоча какие-то заклинания.

– Ты чего, волхв? – поморщился паренек, воротя нос, как вдруг…

Ветер ударил в лицо, щекотя шею и подпирая широко раскинутые руки, далеко внизу стремительно пробегали темные леса, поблескивающие водой болота, перелески, светлые прогалины лугов. Волхов несколько раз взмахнул руками, удерживая высоту, снова глянул вниз. Меж темных вершин нехоженого бора пару раз что-то блеснуло – потом вдруг деревья расступились, он увидел извилистую ленту живого серебра и крохотного лося, с морды которого капала вода, а сам он смотрел ввысь, прямо на княжича. Тут же река осталась позади, утонув в лесу. Опять потянулись чащобы, только единожды, на краткий миг разорванные прямоугольником черного, свежевспаханного поля, на краю которого стояли сруб и два сарая. А потом началось широченное море, окаймленное по берегам светло-коричневым ободком. Он наклонился на крыло, начал стремительно падать – но когда стена камыша, казалось, вот-вот ударит по крыльям, задрал хвост, сделал пару взмахов, снижая скорость, с шелестом опустился на воду и…

– Что? – вскинулся Волхов. – И все? А дальше, шаман? Еще!

– Все, – стряхнул Изекиль с кончика посоха обгорелые остатки. – Кончилось. Коли еще чего хочешь подсмотреть, княжич, кость грудную мне приноси, да шерсти пучок. Можешь тогда и за звериной жизнью поглядеть. Да токмо баловство это. Смотреть скучно – ощутить сие надо. Не чужими глазами смотреть, а самому взмыть, небо крыльями поправ. Не на ельники таращиться, а самому лапой медвежьей на хвою ступить, на сосну прыгнуть, силу звериную в руках ощутить. В погоню за сохатым кинуться, клыками прочными в бок ему вцепиться. Али воинов чужих в два удара по сторонам разметать.

– Да что ты сказываешь? – отмахнулся княжич. – Разве возможно сие?

– Все возможно, коли захотеть хорошо, – усмехнулся Изекиль и, не дожидаясь ответа, побрел к близкому орешнику.

Санкт-Петербург, Финская улица.

11 октября 1995 года. 11:25

Пустынник пару раз уверенно позвонил в дверь и отошел в сторону. Вскоре за дверью зашаркали, хрипло спросили:

– Кто там?

Колдун промолчал.

– Кто там?

Замок щелкнул. На лестницу, запахнув халат, высунулась сонная ведьмина соседка. Посмотрела вверх по лестнице, заглянула за дверь. В тот момент, когда Пустынник проскальзывал в квартиру у нее за спиной, она сплюнула:

– Вот хулиганье!

И закрыла дверь.

Колдун в это время шел по свежевымытому коридору, стараясь ступать около стен – чтобы следы в глаза особо не бросались. Повернул в комнату Виктории.

– …вы даже не представляете, как я вам сочувствую, – прозвучал ему навстречу ехидный голос. – К врачам обращаться не пытались? Специальная консультация? За наличную оплату? Ну вы подумайте, что творится!

Пустынник прошел к столу и уселся на стул, наблюдая, как девица в кружевном красном боди валяется на постели, задрав ноги вверх, и разговаривает по радиотелефону:

– Я бы, конечно, с удовольствием вам помогла, Анастасия Павловна, но для этого нам нужно длительное время находиться

бок о бок, а таскаться куда-то просто так мне, право слово, лениво. Была бы надобность. Например, если бы меня восстановили в университете… Да я понимаю, что вы не можете. Я же вас ни о чем и не прошу. Я просто сочувствую… – Ведьма весело рассмеялась. – А вы заявление в милицию напишите. Мол, бывшая студентка пылью в вашу сторону дунула. Мне за это сразу расстрел по Уголовному кодексу полагается, правда?.. А я не угрожаю, Анастасия Павловна. Если мне захочется, я вас просто накажу. Всего хорошего, Анастасия Павловна, выздоравливайте.

Девица отключила телефон, подкатилась к краю постели, опустила ножки, продефилировала к письменному столу, выдвинула нижний ящик…

Как понял Пустынник, ведьма даром времени не теряла и уже успела попользоваться добытым знанием – для сведения старых личных счетов. Да, что ни говори, а талант к чародейству у Виктории имелся. С энергетикой она работала на «отлично» после первого же поверхностного урока, наговор на порчу у нее получался еще лучше – три нападения подряд, в четверг и в пятницу, а также вчера, в понедельник, вынудили хозяина пароходства усилить свою энергетическую защиту примерно вдвое, и она поблескивала вокруг джипа, видимая уже простым глазом.

– Эй, демон, ты здесь? – закрутила головой ведьма.

– Да, госпожа, – ответил колдун. Несколько дней постоянного общения позволили ему наладить с Викторией такой надежный контакт, что он мог общаться с ней даже с другого конца города.

– У меня деньги кончились! – отошла она к шару.

Пустынник вздохнул, выгреб карманы, оставил себе пару «стольников», а все остальные, подойдя к столу, кинул «госпоже». Виктория, увидев, как открылся и закрылся ящик, подбежала к нему, дернула и пискнула от восторга:

– Так держать, демон! И я буду к тебе самой доброй из всех повелительниц. – Она схватила шар, поцеловала его и заметалась по комнате, собирая одежду. Сунула в чашки лифчика поролоновые прокладки, надела его, с трудом застегнув крючки на спине, натянула бадлон. И сразу стала напоминать нормальную, фигуристую женщину.

Пустынник непонимающе покачал головой: интересно, зачем эта дура сидит на фруктовой диете, если потом сама же поролон на похудевшие формы накладывает? Пошла бы в ресторан, заказала себе хорошо прожаренный кусок мяса. И для здоровья полезнее, и для фигуры, и для энергетики. А то жрет одну капусту, точно кролик…

Ведьма тем временем натянула джинсы, завязала кроссовки,

накинула на плечи куртку, распихала деньги по карманам.

«Понятно, – понял маг. – Опять по магазинам… Только бы вернулась вовремя, пока гендиректор домой не поедет».

Разумеется, хозяин пароходства мог бы подкорректировать маршрут, время поездки, поменять транспорт, но… Но только, если бы он не был магом. Это человек будет спасать жизнь, прячась от стремительной пули, и надеяться на милицию, что наверняка устроит охоту на потенциального убийцу. Колдунам надеяться на помощь смертных не дано. Свои проблемы им приходится решать самим. Маг, к тому же достаточно сильный, прекрасно понимал, что, если уж у него появился враг – его все равно выследят, нападут снова, в неожиданном месте и неожиданным способом. Уж лучше продолжить схватку там, где она началась, доказав противнику, что у того не хватит сил для победы. Или просто уничтожив конкурента. Жить в постоянных бегах мало кому нравится. Равно как и ожидать каждую минуту нападения.

Пока что гендиректор шел по первому пути, тупо усиливая защиту от всех видов магического и энергетического воздействия. Но это пока…

Виктория тем временем поехала на Невский проспект и принялась обходить самые дорогие лавки, подбирая себе одежду. На этот раз она почему-то решила одеться прилично, а потому ее гардероб быстро пополнился длинным светло-голубым пальто, шляпкой с кокетливым атласным цветком и туфлями густого синего цвета, пачкой колготок и тремя тоже синими шарфами из разных материалов.

Надо отдать ей должное, в три часа ведьма решительно развернулась, вышла на улицу, поймала машину и помчалась домой. А сразу после четырех, положив в карман бумажный пакетик, она вышла на набережную и стала небрежно прогуливаться по тротуару возле проезжей части. Три темные машины вылетели с Двадцать первой линии в шестнадцать пятнадцать, повернули налево. Пустынник наблюдал за этим, сидя в своей «восьмерке», припаркованной между Пятнадцатой и Шестнадцатой. Ведьма достала сверток, не спеша развернула, дунула… Послышался визг тормозов – задняя «БМВ», оставляя черный дымный след, вильнула к тротуару, ткнулась колесом в парапет.

– Беги! – крикнул Пустынник, распахивая дверцу и вываливаясь наружу. Он схватил с пола машины меч, выпрямился.

От машины к ведьме бежали трое – двое с кургузыми израильскими автоматами, один с пистолетом. Трое – это

нормально, глаза отвести не вопрос. Вот с прочими прохожими… Видать, свидетелям придется потом рассказывать чертовски странные истории.

– Стой! Стой, стрелять буду!

Пустынник домчался до поворота, чуть снизил темп. Ведьма медленно пятилась вдоль Шестнадцатой линии, трое охранников в черных костюмах, черных джемперах и черных очках двигались мимо домов Пятнадцатой, удерживая ее на прицеле.

– Стой, продырявим! – Ближний к колдуну боец вскинул автомат, выпустил в воздух короткую очередь.

– Энергию под контролем удерживай, – негромко напомнил колдун. – Рукой в шею ему импульс пошли.

Охранник услышал, повернулся – но тут Виктория вскинула руку и метнулась бежать. Пустынник взмахнул клинком: голова смотрящего сквозь него бойца резко шлепнулась набок, попав ухом на обрубок позвоночника, последний раз удивленно хлопнули глаза – и боец начал оседать вниз.

– Ах ты сволочь! – Один из оставшихся слуг гендиректора кинулся за ведьмой в погоню, второй вскинул автомат, ловя ее в прицел.

Пустынник метнулся к нему, вытягивая меч, и когда загрохотала очередь, первая из пуль врезалась в лезвие, звонко отрикошетировав и отшвырнув оружие с такой силой, что у колдуна едва не вывернуло плечо. К счастью, досталось не только ему – отдача задрала ствол «огнестрела», и следующие пули прошли заметно выше девицы, раскрошив штукатурку на стене дома. Охранник отпустил спусковой крючок, снова выцелил Викторию, и опять перед первым выстрелом колдун успел подставить меч.

– Энергией его бей! – выдохнул Пустынник.

Ведьма на ходу обернулась, сделала странный жест, словно кидала мячик – и колдун тут же вогнал оголовье рукояти стрелку в солнечное сплетение. Охранник, мгновенно забыв, как нужно дышать, сложился пополам, лицо его налилось краской. Пустынник ринулся за девицей, которая уже сворачивала в какую-то подворотню, причем последний из охранников уже изрядно сократил расстояние до нее.

Разумеется, колдун опоздал: когда он вбежал под арку, Викторию уже волокли за загривок, приставив ствол к горлу. Пустынник посторонился, перехватывая рукоять двумя руками, и укоризненно прошептал:

– Как же ты терпишь это, госпожа? Направь же ты свой изящный пальчик этому плебею в лоб и выплесни с него импульс своей могучей вегетарианской энергии!

Ведьма чуть повернула голову к своему пленителю, левой рукой ткнула в его сторону, нацелившись пальцем, как из пистолета, и натужно выдохнула:

– Пив-пав!

Пустынник тут же взмахнул мечом, нанося удар лезвием плашмя, но зато со всей силы. Схлопотав в лоб, охранник не просто отлетел – его ноги на пять сантиметров оторвались от земли, и этого вполне хватило, чтобы тело приняло горизонтальное положение и ухнулось об асфальт плашмя, всей спиной.

– Что, получил?! – Ведьма распрямилась и несколько раз саданула бесчувственного бедолагу кроссовкой в лоб. – Получил?! Будешь знать, с кем связался! Я! Я тут главная! Я!

Попинав мужчину еще немного, Виктория чуть успокоилась и преувеличенно бодрой походкой пошла на улицу.

– Че вытаращился, козел? Зенки заправить некому? Х-ха!

Пустынник выглянул наружу. Ведьма, громко распевая:

– Я буду вместо, вместо, вместо нее, твоя невеста-веста-веста, ёё! – вприпрыжку убегала в сторону Большого проспекта.

Возле водосточной трубы корчился какой-то совершенно посторонний мужик. И судя по тому, что меч оставался у колдуна в руках – завалила бедолагу девочка. Сама.

– Однако она делает успехи… – с грустью признал Пустынник. – Талант.

«Еще немного учебы – и Виктория станет еще более крупной проблемой, нежели хозяин пароходства, – понял маг. – Похоже, с образованием молодежи пора закругляться».

Он вернулся в подворотню, присел возле охранника, взялся за его шею. Пульс бился под пальцами туго и равномерно, словно на асфальте валялась не бесчувственная тушка, а отдыхал тренированный спортсмен перед рекордным забегом. Это было хорошо. Когда горе-убийцы оклемаются, они доложат шефу, что кромсала их милая девочка, а не кто-нибудь еще. Пустыннику в этом деле светиться никак не хотелось.

Колдун распрямился, вытер руки о куртку и пошел к машине.

Доехав до Смольного, маг спохватился, что на этот раз забыл предупредить ведьму о своем исчезновении, однако делать ничего не стал – пора бы ей и так привыкнуть. Тем более, что из дверей выходила Таня – а значит, думать о чем-нибудь еще просто грех!

Все-таки как прекрасно, что великий создатель сотворил не некое странное существо по образу и подобию своему, а женщину! Женщину, которую всегда хочется видеть, к которой всегда стремишься прикоснуться, которую хочется подхватить на

руки, целовать, ласкать, нежить, баловать. Женщину, которая выглядит нежной, но хранит в себе бесконечную энергию. Женщину, которая способна привести нас на вершины блаженства или низвергнуть в пучину страданий. Женщину – бесконечной власти над которой добиваешься до тех пор, пока не становишься ее полным рабом. Как прекрасно, что Творец догадался создать женщину! И, разумеется, того, кто будет ею восхищаться.

В присутствии Татьяны колдун не мог думать больше ни о чем – да и не хотел. Он предвкушал, как угостит ее обедом в каком-нибудь тихом ресторане, созерцая через стекло бокала с яблочным соком, как она орудует вилкой и ножом; как будет слушать ужасающие истории про пенопласт, выделяющий на свету бензольные кольца, про китайские игрушки с пальцами, не соответствующие детским пропорциям, и про ужасающе яркие краски на погремушках, которые еще можно трясти, но ни в коем случае нельзя подносить ко рту. А потом отвезет ее домой и будет пропускать меж пальцами ее волосы, касаться губами ее век, ушей, шеи, гладить ее тело, обжигать его своим дыханием и ласкать, ласкать, пока Таня не изогнется в судороге и его не захлестнет волной блаженства, пока взрыв страсти не пропитает все его клеточки, давая им импульс к новой жизни.

Когда Таня ушла в душ, он сунул руку за прижатый к стенке подлокотник, достал бумажную салфетку, посмотрел на крохотное яблоко мандрагоры, успевшее пропитаться энергией настолько, что даже слегка светилось в вечерних сумерках. Да, все шло как надо. Еще пару дней – и он будет готов.

Санкт-Петербург, Финская улица.

12 октября 1995 года. 13:05

Установить контакт с ведьмой не удавалось слишком долго, а потому Пустынник решил прибегнуть все к тому же надежному средству: поднялся к квартире и позвонил ее соседке. Дверь тут же распахнулась, и та вылетела на лестницу со скалкой в руках:

– Ну кто тут балует все время?! Поймаю, всю черепушку раскрою и мозги дурные вытряхну!

Пока она излагала все, что намерена сделать с неведомыми шутниками, колдун успел дойти до нужной комнаты, заглянуть внутрь. Первое, что он обнаружил – литровая бутылка виски, причем пустая. Второе – это сама девица, что валялась в полуобморочном состоянии в полушаге от застеленной мохнатым

персидским ковром постели.

– Этого только не хватало! – Пустынник бросил взгляд на часы, схватил Викторию за плечи, чуть приподнял, тряхнул. Ведьма прошептала что-то неразборчивое. Маг перевернул ее на спину – та даже глаз не открыла. – Вот зараза!

Стряхнув невидимость, колдун кое-как усадил девицу на стул, похлопал по щекам, приводя в чувство, вытряхнул на ладонь остатки виски, смочил ей лицо, потом хорошенько растер уши. Виктория что-то заблеяла, приоткрыла глаза – Пустынник тут же вскинул ладони, резко развел в стороны:

– Катанда хари, алдо, хаш-хаш!

Девица замерла. Колдун взялся обеими руками за ее плечо, потер, нащупывая артерию, потом сосредоточил свое внимание только на ней. Он представил себе маленький огонек, что пылает внутри, и держал его, держал, держал… Виктория потихоньку начала покрываться румянцем, теплеть, дышать облачками пара.

Алкоголь, как известно, весьма калорийная и хорошо усвояемая пища. Хотя и не без побочных эффектов. И если сильно захотеть, можно заставить его отдать все свои калории почти сразу: за десяток минут вся имеющаяся в организме кровь успевает прокатиться через каждую артерию в теле. Выжигаешь его в одной точке – а чистится все тело. Один недостаток: ощущения после такой процедуры примерно те же, как если сжечь уничтоженный спирт, разведя костер под телом.

Пустынник отступил, отвел от себя ее взгляд и хлопнул в ладоши…

– А-а-а-а!!! – взвилась со стула ведьма. – А-а-а-а!!!

Она закружилась, растирая свое тело с такой яростью, словно пытаясь наказать его за какие-то грехи.

– А-а-а-а!

– Тебе стало легче, госпожа?

– Ах ты, сволочь! – подхватила Виктория шар и со всего размаха швырнула о стену. Тот отрикошетировал, оставив овальную вмятину, проломил картон на спинке шкафа, повернутой к постели, отвалился на одеяло и мирно скатился на пол. – Это ты, да?!

– У нас мало времени, госпожа. А я должен успеть научить тебя отводить врагам глаза.

– Да пошел ты! – Она подхватила шар, забралась на подоконник и метнула его в форточку. Невинная жертва ее гнева описала короткую дугу и раскололась о чугунную крышку канализационного люка.

Пустынник недовольно поморщился, после чего спроецировал изображение демона в зеркальной горке:

– Не беспокойся, госпожа. Я тебя никогда не брошу.

– Да я тебя! – Она схватила бутылку, замахнулась, но в последний момент передумала и посуду в горке бить не стала: – Ты хоть понимаешь, что меня вчера чуть не пристрелили?

– Верховный колдун в панике, госпожа, – скривилась красная рожа, отражаясь во множестве рюмочек, графинов и салатниц. – Он начал кидать против тебя смертных и стрелять огнем. Он не может справиться с твоими проклятиями. Он слабеет. Его осталось только добить. Всего чуть-чуть, еще две-три атаки.

– Да меня пристрелят раньше!

– Я не позволю, госпожа. Я научу тебя отводить глаза, и никто не сможет в тебя попасть.

– Как?

– Я научу. Одевайся, пойдем. У нас мало времени.

– Ладно, – поморщилась ведьма. – Сейчас.

Ничуть не стесняясь оскаленной кровавой рожи в зеркалах, она разделась догола, потом натянула на костлявое тело новенькое желтое боди, пару чулок на резинках, накинула блузку с галстуком-ленточкой, застегнула на боку короткую вельветовую юбку. Пустынник уже собирался съязвить что-нибудь о том, что они собираются не на званый ужин с продолжением, когда ведьма накинула пальто, обвязалась шелковым шарфиком, поправила перед зеркалом шляпку, влезла в туфли – и колдун внезапно понял, что стоящая перед ним леди и близко не напоминает того тинэйджера, что вчера устроил на набережной беготню со стрельбой.

Ведьма натянула перчатки, повесила на плечо крохотную сумочку на длинном ремешке, еще раз оправилась перед зеркалом:

– Ладно, демон. Я готова.

Они покинули квартиру вместе – хотя Виктория об этом и не догадывалась, – вышли во двор.

– Посмотри направо, – предложил колдун. – Видишь мусорные бачки?

– Что я – бачков не видела?

– Смотри внимательно. Созерцай, чувствуй, проникайся этим. Ты должна не просто запомнить их образ. Ты должна сохранить впечатление от них, от их запаха, от их тяжести и противности, склизкости и холодности. От проржавелости железа, скученности, переполненности. Запомни, сохрани в себе их образ. Не видимость – а полное впечатление их присутствия. Внимательно, внимательно. Не отвлекайся ни на миг. Сейчас твоя цель – только эти бачки…

Пустынник чуть отошел, наблюдая за девицей. Она

действительно смотрела, смотрела, чуть заметно шевеля губами и подрагивая крыльями носа. Да, она действительно была талантлива.

Колдун как никто знал основную беду смертных, которым никогда не дано стать магами: неумение концентрировать внимание. У него несколько раз появлялось желание воспитать учеников – основать школу, обрести поддержку в случае неожиданной опасности, оставить что-то после себя, какой-то след. Он брал подающих надежды знахарей, просил минут десять рассказывать о каком-нибудь простеньком предмете типа чернильницы или карандаша – и уже минут через пять слышал истории про соседей, любовниц, тараканов… Мысли смертных убегали куда-то далеко в сторону, начисто утратив изначальные цели.

А ведь магия – это не только набор формул, рецептов и заклинаний. Это еще и умение постоянно удерживать на острие внимания тех смертных, против которых работаешь, мертвецов, которых поднял из могилы, то зелье, которое способно обратиться в пыль или полностью изменить свойства, стоит лишь на миг отвлечься от работы.

Виктория – великосветская с виду дама в небесно-голубом приталенном пальто и туфельках по сто долларов каждая, – любовалась помойкой, не отвлекаясь ни на что, не меньше получаса.

– Запомнила, госпожа? – тихо поинтересовался маг.

– А ч-черт его знает!

– Не упоминай всуе ни ангелов, ни бесов, – посоветовал Пустынник. – Они способны откликнуться в самый неподходящий момент. Теперь выйди на улицу…

Они вывернули сперва на линию, потом на Большой проспект. Остановились в сквере, возле одной из скамеек.

– Теперь сосредоточься еще раз, – предложил колдун. – Спроецируй образ помойки сюда, на середину дорожки. Все ощущения, которые исходили от бачков, пусть теперь исходят отсюда.

– Зачем?

– Давай, попробуй.

– Ладно… – Ведьма сделала глубокий вдох и напряглась, словно выдавливала образ из своего брюха.

– Стоит?

– Стоит… – натужно пробормотала девица.

– Справа к нам приближается какой-то толстяк в кепке. Попытайся столкнуть часть получившегося образа на него. Как обычно, пожертвуй частью энергии, втолкни частицу себя в его

тело.

Толстяк с газетой под мышкой протопал мимо скамейки, невозмутимо свернул на газон, обошел часть дорожки по чавкающей траве, вернулся обратно на дорожку и двинулся дальше.

– Молодец. – Пустынник с трудом удержался от того, чтобы похлопать ее по плечу. – Смотри, бабулька с коляской. Попробуй еще раз…

– Чер-те что… – недовольно забурчала бабка, подойдя ближе. – Творят, что хотят. Безобразие. Сталина на вас нет…

Она тоже сделала крюк через газон и двинулась дальше. Навстречу ей бежал какой-то спортивного вида мужчина. Кивнул бабульке, словно здороваясь, обогнул коляску, громко прошлепал по ее следам на траве, вернулся на песок.

– Здорово!!! – рассмеялась ведьма. – А если я тут кучу золота воображу?

– Будет давка, полиция, смертоубийство, – пожал плечами колдун. – Да только представляешь ли ты, как должна выглядеть куча золота? Идем, госпожа. У тебя все получается отлично, но времени остается совсем ничего.

– Куда ты меня все гонишь?! – возмутилась Виктория. – Кто тут хозяйка, я или ты?! Слушай, ответь мне, демон: я думала, что такие штуки делаются с помощью заклятий?

– С помощью порошка сколопендры, заговора на зелье, мази Кривого Мартина можно отвести глаза, стать невидимым самому или сделать невидимым еще кого-то. Или что-то. Но на любые заговоры и зелья нужно время. Когда нужно исчезнуть мгновенно или пропасть только для одного человека – лучше насылать образ. И еще. Зелье может делать нечто невидимым. Но создать стену из пустоты можно только мастерством. Госпожа, если мы не успеем подготовиться, сегодняшний вечер может стать для вас опасным. Если не нападем мы – нападет Северный Правитель.

– Ну ты и зануда, демон! Ладно, иду…

В этот раз Пустынник вывел ее на позицию на угол Двадцатой линии. Заставил вперится взглядом в стену рядом с подворотней и приказал:

– Запоминай!

– Чего?

– А вот эту штукатурку грязную и окно запоминай.

– Вкусы у тебя, как у кота подвального, – ответила ведьма, однако послушалась.

Колдун выждал минут двадцать, потом посмотрел на небо и поинтересовался:

– Запомнила?

– А чего тут запоминать?

– Так же хорошо, как помойку?

– Как таракана Сеньку с нашей кухни.

– Тогда слушай. Сейчас проедет колдун. Ты ударишь его порчей, тут же отступишь в подворотню и наведешь морок: поставишь вот эту стену вместо арки. Все смертные, что будут проходить мимо, увидят сплошную стену и никаких проходов. И ты окажешься в полной безопасности. Раньше ты не пряталась, поэтому такого хода от тебя не ждут.

– Тебя бы в мою шкуру! – недовольно буркнула ведьма, открыла сумочку и достала пакетик с зельем. – А получится?

– Доверьтесь мне, госпожа!

– Поверю… Если поменяешься, – неожиданно предложила Виктория. – Мне – двести лет с батогами, а тебе – полторы тысячи лет в кипящем масле?

– Предложи это хозяину… Если попадемся… Едет!

– Так всегда, – высыпала зелье на ладонь девица. – Все норовят на моем загривке выехать…

Шелест шин поравнялся с перекрестком. Виктория дунула, отскочила назад, юркнула в подворотню. Пустынник прыгнул следом и тоже поставил морок – точно такой же, как и ведьма. В ней он все-таки сомневался, а в своем мастерстве был уверен. Почти сразу завыли милицейские сирены. Напротив подворотни остановилась милицейская машина. Еще несколько, судя по звуку, затормозили дальше. Хлопнули дверцы.

– Кого ищем? – Безусый сержантик в куртке из дерматина скользнул небрежным взглядом прямо по лицам колдуна и девицы, похлопал резиновой дубинкой по открытой ладони.

– Женщина, на вид лет восемнадцати, худощавого телосложения, коротко стриженная… – появился рядом еще один милиционер. – Сообщили, только что тут стояла.

Второй патрульный уставился взглядом на подворотню с некоторым недоумением:

– Слушай, а это точно Двадцатая линия?

– Точно, точно. Вот, на указатель посмотри.

– Странно… – поколебался милиционер еще немного и отвернулся. – Ладно, пошли. Парадняки надо будет проверить и чердаки. Вдруг затаилась где?

«Пора заканчивать, – внезапно понял Пустынник. – Полицейская облава – это последний шанс генерального директора свалить хлопоты с непонятным противником на смертных. В следующий раз он пойдет сам».

Озеро Ильмень.

День выдался ненастный. Низкие облака задевали макушки сосен, проливая из царапин струйки дождя, то густо хлещущего по камышам, то превращающегося в холодную противную морось. Княжеский сын, надеясь скрыться от проникающей везде и всюду воды, спрятался под густую крону высокой древней липы, усевшись на брошенный поверх травы щит. Но долгий дождь сумел пробить пышную листву и теперь мерно капал то на кожаную шапку, украшенную четырьмя бронзовыми пластинами, то на куртку из черной, хорошо продубленной кожи – а то и за шиворот, заставляя Волхова недовольно крутить головой.

Наконец, обрушив на незадачливых путников настоящий ливень, дрогнули ветви орешника – на поляну вышел Изекиль в сопровождении промокшего до нитки, дрожащего от холода паренька.

– Ты выбрал не самый лучший день для встречи со мной, Черный волхв, – недовольно буркнул княжич, поднимаясь со щита.

– Ничего, – кивнул Изекиль. – Очень скоро тебе будет совершенно все равно, дитя мое.

– Да уж, – передернул плечами Волхов, глядя на низкое небо. – Ты знаешь, волхв, ныне мне совсем не хочется смотреть на мир ни волчьими, ни соколиными глазами. Токмо человеческими, и токмо на печь натопленную.

– Смотреть и быть – разные вещи, княжич, – ответил жрец, кивая своему спутнику, и тот опустил на землю небольшую, плотно завязанную котомку. – Тебе следовало бы спросить, почему я просил прийти сюда тебя одного, дитя мое.

– И почему?

– Потому что чудо, каковое надлежит испытать тебе ныне, ни в какие сравнения не идет с тем, что показывал я тебе ранее, Волхов, сын князя Словена. Не дым и не кашель надлежит ныне тебе ощутить. Не взгляд зверя лесного – но мощь его. И лишние глаза сего видеть не должны.

– А этот отрок, – указал на его спутника княжич. – Он, что, слепой?

– Его я около разоренного угорского стойбища подобрал. Покормил голодного, да с собой забрал. Пусть, помыслил, пока котомку мою поносит.

– Ну пусть носит, – не стал спорить Волхов. – Так чего же ты покажешь мне сегодня, Черный волхв? Надеюсь, это стоит промокших штанов и рубахи.

– Снимай их, дитя мое.

– Что?

– Одежу всю снимай.

– Зачем? Холодно, волхв.

– Снимай, княже, – криво усмехнулся Изекиль. – Али жалел ты ранее о встречах наших с тобой, о чудесах моих?

Волхов вздохнул, расстегнул пояс, кинул на щит. Затем отправил туда же куртку, рубаху, портки и сапоги.

– И амулет с прахом Дажбога, – напомнил Изекиль. – Не то потеряешь. Теперь иди сюда, становись лицом к озеру.

– Так? – вышел на середину поляны княжич, развернувшись к стене камышей.

– Да, – кивнул жрец, развязывая котомку и доставая из нее небольшой берестяной туесок и ритуальный нож Небесного храма. Он подобрался к Волхову сзади, открыл коробочку, зачерпнул из нее двумя пальцами белую крупянистую мазь. – Первая полоса – по спине, от шеи и до самого низа. Вторая – от центра силы к левому плечу. Третья – от центра к правому плечу.

Изекиль нанес сальную полосу от солнечного сплетения через левый сосок к плечу княжича и остановился:

– Дальше пояснять не могу. Заклинание говорить надобно. Но как тебя ломать начнет, не пугайся княжич. То бедой не кончится. Кончится удачей.

– Не нам, сколотам, внукам Свароговым, боли бояться, – повел плечами Волхов. – Мажь.

– Аном, паноха уми, валайя никошь нами… – заунывно запел жрец, ровным кругом по часовой стрелке нанося мазь на живот вокруг пупка, потом прочерчивая линии от этого круга к бедрам. – Еие, Номахти Аментет ликура Амамат хнари ват Кох!

Изекиль быстрыми движениями соединил мазью колени и ступни княжича, отскочил назад и жестом подозвал замерзшего отрока, что терпеливо ожидал конца чародейства, съежившись возле котомки. Мальчик поднялся, подошел. Жрец с неожиданной в тщедушном теле силой рванул его к себе, перехватил крепко голову чуть выше подбородка – так, что острый локоть смотрел точно в затылок княжеского сына, резанул обсидиановым лезвием горло, яростно провопив:

– Амамат хнари каш-каш!!!

Волхов ощутил волну ломающей боли, что покатилась по спине – словно позвонки, расширяясь, начали выскакивать со своих мест. По животу от середины в стороны обожгло огнем, ноги свело, скручивая вместе. От неожиданной муки он не смог даже застонать, а просто хрипло выдохнул остатки воздуха и рухнул вперед. Трава приятно охладила живот, шею, подбородок; в нос ударило тиной, запахом мокрых перьев, дохлой рыбы,

гниющего прошлогоднего камыша. Не понимая, в чем дело, Волхов попытался повернуться к Черному волхву. Трава защекотала подбородок, вместо слов он пару раз приоткрыл и снова захлопнул рот с громким резким стуком. И удивился тому, что отлично видит волхва во весь рост, хотя ясно ощущает землю нижней челюстью. Да и вообще, все тело было придавлено непонятной тяжестью, словно его засыпали большой кучей песка.

– Ступай, – указал на озеро Черный волхв. – Ступай, поплавай. Но помни: до вечерней зари тебе надобно вернуться сюда. Не то утонешь.

Подобрав полы балахона, служитель неведомых богов сел, и глаза его оказались всего на локоть выше глаз княжича. Волхов попытался встать, но у него ничего не получилось. Разве только глаза поднялись на уровень глаз Черного волхва.

– Не мучайся, дитя мое, – посоветовал тот. – До заката твое место в озере. Плыви.

Волхов решил послушаться – тяжело развернулся к камышам, пополз на брюхе в прибрежную воду, качнулся телом – и с нежданной стремительностью в один миг пробил заросли, оказавшись на открытой воде. Снова дернул мышцами – и промчался еще полста саженей. Чародей был прав: здесь, в воде, он чувствовал себя непостижимо легко. Тело скользило возле самой поверхности, отзываясь на каждое движение поразительной скоростью. Княжич чуть наклонил голову, вильнул хвостом – и мгновенно оказался у самого дна, понесся вдоль него. В сторону метнулся серебристый окунь – Волхов извернулся, послал тело вперед, легко нагнал улепетывающую рыбешку, приоткрыл рот и тут же сомкнул челюсти на сочной прохладной плоти. Приподнял голову – и опять за крохотное мгновение пробил носом поверхность. Описал небольшой круг, оглядываясь. Оказывается, он умчался от берега уже не меньше, чем на поприще. Вода была теплой – настолько теплой, что тело ее совершенно не ощущало. Как не ощущало и дождика, что продолжал стучать по озеру. Княжич заметил впереди остров и заработал туловищем, направляясь к нему – наслаждаясь невиданной скоростью, мощью гибкого, послушного тела.

Остров приблизился так быстро, что осматривать его стало не интересно – Волхов повернул в открытое озеро. Он в мгновение разгонялся и так же внезапно расслаблялся, покачиваясь на волнах, поворачивал вправо и влево, мчался по поверхности и нырял в глубину, пробивая толщу воды, словно выпущенная из рогатого лука[21] стрела. Душа его пела от восторга – он бы и сам замер, да только длинная пасть издавала лишь хриплое уханье, словно придавленный сапогом филин.

Внезапно по телу царапнуло чем-то колючим и жестким. Это нечто с хрустом разошлось перед пастью, но цепко вцепилось в левую руку, а дотянуться до нее правой княжич в нынешнем обличье не мог. Он дернулся всем туловищем, попытался попятиться, но на это его тело тоже оказалось не способно. И тогда он с силой рванулся вперед. То, что вцепилось в руку, держалось крепко – княжич почувствовал, как следом тянется все препятствие, едва не надрезая кожу и не отрывая пальцы. Тогда он крутанулся вокруг своей оси – натяжение стало на миг еще сильнее, а потом резко отпустило. Волхов стал медленно подниматься наверх, к поверхности, чтобы немного перевести дух, но едва его глаза различили свет как…

– Батя, водяной! Чудище речное!

– Где? – отпустил сеть рыбак, повернулся к другому борту. – Ах, едрит твою… Острогой, острогой его, Пернаш! В глаз его, зеленого, бей!

Сам мужик схватил весло и принялся молотить чудище по голове.

Поначалу Волхов растерялся, поняв, что ему пытаются раскроить череп, а когда пришлось уворачиваться от нацеленного в глаз копья – бронзовый наконечник ощутимо ударил в шею, – волна злости затопила его сознание, заставив тело изогнуться со всей возможной силой.

Удар могучего хвоста подкинул лодку на две сажени вверх – вцепившиеся в борта рыбаки еле удержались внутри. Но не успели они упасть, как их снова швырнуло из воды – княжич извернулся, принял лодку в распахнутую пасть и сомкнул челюсти, превращая ее в щепы. Рыбаки, воя от ужаса, поплыли к далекому берегу. Волхов нырнул в глубину, там извернулся и заработал хвостом, устремляясь к похожему на неуклюжего лягушонка человеку, щелкнул пастью, вылетая из воды на всю свою десятисаженную длину и обрушиваясь обратно в воду.

– Ба-атя-я!!!

В горло потекла чуть солоноватая, обжигающая, как кипяток, ароматная кровь. Волхов пару раз жеванул добычу, проглотил и опять устремился в глубину, чтобы извернуться там снова…[22]

К вечеру все-таки распогодилось, и Волхов смог своими глазами увидеть, как скрывается за водной гладью ослепительный золотой диск. Едва последние его лучи перестали освещать небо – и тело опять скрутило судорогой. Он чувствовал, как пятки его почти касаются затылка, а руки выкручиваются из суставов – но теперь был уверен, что вреда ему это никакого не причинит. И действительно, вскоре боль отпустила. Княжич, тяжело дыша, сел,

упираясь в землю ноющими пальцами, посмотрел на внушительный пролом в камышах. Недоверчиво хмыкнул:

– Неужели это я, волхв?

– Конечно, ты, дитя мое, – опустился на корточки рядом Изекиль.

– Но как это? Что это было?

– Это была сила, дитя мое. Истинная сила и истинная власть, которая даруется истинной богиней. Сила, которая способна изменить мир. Сила, которая может сделать его твоим, сын князя Словена. Подумай, дитя мое, что станется, коли корабли вражьи, напасть на земли твои вознамерившиеся, в водах не ладьи встретят, а тебя с сотоварищи, в зверей таких обратившихся? Да вы в полчаса лодки их пожрете, суда опрокинете, а воинов чужих хвостами побьете! Представь, что рать вражья не вас с копьями увидит, а стаю носорогов злобных, ни стрелы, ни копья не боящихся. Затопчете вы их с сотоварищи в миг и царапин опосля на себе не найдете.

– Возможно ли сие, волхв? – нервно рассмеялся княжич.

– А разве ты не знаешь этого ныне, дитя мое? – вопросом на вопрос ответил жрец и поднялся.

Волхов тоже встал, увидел мертвого мальчика, остановился.

– А это что, Черный волхв?

– И это тоже твоя сила, княже, – затянул свою котомку Изекиль. – Ужель ты думаешь, боги отдадут тебе часть своей силы, если не привлечь их жертвой, не заставить внять твоим просьбам и желаниям? Удержать силу, дитя мое, отвергая богов, ее дающих, нельзя. Ты должен привезть товарищей, коим доверяешь, ако себе едину. Они срубят святилище новое, богине Аментет назначенное. Они и жертвы приносить станут.

– Людей в жертву приносить желаешь, Черный волхв? – покачал головой княжич, глядя на мертвеца.

– Разве тебе не нужна сила, княже? – удивился жрец. – Рано или поздно, но ты стол отца своего займешь – так разве не понадобится тебе сила, дабы земли отчие отстоять, рубежи дальше еще раздвинуть? Разве покой подданных твоих тебе не дорог будет? Чем защищать их станешь? Запомни простую истину, дитя мое. Пожертвуешь десятком – спасешь сотни. Об этом и помни…

Река Волхов, четыре поприща ниже Словенска.

Конец лета 2408 года до н. э.

– И вот, стало быть, расположились промысловики вечерять. Шкурку заячью сняли, самого – на вертел, над угольками доходит. Сами чуток меда хмельного отпили, о том, что днем повстречали, сказывают. И тут вдруг вроде как песня им от реки слышится. Ну любопытно мужикам стало, кто тут в чащобе распевает, где ни жилья, ни лабазов нема. Прихватили луки, амулеты на всякий случай, да по тропке, по тропке к водопою звериному прокрались. А там, на прогалине, девицы красоты неземной хоровод водят. За руки взялись, кружатся, поют. Венки на головах. Вот… Промысловики, стало быть, пугануть их решили. Да как кинутся! А девицы в смех, да в стороны разбегаются. Охотники мои тоже кто за кем рванули, да друг друга и потеряли. Ну а далее вообще так случилось – кто кого захватил, и непонятно. Люблян сказывал, его сразу три охомутали, раздели, оседлали, да до самого утра спать, мол, не давали. А как рассвет настал, так и сгинули все русалки, точно развеялись в лучах утренних. В общем, возвернулись промысловики непонятные. То ли пуганые, то ли довольные, да всем про девок речных страсти говорят. Вот. Вот такие, стало быть, шутки ныне мужикам видятся…

– Ничего, – рассмеялась Вилия, – вот как через девять-то месяцев промысловикам твоим по румяному крикливому мальчишке русалки сии влажной ночью принесут – будет им всем морок.

– Ну коли мальчишек, то и неплохо, – пожал плечами князь. – Да токмо кто сам от мужа будущего откажется? Чай, не девка. Не обуза, что спустя полтора десятка лет замуж из дома убежит, а надежа и опора…

– Так то ж не пахари принесут, – опять улыбнулась Вилия. – То русалки. Зачем им мальчишки хороводы водить? Девки им нужны.

Она откинулась на спину, завела руки за голову, глядя в небо, в котором где-то в голубой вышине висели легкие, как кисея, перистые облака. Да, тысячелетний обычай с одиноким эмиром на всех женщин рушился на глазах. К счастью, у номарии хватило мудрости не протестовать, не вносить разлад между поколениями хранительниц. Да и как тут запретишь, коли рядом с молодыми женщинами, внимания мужского лишенными, все чаще появляются крепкие мужи, приходящие в дикие места на охоту или приплывающие на рыбалку. Опять же и сами хранительницы, прикидываясь местными жительницами, не раз в Словенск и Русу приплывали. На мир новый посмотреть, мед-кожи, а то и зелья свои лечебные продать. Почти две сотни девушек, недавно переступивших рубеж служения, довольно

решительно напомнили главе Клана три основных обязанности служительниц Великого, завещанные Мудрым Хентиаменти: девственность до двадцати пяти лет, сохранение древних знаний и рождение хотя бы двух девочек, что смогут продолжить служение вместо матерей. Правило выбора общего эмира было завещано не Черным Псом, а придумано потом, когда выяснилось, что в здешних диких местах почти нет обитателей, нет мужчин. И если мужчины появились… И номария отступила. Она поставила только одно жесткое условие: тайна существования Клана должна быть соблюдена любой ценой. Одно лишнее слово будет стоить жизни и хранительнице, и ее избраннику.

Мало того, девушки завели даже разговор о том, чтобы заводить нормальную семью во внешнем мире – выходить замуж, жить как обычные смертные, воспитывать детей. Но дочерей оставлять не дома, а отдавать Клану, дабы они вырастали не дикарками, а истинными хранительницами. Однако идея зачахла даже без протестов номарии: в обычаях новоселов, обживающихся вокруг Ильменя, было выдавать замуж девочек в шестнадцать, пятнадцать, а то и четырнадцать лет. Какое уж тут служение? И какие из перезрелых дев невесты?

– Чего еще странного в землях твоих творилось, княже?

– Всякое творилось… – Словен подошел к глиняной башне высотой в рост человека, с макушки которой тянулся сизый дымок. В низ башни были вмурованы два меха, которыми старательно работали скинувшие рубахи кузнецы. Князь ковырнул ногой рыжую землю, что не поместилась внутрь криницы, оглянулся на девушку: – Ужели получится, берегиня? Из этой-то грязи!

– Когда я тебя обманывала? – снова уселась Вилия. – Соль нашли, половодье случилось, как обещала. И вода сошла, когда говорила. И дождь на поля твои вовремя проливала, и солнца давала. Почему ныне не веришь?

– Верю… – кивнул Словен. – Да токмо… Не слыхал я никогда, чтобы медь али бронзу из грязи болотной выплавляли.

– А это не медь, – улыбнулась Вилия. – И не бронза. И сказывала я тебе это не раз… Уводишь ты меня, княже… Не про то молвить хотел, не про плавку. Иное скрываешь, Словен.

– Долго еще, берегиня? – взмолился один из работяг. – Умучились!

– А вы меняйтесь, меняйтесь, – посоветовала девушка. – До утра гореть должно.

– А потом еще и расковывать вам же, – от себя добавил князь. – Пойдем, берегиня. Слово я тебе молвить хочу тайное. Может, присоветуешь что али чародейством своим поможешь.

Они спустились вдвоем к реке, прошли немного вниз по течению, присели над обрывом возле плакучей ивы. Словен молча привлек Вилию к себе, начал целовать лицо, губы, шею. Девушка не протестовала, однако князь неожиданно остановился, чуть отодвинулся, нашарил в траве шишку, метнул в воду, проводил взглядом, как она, покачиваясь, поплыла к далекому морю.

– Неладное округ Словенска творится, берегиня, – наконец признал он. – Мертвец бродячий в лесах объявился. Угры метохом его кличут. Сказывают, в чей дом заглянет – так все и умирают мгновенно, не просыпаются боле. Я не верил поначалу, однако же во весне сам две землянки таковые находил. Как спали на постелях хозяева, так все мертвые и лежат, шкурами прикрывшись. Дров в избытке, погреба с припасами. Не с голодухи, стало быть, отошли. И не от мора. Иначе живые хоть кого из мертвых из дома вынесли. Ран тоже нет. По виду – и вправду как метох заглянул. Живы все перед сном были, да в миг все и сгинули. Волнуются угры. Кабы на нас не подумали… Вражды с ними не хочу. Не в обычаях у нас с соседями враждовать.

– Где случилось?

– Спалить я повелел стойбища эти, – поморщился князь. – Дабы соблазна у мужей не было добра чужого прибрать. Да и тризна получилась честная.

– Почто меня не позвал?

– Не подумал, что тебе сие важно.

– Все едино, княже. Где случилось, поясни. Схожу, посмотрю. У меня глаз всякий есть, может и увижу чего.

– А еще в Ильмене зверь завелся странный.

– Какой?

– Кто видел, сказывали: тело длинное, саженей десять, зеленое. Лапки малые, не видно совсем. Хвост с зубьями, сажен пять. Как вдарит – деревья трескаются. И пасть длинная, с сажень. Глаза на спине, рядышком сидят…

– Крокодил, что ли? – удивилась хранительница. – Откуда он здесь?

– Имени зверя не ведаю, однако же девок он не раз с берега таскал, что белье полоскали али за водой пришли. Рыбаков немало потопил, а лодки переломал. Обломки к берегу прибивало – следы от зубьев на них.

– Это да, – признала Вилия. – Зверей, чтобы лодки на воде грызли, здесь отродясь не случалось.

– Угров с горлом перерезанным у берегов рыбаки находили, – продолжил Словен. – Сказывали, сына моего, Волхова от тех мест неподалеку замечали. Да и вообще из дому он часто пропадать

стал, слов моих не разумеет, дел не перенимает. Совсем от рук отбился…

– А следы? Следов чудища озерного возле угров мертвых не было? – перебила его девушка.

– Не ведаю, – отвечал князь. – Не спрашивал.

– Ведом мне похожий обряд, – поднялась, прикусив губу, Вилия. – Такое слуги Аментет в давние времена творили. Им для чародейства жизнь чужая потребна. Коли жертву человеческую принести, то они крокодила способны даже из мышонка сотворить. Спасай сына, княже. Нельзя ему со жрецами Небесного храма сговариваться. Коли им власть дать, они ради обрядов своих всю твою землю в крови утопят. Ничего не останется, окромя славы пугающей. И метохи, мыслю, тоже ими порождены. Бойся, князь. Великая беда пришла на твою землю. Спасать ее надобно, пока искра пламенем не полыхнула. Домой беги, княже. Сына ищи, да держи при себе рядом. Иначе потеряешь.

– А как же бронза твоя неведомая? – поднявшись, попытался обнять ее Словен. – Ты же сказывала, до утра за ней следить надобно…

– Не о том думаешь, княже, – покачала головой хранительница. – Кузнецам твоим, что делать, я на словах поясню. А ты домой беги. И моли своих богов, чтобы не опоздать…

Тревога девушки передалась Словену. Поэтому к кринице он возвращаться не стал, сразу повернул к отмели, на которой трое телохранителей приглядывали за лодками, приказал спустить на воду одну из долбленок и сам взялся за весло, помогая воинам выгрести против течения. Однако добраться до города удалось только к сумеркам.

– Сын мой где? – требовательно спросил князь, проходя ворота.

– Не видали, княже, – пожал плечами один из стражников. – Ближе к полудню выходил, однако же боле не возвращался.

– Увидите – ко мне посылайте, не выпускайте никуда, – распорядился Словен.

Придерживая болтающийся на боку меч, он торопливо дошел до дома, не глядя по сторонам пересек двор, поднялся на крыльцо. Обнял жену, огляделся:

– Волхов где, не знаешь?

– Не сказывал он, любый мой, – повела бровями Шелонь. – Убежал утром с дружками своими. С Ярилой, Бодричем и этим, сыном Скилуровым…

– Руви?

– Да, с ним самым… Сам знаешь, не слушает он ныне никого,

убегает все куда-то, а куда – неведомо. Тревожен ты больно, княже. Никак случилось что?

– Не знаю пока, – хмуро ответил князь. – Накажи дворне, пусть мечами опояшутся. За Скилуром девку какую пошли. Да еще… Коли знает кто, где товарищи эти бродят, пусть ко мне явится. Да, и квасу вели принесть, запыхался я.

Шелонь, не рискнув продолжать разговоры с растревоженным князем, вышла из горницы, а Словен, раздраженно пихнув стоящую у стола лавку, отодвинул к стенке свой тяжелый, с прямой спинкой и высокими подлокотниками стул, уселся на него. Вскоре в комнате появились угрюмые дворовые мужики – княжеские скотники, привратники, плотники. В доспехи они облачаться не стали, но щиты прихватили, а на поясе у каждого, рядом с ножом и ложкой, красовался меч в тяжелых, обернутых кожей, ножнах.

– Стол к стене отставьте, – приказал князь. – Сами на лавки пока сесть можете. Авось, не пригодятся ваши клинки.

В горницу вошла простоволосая девочка лет десяти в длинном, явно с чужого плеча, сарафане – даже подол по полу волокся. Поднесла правителю кувшин, прикрытый тряпицей, и медный кубок. Тот налил себе шипящего кваса, выпил, налил еще, тоже осушил, вернул девахе. Та приняла, но не уходила – переминалась с ноги на ногу.

– Чего тебе? – раздраженно спросил Словен.

– Слыхала я, – уставясь в пол, промямлила она, – будто Волхов и приятели его за рекой, у Вороньего холма, для Черного волхва святилище строят.

– Что?! – будто не расслышал князь.

– Строят они… У Вороньего холма.

– Ольгерд! – моментально отреагировал Словен. – Лотарь, Иссупи! Давайте с ней отправляйтесь, сына моего сюда доставьте. Немедля!

Трое подворников, кивнув, поднялись со скамей, вышли из горницы, прихватив с собой девочку.

– Черный волхв где, никто не знает? – спросил оставшихся мужей князь.

Те переглянулись.

– Видать, там же, у святилища своего, – предположил один из них.

Скрипнула на кожаных петлях дверь, внутрь заглянул взъерошенный охотник. Кашлянул, вошел, низко поклонился, тиская шапку:

– Звал, княже?

– Звал, Скилур, – кивнул правитель. – Вопрос мой без тебя

решился, однако же ты садись. Мыслю я, разговор мой с сыном тебе тоже важен. Они ведь с твоим Руви завсегда бегают.

– Бегают, – вздохнул охотник. – А куда – и не ведаю. На меня сыночек мой ныне волком смотреть начал. Где днюет – не ведаю. Где ночует – не ведаю. Забежит раз в несколько дней, схватит что из струмента, да и опять бежит.

– Садись, – указал на скамью князь. – Милостью богов, скоро мы сие узнаем.

Темнело. Шелонь в темном сарафане, расшитом тюльпанами, с заплетенными в косы и забранными наверх волосами прошла по горнице, зажигая один от другого и расставляя на подоконниках, на столе, на полке над головой князя глиняные масляные светильники. Захлопали запираемые на ночь ставни. Неуклонно приближалась полночь – час темных сил. Однако мужчины, сдерживаемые княжеской волей, ждали, старательно подавляя зевоту.

Наконец на улице грохотнули ворота, по ступеням крыльца застучали сапоги. Первым в горнице появился Иссупи, поклонился, отступил в сторону. А следом мужи увидели и Волхова. За лето он успел сильно подрасти, плечи раздались, а руки явно потолстели, отчего казались короткими и слегка скрюченными.

– Ты искал меня, отец? – остановился он посреди горницы, ограничившись коротким кивком головы.

– Искал, сын… – Словен смотрел на своего потомка, не зная, как облачить в слова внезапно появившиеся подозрения и как поступить, коли они вдруг оправдаются. Чай, не варяг[23] приблудный перед ним стоял, не простой пахарь, а родной сын. Кровь от крови, плоть от плоти его. – Дошло до меня, сын… Дошло до меня, сын, что в местах, где рыбаки наши мертвых угров находили, тебя нередко видели. И может статься, в смерти их и твоя вина есть.

– Ну и что, отец, – небрежно ответил княжич. – Это ведь всего лишь угры. Не родичи наши и даже не сколоты вовсе.

– Что-о?! – грохнув кулаками по подлокотникам, вскочил князь. – Что я слышу от тебя, сын?! Ты ли это али оборотень лесной украл твое тело и льет яд твоими устами? Ужели забыл ты заветы деда нашего, великого Сварога, сотворившего этот мир и подарившего жизнь нашему племени? Предок всемогущий завещал нам, потомкам своим: коли соседи твои добры и миром общаются – защити их мечом и щитом своим. Коли злобны они, жен твоих желают и добро твое крадут – истреби всех, не оставив ни семени. Защити животом своим слабого и не сгибайся пред сильным. Защити слабого, а не убей его, сын! Как можешь ты,

дитя рода нашего, кровь людей проливать, никакого зла нам не причинивших?! Как у тебя рука поднялась заветы предков наших нарушить?!

– Ты ничего не понимаешь, отец, – мотнул головой Волхов. – Новые боги дали нам силу. Огромную силу, непостижимую для простых смертных. Теперь нам нечего бояться врагов. Теперь мы сами можем пойти в любые земли и сломить любые непокорные племена. Нам больше нет равных, отец! Мы заслужили милость верховной богини. Мы избранные!

– Вы убиваете невинных. Вы проливаете для своей богини человеческую кровь, – покачал головой Словен, опускаясь обратно на свое место. – Эти боги не имеют права на существование. Это не вера, это наущение злых ночных духов.

– Да, мы принесли в жертву невинных. Но, жертвуя десятками, мы спасем сотни!

– Твои уста лгут! – гневно вскинул руку Словен. – Это голос злой нежити, а не человека. Вы никого не спасаете, вы только убиваете, ибо каждая душа бесценна! Сколоты рождены, чтобы защищать смертных, а не жертвовать ими! Твоя душа отравлена ядом, сын мой. Ты потерял понятие чести и совести, ты забыл советы Сварога и отцов наших. Ты поднимаешь меч свой на беззащитных! Как бы ни называли грех сей духи, помутившие твой разум. Ты должен принести великие жертвы богам нашим, дабы они простили падение твое. Ты должен с товарищами своими разрушить капище духов злых и вернуться в дом для очищения…

– Это твой разум помутился, отец! – вскинув голову, возразил Волхов. – Богиня избрала нас из всех смертных племен, чтобы подарить власть над миром, а ты отвергаешь ее дар! Это тебе надлежит каяться и приносить жертвы, отец! Молись своим дряхлым богам и не лезь в дела всесильной Аментет! И запомни: я повыдергиваю руки каждому, кто посмеет оскорбить нашу богиню или хоть пальцем прикоснуться к ее святилищу!

Княжич развернулся и вышел, с силой хлопнув дверью. В горнице повисла тишина.

– Скилур, – наконец произнес Словен тихим голосом. – Завтра на рассвете возьмешь освободившуюся стражу, промысловиков, что в городе есть, плотников и иных мужей свободных. Кому оружия не хватит – дозволяю у меня в хранилище взять. С ратью собранной пойдете в святилище, принесете жертву Сварогу и Велесу, призовете на помощь кого-нибудь из волхвов… Затем вы переправитесь на тот берег, пойдете к Вороньему холму и разрушите капище ночных духов. Отроков заблудших, что раскаются, вернете в город. А кто не

раскается… – Князь с силой сжал подлокотник. – Кто не раскается, пусть судьба долю того решит.

– Слушаю, князь, – поклонился охотник, и мужчины потянулись из горницы, оставляя правителя наедине с его грустными мыслями.

Поздним утром, когда солнце уже успело подняться над лесом, из ворот города нестройной толпой вышли полторы сотни копейщиков – в толстых двойных шапках, негнущихся куртках из толстой, в два пальца, грубой кожи, с мечами в ножнах и топориками за поясами. Они вели с собой трех черных волов, рога которых были украшены жгутами из прошлогоднего сена. Завидев процессию, женщины, что уже успели дойти до воды – кто с бельем, кто с ведрами, – предпочли отвернуть и спрятаться под берегом. Люди же направились к священному дубу угров, крона которого высоко возвышалась над новым святилищем сколотов.

У ворот святилища процессию встретил кривоглазый Манрозий, поглядывающий на гостей исподлобья.

– Прими наш дар, почтенный волхв, – посторонился Скилур, пропуская вперед волов. – Пусть примет от нас этот дар великий Сварог, ибо собираемся мы принять грех на наши души. Пусть примет наш дар великий Велес, ибо нам понадобится его помощь. Пусть примет наш дар великая Мара, ибо нам понадобится ее милость.

– Я передам ваш дар богам, сын мой, – кивнул, пятясь, Манрозий. Волы побрели следом за ним, и вскоре к людям, не посмевшим с греховными мыслями войти в святилище, выступил седобородый Мосх.

– Милостью Велеса, я пойду с вами, дети мои, – сообщил он. – И пребудет с нами милость богов.

Копейщики повернули к реке, где их ждали небольшие ладьи, на которых княжеские подворники обычно перевозили соль, и начали забираться на суденышки. Каждая из лодок вмещала всего десять человек, поэтому переправа заняла немало времени, и небольшая рать подступила к Вороньему холму только к полудню.

Здесь деловито стучали топоры, по всему склону валялись березовые стволы, что всего несколько недель назад были светлой рощей, жизнерадостно зеленевшей на склоне. Святилище, что на глазах вырастало на вершине холма, заметно отличалось от тех, какие привыкли видеть сколоты. Оно не было обнесено частоколом, защищающим идолов от случайных пришельцев – вместо него по кругу шел низкий земляной валик, больше напоминающий просто сваленный рядом с неглубокой ямой дерн.

Да и сами идолы не походили на богов – обыкновенные столбы одинаковой высоты торчали в беспорядке на старательно разровненной площадке, вкопанные в землю и соединенные отсыпанными песком тропками. Чуть далее возвышались два длинных жердяных сарая, назначение которых становилось ясным сразу, поскольку в щели между тонкими стволами высовывались человеческие пальцы и выглядывали влажно поблескивающие глаза.

Навстречу копейщикам выступили пятеро парней – все были полностью обнажены, каждый волок с собой пленника со связанными за спиной руками. Рядом, засунув руки в широкие рукава, выступал Черный волхв, что предлагал зимой помощь в чародействе и исцелении многим семьям Словенска. Копейщики выстроились в три ряда, прикрывшись круглыми щитами, а перед строем, опершись на посох, остановился Мосх.

– Дети мои, – начал говорить волхв, глядя на защитников капища. – Отцовское сердце не бывает твердым, как камень. Признайте отступничество свое, покайтесь в нем – и вы не получите кары. Ведь рождены вы и выращены, чтобы унаследовать землю отцов ваших. Так не отрекайтесь же от веры истинной, от заветов предков ваших!

Парни тем временем начали наносить на себя вязким желтым салом какой-то непонятный рисунок из кругов и прямых линий, делящих тело на отдельные части. Изекиль, ожидая, пока его ученики – и первые его воины – будут готовы к началу обряда, спокойно слушал волхва, думая о том, что ему тоже не мешало бы обзавестись таким же посохом, и о том, что знахарь прав. Молодые дикари, что собрались в еще недостроенном Небесном храме, действительно должны будут унаследовать земли отцов, их власть и их страну. Именно потому он и нанес свой удар именно по ним! К чему уламывать уверенных в своей правоте, в своей вере мужей, когда можно так легко соблазнить неокрепшие умы, а затем просто подождать, когда они сменят своих смертных предков?

Правда, предки оказались чересчур нетерпеливы… Ну что же, это просто ускорит процесс…

Жрец покосился на юношей, расчертивших грудь, дал им команду продолжить обряд, и начал читать заклинание. У копейщиков еще оставался крохотный шанс на победу – не ждать окончания проповеди, а прямо сейчас, без промедления опустить пики и ринуться вперед… Но смертные так и не воспользовались этой возможностью.

Изекиль хлопнул в ладоши, произнося последние слова заклинания – в тот же миг пятеро его учеников опрокинули своих

пленников, взрезая им горло и получая силу умирающих людей. Парни попадали, крючась в судорогах – но продолжалось это совсем недолго. Тела юношей стали стремительно разрастаться, менять форму, и уже через несколько ударов сердца на склоне холма поднялись на ноги не люди, а тяжелые чудовища с маленькими глазками, с толстой, как борт торговой ладьи, мозолистой шкурой, с внушительным рогом на огромной морде и выставленными вперед клыками на нижней челюсти. Звери сипло взвыли и помчались вниз, выставив клыки. Воины успели сомкнуть строй и опустить копья – но бронзовые наконечники смогли только оцарапать шкуры носорогов. Прочные кленовые ратовища ломались, словно гнилые палки, щиты разлетались в стороны, не в силах прикрыть своих владельцев. Звери без труда пробили узкую фалангу, затаптывая людей, разрывая клыками их доспехи и тела, развернулись, смяли еще кусок строя. Сколоты, бросая оружие, ринулись врассыпную, думая теперь лишь о том, как спастись от неуязвимых чудовищ. Те тоже разбежались в разные стороны, догоняя и затаптывая, поддевая на рог, разрывая несчастных клыками. И только то, что крохотные глазки победителей оказались изрядно подслеповаты, спасло жизнь нескольким из людей…

Сам Словен, не желавший видеть позорной судьбы своего сына, коему предстояло либо сдаться, либо сгинуть в неравной сече полутора сотен воинов супротив от силы пяти десятков, поутру с двумя телохранителями ушел вниз по реке, на четыре поприща – к месту, где берегиня затеяла для смертных новое чародейство. К тому времени, когда он явился, странная печь из глины была уже разломана, а кузнецы возле догорающих углей в два молотка отбивали на потрескавшемся валуне странную красную полосу. Он остановился, наблюдая за работой, потом не выдержал, спросил:

– Ну, Горза, так вышло что али нет?

– Вышло нечто, княже, – пожал плечами кузнец, утирая пот со лба и приглаживая курчавую русую бороду. – Токмо непонятно пока, что. Он, глянь…

Только теперь Словен разглядел в траве небольшое, с ладонь, лезвие, широкое с одной стороны и шилообразное с другой, которой нужно было крепить его в рукояти. Цвет оно имело непривычно светлый, почти белый, с легкой синевой. Князь взвесил в руке тяжелый, еще теплый клинок, попытался его согнуть, попробовал на палец остроту ножа – впрочем, еще не заточенного. Поднял глаза на мастера:

– Что скажешь, Горза?

– А как берегиня сказывала, так и случилось, – тяжело дыша, сообщил тот. – Ком рыхлый достали, но она ковать велела, пока не сплющится. Греть и ковать. Ну за утро мы из него на два клинка и набили. Поначалу думали, разломается в ничто. Больно много грязи да угля с него скалывалось. Но потом и металл проглянул.

– И каков материал?

– Ну для меча мягок больно, – почесал нос кузнец. – В сече, мыслю, и перерубить его хорошим ударом можно. Однако же не токмо для сечи бронза нужна. На серпы, косы, ножи, кольца, шила, заколки сгодится, я так мыслю. Куется легче, а сломать его, холодный, не проще, нежели настоящий, бронзовый. Глядишь, и для доспеха сгодится, на пластины. На куртку али шапку нашить.

– И то дело, – кивнул князь. – Грязи этой здесь в избытке – пережигай да молотками стучи. Может, и не такой крепкий здешний металл, зато много. И добывать, вроде, не трудно. А на молотки он сгодится?

– Сгодится, – уверенно сказал кузнец. – Коли разомнется било, завсегда по новой перековать можно. И на молотки, и на топоры, и на пилы пойдет.

– А чего еще от него надобно? – подвел итог разговору Словен, осмотрел остатки печи: – Отремонтировать ее можно?

– Закалилась вся глина, княже. Проще новую сложить.

– Глины тут тоже хватает. Опосля еще раз, сами попробуем, дабы берегиню не тревожить. – Князь подбросил в руке заготовку для ножа и сунул за пояс. – Заканчивай тут, Горза, да в город возвертайся. Там все едино проще доделать будет.

– Угли жалко, княже. Как догорят, так и вернемся.

Словен ободряюще похлопал его по плечу, пошел к реке. Долбленка вяло заскользила вверх по течению – князь не видел причин торопиться.

То, что с ратью случилось неладное, он понял, едва из-за пологой излучины выступили стены города. Там, на самом берегу, собралась изрядная толпа, и даже отсюда правитель слышал истошный бабий вой. Весла заработали чаще, князь тоже взялся за свое, сохнущее на дне лодки. С разгону долбленка выскочила на пологий берег почти на половину своей длины. Словен выскочил на песок, пробежал до ладьи, возле которой собрались люди, заглянул внутрь – и только застонал от тоскливого ужаса. Вместительное суденышко было почти до половины наполнено отрубленными человеческими головами.

Князь бессильно упал на колени прямо в воду, зачерпнул со дна грязь и бессмысленно размазал по лицу, бормоча себе под нос:

– Что же ты наделал, сынок. Что же ты наделал…

Уже в сумерках в Словенск вернулись четверо ратников, уцелевших после побоища. Они переплыли Волхов много ниже по течению, когда убедились, что за ними никто не гонится. Свистящим шепотом, с круглыми от ужаса глазами они рассказывали, как продавшие свои души Черному волхву юноши перекидывались в невиданных чудищ, от которых отскакивали копья и которым не причиняли вреда мечи. Росту в них было по пять сажен, а ноги – размером с дом. Чудища дышали огнем, и сперва выжгли все войско, а потом вытоптали уцелевших.

Все это князя ничуть не удивило. После рыбацкой молвы об озерном чудище, после испуга Вилии, после рассказов о черном чародействе и человеческих жертвах он поверил в рассказы воинов с первого раза. А потому после заката вышел за ворота, дошагал до реки, сел на берегу рядом с опустевшей ладьей, все еще кисловато пахнущей кровью, достал обрубок ивовой свистульки и стал в него дуть, пока не услышал резкий и звучный ответ.

Нефелим взирал на нее со стены с безмерным спокойствием и снисходительностью, чего нельзя было сказать о сестрах совета Клана, сидящих на скамьях перед изображением Великого. Номария и девять самых опытных, не старых, но уже доказавших свою мудрость хранительниц.

– Мы должны помочь смертным! – горячо доказывала Вилия. – Им не справиться самим с этим злом! На их земли пришла Смерть в лице кого-то, владеющего знанием Небесного храма. Дети их начали молиться кровавой Аментет, приносить ей человеческие жертвы и уже успели поднять руку на отцов своих, перебив немало селян! У смертных нет сил остановить этот ужас, только Клан обладает достаточным знанием, чтобы воспрепятствовать ученикам Смерти, чтобы закрыть врата Дуата. Мы должны помочь им, иначе не сменится и двух поколений, как вокруг воцарится пустыня, и только волки станут устраивать свои логова на развалинах человеческих жилищ.

– Мы выслушали тебя, хранительница, – кивнула глава Клана. – А теперь я хочу услышать мнение сестер. Что скажешь, Аравия?

– Нам запрещено вмешиваться в дела смертных, сестры, – поднялась одна из женщин в одеянии из тонко выскобленной, сыромятной кожи. – Мы обязаны хранить покой Сошедшего с Небес, а не заботиться о каких-то дикарях.

– Леантри?

– Смертные всегда убивают друг друга, – чуть привстала со

своего места ее соседка. – Законы Небесного храма им не в диковинку. Нам не нужно вмешиваться в их дела.

– Иафета?

– Мудрый Хентиаменти завещал нам выполнять свою миссию втайне, – ответила следующая сестра. – Вмешательство в дела смертных может раскрыть тайну существования Клана.

– Да посмотрите же на себя, сестры! – не выдержала Вилия. – Половина из вас уже облачилась в туники, выделанные руками смертных, которых вы предаете! У нас в Клане впервые за многие века появились нормальные ножи и заступы, мы попробовали настоящего хлеба, увидели изящные украшения. Жрецы Небесного храма не просто истребят все живое, они лишат нас всего, к чему мы успели лишь прикоснуться!

– Ты поддалась соблазнам легкой жизни, сестра, – вскинула руку Аравия, – забыв о своем долге и об изначальном предназначении Клана! Ты забыла, что смертные лишены знаний во имя их же блага, как мы лишаем неразумных детей острых игрушек и не подпускаем к пламени очага. Нефелим создал слуг своих слишком жадными и злобными, и только он способен пригасить темные стороны их души и раскрыть светлые. Но Великий спит. И все, что попадает в руки смертных, превращается в орудия зла. Они смогли сохранить умение обрабатывать бронзу, но делают из нее не орудия труда, а мечи и копья. Они сохранили умение обращаться с парусом, но занимаются не торговлей, а ограблением дальних соседей и вывозом рабов на далекие берега, откуда те не способны бежать. Они сохранили умение определять стороны света и находить нужный путь из любого места, но используют это для управления армиями и для неожиданных нападений на мирных соседей. Моли милостивых богов о том, сестра, чтобы смертные не научились выплавлять более доступное для добычи железо, ибо тогда они станут посылать в сражения не только самых сильных и богатых, но всех, кто способен держать в руках это дешевое оружие. Благодари богов, что смертные не знают колеса; они изобрели бы колесницы для истребления целых армий. Благодари богов, что люди не способны бороться с мором, ибо они стали бы не лечиться сами, а насылать болезни на целые страны. Благодари богов, что смертные не умеют делать мощных лекарств, они стали бы отравлять ядами целые народы! Во имя Великого, я готова до конца дней ходить в шкуре и резать капусту каменным скребком, лишь бы смертные не узнали, какими острыми бывают мечи и о том, как удобно заставлять рабынь вышивать одежды! Мы не должны никак помогать смертным, ибо вред от жрецов Небесного храма будет меньше, чем тот, который люди причинят себе сами,

получив силу, способную совладать со слугами Аментет. Нет, Вилия, не должны.

– Но подумайте, сестры! – взмолилась хранительница. – Что будет, когда проснется Великий и вместо цветущего мира увидит вокруг мертвую пустыню?! Как мы объясним свое невмешательство, кого он станет учить и вести к свету? Кто станет служить и поклоняться Великому?

– Когда Сошедший с Небес проснется, он увидит нас! – отрезала Аравия. – Мы, а потом наши дочери станут теми, кто отдаст ему свою силу, кто склонится перед его величием и мудростью, кто пойдет по указанному Великим пути. Не забывай, сестра: однажды Нефелим уже создал на Земле людей. Даже если смертные сгинут все, до последнего человека, он легко создаст их снова. Если, конечно, пожелает. Быть может, он предпочтет создать более толковых и менее агрессивных слуг. Нынешние смертные явно недостойны своего создателя. Прости, номария, – повернулась женщина к главе Клана, – если я сказала нечто лишнее. Но таково мое мнение. Мы никогда не мешали смертным жить. Но мы не должны мешать им и умирать, раз уж они собрались это сделать! Я против любого вмешательства в дела мира! Мы обязаны хранить покой Нефелима и не имеем права делать ничего более.

– Кто-нибудь из совета имеет другое мнение? – тихо поинтересовалась номария. Ей не ответили. Женщина поднялась, подошла к Вилии, положила руку ей на голову: – Вот видишь, сестра, наше мнение оказалось единым. Я всегда говорила, девочка моя, что тебе хорошо удается общаться со смертными. Но ты чересчур увлеклась, сестра. Наша миссия слишком важна, чтобы рисковать ею ради какого-то племени, как бы оно тебе ни нравилось. Посему я запрещаю тебе покидать пределы нашей обители. Ради твоего же блага. Не хочу, чтобы ты сотворила какую-нибудь глупость. Ступай, отдохни, девочка моя. Этот год оказался для тебя чрезмерно тяжелым.

Мотнув головой, хранительница стряхнула руку номарии, круто развернулась и вышла из святилища. Глава Клана проводила ее взглядом, задумчиво погладила себя по шее, оглянулась на членов совета.

– Иафета, у Вилии есть близкая подруга, Милана. Освободи ее от всех обязанностей, пусть присмотрит за нашей девочкой.

В своей келье хранительница упала на постель, зарывшись лицом в медвежий мех, закрыв глаза и закрыв руками уши, чтобы не слышать веселые голоса, что время от времени звучали в коридоре. Однако вскоре ее глаза ощутили свет, пробивающийся сквозь густой ворс.

– Ты решила навестить родной дом, Вилия? Я уж забыла, как ты выглядишь…

Девушка повернула голову:

– Это ты, Милана? Привет…

– Ты из Словенска? – присела рядом на постель подруга. – Ты там не видела такого рыженького, безбородого еще совсем, со шрамом небольшим на кончике носа? Мы с девчатами его у самого озера заловили, когда он ловушки на зверя ставил. Два дня баловали, пока совсем не обессилел.

– Я головы не разглядывала. Только от князя слышала, – ответила хранительница.

– Какие головы? – не поняла девушка.

– Там после стычки с поклонниками Аментет Черный волхв к городу ладью подослал, полную голов. Может, и парня твоего голова в ней была, не знаю.

– Отрубили, поди, голову? Жалко, если так, – пожала плечами Милана.

– Жалко? – вскинулась Вилия. – Тебе жалко?! Он мертв, он умер! Ему сперва копытами кости все переломали, потом голову отрезали – а тебе просто жалко?! У тебя от него дитя родится через полгода, а тебе просто жалко, да? Ты слов других не знаешь?

– Да ты чего, сестра? – опешила от такого неожиданного отпора девушка.

– Оставьте меня все! – вскочила Вилия и натянула коричневые с тиснением, шитые по ноге сапожки. – Оставьте меня в покое! Я могу побыть одна? Просто одна!!!

Она отпихнула подругу и выбежала из кельи.

Утро в княжеском доме наступало с того часа, когда дворня открывала ставни, защищающие жилище от холодного ночного воздуха. Правда, в этот раз Словен успел встать и подвязать штаны еще до того, как в опочивальню хлынул яркий свет. Натягивая рубаху, князь подошел к окну, втянул в себя воздух, оглянулся на Шелонь, что сладко посапывала, положив голову на скомканное в кучу покрывало, сшитое из бараньих шкур. Правитель Словенска, опоясавшись мечом, присел рядом, укрыл супругу свободным краем покрывала.

– Я сейчас, сейчас, – забормотала та.

– Спи, – тихо ответил муж. – Слышал я, сколько раз ночью к малому бегала. Спи. Да, пора окна шкурой[24] затягивать. Холодно уже. Осень скоро. Ты позаботься днем…

Он тихо вышел к лестнице, спустился вниз – и тут к нему кинулся мальчишка, что ходил у Манрозия в учениках:

– Волхвы тебя кличут, княже!

– А что случилось? – недовольно буркнул правитель, не успевший еще и маковой росинки в рот положить.

– Берегиня наша, что граду покровительствует, с ночи в святилище сидит, Сварогу молится.

– Что же ты молчишь, дурень?! – Словен торопливо натянул сапоги, нахлобучил шапку и, подхватив со скамьи меховой плащ, выскочил из дома.

Ворота святилища, вопреки обычаю, были закрыты. Просители, что собирались по разной нужде навестить сегодня богов, удивленно останавливались перед сомкнутыми створками, обходили святилище справа и слева, потом поворачивали обратно. Словен, выдернув меч, громко постучал оголовьем рукояти в плотно подогнанные жерди, но ему никто не ответил.

– Это я, дядя Манрозий! – громко закричал мальчишка. – То я прибег!

Одна из створок со стуком приоткрылась. Мальчишка моментально юркнул в нее, а следом вошел и князь.

Вилия стояла на коленях перед темным от времени идолом Сварога, привезенным переселенцами со старого святилища. Трое волхвов выжидающе наблюдали за невиданным зрелищем, держась далеко по сторонам. Про берегиню, что охотно выполняла все просьбы князя и многих словян, они слышали – но на святую землю она почти не приходила. И уж тем более не склонялась ранее ни перед одним из сколотских богов.

Словно почувствовав присутствие Словена, она оглянулась, поднялась с колен:

– Значит, это и есть ваш предок?

– Да, Вилия… – подтвердил правитель.

– У вас слишком много богов, княже. Поэтому вы мало молитесь своему деду.

– Но… – попытался было что-то сказать седобородый Мосх, но сбился и замолчал.

– Вы должны спилить это дерево у самого основания, – указала на священный дуб ыгров Вилия, – и достать мне сердцевину из пня.

– Да ты что, безумная девица?! – выступил вперед Манрозий, опираясь на кривую клюку. – Это древо слилось с землею здешней и стало опорой и силой ее! Мы станем предателями новой отчины и врагами всех здешних племен!

– Если вы не сделаете этого, у вас скоро не останется ни друзей, ни врагов, – повернула к нему голову хранительница. – И вас самих не останется. Жрец богини смерти откроет для вас врата Дуата, и они всосут в себя все живое окрест. Он черпает

силу в муках умирающих людей. Чтобы одолеть его, мне тоже нужна сила. В ваших идолах ее мало. Силу придется забирать из дерева, которому поклонялись, которому отдавали свою любовь десятки поколений ыгров. Да и ваши родичи тоже немало помолились. Ну же, волхв! Ты клялся, что слепой глаз позволяет тебе заглядывать в иные миры. Так посмотри же туда!

Манрозий помолчал, а потом неожиданно для всех подошел к девушке, опустился перед ней на колени и поцеловал землю:

– Да, священная… – Он немного отполз, встал, оглянулся на Словена: – Зови плотников, княже. Валите дуб.

– Еще мне понадобится кровь трех мужей, что готовы служить земле здешней, о себе навеки забыв и мир людской отринув.

– Я хочу! – высунулся мальчишка, но кривой волхв сгреб его за загривок, спрятал себе за спину: – Молод еще. А я стар. Не вынести мне столь тяжкого бремени.

– Мою кровь возьми, берегиня, – кивнул Словен. – Мой долг земле рода своего служить.

– Выбирать не с кого, – вздохнул Мосх. – Не знаю, что затеваешь ты, берегиня. Но для земли рода нашего – бери меня. А ты, Кий, что скажешь?

– На все воля богов, – молвил третий волхв. – Вижу, их рука посылает меня на служение. Я дам кровь.

– Мне нужны камни, не меньше семи, – деловито принялась перечислять Вилия. – Я знаю, бог у вас есть, Чур. Его облик на камнях сих высечь надобно. Немедля! От сего судьба рода вашего зависит! Еще надобны три птицы. Петух белый, петух черный, петух рябой.

– Постой, берегиня, – вскинул руки князь. – Камни мы найдем, однако же лики на них нанести время надобно. Особливо…

– Глаза, рот, нос наметить, – загнула пальцы Вилия. – Этого для обряда хватит. Посадите нескольких мужей с молотками. Ужели до завтра по четыре насечки на камень не сделают? Плотники где?

– Пришлю, берегиня… – И Словен вышел из святилища, распахнув ворота.

Вилия же повернулась к идолу Сварога и склонила перед ним голову.

Четверо плотников с длинной двуручной пилой, коей обычно распускали на доски бревна, явились примерно через час. Неуверенно оглядываясь на волхвов, словно ожидая, что их вот-вот остановят, они подступились к дубу. Бронзовые зубья вгрызлись в кору, потом посыпались белые опилки из самой древесной плоти. Волхвы же, стараясь не смотреть на это

кощунство, заперли снова ворота святилища.

Дуб сопротивлялся как мог и затрещал, падая, только после полудня. Толстый ствол проломил в частоколе дыру шириной в две сажени, и стало видно, что вокруг святилища собралась огромная толпа, наблюдавшая за происходящим. Сменив пилу на стамески, плотники выбили из самой сердцевины пня, к которой сходились годовые кольца, клинышек длиной с ладонь и примерно такой же толщины.

– Зовите князя, – приказала Вилия, приняв его в руку. – А потом сделайте ровный срез с комля. Пусть в память о дубе останется.

Один из плотников, кивнув, ушел в город, остальные сели отдыхать.

Словен вернулся в святилище в праздничной рубахе – с вышитыми воротом и рукавами, крашенным в красный цвет подолом.

– Камни я уже отобрал, – сообщил он. – Кузнецам приказал, они высекают.

– То ладно, – отметила хранительница. – А теперь собирайтесь все трое сюда.

Два волхва и князь Словенска, неуверенно переглядываясь, подошли к девушке. Хранительница сжала в руке деревянный клинышек и закружила по святилищу, словно выискивая что-то. Наконец остановилась, нараспев заговорила:

– Вехеба апет джуат Апис, тонахоту эвери Мут Хонсу ивар… Ушбети хонсу ликис, варах, на-на атори! – Она резко ударила клином в землю, вогнав его на всю глубину, жестом подозвала мужчин: – Сведите руки вместе! Запястьями!

Словен, Кий и Мосх выполнили ее требование – Вилия резко наклонилась, поймала выпавший из-за пазухи обсидиановый нож и резко рубанула снизу вверх, рассекая кожу сразу всем троим. Кровь, смешиваясь, закапала на торец клина.

– Тхори, тхори! Птах, Сохмет, Нефердум! – Хранительница отпихнула от себя руки людей и перешла на понятный язык: – Прими земля, плоть детей твоих, прими жизнь детей твоих, прими любовь детей твоих. Отдай детям сердце свое на веки вечные, на беды и праздники, на счастье и радости! Нет иных детей у тебя, земля, нет иной земли у детей твоих, Сварог! Отныне и во веки веков, пока светит солнце, пока дует ветер, пока течет вода!

Она вогнала нож в торец клина и с размаху ударила его сбоку ногой. Хрупкий клинок брызнул мелкими осколками. Вилия, прикрыв лицо руками, отступила и осела на землю.

– Что с тобой, берегиня?! – кинулся к ней князь.

– Теперь неважно, – ответила она. – Устала я, княже.

– Вставай. Давай, поддержу.

– И что означал сей обряд? – подошел вслед за правителем волхв Кий – еще молодой служитель богов, не разменявший четвертого десятка и больше похожий черной бородой и ясными голубыми глазами на удачливого охотника, нежели на мудреца.

– Я стучалась к земле, на которой вы все стоите, – перевела дух девушка. – Стучалась вашей клятвой и вашей кровью, что нет для вас ничего дороже ее. Если земля вам поверит, она отдаст вам свое сердце. Вы будете хранить его и беречь сильнее, чем собственные сердца. Пока оно цело и в руках ваших – не найдется силы, что сможет изгнать рода ваши с этих мест. Вы будете защищать эту землю до конца, и она до конца станет отдавать вам свои силы. И никакой Черный волхв противостоять этому не сможет.

– А как мы узнаем, поверила она или нет?

– Должен быть знак. Ясный и понятный всем. И о том, что она вас услышала, и о том, где находится сердце.

– Мама! Мама! – послышался быстро приближающийся мальчишеский крик. – Гляди-ка, река! Волхов вспять течет!

– Это и есть знак, – первым сообразил Мосх. – Нас услышали…

Он опустился рядом с торчащим торцом колышка и благоговейно коснулся губами пыльной натоптанной земли, произнеся только одно словно:

– Клянусь!

Толпа между тем отхлынула от святилища к берегу, наблюдая за поразительным чудом – текущей вспять реке. Трое связанных клятвой мужчин и хранительница двинулись следом за людьми, и теперь первым нечто странное заметил князь.

– Что это? – указал он на самую стремнину, где на воде покачивался какой-то черный ком.

– Камень какой-то… – ответил ему один из словен.

– Камень не может плавать, как деревяшка.

– Иногда может, – возразила Вилия. – Смотрите, куда пристанет.

Темный гранитный валун, подгоняемый мерными ударами волн, поравнялся с воротами города, остановился, словно раздумывая, а затем порыв ветра приткнул его к противоположному берегу. Здесь он, получив несколько шлепков пенистыми гребнями, выкатился на отмель и внезапно тяжело замер. В тот же миг послышался низкий утробный гул, вся масса воды остановилась, чуть заметно просела, задрожала мелкой рябью – и потекла в привычном направлении.

– С той стороны, на холме, нужно вырыть подземелье, – указала девушка. – На глубину не меньше чем в два роста. Сердце земли должно храниться под землей. Это оно.

– Прости, берегиня, – облизнул сухие губы Словен. – Но не спокойнее будет сделать подземелье с этой стороны? Пусть оно покоится под защитой городских стен.

– Сердце выбрало тот берег, – покачала головой хранительница. – Но ты прав. Не мешало бы поставить твердыню и на том берегу.

– Кто тут есть? – оглянулся на своих людей князь. – Атей, Голян, Мородив, бегите за заступами. Фарлов, Вельмуд, за мной. Переплывем на тот берег и откатим камень от воды.

На правом берегу Волхова, напротив Словенска, все еще покачивался девственный лес. Поэтому землекопы, чтобы не тратить время на выкорчевку, нашли небольшую прогалинку и начали зарываться в глубину под крутым углом. Двое человек, часто сменяясь, отрезали от плотной, чуть рыжеватой глины ком за комом, бросая возле себя, откуда землю выгребали помощники, наполняя ивовые корзины. Еще четыре человека выносили грунт, высыпая его в низину за холмом. Сколоты умели работать с землей – им довелось насыпать немало высоких могильных курганов над ушедшими за Калинов мост вождями. К сумеркам по темному тоннелю, уводящему вниз на добрый десяток саженей, проследовал князь с берегиней. Вилия медленно прошла вдоль стены выбитой в слежавшейся глине камере со сводчатым потолком, качнула головой:

– Закрепить бы стены. Но не сейчас. Несите сюда сердце. Оно не только ваше, но и всех родов ваших. Поэтому доверить можете всем, кто пожелает руку приложить. Я просила с комля дуба спил сделать. Его тоже сюда перевезите.

– Все сей же час исполним, – кивнул Словен, выходя из помещения.

Хранительница, оставшись одна, прижалась к стене и стояла так, не шелохнувшись, пока десяток смертных при свете факелов сперва притащили и поставили в центре подсохший валун с тремя глубокими горизонтальными бороздами на боку, а спустя некоторое время – прикатили огромный дубовый диск, по краю которого еще оставалась шершавая кора.

– Что еще надобно, берегиня? – спросил князь.

– Теперь двоих нас пусть оставят. Надобно мне слово тебе тайное сказать.

Смертные, оставив в продолбленных в стене дырах два факела, вышли.

– Что теперь? – Князь подошел, положил руки ей на талию.

Хранительница, улыбаясь, ждала. Но, едва Словен начал целовать ей шею, спохватилась:

– Прости, забыла совсем. Помоги… – Вилия вышла из пещеры, спустилась за холм, выбрала несколько комьев глины, с ними сходила к воде, несколько раз макнула. Вернулась в убежище и стала наминать на самой вершине валуна глиняную шапочку.

– Это ведь сердце земли нашей, – неуверенно напомнил князь. – Не грешно ли так…

– Кто-то должен это сделать, – отмахнулась девушка. – Давай, бери спил.

Поднатужившись, они поместили почти правильный дубовый диск на камень.

– Ну вот, – вздохнула хранительница. – Алтарь почти готов. Глина сплющится по месту, высохнет и все будет держаться крепко.

Затрещал, капая чем-то смолянистым, один из факелов. Пламя на нем задрожало, посинело и угасло. Почти сразу начал потрескивать второй.

– Спешить надобно, берегиня, – предупредил Словен. – В темноте останемся.

– Не останемся… – Вилия несколько раз тряхнула ладонями, безуспешно пытаясь избавиться от налипшей глины, потом ткнула ими в потолок. Там появилось небольшое белесое облако, переливающееся слабым мертвенным светом. – Но руки помыть нужно…

Она двинулась к выходу – но почему-то наткнулась на князя. Подняла голову и тут же ощутила на губах его поцелуй.

– Потом помоешь, – сказал Словен, развязывая на груди петлю плаща, и бросил его на пол…

Поутру волхвы едва не застали их врасплох – услышав шаги в тоннеле, Вилия едва успела накинуть и оправить тунику, а князь и вовсе только в плащ торопливо завернулся. Но Кий и Мосх либо не обратили на это внимания, либо сделали вид, что светящийся туман под потолком им более интересен.

– Идолы Чуровы готовы, берегиня, – сообщили они. – Петухов нужных мы тоже по дворам нашли.

– Все сюда несите, – прикрыла ладонью зевок хранительница. – И более никого, кроме Круга вашего из трех посвященных, отныне сюда не пускайте. Когда новые посвященные появятся, благословение им давайте токмо раз в месяц, в день новолуния.

Волхвы вышли, дав влюбленным время привести себя в

порядок, но уже менее чем через полчаса принялись вносить и ставить на пол небольшие камни с грубо нанесенными лицами. Вилия аккуратно распределяла их вокруг стола, спиной наружу. Наконец в тоннеле послышалось недовольное клекотание.

– Солнце высоко? – спросила Вилия.

– Только поднимается.

– Это хорошо. Обряд сей до полудня проводить надобно. Смотрите внимательно, мужи, земле себя посвятившие, ибо впредь творить таинство будете сами. Дайте нож.

Словен торопливо выдернул свой, протянул хранительнице. Вилия приняла… и вдруг замерла, задумавшись.

– Ты чего, берегиня? – спустя некоторое время переспросил князь.

– Ничего, – вздрогнула девушка. – Совсем мало для завершения осталось. Всего ничего. Смотрите и запоминайте…

Она схватила белого петуха, посадила его на дубовый диск, ловко резанула ножом вокруг шеи и прижала забившуюся птицу к дереву, говоря:

– Дай, белая птица, память свою на день-деньской…

Кровь потихоньку начала разливаться по столешнице, петух трепыхнулся еще несколько раз и затих. Вилия откинула его в сторону, схватила другого:

– Дай, черная птица, память свою на ночь-ночную…

Этот бедолага брыкался меньше своего товарища, но крови своей все-таки добавил.

– Дай, птица пестрая, крови своей на безвременье, – резанула хранительница последнюю жертву, дождалась, пока та затихла, откинула к стене. Затем указательным пальцем размешала натекшую черную лужу, повернулась к ближнему каменному Чуру, присела, мазнула его кровью по глазам, рту и по спине сверху вниз: – Чтобы видел, чтобы сказывал, чтобы знал.

Так она быстро прошла по кругу, перед каждой инициацией макая палец в кровь. Выпрямилась. Сглотнула:

– Слушайте меня внимательно, посвященные, члены Круга, отдавшие жизнь и судьбу земле своей. Отныне покой и будущее в руках ваших. Помните, помните днем и ночью, помните в радости и в годины тяжелые мой завет. Есть народы, что гордятся умением своим в набеги ходить. Есть народы, что гордятся умением дела торговые вести, богатства наживать. Есть народа, что гордятся мудростью своей. Отныне и навсегда долей и гордостью народа словенского станет совесть! Защищайте слабого, не бойтесь сильного, не сдавайтесь никому. Ибо в чести и справедливости ваша сила, и иной не бывать. Потеряете совесть – отринет вас земля, и скитания бесплотные станут уделом

вашим. Честь и справедливость – только они сохранят словен до скончания веков! Слушайте меня, посвященные, члены Круга. Идолов сих, кровь заговоренную вкусивших, надлежит вам отправить на все стороны света и поставить на границах земель ваших, лицом наружу. А коли границы раздвигаться станут – из камня новых идолов высекайте, кровью заговаривайте и на новые рубежи ставьте. С того часа, как они места свои займут, все смертные, что за спинами их обитают, часть силы своей вам в руки отдавать начнут. Любовь, каковую люди к земле своей испытывают, к алтарю сему сбираться станет для защиты земли. Ныне вы не хитры в чародействе – но мудрецы, не желающие кровь человеческую ради утехи своей проливать, к вам, к алтарю за силой сбираться станут. С ними и знание придет. Да и земля, силу свою вам отдавая, тоже чему-то научит. Судьба у вас будет долгая. Город рано или поздно одряхлеет, вы ношу свою нести устанете. Тогда вы найдете для алтаря новое место и новых посвященных, что переймут от вас ваш долг. Но помните: сила ваша в любви людей к стране своей, к земле отчей. К вам, их охранителям. Не бойтесь истреблять тех, кто излучает ненависть, и берегите всех, кто ищет дружбы. Так и только так. Совесть, честь, справедливость. Помните об этом: совесть, честь, справедливость. Вот и все… Большего я для вас ни сделать, ни сказать не могу.

Вилия обошла стол, двинулась к уходящему на свет тоннелю.

– Ты куда?! – дернулся следом князь.

– Стой! – предупреждающе вскинула руку хранительница. Потом сделала шаг навстречу, подняла руку, осторожно коснулась подушечками пальцев его щеки. – Словен, любый мой… Я отдала тебе все, что могла. И спасибо тебе за то, что ты отдал мне. Прощай!

Она попятилась, потом развернулась и убежала наверх.

– Получается, дело, берегиней нам оставленное, еще только надлежит сотворить, – сделал вывод Кий, оглядывая влажно поблескивающие спины истуканов. – Посланников надобно снаряжать, Чуров отправлять на все стороны света, чтобы на рубежах место заняли. Токмо опосля и узнаем, что за силу нам алтарь сей даст. Как мыслишь, княже?

– Семь лодок найдем, – ответил Словен, глядя в сторону тоннеля. – От Ильменя реки во все стороны расходятся. Еще по озеру Нево можно умелых рыбаков послать. До листопада управимся.

Через четыре дня по подземному святилищу прозвучали твердые шаги. Взглянув в глаза замершему на стене Нефелиму,

хранительница преклонила колено перед удивленной номарией, опустив голову, с собранными на затылке длинными волосами.

– Я уже начала беспокоиться, девочка моя, – вздохнула женщина. – Где же ты была так долго, Вилия?

– Я предавала Клан, великая.

– Что ты делала? – не поверила своим ушам номария.

– Я предала Клан. Во имя благополучия сестер и ради будущего Сошедшего с Небес я нарушила решение совета.

– И что же ты сделала?

– Я раскрыла смертным тайну алтаря власти.

– Что ты сделала?!

– Создала в Словенске алтарь.

– Значит, ты выбрала смертных, – сморщилась, как от зубной боли, номария. – Что же, ругать тебя уже бессмысленно. Остается только наказать. Ступай в свою келью. Тебе сообщат, какую кару изберет тебе совет.

Санкт-Петербург, набережная Лейтенанта Шмидта.

13 октября 1995 года. 10:20

Машину Пустынник оставил возле Академии художеств, дабы она никому лишний раз не попадалась на глаза, прошелся вперед по набережной. Напротив Пятнадцатой линии остановился, вытащил плод мандрагоры, покрутил перед глазами.

– Вот ты какое, яблочко наливное… – с улыбкой пробормотал он.

Плод, изначально имевший просто желтый цвет, теперь светился, словно янтарная безделушка. Да и не удивительно: столько дней каждый вечер, каждое утро, а то и ночью оно получало по два-три мощных энергетических импульса, напитываясь сильнее и сильнее. Пожалуй, посади его сейчас в землю – семена превратятся в огромный куст не за несколько лет, а за считанные часы.

– Жалко, что тебе не повезет… – Колдун поднял глаза на дорогу.

Гендиректора никогда не трогали утром – поэтому он не должен быть сейчас особо внимательным. К тому же на него нападала только девушка – а потому внимание к одинокому, безоружному мужчине должно быть снижено.

На всякий случай Пустынник расстегнул куртку и откинул ее полы, показывая надетую на голое тело сорочку. Никакой кобуры, никакого бронежилета. Обычный скучающий горожанин.

Кортеж из трех машин вывернул от ростральных колон, промчался мимо университета, ревом сирен заставил всех остановиться у Академии художеств и на съезде с моста, зашелестел шинами вдоль широких газонов. Колдун бросил на яблоко прощальный взгляд и сжал его пальцами. Плоть потекла, разрушаясь и умирая, теряя энергию, что должна была бы послужить рождению нового растения; Пустынник чуть наклонил голову и дунул, сметая невидимый в дневном свете желтый шар в сторону джипа.

Разумеется, сладострастная структура импульса не могла причинить вред никому. Человек, окажись на его пути, испытал бы внезапный прилив бодрости. Маг – ощущение сытости. Но плотная энергетическая оболочка вокруг машины не разбиралась в подобных тонкостях. Она была предназначена для разрушения и уничтожения любых упорядоченных структур – и она сколлапсировалась в точке соприкосновения, выжигая принятое ею за порчу послание. Доля мгновения – и обе структуры перешли в то, во что рано или поздно превращается любая энергия. В тепло. Только на этот раз дело обошлось отнюдь не искоркой…

Яркая вспышка слева от лобового стекла, тугая ударная волна – джип вильнул вправо, тут же отвернул влево, уходя от столкновения со стеной дома, опрокинулся набок и закувыркался по проезжей части, разбрасывая осколки стекла, дверцы, дворники, какие-то пластмассовые примочки, пока не ударился с жалобным стоном в угол следующего дома. Завизжали тормоза «БМВ», выводя на асфальте длинные черные полосы.

– Гранатометчик!!! – заорал Пустынник, показывая куда-то вправо, и кинулся через дорогу, выставив вперед руки: чтобы охрана видела его пустые ладони. – Скорую вызывайте! Я врач!

Он подбежал к искореженной машине третьим – но если охрана, сжимая пистолеты, больше смотрела по сторонам, то колдун сразу полез внутрь:

– «Скорую» вызывайте! Я врач! – громко повторил он.

В машине находились всего двое. Молодой водитель висел на ремнях безопасности, а его стонущий пассажир на заднем сиденье полулежал, упершись головой в дверцу.

– Раненому нужно искусственное дыхание! – объявил Пустынник, наклоняясь к жертве.

В этот миг хозяин пароходства открыл глаза – и сразу понял все. Он дернулся, пытаясь отстраниться, застонал громче, зрачки расширились. Но Пустынник уже прильнул к его губам и сделал глубокий вдох…

– Поздно… – выбрался наружу колдун, осмотрел куртку,

старательно ее отряхнул. – Я опоздал.

– Что?

– Поздно, – повторил Пустынник телохранителю павшего мага. – Он уже мертв.

И колдун неспешным шагом направился в сторону Большого проспекта.

Теперь для выполнения заказа ему оставалось поставить только одну завершающую точку. Маг остановился у первого встречного ларька, купил пачку сигарет, сорвал обертку. Содержимое пачки выбросил в стоящую у ларька урну, вышел на край тротуара, сделал несколько шагов, выбирая место поудобнее, потом присел и намел внутрь дорожной пыли, скопившейся в щели между камнями поребрика.

Да, конечно, у него не имелось ритуального жертвенного ножа – такой артефакт дорого стоит и в мире их уцелело штук пять, не больше. Зато он своими собственными глазами видел на набережной двух стражей врат Дуата – а эти звери по способностям своим не уступят никакому ножу.

Обойдя набережную, где наверняка вовсю трудилась полиция, по Большому, маг вернулся к Академии художеств, пересек оживленную дорогу, остановившись перед сфинксами. Огляделся…

– Ох-хо-хох, – пробормотал он. – Вечно так. Творишь великое таинство, а выглядишь идиотом.

Он запрыгнул на гранитный парапет набережной, с них забрался на пьедестал сфинкса и, торопливо бормоча наговор, просыпал пыль через левую лапу стража, через самые когти. Собрал получившееся зелье обратно в пачку, спрыгнул вниз.

Обошлось! Никаких патрулей мимо не проехало, прохожие только посмеялись над непонятным чудаком. Однако, на всякий случай, Пустынник все-таки отступил в сторонку и немного погулял, любуясь широким простором Невы. А минут через десять сходил к машине и достал из бардачка свой хрустальный шарик:

– Ты проснулась, госпожа?

– Где тебя носит, демон? Тебя не дозовешься!

– Нужно было заглянуть в стеклянный шар, – ухмыльнулся Пустынник.

– Он разбит! Ты, что, не знаешь? – возмутилась Виктория. – А еще – у меня кончились деньги. Принеси мне еще.

– Помести шар на открытое место.

– Он разбит, идиот!

– Но мне нужен шар, чтобы воздействовать на реальный мир, госпожа, – с трудом сдержал смех колдун.

– Ты что, дурак? – чуть не зарычала девица. – Я же тебе

говорю: мой шар разбился.

– Купи другой.

– У меня деньги кончились! – заорала ведьма.

– Тогда добей Северного Правителя и займи его место! – жестко потребовал Пустынник. – И у тебя никогда ни в чем не будет недостатка. Сегодня тебе надлежит нанести завершающий удар. Одевайся и приходи на Неву к сфинксам.

– Зачем?

– Я покажу, как тебе уйти от охраны колдуна. Она состоит из простых смертных и не знает законов мира магии. Телохранители могут попытаться отомстить за хозяина.

– Ладно, – недовольно буркнула Виктория. – Иду.

Ждать ведьму пришлось довольно долго, но когда Пустынник увидел ее, то сразу понял почему. Виктория решила еще немного поиграть роль леди из высшего общества и нарядилась в новое голубое пальто, шляпку, шелковый шарфик, а на ноги натянула сапожки натуральной кожи.

«Что же, хороший выбор», – подумал он, спустился на ступеньку к воде и высыпал пыль аккуратной кучкой, якобы случайно уронив пустую пачку. Сам отступил за левого сфинкса и позвал девицу:

– Вы слышите меня, госпожа?

– Да слышу, слышу, – буркнула та. – Чего надо?

– У ног правого сфинкса, на верхней ступеньке, лежит пустая пачка.

– Ну и что?

– Возьмите ее и сметите в нее всякую пыль…

Пустынник выглянул из-за угла парапета, наблюдая за жертвой.

– Я, что, побирушка – пустые пачки поднимать?

– А ты хочешь держать грязь в ладонях, госпожа?

– Вот, черт!

Леди в голубом пальто, изящным жестом поправив шляпку, наклонилась, подняла с камня пачку из-под сигарет, взмахом руки смахнула в нее кучку пыли со ступеньки.

– Отлично! – облегченно перевел дух колдун, отступая обратно в укрытие. – Теперь о новом заклинании. Чтобы смертные не могли тебя догнать, тебе придется уйти туда, куда не способны побежать они. Поэтому, уничтожив Северного Правителя, ты тут же спустишься к Неве и прямо по воде уйдешь на Адмиралтейские верфи, куда так просто не попадешь. До проходной полчаса ехать придется. Но даже если они попытаются – спустя некоторое время ты по воде так же легко перейдешь обратно.

– Я тебе, что, Иисус Христос?

– Да чтоб тебе! – выругался Пустынник, которого передернуло судорогой. – Не поминай всуе! Ходить по воде несложно, нужно просто знать заклинание. Его произносят на пыль, которую сыплют на волны перед собой. У тебя в руках пачка с пылью. Теперь говори: «Яалим яом йащорп!»

– Яалим яом ящорп! – повторила вслух ведьма. – И что теперь?

– Волшебный порошок готов. Спускайся к воде… – Пустынник наклонился через перила, наблюдая за Викторией. Девица как раз остановилась на предпоследней перед водой ступенькой – следующую уже захлестывали волны. – Сыпани перед собой небольшую щепотку.

Леди, недоверчиво оглянувшись по сторонам, сунула пальцы в пачку из-под сигарет, «посолила» водичку на ступени и перед ней.

– Ступай! – решительно приказал колдун.

Ведьма опустила ногу на ступеньку – но ощутила под подошвой сапога, как что-то мягко прогнулось.

– Еще шаг!

Она шагнула – всего на чуть-чуть, готовая в любой момент выскочить обратно. Но… Вода держала!!!

– Сыпь, сыпь, не переставай!

Виктория, поминутно суя пальцы в пачку, прошла еще немного, оказавшись в двух метрах от набережной.

– Ну убедилась? – чуть не в голос сказал Пустынник. – Иди на тот берег и ничего не бойся.

И ведьма двинулась вперед, с мерностью древнего сеятеля одаряя волны зачарованной пылью.

Самым обидным было то, что чуда почти никто не замечал. По набережной мчались машины, на мосту водители, выискивая щели для проезда, тоже не обращали на реку никакого внимания. Напротив, на левом берегу, щелкали вспышки фотоаппаратов – но это гуляла свадьба, занятая исключительно собой. И лишь двое мальчишек, что стояли с удочками на спуске к воде, замерли с раскрытыми ртами.

Виктория тем временем дошла почти до середины Невы – но уже наклоняла пачку набок, вытряхивая из нее последние крохи. Еще щепотка, еще одна… Еще несколько крупинок… Все!

Громко взвизгнув, ведьма провалилась в темную воду, заколотила по ней руками.

– Совсем забыл сказать, – пробормотал для нее маг. – Если заговоренной пыли не хватает от берега до берега, мост мгновенно разрушается.

– Я-а… А-а! Тону! – Течение быстро уносило девицу под мост.

«Октябрь, – мысленно отметил Пустынник. – Вода, наверное, градуса три или четыре. В такой больше пяти минут смертные не выживают. А за пять минут до нее никто добраться не успеет».

Впрочем, даже пять минут было слишком оптимистичным сроком. Пальто из дорогого французского кастора должно было намокнуть мгновенно, утянув свою обладательницу в ледяную глубину. Сапожками с узкими носками особо не погребешь, а снять их в воде не так-то просто. Никаких шансов.

Пустынник развернулся, пересек проезжую часть, открыл машину.

«Демон! – донеслось до его внутреннего слуха. – Демон, что делать?!»

– Ну ты как хочешь, – пожал плечами колдун, – ты как хочешь, а я сматываюсь.

Он завел мотор и вырулил на набережную.

Дело было закончено, заказ Изекиля выполнен. Когда Великий убедится в том, что все сделано правильно, можно будет напомнить об оговоренной плате. Пустынник успел присмотреть в здешних музеях несколько действительно уникальных предметов… И все-таки внутри него что-то продолжало свербить, напоминая об одном дурном и никому не нужном, но все-таки талантливом существе.

Колдун вдавил педаль газа, разгоняясь по набережной заметно за сто километров, пока это позволяла «зеленая волна», за пять минут промчался до поворота на Шкапина, а еще через минуту затормозил возле Смольного. Выскочил, поднялся на второй этаж, без стука войдя в кабинет заместителя председателя.

У Тани шло какое-то заседание. Три женщины и двое мужчин удивленно повернули к нему голову. Однако колдун не отступил:

– Простите, пожалуйста, но это очень срочно. Можно вас на две минуты?

– Извините, товарищи… – Татьяна обошла стол, вышла к нему в приемную, притворив за собой дверь. – Что случилось?

– Ничего, – тихо ответил Пустынник. – Просто мне показалось, что если я не увижу тебя сейчас, в эту минуту, то умру на месте.

– Дурачок ты, Толя. – Она погладила мага по голове, поцеловала. – Никуда я от тебя не денусь.

– Скажи это еще раз.

– Я никуда от тебя не денусь, мой любимый чародей. Теперь ты успокоился?

– Не знаю. – Колдун внимательно поглядел ей в глаза. – Слушай, а ты можешь выполнить одну мою очень глупую

просьбу?

– Какую?

– Ты можешь на протяжении трех минут говорить о карандаше?

– Могу, – рассмеялась Таня. – А зачем?

– Попробуй.

– Ну, – потерла нос женщина. – Карандаш, он сделан из дерева и грифеля. Бывает окрашен в разные цвета. Им пишут по бумаге. Белой бумаге с буковками. Я сегодня этих бумажек написала не меньше десятка. И карандашом, и ручкой. Это та, которая с чернилами. Они бывают гусиные, шариковые, перьевые. Мне на юбилей работы с золотым пером подарили…

Пустынник остановил ее, положив палец на губы.

– Что? – удивилась Таня.

– Ничего. Я очень тебя люблю.

– Я тебя тоже.

– Я афишу спектакля одного встретил. «Хрустальный зверинец». Я его только на английском языке видел. Сходим сегодня?

– Конечно. А теперь извини, меня ждут.

– Разумеется, иди… – отпустил он Таню. Сам отошел к окну, прижался лбом к стеклу. – Проклятие! Эта русская земля словно пропитана каким-то ядом. Еще немного, и я начну говорить о совести…

Он резко оттолкнулся, вышел из приемной и, небрежно насвистывая, побежал по ступеням вниз.

Глава четвертая

Санкт-Петербург, улица Большая Морская, фитнес-клуб «Сильфиджа».

17 ноября 1995 года. 11:30

Лена заглянула в комнату, окинула ее тревожным взглядом:

– Леша, ты где? Леша! – Однако тут до ее слуха донесся слух льющейся воды, и девушка с облегчением повернула к ванной, приоткрыла дверь и торопливо скользнула внутрь, не давая брызгам наплескаться в комнату. – Леша, ты чего?

– Чего-чего? – огрызнулся тот, подставляя лицо струям горячего душа.

– Ты чего убежал?

– А что, еще кого зарезать надо?

– Ты никого не зарезал, – покачала она головой. – Ты победил в честной схватке. Или ты, или он.

– А оно было нужно? – развернулся Дикулин. – Зачем убивать? Почему обязательно кого-то нужно убивать?! Что он вам сделал, ваш эмир? Надоел, наскучил? Значит, сразу на мясо?

– Потому, что ты стал моим избранником, Алексей. И должен был занять место эмира.

– А убивать? Убивать его зачем? Почему просто не отпустить, не прогнать, не уволить? На этой земле, что, мало места? Почему обязательно надо убивать?

– А что, много? – Лена шагнула к нему, оттолкнув к стене. – Ты это дедам своим расскажи, что в Отечественную кровью это место для тебя оплатили. Отцам своим скажи, что в Корее и Вьетнаме сатанистам силу свою показали. Однокашникам скажи, что сейчас в Чечне от рабства тебя защищают. Думаешь, им умирать хочется? Думаешь, они убийцами родились? На этой земле всегда мало места! Потому что всегда есть те, кто чтит совесть, и те, у кого ее нет!

– Ты меня войной в нос не тыкай! – отпихнул ее Дикулин. – Мы не на фронте, чтобы кровь за водичку считать.

– Эта жизнь всегда фронт, – отступила антикварщица. – Хищники кушают травоядных, травоядные топчут хищников. И каждый раз остается кто-то один. Тебе просто повезло, Лешенька. Всему вашему поколению повезло. Вы первые за четыре тысячи лет, кто за всю свою жизнь ни разу не голодал, не воевал, от

холода не подыхал. Кого баловали, учили, кто привык, что каждый каприз исполняется. Привыкли вкусно кушать, тепло спать, развлекаться с комфортом. Служить вам нынче тяжело, денег вам всегда мало, работы всегда много. Забыли вы, что выжить, не сражаясь, невозможно. Потому страну свою и просрали.

– Я, что ли, просрал? – возмутился Алексей.

– И ты тоже. – Девушка опустила взгляд на свою мокрую одежду, попыталась стряхнуть с нее еще не впитавшиеся капли. – Все. Ты ее защищал? Ты задницу свою от телевизора оторвал, когда ее разоряли? Вот и помалкивай.

– А ты?

– Я обязана хранить покой Великого, и я его храню. Я выбрала эмира, которого считала лучшим, дала ему возможность сразиться с прежним. А он теперь слюни пускает. – Девушка оправила юбку и шагнула под струи душа, приблизив свое лицо к нему почти в упор: – А если Сошедший с Небес прикажет тебе идти и сражаться – ты тоже станешь биться в истерике? Скажи мне это сейчас. Ведь ты хотел принести ему клятву верности. А сможешь ли ты ее исполнить?

– Отойди, вымокнешь.

Лена отступила, посмотрела на себя и стала вдруг снимать одежду, бросая ее на пол:

– Какая теперь разница?

Раздевшись, она рывком распахнула дверь в келью, на пороге обернулась:

– Мне нужно пойти к номарии и доложить о своем позоре. Ведь ты обманул ее и отказываешься принести клятву верности?

– Нет! – скрипнул зубами Дикулин. – Я не отказывался от обещания. Раз я обещал, то клятву принесу.

– Но будешь ли ты ее исполнять? Выполнишь ли ты любую, любую волю Нефелима?

– Вот зараза! – ударил Алексей кулаком кафельную стенку. – Да, исполню! Я не привык отказываться от своего слова. И уже начал участвовать в ваших игрищах, если ты заметила.

– Вот видишь, Леша, – прикрыла дверь Лена. – Оказывается, этот экзамен пошел тебе на пользу.

– Какой экзамен?

– Проверка кровью. Ты начал понимать, что мы не играем понарошку. Что все вокруг настоящее, и за каждый шаг приходится платить настоящую цену. Школа осталась позади, Лешенька, игры кончились. Теперь все по-настоящему.

– И что такое «настоящая цена»?

– Жизнь, – кратко ответила хранительница. – Или ты ее

берешь, или ты ее отдаешь. Добро пожаловать в реальный мир, малыш.

Русь. Остров в дельте Невы.

Зима 2407 года до н. э.

Над святилищем полз туман. Быть может, чародейки, что обитали в здешних краях, затеяли новое колдовство, а может – это был пар из сотен ртов собравшихся на небольшой поляне женщин. В центре святилища – там, где берегини встречали просителей из окрестных племен, – в этот раз лежала подпертая по краям бревнами высокая куча мелкого черного хвороста. Большинство хранительниц предпочитали не смотреть на это зловещее сооружение, разглядывая либо чистое небо, либо темные острия кольев в высоком тыне.

Наконец, похрустывая белым снегом, к святилищу подошли еще две женщины в полотняных туниках. Они шли бок о бок, словно подруги, о чем-то негромко переговариваясь. Одна, пожилая, с желтым морщинистым лицом, была обрита наголо, вторая имела длинные волосы, доходящие до плеч. На краю поляны прибывшие остановились, и пожилая указала молодой на сложенную кучу:

– Тебе туда, Вилия.

– Прощай, номария, – кивнула та, вышла вперед и поднялась на возвышение.

– Ты считала и считаешь, что была права, девочка моя, – сказала глава Клана. – Ради правоты своей ты пошла на предательство и клятвопреступление, поступилась нашим мнением и пожертвовала своей судьбой. Так иди же до конца. Ты готова пожертвовать собой ради смертных? Так сделай это, и не заставляй никого из нас принимать грех на свою совесть.

– Нас рассудят весы Анубиса, сестра, – ответила девушка, подняла глаза к небу, постояла так около минуты, потом резко распрямила пальцы.

Пересушенный хворост занялся сразу со всех сторон, почти мгновенно превратившись в столб алого пламени. На хранительнице затрещали, скручиваясь, волосы, начала чернеть туника. Девушка сжала кулаки и стиснула зубы, пытаясь перебороть боль, но жар оказался сильнее ее воли, и, уходя к вратам Дуата, она выкрикнула этому миру свой последний вздох:

– Слове-ен!!!

– Ты ничего не слышала? – поднял голову от стола князь.

– Нет, ничего, – отозвалась сидящая у прялки Шелонь. – Малой заплакал?

– Видать, померещилось… – Макая расщепленную палочку в черный настой чернильного ореха, Словен закончил письмо, подул на тонкий лист бересты, свернул его, вышел из горницы: – Тивор, ты ждешь?!

– Да, княже! – выскочил из угла мальчишка лет десяти, в овчинном тулупчике и черных потоптанных валенках.

– Вот, бери, – отдал ему письмо князь. – Иди через озеро, оно уж замерзло все. Грамоту токмо брату моему, Русу, отдавай, и более никому! Дорогу помнишь?

– А как же, княже! Сколько раз летом за солью с отцом ходили.

– Ну так поспешай! Дни ныне короткие, а версты длинные.

– Слушаю, княже. – Мальчишка подхватил с лавки шапку и кинулся за дверь.

Правитель вернулся в горницу, поцеловал жену в щеку, забрал висящий на спинке кресла ремень с мечом, опоясался. Взял плащ, сшитый из трех рысьих шкур, кинул на плечи:

– Искать кто станет – в святилище я.

Зимний город был пуст и почти тих – разве где-то на окраине слышался стук топора. Да оно и понятно: работ зимой особых нет, на холод без нужды выходить неохота. Никого не встретив, князь дошел до святилища, склонился перед Сварогом, потом обошел богов и постучал в дверь, что скрывалась за распятой на тыне воловьей шкурой:

– Мосх, Кий! Вы здесь?

Из обители волхвов наружу вышел седобородый Мосх, привычно поклонился Словену:

– Здрав будь, княже. А Кий на том берегу, в схроне нашем. Может, и нам туда пойти?

– Ни к чему. Передай, письмо я сегодня брату послал, дабы с ратью своей к нам поспешал. Мыслю я, набрал уже алтарь наш силушку. Да и сами мы не те, что летом. Настала пора снести с земли нашей святилище поклонников смерти. Хватит, натешились. Ныне зима, мужи по домам сидят. Стало быть, рать соберется быстро. День на сборы, два на дорогу, один на отдых. А на пятый день пойдем Черного волхва бить. Готовьтесь.

Он ошибся всего на один день: длинная колонна одетых в тулупы и стеганые тегиляи воинов показалась на льду Ильменя к вечеру шестого дня после ухода на юг юного вестника. Словенск встретил гостей сперва громким билом, а потом – огромными

кострами возле ворот, на которых запекались кабаньи и лосиные туши, хмельным медом, теплыми избами, где до утра отогревались по трое-четверо озябшие ратники. Правда, как обычно, на веселом гулянии не было князей ни словенского, ни русского. Братья, запершись в горнице, уединенно решали, какой станет грядущая война, кто чем станет командовать, куда наступать и как разрешать возможные споры.

– Не будет нам добычи в этом походе, брат, – налив Русу полный кубок, признал хозяин. – И чести мало будет. Против детей своих идем. Мало радости от такой победы.

– То-то не вижу сына твоего, Волхова, – кивнул Рус. – Что случилось с ним? Никак, терпения не хватило наследства ждать, торопится на стол сесть?

– Я бы простил ему желание править землей до моей кончины, брат, но не предательства родов наших. – Князь придвинул гостю блюдо с запеченным зайцем и откинулся на спинку стула. – Беда пришла в мой дом, брат. Лишился я сына, хотя и жив он по сей час. Явился минувшей зимой в наш град волхв из неведомых земель. По обычаю нашему гнать я его не стал. Дозволил остаться, о богах своих учить, именем их помогать, коли наши, родовые, не помогут. Он и научил. Сына моего, да и иных многих мужей сыновья к нему в ученики подались. Чародейства они стали творить черные, жертвы приносить человеческие, святилище богине смерти своей в стороне от стен строить начали. Задумал я помешать греху сему, детей в лоно семейное воротить, а волхва прогнать, откуда пришел. Да не по-моему случилось. Чародейским способом одолел волхв рать мою. Полтораста мужей головы сложили. И не просто сложили, а прислал злодей их отрубленные к городу в ладье из-под соли, силой своей кичась.

– Много у него учеников? – задумчиво поинтересовался Рус.

– Мыслю я, не менее полусотни, – признал хозяин.

– Я с собой пять сотен привел, брат. Ты, ведаю, столько же выставить сможешь. Управимся силой такой супротив чародейства?

– Управимся. Силу я нашел, что чародейство черное разрушит.

– Полста отроков без чародейства супротив твоих сотен? – заметно удивился гость. – Зачем же ты меня звал, брат?

– Грех у меня перед тобой, – склонил голову хозяин. – Дабы силу против колдовства собрать, мне землю свою огородить Чурами потребовалось. Ради силы я не токмо нашу, но и твою землю под руку свою огородил.

– Вот, значит, как, брат… – Рус перестал жевать, рука его

осторожно потянулась к рукояти меча. – Как же мы теперь с тобой решать это станем?

– Я уже решил, брат, – ответил Словен, делая вид, что не видит его приготовлений. – Грех я пред тобой искуплю, затем и звал. Рать нашу общую завтра ты под своей рукой поведешь. И не наша она отныне будет, а твоя. И земли, и рода мои тебе отдаю. С сего часа твои они, русские.

– А как же ты?

– Сгину я для всех, брат. Ухожу от мира. Клятву дал в обмен на силу, что землю нашу оборонит. Жизнь моя отныне тайной станет. Коли беда случится, и совет али сила моя понадобится – зови. А для жизни мирской, для походов ратных меня более нет.

– Постой! – испугался Рус. – Что люди скажут, коли после нашей трапезы сгинешь ты, а я, как старший в роду, стол твой унаследую? Мне такой славы не надобно!

– Ничего не скажут. Завтра на поле я с тобой вместе выйду. Но уже не в княжеском звании, а в волховском облике. Посему подозрений никаких на тебя не падет. Правь, брат, родами нашими. Прославляй имя наше, дабы не стыдно было, как придет час через мост Калинов перейти, с дедами и отцами встретиться.

– Прости меня, брат…

– За что? – удивился Словен.

– За все. За мысли дурные. За то, что угощение твое есть побоялся, увидев, что ты его не вкушаешь. За меч прости, с которым в дом твой вошел…

Рус поднялся, расстегнул пояс и кинул его от себя в самый дальний угол. Словен тоже встал из-за стола, и братья крепко, как в детстве после долгой разлуки, обнялись.

Это была первая в жизни князя Словена сеча, перед которой не шел он вместе со всеми ратниками к святилищу, не вел за кольцо в носу жертвенных волов. Он сидел в холодной пещере, еле освещенной колышущимся под потолком туманом. Рядом с правителем – теперь уже бывшим – вокруг деревянного стола застыли двое волхвов, а на столешнице, скрещенные над самым алтарем, лежали три посоха. Люди ждали, сами не зная чего. Может – какого-нибудь знака, символа. Того, что подскажет: сила действительно есть. Посохи стали тем оружием, что сможет одолеть силу злых духов, обосновавшихся у Вороньего холма.

– Как мыслите, управимся? – первым не выдержал Кий. – Коли Черный волхв всех мужей наших родов перебьет… Кто останется?

– Управимся, – поднялся Словен, забирая верхний посох. – Управимся, ибо другого пути у нас нет. Идем, братья. Пора.

Зима избавила объединенную рать от главного препятствия – полноводного Волхова, и потому колонна копейщиков, шагающих по трое в ряд, уже заворачивала за Рыжий увал. Волхвы, забыв про положенную сану степенность, торопливым шагом нагнали первые ряды и ведущего войско князя. Зато словенские воины, увидев своего правителя, пусть и одетого не в доспех, а в светлую хламиду служителя богов и с посохом вместо меча – все равно приободрились, повеселели.

Вороний холм, уже полностью лишившийся леса, открыл позорное святилище Черного волхва издалека, еще с расстояния в полтора поприща – странное, воистину богопротивное сооружение из нескольких десятков столбов. На некоторых виднелись человеческие и воловьи черепа, останки привязанных в полный рост, обнаженных людей. Однако и рать была заметна издалека – поэтому из двух длинных строений, дымящих продухами чуть поодаль от святилища, очень скоро навстречу наступающим потянулись молодые люди, собираясь на середине склона.

Изекиль смотрел на человеческую колонну, ощетинившуюся копьями и покачивающую щитами, и не верил в свою удачу. Смертные сами отдавались ему в руки! Ведь могучие звери, в которых он мог оборачивать своих учеников – носороги, крокодилы, слоны, львы, – вряд ли смогли бы захватить хорошо укрепленные твердыни. Даже обычная стена стала бы для них неодолимым препятствием. Хотя в поле… В поле они без труда стопчут кого угодно! Все смертные, все воины сами вышли для побоища, принесли свои жалкие жизни к его ногам. Жрецу оставалось лишь истребить одним ударом всех! И тогда поселения дикарей останутся пустыми и беззащитными. Приходи и занимай…

– Благодарю тебя, всесильная! – благоговейно вскинул руки к небу Изекиль. – Благодарю тебя за столь щедрый дар! Клянусь, я буду достоин твоей милости. Волхов, дитя мое, созывай всех, всех до единого. Готовьте мазь, готовьте жертвы. Сегодня определится судьба и ваша, и всего этого несчастного мира.

Рать, замедлив ход на удалении примерно пяти сотен шагов, начала разворачиваться в широкую шеренгу. Плотный, непробиваемый для смертного строй. Стена щитов, сотни смертоносных бронзовых жал, выставленных вперед. Изекиль отметил, что от копейщиков чуть приотстала неровная толпа, расчехляющая длинные свертки. Лучники! Половину пришедшего на этот раз войска составляли лучники. Это означало, что к своему малочисленному противнику дикари стали относиться с куда большим уважением. Вот только что смогут сделать жалкие

слабенькие луки толстым шнурам разогнавшихся во весь опор носорогов? Жрец даже засмеялся и покосился на своих учеников. Те уже приволокли связанных пленников, наловленных осенью в окрестных стойбищах, начали раздеваться.

Между тем дикари продолжали подступать. От жреца всесильной Аментет их отделяло уже четыре сотни шагов. Впереди опять топали волхвы. Неужели они все еще надеются убедить учеников Изекиля сдаться, отказаться от битвы?

Однако же, с двух сотен шагов они уже смогут метать стрелы! Жрец повернул голову к ученикам и степенно кивнул, давая команду начинать обряд. Юноши взялись откупоривать берестяные туески, наносить наговоренной мазью линии. До врага осталось уже три сотни шагов, и служитель Небесного храма принялся громко и размеренно читать заклинание.

Волхвы остановились, вытянули вперед посохи и что-то забормотали. Изекилю даже показалось, что их уродливые палки засветились от натуги. Но разве способна дикарская магия одолеть знание древнего храма, основанного самим Нефелимом?

Две сотни шагов – Изекиль громко хлопнул в ладоши, давая команду приносить жертву. Его ученики опрокинули пленников, десятки ножей одновременно вспороли шеи, и…

Полтораста шагов.

– Что-о?! – начиная терять самообладание, метнулся к недоуменно переглядывающимся нагим юношам жрец. Толкнул одного, другого. Услышал стон, наклонился, потом перебежал дальше. – Не-ет!!!

Пленники, жертвы Аментет, валяющиеся на снегу в лужах собственной крови, стонали от боли, дергались в судорогах, пытались отползти – но они не умирали! Проклятая дикарская магия – они смогли оставить жертвы в живых.

Изекиль, понимая, что сейчас произойдет, выпрямился и повернулся лицом к врагу. Небо словно задернула легкая дымка, послышался тихий шелест, стук, словно от частого дождя. Жрец ощутил удар в плечо, в ногу, грудь, шею, опять в ногу, два удара в живот и опрокинулся на плотно утоптанный, покрытый кровавыми червоточинами наст.

Пять сотен лучников – у каждого по полста стрел – спешно опустошали колчаны по замершему в ста шагах бездоспешному врагу. Жалости не испытывал никто – все воины прекрасно видели, как они поступили всего несколько минут назад со связанными уграми. А потому – немного привычной работы, и схватка оказалась окончена. Ратники подошли к истыканному стрелами, поверженному противнику. Переворачивали тела, заглядывали в лица. Некоторые узнавали детей – но горести

никак не проявляли. Это были уже не глупые мальчишки – а предатели, поднявшие руку на отцов и братьев своих, отринувшие веру предков и законы Сварога.

– Смотрите, живой!

Воины повернули на голос, разглядывая, как диковинку, уцелевшего под дождем стрел человека. Расталкивая их, вперед протиснулся Словен, наклонился к бледнокожему счастливчику:

– Надо же, кого сберегла судьба! Черный волхв. Похоже, даже смерть не желает иметь с тобой никакого дела. Да только и на этом свете ты тоже не нужен… – Бывший князь выпрямился. – А ну-ка, братцы, поищите окрест камень потяжелее. Свяжите его самыми крепкими пеньковыми веревками, не жалея, камень к ногам примотайте, опосля на Ильмень оттащите куда подальше, да под лед спустите. Чтобы не попадался более на глаза ни живым, ни мертвым. Отныне, присно и во веки веков!

Санкт-Петербург, набережная Лейтенанта Шмидта.

30 ноября 1995 года. 23:50

Два микроавтобуса, один из которых нес на борту гордое наименование «Киносъемки», стояли один за другим, отгораживая сфинксов и спуск к реке от Академии художеств. Справа и слева тянулись бело-красные ленты, огораживая запрещенное для посторонних пространство. А на тот случай, если кто-то решит проявить любопытство, вдоль лент снаружи прогуливались, по две с каждой стороны, крупные дамы в форменной одежде с нашивкой «охрана» на рукаве. Несмотря на позднее время, зеваки все-таки находились – но разобрать, что же происходит на ступенях, все равно не могли. Там горели факелы, курились благовония, что-то нараспев читали полуобнаженные женщины.

– Готов ли ты, волею судьбы эмир нашего Клана, принести клятву на верность Великому Правителю, Сошедшему с Небес и Напитавшему Смертные Народы Своей Мудростью? – На этот раз номария надела непривычный костюм из плиссированной льняной ткани, причем заглажены в мелкую складочку были и рукава, и блуза, и воротник, и юбка – все.

– Да, готов… – Минувшие десять дней прошли для Алексея в покое и сытости. Он ел, спал, ел и снова спал, делая небольшие перерывы на то, чтобы посмотреть телевизор. Попытки протестовать против столь растительного существования решительно пресекались Леной, утверждавшей, что он накопил

еще слишком мало сил. Она полагала, что для восстановления нормальной энергетики ему понадобится употребить примерно столько пищи, сколько съедает дитя за то время, пока становится взрослым. Порою Дикулин начинал в это верить и приходил в тихий ужас.

Зато эти полторы недели приглушили в его памяти напряжение схватки, бормотание умирающего, ссору с Леной. Он помнил только, что мудрость Нефелима вернула его из небытия и что он уже дал слово в знак благодарности принести Великому клятву верности.

– Запомни, смертный, – словно предупреждая, покачала головой номария. – После того как ты принесешь клятву, тебе не будет пути назад. Если ты отступишься от принятых обязанностей, твой зарок испепелит тебя еще до того, как ты успеешь нанести вред Сошедшему с Небес или его Клану. Готов ли ты принести клятву?

– Готов.

– Ты стоишь пред глазами защитников врат смерти, человек. Готов ли ты пересечь границу вечности и произнести клятву над водами Дуата?

– Готов, – в третий раз повторил Алексей.

– Откройте врата!

Бормотание женщин стало громче. Семь девушек в неприлично обыденных спортивных костюмах разобрали факелы и выстроились на второй ступени от одного сфинкса до другого.

– У тебя еще есть шанс вернуться, смертный, – в последний раз предупредила номария. – Но если ты уверен – то спускайся к водам Дуата, эмир.

Дикулин, стараясь выглядеть серьезным и возвышенным, бочком протиснулся между девушками, спустился по ступеням к тихим водам реки. В лицо дохнуло холодом. Но не приятной влажной прохладой – а застоявшимся ледяным холодом, похожим на тот, что встречает человека в погребе. Алексей поднял голову и понял, что противоположного берега Невы нет. Он исчез, растворился в темноте. И потрескивания факелов за спиной, распевов женщин и болтовни зевак тоже не слышно. Все растворилось в вязкой, обволакивающей тишине. Молодой человек подумал обернуться – и не решился.

– Это вечность, эмир. – Голос номарии походил на шепот. – Твоя клятва прозвучит в вечности и действительна будет тоже вечно.

– Пугающее место, – признал Леша.

– Ко всему привыкаешь, – пожала плечами старуха, останавливаясь напротив него. – Здесь хватает на это времени.

Смотри на меня, чтобы я понимала, что ты честен. Повторяй за мной: «Я, Алексей, сын земли русской, клянусь…»

– Я, Алексей, сын земли русской, клянусь почитать и уважать Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью, создавшего землю нашу, людей, скот и животных, хлеба и растения. Клянусь служить интересам Великого, исполнять волю его, а также в меру разумения своего и без всякого указания противостоять деяниям, направленным супротив Сошедшего с Небес, к его вреду и унижению. Клянусь в меру сил и разумения своего и без всякого указания стремиться к воплощению воли его, причинению пользы ему, исполнению предначертания его. Клянусь ценить волю и пользу его превыше себя самого, своей плоти, души и покоя. Клянусь хранить себя к пользе его, а также плодиться и размножаться, и в меру сил и разумения своего содействовать продолжению рода хранительниц его, дабы не иссякли ряды служителей и почитателей его. Клянусь, клянусь, клянусь на вечные времена, пока сохранятся плоть моя, души мои и воля моя…

Дикулин замолчал, выжидающе глядя на номарию, и та развела руками:

– Это все, эмир. Это все, в чем ты поклялся и что тебе надлежит выполнять.

– Понятно все, кроме одного, – повернулся он обратно к воде. – Я должен действовать «в меру понимания своего» или слушать ваши приказы, леди?

– Я служу Великому всю свою жизнь, эмир, – вздохнула старуха. – И мать моя служила ему, и бабушка, и прабабушка. Я намного лучше понимаю, что нужно Нефелиму, что в этом мире соответствует его интересам. Скажем так: я буду благодарна, если ты станешь прислушиваться к моему мнению. Что скажешь?

– Я дал клятву, – просто и емко ответил Алексей. Присел, протягивая руку к воде, но номария вдруг схватила его за плечо:

– Не делай этого, эмир. Воды Дуата завораживают и манят, но не нужно спешить прикоснуться к вечности. Она от тебя не уйдет. А ты побудь здесь еще. Это хорошее место для тех, кого защитники врат согласны выпустить обратно. Не стану тебя торопить или неволить. Ты дал клятву, и стены Клана больше не станут удерживать тебя. Ты можешь приходить в обитель и уходить из нее, когда захочешь. Если ты понадобишься Великому или нам – ты это почувствуешь.

Старуха исчезла. Алексей огляделся. Чернота, чернота, чернота. Воды Дуата скорее угадываются, нежели различаются. Нет ни звука, ни ветерка, ни вообще каких либо признаков

движения. Дикулин почувствовал если не панику, то сильное опасение, торопливо поднялся вверх по берегу… И оказался на шумной набережной, по которой, несмотря на поздний час, то и дело проносились машины. Впереди стояла Академия, подсвеченная чуть желтоватыми прожекторами, в ухо дул свежий влажный ветер, за спиной мерно плескались волны. Вот только автобусы и хранительницы из Клана Нефелима куда-то сгинули, не оставив никаких известий.

– Ах, да, – вспомнил он. – Ведь я же теперь свободен.

Он ступил на проезжую часть и вытянул руку, пытаясь поймать машину. Денег в кармане, правда, не имелось – но ведь с попуткой можно и договориться.

Домой он вернулся поздно ночью. Насколько поздно – неизвестно, ибо все часы в доме успели остановиться. Почтовый ящик был плотно забит счетами. Пол, столы, шкафы, даже постель покрывал внушительный слой пыли. Хлеб в пакете на столе порос белым мхом, словно грядка на даче, куриный окорок в холодильнике высох и походил на длинный изогнутый сухарь.

– Елки-палки, – прошелся Алексей из комнаты в комнату. – Кажется, я успел забыть, как здесь нужно жить. И что тут делать.

Он остановился перед календарем, провел пальцем по датам, пытаясь сориентироваться, безнадежно махнул рукой.

– Так с чего тут нужно начинать? – почесал он в затылке. Открыл створку шкафа, сунул руку под белье, вытащил пачку денег. – Так, значит, заначку на черный день и Лене на подарок никто не раздраконил. Лена-Лена.

Дикулин опять вернулся к календарю, повел пальцем и громко крякнул:

– Вот леший! Оказывается, на сегодня у меня планы уже есть.

Антикварщица, подобрав под себя ноги, сидела в кресле, повернутом к окну, и бессмысленным немигающим взглядом смотрела на бело-синюю штору, плотно закрывающую окно. Рядом зловеще тикали часы, стрелки которых неуклонно подползали к одиннадцати. Осторожный стук в дверь заставил ее повернуть голову. Стук повторился – она выбралась из своего убежища, протопала босиком по ковру, отодвинула запор. Попятилась перед огромным букетом хризантем.

– Ту-ту-ду-ду! – торжественно пропел Дикулин, выставляя на стол бутылку шампанского. – Ура-ура! Ту-ту-ду-ду… – Он запнулся, глядя на ее застывшее лицо. – Аленушка, ты чего? Только не говори, что я обсчитался и у тебя нет сегодня дня рождения…

– Где ты был так долго? – сглотнула она. – Где ты был? Я тебя

с самой полуночи ждала.

– Леночка… – совсем растерялся он. – Но ведь цветы, подарки, шампанское нужно было когда-то купить? Мамочки, только не плачь. Ты чего? Но ведь я пришел! Сейчас праздновать будем.

– Нет, – качнула она головой. – Нет, мы ничего не будем праздновать. Ничего. Я и так ждала тебя слишком долго…

Лена отобрала у него цветы, положила на стол, стала покрывать его лицо поцелуями.

– Да сними же ты наконец эту дурацкую куртку. Ближайшие пять дней она тебе не понадобится.

– Почему пять дней? – окончательно запутался Алексей.

– Потому что через пять дней номария уже придумала тебе задание. Но до этого срока я тебя никуда, ни на одну минуту не отпущу. Я и так ждала тебя слишком долго.

– Двадцать пять лет?

– Двадцать пять лет – это ерунда. Вот когда появился ты, это действительно стало долго. – Лена отстранилась и хлопнула его обеими ладонями по груди: – Где ты был с самой полуночи?! Двадцать пять лет и еще одиннадцать часов! Я же ждала, ждала!

Дикулин открыл было рот, чтобы попытаться оправдаться, но потом решил не заниматься глупостями, развязал поясок ее халата, скользнул ладонью по горячему телу, обрывая всякие разговоры, подхватил хранительницу на руки и понес на постель.

Санкт-Петербург, проспект Культуры.

5 декабря 1995 года. 15:00

Пустынник как раз запирал машину, когда увидел, как во двор не торопясь заруливает зеленая «Волга», за рулем которой сидит подтянутый молодой человек в костюме и при галстуке. Вдобавок к этому маг ощутил знакомый аромат – смесь уже известных ему ауры, энергетики, судьбы. Колдун усмехнулся, сунул ключи в карман и пошел навстречу. И когда из задней дверцы на асфальт выбралась кареглазая, с платочком на шее, женщина, она лицом к лицу столкнулась с ним.

– Здравствуйте, Валентина, – расплылся в улыбке Пустынник и, склонившись, поцеловал ей руку. – Какими судьбами в наших краях?

– Значит, ты еще здесь… – Гостья радости колдуна явно не разделяла.

– Будем беготню устраивать или сразу со мной пойдешь?

– Если ты здесь, чего же не исцелил «донора» своего?

– А зачем? – не понял Пустынник. – Она тогда снова на работу ходить станет. Пусть лучше дома посидит. На этом, как его… На «больничном».

– Валентина Ивановна! – открыл свою дверцу и высунулся водитель. – У вас все в порядке?

Колдун зловеще улыбнулся, и женщина обернулась к парню:

– Да, все в порядке, Ваня. Подожди меня здесь.

– Правильно, – кивнул Пустынник. – Сами разберемся. Поехали?

Они и так находились на окраине города, поэтому до уединенного места ехать оказалось недалеко: через Бугры в сторону Скотного, а там за поселком на первом же съезде маг повернул в поле и по заиндевевшей от первых морозцев земле укатился далеко от трассы, почти к самому кустарнику, в который упиралась пашня. Заглушил двигатель, забрал с пола мечи и вышел на холодный воздух.

– Ну что, решим дело честно? Или я получаю за тебя премию, или ты получаешь мою голову в качестве сувенира.

– Совсем за дуру меня держишь? – усмехнулась, прогуливаясь вдоль кустарника, ведьма. – Я ведь знаю, что ты половину жизни в сечах провел. Потому против тебя никаких шансов у меня нет. Так что успокаивать твою совесть имитацией честной дуэли я не стану. Хочешь убить – руби так. Никаких поединков не будет.

– Как знаешь, – пожал плечами колдун, поднимая меч.

– Не мог подождать, пока я от Таньки выйду? Приехала подругу больную навестить – и на тебе. Ладно бы хоть проведать успела – так нет, сразу на плаху.

– Я передам от тебя привет.

– И открытку с того света. Слушай, а почему ты до сих пор с Таней? – остановилась ведьма. – Неужели привязался?

– Она не ищет большего и довольствуется тем, что есть. Она рада тому, что мы вместе, и мне хватает ее энергии.

– А ведь ты наш, Пустынник, ты этого не замечал? – удивилась Валентина. – Вот заметь: ты не режешь всех, как баранов. Ты предлагаешь честную схватку. Почему? Душа свербит, несправедливость чувствует. Это совесть, колдун, совесть стучится. Скажи, а среди тех, кого ты у нас убил, тебе никого не жалко? Вижу, жалко. Смотри сам: ты не бросаешь Таню, тебе жалко своих жертв. Ты не решаешься убить меня, потому что я не сопротивляюсь и я подруга твоей Танечки. Ты уходишь из стаи сатанистов, Пустынник. Ты не черный, ты белый. Тебе нужно получить энергию с алтаря. Хоть немножко – и ты сразу все поймешь. Это твое. Тем более что ты находишься на нашей земле.

А она пропитана понятием справедливости и навевает его на всех. Ты не сможешь долго противостоять ее влиянию. Забудь прошлое, плюнь на свои счета и дома. Ты наш. Теперь ты станешь служить нам и жи…

– Да пошла ты! – рубанул воздух Пустынник. – Скажи спасибо, что голову не снесли! Еще служить ей…

Он раздраженно кинул оружие на пол машины, завел двигатель, развернулся и помчался обратно. Мысль о том, что прямо сейчас, каждую минуту земля под ногами пытается переделать его по своему образцу, свербила затылок, как раскаленное шило.

Он промчался через поселок на скорости сто тридцать, только чудом не сбив никого из распивающих пиво смертных, с визгом шин вписался в поворот на путепровод, а потом с путепровода на проспект Культуры, и уже спустя пять минут остановился перед кирпичной «точкой». Из зеленой «Волги» вышел водитель, наблюдая за знакомой машиной, но подходить не стал. Колдун поднялся на седьмой этаж, требовательно позвонил в дверь.

– Что случилось? – хрипло поинтересовалась, открывая, Таня, закутанная в махровый халат поверх тренировочного костюма.

– Я должен сказать тебе одну вещь, Танечка, – остановился прямо в коридоре Пустынник. – Мое имя – не Анатолий. И я не из Москвы. Я американец, у меня небольшое ранчо и вилла в графстве Лоуп. Не миллионер, наверное, но и не голодаю. Мне пора уезжать. Прямо сейчас. И я хочу спросить тебя, единственная моя: ты поедешь со мной?

– В Америку? – опешила Таня. – Это же… Я не знаю…

– Раздумывать некогда, моя хорошая. Едем прямо сейчас. Так ты согласна? Никаких вещей брать не нужно, все купим на месте. Переодевайся – и едем. Счет идет на минуты. Так ты согласна?

– Хорошо, я сейчас… – Расстегивая халат, женщина пошла в комнату. Скинула домашнюю одежду, выбрала из шкафа платье, натянула теплые колготки, прихватила свитер, сунула в карман пальто паспорт. Кинула на квартиру прощальный взгляд. Потом вдруг сорвалась с места, прошлась по кухне и ванной, закрывая газ, воду, напоследок выключила пакетник на счетчике. – А телефон, наверное, отключат…

– «Трубу» купим. – Пустынник подал ей пальто, забрал ключи, самолично, что-то наговаривая, запер оба замка. – Все. Кроме тебя, сюда никто больше не войдет. Едем.

В аэропорту маг замер перед табло с указанием рейсов, задумчиво почесывая в затылке, потом решился:

– Франкфурт. До рейса три с половиной часа, оттуда

перелетим в Париж или Лондон, а там «Боинги» в Штаты, как тут электрички, отправляются.

Разумеется, при покупке двух билетов на самолет у колдуна никаких проблем не возникло. Дожидаясь рейса, они посидели в кафе, потом немного прогулялись по автомобильному пандусу, с которого открывался прекрасный вид на взлетающие и садящиеся самолеты. Вернулись обратно в здание. И тут к ним подошла девушка в синей форме «Аэрофлота»:

– Простите, граждане, я прошу вас ненадолго пройти со мной.

– А что случилось?

– Ничего страшного, простая формальность.

– Ладно, – не стал спорить Пустынник. – Время у нас еще есть.

Они спустились на первый этаж, повернули в служебные помещения, прошли два десятка метров по отделанному кафелем коридору. Девушка открыла дверь в обширное прохладное помещение, в котором вдоль одной из стен стояли деревянные поддоны с картонными коробками, ступила внутрь:

– Они здесь, сестры. – Девушка по небольшой дуге обошла Пустынника и его спутницу, спешно щелкнула замком.

– Однако тебя не так легко догнать, колдун. – От ворот с противоположной стороны склада подошли ближе три женщины в деловых костюмах. – То ты в городе, то в лесу, то опять в городе, то в аэропорту. Быстро двигаешься.

Маг увидел в их руках два меча с обсидиановыми вставками, по спине пробежал неприятный холодок.

– Женщину отпустите. Она моих дел не знает, совершенно ни при чем.

– Что происходит? – вцепилась Таня в его рукав.

– Все как всегда, – тихо ответил Пустынник. – На дороге встретились рыцари в сияющих доспехах. Сейчас начнется мясорубка. – И громко повторил: – Отпустите женщину.

– Зачем? – Дамы приблизились. – Если ты умрешь – мы вычистим ей память. Если останешься цел – сделаешь это сам. Смотри, это обсидиан, священный камень, не позволяющий использовать магию во время поединка. Поэтому ваша схватка будет честной. Какой из клинков тебе нравится больше?

– Поединок? – Пустынник сразу почувствовал себя лучше. – Поединок – это хорошо. Лучший способ разогреть кровь.

Он поцеловал Таню, скинул куртку, оставшись в одной рубашке, передал ей, указал на тот меч, что слева, принял его в руку и… Словно раскаленное шило вонзилось в затылок:

– Проклятие! – Он попятился, со злостью рассек клинком воздух.

– Что с тобой? – кинулась на помощь Таня.

– Ничего. – И Пустынник снова раздраженно выругался. – Вот зараза, она меня заворожила!

– Кто?

– Да встретил я сегодня одну… Думал, это я ее пожалел, а оказывается, это она мне голову заморочила, заворожила, морок навела. Бежать заставила! И про заказ забыть, и про оплату – про все. Вот так! Только начинаешь считать себя самым умелым – как тебя немедленно бьют в лоб! – Пустынник поклонился женщинам: – Огромное вам спасибо за священный меч, дамы. Если бы не он, уж не знаю, куда бы меня эта порча завела. Теперь я к вашим услугам. С кем я должен сразиться?

– Они подъезжают… – подняла палец одна из женщин, и колдун вправду услышал звук приближающейся сирены.

Ворота в дальнем конце склада открылись. Стала видна стоящая на улице «скорая помощь», внутрь вошли еще пятеро. Незнакомые медички в белых халатах вкатили носилки. А вот пару в совершенно одинаковых джинсовых костюмах он определенно знал. Девушка с длинными каштановыми волосами, собранными сбоку в хвостик, с густыми, чуть изогнутыми бровями переглянулась с женщинами. Ей передали меч, и девица тут же протянула его спутнику.

– Это ты! – вспомнил он. – Ты – хозяйка антикварного магазина, любовница этого щенка! Подождите, но ведь я его убил! Я убил же тебя три месяца назад, недоучка! Что ты тут делаешь?!

– Это было давно и неправда… – Алексей провел ладонью по лезвию ритуального меча и двинулся вперед. На этот раз совесть его молчала: он отлично знал, почему, за что должен убить этого врага. И не испытывал ничего, кроме холодного азарта.

– Зомби, что ли? – предположил Пустынник и сделал прямой выпад.

Дикулин увернулся, рубанул – и теперь уже колдуну пришлось уворачиваться и отступать.

– Осторожнее! – взвизгнула Таня. – Вы же поранитесь!

– Нет, – покачал головой маг. – Для ожившего мертвеца ты слишком быстр. Интересно, а боль ты чувствуешь?

Он опять сделал прямой выпад – Леша снова увернулся, рубанул мечом, но на этот раз Пустынник не отступил, а сделал шаг вперед, с силой ударил его оголовьем меча в висок – места для обычного удара просто не было – отскочил влево и рассмеялся:

– Вижу, чувствуешь. Никак, ты и вправду жив? Забавно. Это сколько же у тебя жизней? Две? Семь? Девять?

– На тебя хватит… – Дикулин ринулся вперед, рубя то справа, то слева. Пустынник, подставляя под удары клинок, отступал, выискивая момент для контратаки, и неожиданно поднырнул противнику под руку, рубанул того по спине – но парень успел отскочить.

– Неплохо, неплохо, – кивнул маг и вновь сделал прямой выпад.

Алексей увернулся, рубанул – меч рассек воздух, а вот по его животу скользнула холодная сталь.

– Ай-яй-яй, мой мальчик, – укоризненно произнес Пустынник, показывая окровавленный клинок. – Никогда не повторяй во время боя один и тот же прием дважды. А тем более – трижды. Тебя на нем подловят.

От ворот послышался писк. Одна из медичек достала рацию, доложилась:

– Бригада сорок-восемнадцать, нахожусь в аэропорту. У нас тут один пострадавший, колото-резаная рана, везем в «дежурку». – Она отключилась и попросила: – Давайте быстрее, мальчики. У нас еще куча вызовов.

– Быстрее так быстрее… – Леша опять кинулся в атаку, рубя колдуна со всей силы. Но на этот раз тот отступать не стал, а широко расставил ноги и перехватил рукоять двумя руками.

– Старайся, старайся, – усмехнулся Пустынник. – Сейчас ты устанешь, и я зарежу тебя, как кролика.

– Не дождешься! – Алексей попытался уколоть его в лицо, но маг с неожиданной силой отбил его меч вверх, скользнул под руку вперед, на ходу перехватывая меч по-испански, и с силой вонзил его Дикулину в спину, чуть ниже левой лопатки. Сделал по инерции еще шаг вперед и выдернул оружие.

Антикварщица кинулась к падающему любовнику, подхватила, повернула на спину и быстро накрыла лицо платком:

– Носилки!

Под внимательным взглядом колдуна жертву уложили на каталку, вывезли из склада. Одна из женщин молча вынула из руки Пустынника меч, пошла следом за всеми. Ворота закрылись.

– Толя! – Танечка кинулась к нему, крепко обняла. – Толя, Толенька, ты цел? Тебя не ранили? Господи, как я испугалась! Что это было?

– Все как всегда, – обнял ее Пустынник. – Не обращай внимания.

– Да ты что, – всхлипнула она. – Толя, а ты вправду станешь чистить мне память?

– Конечно, нет, милая. – Колдун погладил ее по голове, продолжая смотреть на закрывшуюся створку ворот. – Я убил его,

Таня. Я совершенно точно его убил. Пробил сердце, повредил позвоночник. Но у меня почему-то такое ощущение, что мы встретимся с ним снова. И опять будем драться.

– Опять? – испуганно охнула Таня.

– Здесь происходит что-то очень, очень странное, – прикусил губу маг. – Таня, ты не обидишься, если мы задержимся здесь еще? Очень хочется посмотреть, чем же все это закончится.

Озеро Ильмень.

Лето 827 года до н. э.

Сшитый из наложенных внахлест и хорошо просмоленных досок баркас качался на высоких волнах, что так и норовили заплеснуть через борт. Затянутое тучами небо каждую минуту грозило обрушиться проливным дождем. Однако таков уж удел рыбака – не на погоду смотреть, а на сети. Вовремя улов не выберешь – рыба попортится, сети загниют, прочая рыба стороною ставень обходить будет. А потому: бойся, но работай.

Впрочем, на этот раз озеро щедро вознаградило за труд: в крытом трюме на корме уже стояло пять полных до краев корзин отборного сазана, леща, окуня. Даже линь в этот раз попался, хотя обычно ни в сети, ни тем более на удочки эта нежная и вкусная рыба не идет. Однако еще три корзины оставались полупустыми, и двое рыбаков в длинных кожаных робах надеялись заполнить и их.

– Батя! – обернулся на работающего веслом старшего рыбака тот, что помоложе. – Не идет сеть. Зацеп, видать.

– Ох, не ко времени, – с опаской взглянул на небо отец. – Ну да делать нечего…

Он решительно кинул за борт якорь, перебрался к сыну, вместе они потянули прочные конопляные веревки. Сеть поддалась, хоть и с трудом, но стала подниматься.

– Видать, топляк, – с натугой выговорил старший. – Порвет, зараза, ставень.

Однако вместо замшелого комля бревна над поверхностью показалась бледная голова с обвисшими по сторонам мокрыми волосами.

– Великая Мара! – охнул сын. – Утопленник! Ее подарок, Ледяной богини.

Тем не менее оба продолжали вытягивать страшный улов: хочешь не хочешь, а сеть вычищать нужно. Показалось тело, плотно обмотанное заплесневелой веревкой, ниже – старательно

опутанный трехпудовый валун.

– Держи! – Отец выдернул нож, принялся резать опутывающие труп веревки.

Подгнившая пенька быстро расползлась под лезвием, отпуская добычу. Камень ухнулся в глубину, а тело влетело в баркас. Рыбаки сняли с пальцев и подбородка утопленника напутавшуюся на них сеть, перебросили через тычок на борту, чтобы проверять потом дальше. Склонились над страшной добычей.

– Ну что, бать, выкинем али волхвам отвезем, дабы тризну справили?

В этот миг утопленник открыл глаза.

Смертные завопили от ужаса во всю глотку, кинулись было в конец лодки, но удалось это только одному. Второго Изекиль удержал за ворот робы, привлек к себе, сделал глубокий вдох. Тело рухнуло рядом, а жрец закашлялся, выплевывая из легких воду, тину, грязь и каких-то мальков, успевших облюбовать безопасное местечко. Потом тяжело выпрямился и двинулся к пареньку, с воем мечущемуся на корме баркаса.

До Словенска Изекиль добрался только через два дня – уж очень тяжелой и неудобной в управлении оказалась лодка. За минувшее после схватки на Вороньем холме время город вырос невероятно, раздался вширь. Стены из мореного дуба поднимались на высоту десяти человеческих ростов и были именно стенами, широкими и прочными, а не тощим частоколом. Ворот теперь здесь имелось аж четыре, а округ города широко, чуть не на полстадии, раскинулись посады – ремесленные постройки, не поместившиеся внутри города.

Однако жрец не торопился навестить знакомые места. Сперва он ушел в лес и долго бродил среди деревьев, пока не нашел сброшенную змеиную кожу. Дальше было проще: поймать несколько лягушек, выпустить их желчь и выбить лобики с крохотных черепов, собрать немного мышиного помета, сложить все в шкуру и хорошенько высушить на камне возле огня. Последним элементом стал жир – для этого подошло сало, что рыбаки брали с собой на озеро. Плотно набитая змеиная кожа стала походить на свечу. Впрочем, именно этим она и являлась.

Дождавшись утра, Изекиль вошел в город, в лавке краснокожего, с миндалевидными глазами, купца сторговал на рыбацкое серебро длинную черную накидку из толстой шерсти, с рукавами и капюшоном, переоделся, оставив робу там же, на полу, потом ушел к городской стене и забился в поросшую травой яму, в которую явно никто не заглядывал. Терпения служителю Аментет было не занимать, а потому он даже не шелохнулся до

самой полуночи, несмотря на мелкий моросящий дождик. Лишь когда город затих, он зажег свою страшную свечу и медленно побрел по улицам, бормоча себе под нос:

– Сехмет, Уто, Иехбет: буимек, тари, селкет фтиды туи-рат. Сехмет, Уто, Иехбет: ассетау, тбуис хтарон алок-тари. Сехмет, Уто, Иехбет…

Свечи хватило почти до самого рассвета. Окурив зловещим дымом все улицы и проулки, Изекиль спокойно дождался утра на лавочке возле одного из домов и первым покинул Словенск, едва стража открыла ворота. Отошел за посады, оглянулся назад, на прочные черные стены:

– Будь проклят город, отказавшийся принять власть всесильной Аментет. Будь проклят народ, отказавшийся принять власть всесильной Аментет. Будь проклята земля, отказавшаяся принять власть всесильной Аментет. Мор на все ваши колена! Мор черный, мор кровавый, мор язвенный! Этот народ не должен существовать на земле и, клянусь Небесным храмом, я сотру его и с лика планеты, и из памяти прочих племен. Будь ты проклят!

Изекиль повернулся к городу спиной и не торопясь побрел по дороге, уходящей на запад. Здесь он сделал все, что хотел.

Жрец всесильной Аментет, насылая беду на первую столицу Руси, не знал только об одном. За то время, пока он ждал освобождения на дне Ильменя, ненавистный ему русский народ успел расселиться на тысячи километров на север, на запад, на юг и на восток, не спеша выставляя каменных Чуров на все новые и новые рубежи. А потому поразивший Словенск мор стал для него хоть и болезненным, но не смертельным ударом.

> «По мале ж времени прииде на землю Словенскую гнев божий, измроша людей без числа во всех градех и в весех, яко некому уже погребати мертвых. Оставшии же люди пустоты ради избегоша из градов в дальныя страны, овии на Белыя воды, иже ныне зовется Бело езеро, овии на езере Тинном, и нарекошася весь, инии же по иным странам и прозвашася различными проимяновании. Овии же паки на Дунав ко прежним родом своим, на старожитныя страны возвратишась. А великий Словенеск и Руса опустеша до конца на многия лета, яко и дивиим зверем обитати и плодитися в них».
>
> *(Хронограф 1679 года)*

notes

Примечания

1

Электрум – сплав золота и серебра.

2

Зеленое море – ныне Средиземное море.

3

Следует помнить, что вплоть до второго тысячелетия до нашей эры египтяне помещали мир мертвых на небеса, и лишь в эпоху Среднего царства он переместился под землю. Возможно, это связано с утратой понятия о небе как черном безжизненном космосе.

4

«Нечистой» в Древнем Египте считалась, разумеется, любая шерстяная ткань, а не только верблюжья.

5

Ахет – сезон с июня по ноябрь.

6

Говоря русским языком, это называется плиссировкой. Плиссированная одежда считалась в Древнем Египте очень престижной и ее носил каждый, кто обладал достаточными для такой покупки средствами.

7

Исус – написание имени Христа до Никоновской реформы.

8

Фрагмент древнеегипетского гимна.

9

Данный снимок был обнародован Каналом CNN 2 ноября 1995 года, однако сделан на десять дней раньше.

10

Матф. Гл. 24:3.30; Марк Гл. 13:26; Лук. Гл. 21:27.

11

Ка и Ах – души человека. Автор должен напомнить, что, в отличие от нас, древние египтяне имели две души, а в дальнейшем, по мере развития культуры и общества, даже три – Ка, Ах, и Ба.

12

Древнерусское название Ладожского озера.

13

Приведенный гимн является не авторским, а древнеегипетским.

14

Вообще, рубеж XX века до н. э. в Египте – время смуты и смены 11-й династии на 12-ю. Так что признанные правители того времени – понятие весьма условное.

15

Здесь и далее основные даты и факты русской истории приводятся на основании летописи Холопьего монастыря (Полное собрание русских летописей. Т. 31. – Л., 1977).

16

Поприще – расстояние, видимо, равное версте.

Разумеется, «легко» – понятие относительное. Железо в древности получали в глиняных печах, причем скорее всего – с принудительным наддувом. Однако процесс получения из руды меди настолько сложен и трудоемок, что, по мнению большинства ученых, для древних людей недоступен вообще. Бронзовый век существовал, скорее всего, только за счет самородков. Либо наши предки знали некий секрет, непостижимый современней науке и технологии.

18

Вообще-то бродят упорные слухи, что древние князья баловались многоженством, но в летописи у основателя Руси жена упомянута только одна.

19

Гетеротрофы – организмы, которые питаются готовыми органическими соединениями, так как не способны синтезировать питательные вещества из неорганических соединений.

20

Русские люди иногда называются внуками бога неба Сварога либо внуками Дажбога, бога небесного огня. Противоречия тут нет, потому как Дажбог является сыном Сварога. А поскольку колена между ними и современными людьми несчитаны, то оба в равной степени могут считаться дедами русского народа.

21

Рогатый лук (рогач) – сложносоставиой лук. Со снятой тетивой плечи лука выгибаются вперед, словно рога.

22

Дабы избежать обвинений в русофобии, автор считает нужным отметить, что сын основателя Руси стал оборотнем не по его произволу, а в соответствии со «Сказанием о Словене и Русе». Причем превращался он не в волка, медведя или какого-нибудь вепря, а именно в крокодила: *«Больший же сын оного князя Словена Волхв бесоугодник и чародей и лют в людех тогда бысть, и бесовскими ухищреньми мечты творя многи, и преобразуяся во образ лютаго зверя коркодила ... испроверзая и утопляя».*

23

Варяг – воин-наемник.

24

До распространения стекла окна на Руси обычно затягивали или промасленной тканью, или выскобленным бычьим пузырем, или выскобленной рыбьей кожей. В новгородских землях широкое распространение получила слюда, но это случилось много позднее.